

ВСЕ ДЕМОНЫ

PANDEMONIUM

Виктория и Олег УТРЮМОВЫ

Олег Угрюмов
Виктория Угрюмова
Все демоны: Пандемониум
Серия «Некромерон», книга 2

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157786

*Угрюмовы В. и О. Все демоны: Пандемониум: Азбука-классика; СПб.;
2007*

ISBN 978-5-352-02076-0

Аннотация

Что может быть страшнее нечисти – вампиров, оборотней, живых мертвецов? Только порождения Ада, безжалостные, кровожадные демоны. А кто страшнее их всех? Правильно, люди! Ибо нет никого опаснее этих непредсказуемых, лицемерных, чертовски изобретательных созданий. Главное для уважающих себя некромантов и вампиров – держаться подальше от коварных людишек. А уж с демонами, какие бы разногласия ни возникали, всегда можно договориться...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	40
ГЛАВА 3	71
ГЛАВА 4	116
ГЛАВА 5	153
ГЛАВА 6	184
ГЛАВА 7	213
ГЛАВА 8	251
ГЛАВА 9	281
ГЛАВА 10	311
ГЛАВА 11	338
ГЛАВА 12	369
ГЛАВА 13	406
ГЛАВА 14	437
ГЛАВА 15	469
ГЛАВА 16	515
ГЛАВА 17	557
ГЛАВА 18	590
ГЛАВА 19	625
ЭПИЛОГ	647

Виктория и Олег Угрюмовы

Все демоны: Пандемониум

Предуведомление к роману:

Хаос – это порядок, который нам непонятен.

Генри Миллер

ГЛАВА 1

Аккуратно выполняя предписания давно почившего лекаря, фея Гризольда раз в столетие впадала в спячку на два-три года. При жизни лекарь утверждал, что непродолжительный отдых благотворно влияет на общее состояние организма и значительно улучшает цвет лица. Пациентка была с ним совершенно согласна, хотя и не могла донести свое мнение до недолговечного эскулапа.

Весь позапрошлый, а также прошлый год она мирно почивала, свистя и похрапывая, в винном погребе замка да Кассар, в порожней бочке из-под таркейского вина. Выражение ее лица при этом можно было охарактеризовать как блаженное. Вероятно, сны ей снились сладкие и даже пьянящие, с эротическим оттенком, однако их подробное содержание осталось тайной как для современников, так и для потомков.

Она благополучно проспала гражданскую войну в Тиронге, нападение Бэхитехвальда, великую победу над Генсеном и впечатляющие массовые народные гулянья по этому поводу. И вот наконец нынешней ночью открыла прелестные глазки и критически обозрела по-прежнему несовершенный мир.

Многие, знавшие ее не первый век, сокрушенно вздыхали, что фея-де чересчур суровый критик. Впрочем, сама Гризольда полагала себя столь же строгой, сколь и справедливой.

И потому считала, что все беды на свете проистекают оттого, что никто не спрашивает у нее совета. Все могло бы устроиться просто замечательно, обратиться к ней Тотис за консультацией либо при сотворении Ниакроха, либо немного позже – когда легионы беспокойных и неугомонных существ заполнили каждый его уголок.

Я не самонадеян, упаси Бог. Просто я верю в то, что любая проблема решится, если все будут делать то, что я говорю.

Рональд Рейган

Гризольда давно работала в Кассарии феей, но перспективой служебного роста интересовалась меньше всего. И в то время как ее коллеги, специализировавшиеся на практических востребованных чудесах, упорно карабкались вверх по карьерной лестнице и с каждым веком занимали все более ответственные посты, она жила в свое удовольствие, время от времени выполняя поручения, требовавшие от исполнителя широты кругозора и нестандартного мышления.

У каждого кассарийского некроманта традиционно имелась своя персональная фея, хотя никто не мог внятно объяснить зачем. Претендентов на означенную должность всегда было валом: считалось, что это настоящая синекура. Для того чтобы обойти готовых на все конкурентов, требовался энергичный, специфический характер, и потому кассарийские феи в массе своей не отличались покладистым и доб-

рым нравом.

Но о Гризольде можно смело сказать, что она никогда не мечтала завести собственного герцога. Со своей стороны, ни один герцог не мечтал завести себе такую строптивую и бовевитую фею.

Итак, проснувшись в старой бочке и обнаружив над головой обширную пыльную паутину, покинутую пауком еще несколько сезонов тому назад, но никем до сих пор не сметенную, Гризольда горько вздохнула, вспорхнула на полку с коллекционными бутылочками и принялась приводить себя в порядок. Ни одна уважающая себя фея не рискнет появиться на глаза домочадцам и коллегам растрепанной и в ночном наряде.

Она открыла небольшой сундучок, извлекла из него расческу и зеркальце и сердито уставилась в сверкающую поверхность. Из зеркала на нее смотрела давно знакомая физиономия, о которой папаша в свое время отозвался как о самом удивительном и невероятном впечатлении всей своей жизни.

Что правда, то правда – Гризольда разительно отличалась от всех прочих родственников: и фей, и эльфов, и цветочных духов. На голову выше отца и братьев – ладони в полторы ростом; с незабываемой фигуркой – кругленькая, толстененькая, с пухлыми ножками и ручками и короткими пальчиками. Непокорные ее волосы торчали в разные стороны, образуя причудливые кустики и рожки, – ни дать ни взять

как у мальчишки после хорошей драки. Приятной полноте ее щек мог позавидовать любой хомяк, готовящийся к трудной и продолжительной зиме, а их розовый цвет взволновал бы любого, кто любит скушать на обед молочного поросенка. Под жесткими щеточками смоляных бровок задорно сверкали крохотные синие глазки. А за спиной трепетали прозрачные изящные, чуть примятые после сна крылышки, служившие наглядным доказательством давней теории, что феи летают исключительно силой воли, крылья же носят для блезиру, повинуюсь не столько традициям, сколько моде. В противном случае авантажная Гризольда никогда бы не смогла оторваться от земли. А еще она говорила басом, носила черные усики и не выпускала изо рта трубки.

Несмотря на такую оригинальную внешность, у нее всегда хватало преданных поклонников и пылких воздыхателей, которые тяжело переживали каждый следующий день разлуки с любезной подружкой и с нетерпением ждали ее пробуждения. Об этом Гризольда и думала не без удовольствия, прихорашиваясь перед первым выходом в свет. План действий уже созрел в ее мудрой головке: сперва в «Расторопные телеги» – утолить двухлетнюю жажду, а также и любопытство; а затем – к Гописсе, в харчевню «На посошок», дабы там обстоятельно и подробно остановиться на каждом блюде обширного десертного меню, не обходя вниманием ни поджаристые булочки со сладкой начинкой, ни куркамисы в мармеладе, от которых Гризольда млела, ни блинчики, ни

прочие блюда, ублажавшие и вкус, и душу.

Воистину счастлива женщина, пекущаяся не о фигуре, но о душе.

* * *

Замок мирно встретил роскошную лиловую летнюю ночь. Посапывал в своей спальне владетельный герцог Зелг Галеас Окиралла да Кассар и Ренигар, великий князь Плактурра, наследный принц Гахагун, о возвращении которого в отчий дом фея еще не знала. Молодой некромант заснул около часа тому, приказав слугам ни в коем случае не будить его раньше полудня. Перед сном он мечтал о том, как завтра проведет день в блаженном ничегонеделании, в компании драгоценного кузена и его царедворцев; как станет гулять, есть, пить и веселиться. И никаких деловых встреч, важных бумаг, срочных писем и хозяйственных хлопот. А если дедушка снова потащит его заниматься полевой некромантией и зубрить новые заклинания, то он восстанет. Возьмет и восстанет. В конце-то концов.

Хотя блестящая победа над Бэхитехвальдом и принесла Зелгу чуть ли не всениакрохскую славу, он отлично сознавал пределы своих возможностей. Пределы сии были невелики, а возможности – более чем скромные. Колдовская наука ни-

как не давалась наследнику великих некромантов, и бабушка не на шутку беспокоился о будущем любимого внука и его подданных. «Случись что, – неустанно твердил он, – как ты станешь защищаться? Или ты думаешь, что тебе постоянно будет везти? Так вот об этом сразу забудь, чтобы не испытать горького разочарования».

Убитый в собственной библиотеке, он знал, о чем говорил.

Молодой герцог и сам частенько задумывался над этим вопросом, но бывают дни, когда человек, пусть он и не совсем человек, должен расслабиться, отдохнуть от проблем, не думать о неизбежном походе в царство Галеаса Генсена, развеяться. И выспаться!

Мне столько всего надо сделать, что лучше я пойду спать.

Роберт Бенчли

И еще Зелг в очередной раз дал себе твердый зарок поговорить с Думгаром по поводу смелых дизайнерских решений, которые чья-то добрая душа внедрила именно в его почивальных покоях. Так что этой ночью да Кассару снились хорошие сны.

Храпел во всю мощь богатырских легких генерал Такангор Топотан, плотно поужинавший и заснувший с приятной мечтою о плотном завтраке.

Сопел в подвесной кроватке Карлюза, которому снилась

корона Сэнгерая, всемирная слава, прелестные троглодитские девы и кошмарный осел, на которого перестало действовать грозительное заклинание «брысль».

Дремал на башне седой грифон Крифиан, и там же страдал ночной бессонницей летучий мыш Птусик. Дневной бессонницей он предпочитал страдать в малом тронном зале, где всегда происходило что-нибудь занятное.

Гостивший в замке третью неделю король Юлейн отошел ко сну, согретый волшебной мыслью о том, что ее величество королева Кукамуна сейчас находится в Булли-Толли. А это хоть и не так надежно, как на краю света, в рабстве у ниспских пиратов, но все же лучше, чем в соседней спальне.

Маркиз Гизонга, лежа в постели, подсчитывал потенциальную прибыль от беспошлинной торговли с амазонками и прикидывал, как бы договориться с Думгаром, который полностью монополизировал сей выгодный рынок.

Граф да Унара все еще шелестел бумагами за письменным столом, искренне удивляясь, зачем люди так много отдыхают, когда можно поработать в свое удовольствие.

Генерал да Галармон перечитывал на сон грядущий любимую главу о приготовлении соусов в книжечке фамильных рецептов. Ничто в мире не утешало и не успокаивало его больше, чем повествование о кисло-сладком соусе «Розовощекий Ангус» из красной смородины, без которого неприлично было подавать к столу горячую дичь.

Главный бурмасингер Фафут в своей комнате читал про-

граммку следующей Кривавой паялпы и размышлял, на кого бы поставить. Сзади маячил азартный морок и пытался заглянуть ему через плечо.

Паук Кехертус и доктор Дотт устроили себе культурную ночную программу, а следом за ними увязался корреспондент и издатель журнала «Сижу в дупле» Бургежа, в поисках сенсации.

Всего этого Гризольда, повторимся, еще не знала.

Она успела раскурить трубку, несколько раз махнуть расческой по непокорной шевелюре, натянуть короткую юбочку и как раз разглаживала помятые крылья, когда у северной стены винного погреба – между стойкой с коллекционными лешвекскими медами в керамических бочоночках, запечатанных колдовской печатью с заклинанием против порчи, и грудой ящиков с тиронгийской голубой шипучкой, которую так почитают кобольды, – всклубился легкий дымок.

Гризольда, как уже понял наш мудрый читатель, была не робкого десятка. Там, где ее сородичи, особенно женского пола, вспорхнули бы крылышками и исчезли с легким звоном, не желая вникать в подробности ночного проникновения, отважная фея повела себя прямо противоположным образом. Она передвинула трубку из правого угла рта в левый, засучила привычным движением рукава и решительно отправилась выяснять обстоятельства. Ибо тот, кто постепенно проявлялся из этого бесформенного облачка, вел себя весьма странно.

* * *

Наблюдая за незванным ночным гостем, который и при ближайшем рассмотрении оказался ей неведом, Гризольда удивлялась все больше. Сызмальства она жила в Кассарии и имела возможность вплотную наблюдать за любыми духами, призраками и бестелесными сущностями самого разнообразного происхождения. Где-где, а в вотчине некромантов они всегда роились в больших количествах. Встречались среди них неупокоенные души умерших; проклятые твари; бессмертные существа, лишенные плотной оболочки; и просто не желавшие признать факт собственной кончины – весельчаки и жизнелюбы вроде доктора Дотта. Словом, фее нашлось с чем сравнивать. И она уверенно утверждала, что никогда еще не видела, чтобы дух с такими трудностями просачивался сквозь камень.

Дело, казалось, было даже не в плотности стены, а в том, что призрак, хоть и являлся не более чем легким облачком сероватого нечто, очертаниями схожего с человеком, себе не принадлежал. Как если бы руки и ноги его сковывали кандалы, а на шею надели ошейник. Он двигался так, как движется человек, изнывающий под непосильной ношей; как тонущий в губительной трясине, что не отпускает свою жертву из цеп-

ких смертельных объятий. Однако подобные проблемы гнетут исключительно живущих. Умершим – а существо, пробывавшееся в винный погреб, являлось именно душой давно умершего человека – они не страшны.

Впрочем, душу можно пленить. Это тоже правда. Но тогда плененная душа медленно угасает под властью своего поработителя. И в скобках необходимо отметить, что он должен обладать великим могуществом. Отсюда вывод – плененные души не шастают по чужим замкам глухими ночами, не запутываются в ящиках и уж ни в коем случае не вступают в переговоры с неизвестными феями. Хотя бы по той причине, что плененные души немые.

Итак, Гризольда, уверенная в том, что занятый своими хлопотами пришелец не видит ее, немало удивилась, когда призрак призывно замахал прозрачными руками.

– Доброй ночи, мадам! – прошелестел он. – Смею ли просить вас уделить мне несколько минут вашего бесценного времени?

Чего-чего, а времени у нее было хоть отбавляй.

– Мы не представлены, – проворчала Гризольда, нервно пыхая трубкой.

Его голос пробудил в ней все лучшее. А все лучшее в кассарийской фее – это вам не дракон от обеда оставил.

– Святая правда, – вздохнул призрак, волнуясь среди ящиков, как осетр, запутавшийся в сети. – Но, увы, у меня нет другого выхода. Надеюсь, прекрасная и благородная дама не

откажет мне в помощи.

Как всякая женщина, Гризольда не могла устоять перед лестью.

– Ну, в чем дело, дружок? – проворковала она самым нежным басом и подлетела поближе.

– Не соблаговолите ли вы ответить мне, где я? Замок ли это милорда да Кассара?

– Именно так, – не стала лукавить благородная фея.

Призрак немного поблек, будто истаял, как тает дымок, гонимый порывами ветра, но затем совершил над собой явное усилие и сконцентрировался. Гризольда отметила про себя, что при жизни сей муж был хорош собою и наверняка силен и отважен. Она не знала, какой силе он сопротивлялся сейчас, но уже ясно видела, что дух борется. И борьба идет на пределе возможностей.

Она всегда уважала таких отчаянных смельчаков, не сдававшихся до последнего, и всегда питала маленькую слабость к таким красавцам.

В несколько коротких мгновений незнакомец приобрел в ее лице если не друга, то помощника.

– Тогда скажите мне, где милорд Зелг?

Тут фея изумилась:

– Когда я ложилась спать, он жил в Аздаке, с матушкой.

– Что вы, – всплеснул руками призрак. – Я достоверно знаю, что он здесь, в замке.

– Может быть. – Гризольда виновато запыхтела трубкой. –

Я недавно проснулась.

Дух отчетливо изумился, но в подробности вдаваться не стал.

– Это моя единственная и последняя попытка пробиться в Кассарию, – зашелестел он. – Дело мое крайне важно не только для меня самого, но и для милорда...

– Излагайте, – сказала фея, предпочитавшая ясность и краткость слога.

– ...герцога и всей его страны. Я молю прекрасную и отважную...

– К делу, – подбодрила его Гризольда. – Оставьте лирику поэтам и бездельникам.

– ...даму, чьи неоспоримые достоинства очевидны даже мне, не имеющему чести быть знакомым...

– Чтоб ты скис, – искренне молвила прекрасная и отважная, подозревая, что еще битый час ей предстоит выслушивать цитаты из «Ненавязчивого подсказочника для любезных кавалеров и благовоспитанных дам».

– Несколько дней спустя, – покорно заговорил призрак, шокированный ее прямоотой, – состоится известное вам событие, я имею в виду Суд.

– Дальше.

– Там будут рассматривать и мое дело, но я не в состоянии отстаивать свои интересы перед милордом да Кассаром, и потому передайте ему, что меня захватили и удерживают против моей воли.

Тут сквозь стену протянулась огромная когтистая рука, словно сотканная из непроглядного мрака. Пальцы хищно шевелились, и у похолодевшей от ужаса феи возникло впечатление, что они вынюхивают несчастную жертву. На мгновение рука замерла в нескольких локтях от застывшего духа, а затем метнулась к нему, схватила и сдавила.

– О прекрасная... – зашелестел призрак, отчаянно сражаясь с могучим врагом.

– Кто вы?! – завопила Гризольда, понимая, что еще мгновение, и он исчезнет. Возможно, что и навсегда.

– Душа лорда Таванеля.

Мрак окутал несчастную душу и потащил ее прочь из гостеприимного погребца, прочь от ничего не ведающего Зелга и перепуганной феи. Впрочем, как бы ни страшилась она неведомой силы, не побоявшейся вломиться в Кассарию в поисках сбежавшего пленника, мужество ее не покинуло.

Испуганные женщины – самые опасные. Поэтому женщины так легко пугаются.

Людвиг Бернс

– Кто похититель? – закричала она, изо всех сил вцепляясь в лохмотья блеклого тумана и таща его на себя, будто ее сил могло хватить на то, чтобы одолеть кошмарную руку.

Но иногда и безнадежные попытки дают блестящие результаты. Душа получила ничтожную поддержку, однако ее оказалось достаточно, чтобы прошептать, исчезая:

– Лорд Таванель.

Какое-то время ошеломленная Гризольда висела около бутылки с юсалийской горькой настойкой «Нора отшельника» и разглядывала этикетку. Затем она вышибла пробку одним отработанным движением и приложила к горлышку.

Феи тоже кое-что могут. Во всяком случае, бутылка опустела довольно быстро.

Гризольда решительно поддернула юбку, пожевала мундштук и грозно спросила в пространство:

– Эй, мне кто-нибудь объяснит, что тут происходит? Что, вообще глаз сомкнуть нельзя?

* * *

Прелестное пасторальное золотисто-розовое утро наступило после того в кассарийских владениях.

Защебетали звонкие пташки, радуя чувствительные души пучеглазых бестий. Вспорхнули над тяжелыми от росы цветами первые мотыльки. Зелг перевернулся на другой бок и нежно обнял пышную подушку.

Такангор приоткрыл один глаз и настороженно принялся. Воздух был свеж и чист, в нем не витали искусительные ароматы плотного завтрака, и минотавр разумно решил, что можно посмотреть еще один дополнительный сон. Но его же-

ланиям не суждено было исполниться. Легкая, серебристая, теплая речка сновидения уже подхватила его, когда в мир грез ворвался душераздирающий вопль:

– Достиг!

Минотавр тревожно дернул ухом.

– Радуйтесь! – заорал кто-то еще сильнее.

Такангор сел в кровати, размышляя о том, что радость может быть только одна: спуститься вниз и удушить крикуна.

– Вознесем же хвалу, братья, что я уже здесь! – Могучий голос, многократно усиленный эхом, гремел повсюду. Слова отскакивали от стен и башен и носились в воздухе, сталкиваясь друг с другом. – Хвалу, говорю я, вознесем мы этим утром и принесем благодарственные жертвы!!! Обильные жертвы – залог процветания и успеха!

Ошалевший Зелг вскочил с кровати, раздвинул шторы (очаровательный темно-багровый, доходящий до черноты бархат в мелкие золотые скелетики) и выглянул из окна, пытаясь разлепить сонные глаза. Во двор уже стекались многочисленные соратники и слуги, переполошенные дикими криками.

– Безобразие, – сказал герцог, обращаясь к отражению в зеркале. – Кто угодно может ввалиться в замок и учинить погром тихим утром. Я же хотел поспать подольше.

– И не говори, – согласилось отражение, безнадежно махнув рукой, и полезло назад, под одеяло. – Куда только смотрит стража?

Зелг с завистью посмотрел на своего зеркального двойника, потосковал, что не может последовать его примеру, и принялся быстро одеваться, подбадриваемый воплями, доносившимися из-за окна:

– Великую и щедрую жертву, братья и друзья, положим мы на алтарь, дабы умиловать богов! Стекайтесь же ко мне... Ой!!!

Судя по сдавленному писку, донесшемуся до ушей молодого некроманта, то ли Думгар, то ли Такангор настигли виновника утреннего кошмара. Обычно такое испуганное и изумленное «ой» рождалось в груди человека именно при их появлении.

– Восставать при свете рассвета столь неподобным способом есть горестное недоразумение. Доброутроствоваться не способен, ибо грозен спросонья, – сообщил Зелгу лиловый от злости Карлюза, которого дикие крики разбудили на самом интересном месте – когда розовая от смущения дева нежно обвила его талию своим прелестным хвостиком.

Мумия Узандафа Ламальвы да Кассара выскочила из соседнего коридора, торопливо пряча в карман халата какую-то таинственную коробочку. От внука не укрылось, что дедуля побулькивает, как котелок, забытый на огне.

– Привет, ребятки, – бодро сказал он. – Что за шум, а драки нету? Ведь милорд Такангор, говорят, уже проследовал к воротам в состоянии, близком к агрессивному.

– Действительно, странно, – кивнул герцог, которому ни-

чутьочки не было жаль негодяя, поднявшего его с постели на рассвете. – Доброе утро, дедушка. Хотя какое же оно доброе?

– Сейчас узнаем, – ответил радостный дедуля.

– Отвратительный голос, – пожаловался Юлейн, присоединяясь к кузену. Он накинул на плечи мантию, но забыл снять ночной колпак с помпоном и потому выглядел комично, однако встревоженный Зелг даже не улыбнулся. – Просто как у душеньки Анафефы, моей тещи. И такое же несвоевременное появление. Как ты полагаешь, нам удастся казнить хотя бы этого негодяя?

Выбежав из дверей господского дома, они обнаружили, что двор полон: все обитатели замка явились посмотреть на нарушителя спокойствия. Особенно волновались слуги, получившие четкие указания беречь сладкий утренний сон своего господина и не выполнившие одного из-за виновника торжества.

Им оказался щедушный человечек невысокого роста, с узкими плечиками и впалой грудью. Даже странно было, что он смог произвести столько шума. Одежда его представляла собой диковинную смесь лоскутов и заплат из грубой ткани, оригинального фасона – нечто вроде прошлогоднего мешка из-под картошки. Мешок подпоясывала волосяная веревка, на которой болтался ржавый и тупой нож серповидной формы. Бледные тощие ножки незнакомца были обуты в грубые сандалии, но самое замечательное впечатление производило

его лицо, обрамленное многочисленными седыми косичками со вплетенными в них костями.

Огромный мясистый нос занимал собою большую часть пространства, подавляя своим несомненным величием впалые щеки, тонкогубый лягушачий рот и острый подбородок. Однако глаза – сверкающие веселым безумием, зеленые круглые глаза – притягивали взгляд.

Все это Зелг разглядел легко и сразу: нарушитель спокойствия был доступен для обозрения любому желающему, так как висел в воздухе, оторванный от земли могучей рукой невыспавшегося и голодного минотавра Такангор держал незнакомца за шиворот, и тот медленно крутился то в одну, то в другую сторону, как бумажный фонарик. Но при этом он не переставал делиться впечатлениями.

– Какой лоб, какие рога! – лепетал он в совершеннейшем экстазе, не замечая, кажется, своего плачевного положения. – Какой великолепный яростный взгляд! Вы никогда не хотели, чтобы вас принесли в жертву? Нет? А вы подумайте, какая это прекрасная и величественная судьба...

На поверхности земли он совершенно бесполезен.
Ему надо находиться под землей и вдохновлять капусту.

Марк Твен

Мало кто способен испытать искренний восторг, висая в руке разгневанного минотавра, которому к тому же мешает подушка, зацепившаяся за рог. Незнакомцу это вполне удалось. Он чуть ли не с любовью заглядывал в багровые глаза Такангора и приветливо улыбался.

– Всем здрастье, – вежливо сообщил он, когда крутящийся момент обернул его лицом к многочисленному собранию. – Приятно, что вы столь радушно явились встречать меня. Я Мардамон. Жрец древних богов Жаниваша.

К сожалению, главный специалист по жанивашским богам, князь Мадарьяга, накануне отправился на званый ужин к друзьям и до сих пор не вернулся.

Остальные были так изумлены этим странным явлением, что все еще стояли молча. И даже Такангор, трясший головой, чтобы избавиться от подушки, временно упустил из виду, что бежал вниз рвать, метать, душить и истреблять – словом, карать виновных по полной программе. Наконец толпа раздалась в обе стороны, пропуская герцогского домоправителя, и взгляды присутствующих с надеждой обратились к тому, кто справлялся и с худшими проблемами.

Думгар открыл было рот, чтобы задать вопрос, интересовавший не только его, но жрец опередил голема.

– О боги! – завопил он так громко, что Такангор подпрыгнул на месте, выбив подковами искры из каменных плит. – О боги, какое великолепное подвижное изваяние.

Тут и Думгар утратил дар членораздельной речи.

– Я счастлив!!! – бормотал Мардамон. – Други и братья, я счастлив, что боги вняли моим мольбам. Столько всего сразу – столько последователей, столько потенциальных жертв, достойных высоких владык. Это вот существо – его можно поставить над алтарем. Я поставлю тебя над алтарем для величия и устрашения, – уточнил он, обращаясь непосредственно к Думгару. – Построим пирамиду и станем энергично сбрасывать кровавые жертвы к ее подножию. Какая радость...

– Любопытный случай, – прогудел Думгар. – Никогда не видел ничего подобного.

– А вы уж повидали на своем веку, – подтвердил маркиз Гизонга, с восторгом разглядывая каменного домоправителя.

– Не без того, ваша светлость, – скромно кивнул тот. – Время от времени мне приходилось быть очевидцем, а иногда и участником весьма неоднозначных событий.

– Воображаю, – закатил глаза Гизонга.

Главный казначей Тиронги был без ума от голема. Верный, преданный, бессменный, не требующий ни сна, ни отпуска, ни жалованья, ни даже чаевых; не нуждающийся в еде и питье; к тому же – прекрасный эконом, рачительный

и бережливый хозяин. Вот когда поневоле задумаешься о преимуществах некромантской жизни. И почему традиции королевского двора Тиронги категорически запрещают использовать черную магию после, безусловно, трагического, но такого давнего конфликта? Это как же можно было бы сэкономить на прислуге! И, окончательно забыв о причине, приведшей его на замковое подворье в столь ранний час, маркиз зашевелил губами, совершая в уме сложные подсчеты. Это занятие всегда его успокаивало и помогало сохранять душевное равновесие.

У окружающих с душевным равновесием обстояло похуже. Не желая травмировать впечатлительного читателя медицинскими подробностями, скажем так: оно было несколько поколеблено.

Такангор время от времени встряхивал незваного гостя, пытаясь сообразить, одобрила бы маменька нанесение тяжелых телесных повреждений в данном случае или все же осудила.

Карлюза, прекративший непродуктивно злиться, открыл тетрадку, с которой никогда не расставался, и аккуратно вывел: «Истребление злодокучливых нарушителей утреннего сна», – после чего выжидательно уставился на герцога.

Герцог лихорадочно думал. И в конце концов это принесло свои плоды.

– Вы сумасшедший, – осенило наконец Зелга. – Как я сразу не понял. Это же очевидно. Все в порядке, дедушка, – об-

ратился он к мумии. – Все в порядке, господа. Он просто сумасшедший. Все хорошо, все просто прекрасно.

– Ты так считаешь? – с сомнением уточнил Узандаф. – То есть ты действительно думаешь, что все прекрасно? Может, тебе заглянуть как-нибудь на досуге к Дотту: поговорить о том, о сем. Лучше – о сем. Об адекватном восприятии действительности, например.

Зелг обиженно засопел. Быть миротворцем нелегко – положение обязывает, и уж совершенно невозможно легонько пристукнуть вредного престарелого родственника в воспитательных целях.

– Почему сумасшедший? – возмутился Мардамон. – Еще неизвестно, кто здесь сумасшедший! Сами вы поразительно не в себе. У вас стряслось счастье, а вы стоите с постными и унылыми физиономиями, будто совершенно его не испытываете. Ничего, сейчас я буду говорить с вождем. Вот скажите, у вас есть вождь?

– Нет, – окончательно растерялся молодой некромант, почему-то представивший себе татуированного громилу в шерстяной юбочке и ожерелье из человеческих зубов, который был изображен на картинке в книге «Модернизация и реконструкция каннибализма. Опыт развитых стран».

– Ну кто-то же у вас командует? – удивился жрец.

– Разумеется, – рявкнул Такангор. – Ты говоришь с его высочеством герцогом да Кассаром, не говоря о том, что видишь как раз около его величества короля Юлейна.

Жрец всплеснул тощими ручками.

– А раз у вас есть вождь, вам обязательно нужен жрец! Послушайте, как же вы до сих пор обходились без жреца? – Мардамон уставил обвиняющий перст на бедного Зелга. – Это вопиющее нарушение всех канонов, удивляюсь, что вы всё ещё живы и до сих пор вождь. Или вы не представляете себе, как при помощи наших возможностей вы можете увеличить ваши возможности? Обязательно надо приносить жертвы. Это же азы науки управления. Где вы учились, ваше высочество?

– В Аздакском королевском университете, – пролепетал герцог.

– Несчастное заблудшее дитя! Что эти мракобесы понимают в науках? Они настолько суеверны, что отрицают даже жертвоприношения и старинные культы. Невежественные пустоголовые существа, которым доступны разве что «иллюзиоведение» и «пунктуальный учет».

– Дедушка, – жалобно спросил Зелг, – что нам с этим делать? У нашей семьи есть какой-то опыт самозащиты в подобных ситуациях? Какие-то старые полезные традиции?

Традиции – это совокупность решения проблем, которые уже никто не помнит.

«Принцип Патерсона»

– Сколько угодно, – плавно повел сухой ручкой Узандаф. – Например, можно скормить его Кехертусу. Правда, он

тощий и жилистый, но если сказать Кехертусу, что это его долг перед обществом, он постарается и превозможет себя.

– Не знаю, что такое этот самый Кехертус, но предупреждаю вас, что богам это неуютно, – быстро сказал Мардамон.

– Вас, милейший, никто не спрашивает, – мягко улыбнулся граф да Унара, подходя поближе. – Вам лучше помалкивать, когда говорят августейшие персоны.

– О, граф, вот и вы! – обрадовался Юлейн. – Вы в курсе проблемы?

– Какой профиль, – умилился Мардамон, разглядывая элегантного вельможу, – гордый, ясный профиль благородного человека. Этого человека так и хочется принести в жертву.

– Вот видите! – вскричал король.

– Да, ваше величество. Я наблюдал за происходящим с самого начала.

– У вас есть деловое предложение?

– Даже несколько, – поклонился начальник Тайной Службы. – Но правила вежливости требуют сперва предоставить слово милорду Думгару. Это его территория.

– Если господа не против, можно принести его в жертву Цигре, – небрежно заметил голем. – Оно давно какое-то недовольное, грустное. Может, это его немного развеселит. А я охотно постою у алтаря для величия и устрашения.

– Тоже любопытно, – согласился Узандаф. – Что же пред-

ложите вы, граф?

– О, я человек прозаический, даже скучный, ваша светлость. Я бы замуровал его заживо в какой-нибудь пещере – чтобы не убивать и чтобы он не докучал остальным. В назидание потомкам.

– Мне нравится ваш подход, – закивал Такангор. – Маменька его наверняка одобрили бы. Они всегда сетуют, что национальные традиции запрещают минотаврам замурывать в стены непослушных потомков. Маменьке хорошо – они, ежели недовольны, одним взглядом уже как бы и замурывают, и приносят в жертву. Сразу растешь, облагораживаешься, становишься чище и благовоспитаннее. По себе знаю. Но в целом минотаврам не хватает действенных методов воспитания подрастающего поколения.

Мардамон с тревогой прислушивался к собеседникам.

– Вы лишаете себя удивительных возможностей, – заметил он.

– В крайнем случае, – задумчиво произнесла мумия, – тебе, Зелг, будет над кем экспериментировать. А то ни одного живого наглядного пособия.

– Вы недооцениваете качество моих жертвоприношений, – вставил Мардамон. – У меня все остаются довольны – и боги, и владыки, и сами жертвы. Я имел огромный успех с ворожкой на костях в Лешвеке, удостоился личной благодарности князя Илгалийского за прорицание прекрасного будущего и выплаты всех долгов. В Пальпах меня принимали как

родного!

– Там живут гоблины, – ответил Думгар. – Гоблинам я не удивляюсь.

– В крайнем случае, – подхватил Такангор, ухмыляясь, – можем накормить этого ходока завтраком и отправить восвояси.

– Мудрое решение, – торопливо заметил жрец. – Богам угодно отправить меня восвояси, принеся на дорогу жертвы, дабы облегчить путь и избежать опасностей.

– Что-то мне подсказывает, что опасностей ему как раз и не избежать, – сказал да Унара, глядя, как наливаются рубиновым огнем глаза генерала Топотана.

В историях, подобных нашей, что-то обязательно должно случиться в критический момент. Иначе не бывает. И неудивительно, что в тот самый миг, когда минотавр вспомнил о своем прежнем намерении учинить расправу над вторгшимся в Кассарийский замок фанатиком, на мощный каменными плитами двор вступил довольный жизнью, слегка пьяный вампир.

Званный ужин, плавно перетекший в разгульную ночь и удачное утро, доставил ему массу удовольствия, и потому он был исполнен понимания, всепрощения и братской любви ко всему существу.

Компания, столпившаяся во дворе, его порадовала. Вот и остальные не отлеживают себе бока, бездарно растрачивая жизнь на сладкий сон, но дружно участвуют в каком-то инте-

ресном мероприятии. И князь тут же решил присоединиться.

– Ого, какое с-собрание! – сказал Мадарьяга, слегка икая и при каждом ике взмывая в воздух, как перышко. – Прошу п-прощения, господа. По какому поводу массовое гулянье?

Такангор отпустил шиворот бедолаги жреца, и тот кулем рухнул к ногам вампира.

– Что это? – слегка удивился князь. – Сюрприз? Лично мне? Награда нашла героя?

Такангор подумал, что мысль вполне дельная.

Тут и раздался следующий нечеловеческий вопль, исполненный радости, из тех, что так хорошо удавались жрецу.

– О повелитель! – вскричал Мардамон, пытаясь поймать порхающего в воздухе Мадарьягу и приложиться устами к его сафьяновому сапожку. – О повелитель! Наконец-то я обрел тебя для вечного служения!

– Не надо на меня так смотреть, – сказал мгновенно протрезвевший упырь. – Я тут совершенно ни при чем.

* * *

Немалых трудов стоило оторвать безмерно счастливого жреца от предмета его пылкого поклонения, водворить на террасу и услышать хоть какие-то объяснения.

– Я – потомственный жрец, я родился там, в Таркее, – гордо молвил Мардамон, простирая руку в сторону маленького прудика, на берегу которого Бумсик и Хрюмсик закусывали чем бог послал. – Моя бабушка мало известна исторической науке. Мой дедушка держал собственную меняльную лавочку на главной площади Бебатиса и процветал, пока однажды не прослушал проповедь, призывавшую людей стать бессребрениками. Он понял это по-своему и перестал добавлять серебро в те серебряные монеты, которые менял иностранцам. Монетному двору его величества Глюгора Второго Таркейского это почему-то не понравилось, и дедушку отправили приносить пользу отечеству на серебряные рудники.

Моя мама – гордая жрица-девственница, жертва политических интриг. Моего бедного папу совершенно безосновательно обвинили в интимной близости с мамой, и тоже по политическим мотивам.

Папа эмигрировал из Таркеи темной грозовой ночью куда глаза глядят, с одним только узелком, в который увязал меня и вот этот нож для жертвоприношений. Умирая, он завещал мне: «Мардамон, сынок, служи обществу, приноси жертвы. Обильные жертвы – залог государственности». Самым трудным для меня оказалось найти того, кому душа желала служить.

Я долго скитался по Ниакроху, прежде чем достиг живописных болот Жаниваша и увидал развалины Болотного хра-

ма...

– Душераздирающая история, – буркнул вампир. – Но я-то тут при чем? Я даже на зуб не пробовал его маму-жрицу-девственницу.

– О повелитель, – немедленно откликнулся жрец. – Ты – при всем.

– Караул, – сказал бедный упырь. – Придержите меня кто-нибудь. Иначе я за себя не ручаюсь.

Согласно Мардамону, славный князь Мадарьяга являлся самым почитаемым в Жаниваше и окрестностях кровавым божеством, олицетворением тьмы, жестокости и могущества. Именно такому владыке он и жаждал служить и искал его по всему свету. С умилением разглядывая вампира, как счастливая бабушка разглядывает своего первого внука, с восторгом прозревая в нем черты родных и близких людей, Мардамон пытался в нескольких словах сообщить своему новообретенному повелителю о предполагаемых жертвоприношениях в его честь.

Жрец относился к своему делу творчески, с огоньком и радовал слушателей интересными нововведениями. Правда, далеко не все слушатели радовались. Но это уже вопрос вкуса и воспитания.

Если добросердечные Зелг и Юлейн пришли в ужас, граф да Унара проявил профессиональную заинтересованность, а Такангор только скептически похмыкивал, сравнивая химеру мадам Хугонзу и деятельного жреца, отнюдь не в пользу

последнего, то Узандаф Ламальва да Кассар просто отдыхал душой.

– Никогда бы не подумал, что можно так переработать саму концепцию принесения жертв, – задумчиво сказала мумия, вспоминая о старых добрых временах. – Что-то в этом есть. Свежие мысли, смелые решения, новый взгляд на проблему. Скажите, голубчик, и что – вы в самом деле осуществили все эти свои... назовем их проектами?

– Увы мне, горестному, – смущенно потупился Мардамон. – Злой рок десятилетиями противился тому, чтобы я исполнил свое предназначение. Нож мой заржавел и затупился от жалких колбас и черствых хлебов, не изведав горячей крови. Но теоретически я прекрасно подкован, – сказал он вдруг нормальным голосом. – Хочу как-нибудь написать справочник «Таинства жертвоприношения» для начинающих адептов темного культа. – И снова взвыл: – Мой господин останется мною доволен. Не славы ведь ищу и не корысти, но движим только велением сердца.

И жрец сделал очередную попытку прильнуть к ногам Мадарьяги.

– Да что же это такое! – закричал вампир. – Вот припился! Уберите его куда-нибудь.

– Думгар, – горячо зашептал Зелг. – Наш долг – как-то изолировать его от общества, а то он неизвестно чего натворит. Только нужно сделать сие деликатно и незаметно, дабы не ранить и без того больную душу этого несчастного ски-

тальца.

– Как по мне, сир, – пророкотал Думгар, – с душой-то у него как раз все в порядке. Болеет он совсем другими местами.

– Я надеюсь на тебя, – решительно сказал герцог. – Отвлеки его от князя, замани куда-нибудь и создай там все условия. А потом решим, что с ним делать дальше.

– Сир, – кашлянул голем. – Я правильно понял вашу волю? Вы желаете создать ему *все* условия?

– Ну, не до такой степени, – доходчиво растолковал Зелг. – Пусть его покормят, окружают вниманием и не спускают глаз. А ты скорее возвращайся к нам. Кажется, князь Мадарьяга не на шутку расстроен. Я за него беспокоюсь.

Поместив счастливого Мардамона в уютный каземат и препоручив его заботам двух милых мороков и одной пучеглазой бестии, при виде которой жрец впал в молитвенный экстаз, голем поспешил на помощь своему господину. Правда, бестия обиженно бормотала под нос что-то о том, что опаздывает на репетицию хора, но Думгар бросил один грозный взгляд на строптивицу, и она сразу умолкла.

Уже на пороге господского дома голем еще раз остановился, услышав очередную порцию воплей, доносящихся из каземата и звучащих уже до боли знакомо. Он оглянулся.

Во двор, пятясь, входил Кехертус в компании доктора Дотта, помогавшего ему тащить заплетенный в паутину увесистый тючок. Думгар желал бы знать, что находится в этом

свертке, но разговор с Доттом пришлось отложить на потом. Что же касается шумного гостя, то, судя по крикам, он обрел еще одного идола и стал совершенно счастлив.

* * *

– Нет, ну обидно же, – сокрушался Мадарьяга, нервно летая над головами друзей. – Я, конечно, не святой. Я не настаиваю. Так ведь у каждого из нас есть определенные недостатки. Нельзя же доводить все до абсурда. «Кровавый, жестокий», – передразнил он жреца. – Да, в ранней молодости – представьте, когда это было – совершил несколько безрассудных поступков, пару-тройку раз ошибся, где-то погорячился на танцах, кого-то просто не узнал в темноте – и сразу пошли кривотолки, слухи, сплетни. Беспочвенные обвинения... Можно подумать – они собирались жить вечно. Так и до комплекса неполноценности недалеко. А я, между прочим, почетный донор.

Сытому вампиру легко быть почетным донором.

Валерию Бутулеску

Такангор искренне сочувствовал князю. Прежде в подобных случаях сам он отводил душу, гоняя по всем Малым Пе-

гасикам бедолагу сатира. Теперь – отправлялся в дубовую рощу, посмотреть на Бумсика и Хрюмсика. Было в них что-то такое возвышенное, что примиряло его с действительностью. Но интуиция подсказывала доброму минотавру, что совершенные формы прекрасных хряков вряд ли утешат мятущегося упыря. Оставался единственный, проверенный годами способ – выпить стаканчик-пятый.

Думгар рассуждал так же, ибо вышел на террасу, неся огромный золотой поднос, уставленный разнообразными сосудами и емкостями. Молча, не проронив ни слова, достойный домоправитель расставил сосуды строго по ранжиру и жестом пригласил компанию к столу.

Острую потребность выпить ощущали все, кроме него самого. И потому какое-то время на террасе было слышно только звонкое пение птиц, звон стаканов да сосредоточенное пыхтение.

Науке доподлинно не известно, отчего именно алкоголь оказывает такое благотворное воздействие на исстрадавшиеся души, но наши герои меньше всего желали знать научную точку зрения. С них было довольно и того, что выпивка, как всегда, сработала безотказно.

Постепенно и утро показалось солнечным, и жизнь не такой противной, и настроение – терпимым, и жрец – вполне симпатичным малым, просто с феерическим пунктиком. А у кого их нет?

– Что-то я хотел сказать тебе, Зелг, – внезапно заговорил

дедушка Узандаф. – Что-то крайне важное. Помню, что хотел, а *что* хотел – не помню. И давеча собирался с тобой поговорить... Ну да ладно.

Если бы Думгар не отвлекся в этот момент на общение с доктором Доттом, который мялся и смущался, но отказывался признаться, что они с Кехертусом притащили в замок нынче утром, голем обязательно напомнил бы старому герцогу о его долге перед наследником. Однако Думгар был очень занят, выколачивая из призрака признание, что весьма трудно по техническим причинам. Почувяв, что друг настроен более чем решительно и шутками тут не отделаешься, доктор Дотт просто улизнул с поля битвы, втянувшись в узкую бойницу в стене донжона. Голем потопал следом, намереваясь пролить свет на эту мрачную тайну.

Что же до феи Гризольды, о которой, вероятно, уже беспокоится наш добросердечный читатель, то она стала жертвой собственной невнимательности. «Нора отшельника» рассчитана на прием маленькими, аккуратными порциями. Даже в этом случае божественная жидкость дарует несколько часов крепкого сна. Принятая же целиком, бутылка обеспечила неосторожной фее сутки тишины и покоя, и потому разговор с герцогом да Кассаром был отложен по не зависящим от нее причинам.

А утренним газетам, которые обычно читали за завтраком, на сей раз нашлось совсем иное применение: воспользовавшись переполохом, учиненным Мардамоном, Бумсик и

Хрюсик слегка закусили ими перед тем, как приступить к основательному поеданию желудей.

ГЛАВА 2

Если люди будут знать, что вы встаете с жаворонками, вам обеспечена прекрасная репутация. А если к тому же подобрать себе толкового жаворонка и как следует с ним поработать, то вы легко добьетесь, чтобы он не подавал голоса раньше половины десятого.

Марк Твен

Согласитесь, что бесконечное чередование дней и ночей внушает некоторую уверенность и придает сил: солнце встает каждое утро, невзирая ни на какие обстоятельства, думаем мы. Надобно и нам вести себя подобным образом. Нельзя сказать, что на веки вечные заведенный порядок окрыляет нас, но безусловно ободряет. И потому мироздание уже не может от него отказаться даже там, где ему бы иногда и хотелось.

Итак, к нашим героям пришел новый день. Очередное прелестное пасторальное золотисто-розовое утро, наученное горьким опытом не обольщаться по поводу временной тишины и спокойствия, осторожно наступило в кассарийских владениях.

И вновь защелбетами звонкие пташки, радуя чувствительные души пучеглазых бестий. И опять-таки вспорхнули над тяжелыми от росы цветами первые мотыльки.

И героические хряки Бумсик и Хрюмсик – в новых стильных ошейниках, украшенных золотыми медалями «За отвагу в бою», – позевывая, облюбовали себе полянку, на которой обнаружилась масса вкусных и познавательных вещей.

Животворящие лучи не успели проникнуть во все закоулки, кое-где все еще царили сумрак и прохлада. А неутомимые пейзане уже спешили к своим цветущим агрипульгиям. Отцы семейств широко шагали по дороге, приносиваясь к многообещающим ароматам, несшимся из пестрых плетеных корзиночек, в которые заботливые жены упаковали им обед.

Шустрый молодой гоблин, недавно принятый на службу в местное почтовое отделение, почтительно положил кипу утренних газет перед входом в господский дом да Кассаров и тоскливо вздохнул, глядя на невозмутимых охранников, закованных в черные с серебром латы (после вчерашнего инцидента герцог распорядился выставить у дверей стражу). Он всегда мечтал очутиться на их месте, но непреклонный Думгар определил его в помощники почтальона, а гоблин плохо представлял себе того безумца, который рискнул бы спорить с герцогским домоправителем.

На самом деле такой безумец существовал и в сей утренний час попивал свежайший эфир, придирчиво наблюдая за тем, как крохотные домовые чистят его черный кожаный халат, в котором он намеревался явиться к первому завтраку. Ему предстояла долгая и упорная баталия по поводу давеш-

него свертка, и Дотт размышлял, какой бы животрепещущей темой отвлечь приятеля от обсуждения этой истории. Впрочем, судьба улыбнулась ему: на днях в Кассарии должно было состояться важное и по-своему знаменательное событие, и призрак надеялся, что оно полностью завладеет вниманием дотошного голема.

Заскрипело огромное колесо водяной мельницы, и приветливый скелет мельника Вафары возник на пороге, раскланиваясь с односельчанами, приехавшими к нему смолоть муку.

Какой-то тритон, одержимый идеей выиграть всениахрохский конкурс исполнителей фольклорной музыки, вылез из озера и, устроившись на замшелом камне, еще прохладном с ночи, принялся репетировать мелодию, совершенно неизвестную в его исполнении. Он вдохновенно дул в витую раковину, но не забывал при этом поворачиваться вслед за утренним солнцем, чтобы придать своему мускулистому торсу неповторимый золотистый загар. Житейский опыт подсказывал ему, что рельефные мышцы и безупречный оттенок кожи, равно как размер и цвет спинного плавника, гораздо чаще покоряют сердца капризных наяд, чем лирические мелодии.

На маленьком флагштоке у харчевни «На посошок» заплясал на ласковом ветерке черный с серебром флаг кассарийских некромантов, оповещающий всех лично заинтересованных о том, что божественная бульбякса, хмельной сидр

и куркамисы с этой минуты стали общедоступны. Вальж-
ный Гописса смахнул со столешницы несуществующую пы-
линку и утвердил в центре стола высокий серебряный кув-
шин и четыре кружки с затейливым узором: он ожидал го-
стей – кузнеца Альгерса, старосту Иоффу и троглодита Кар-
люзу – на скромный дружеский завтрак.

В баре «Расторопные телеги» лихорадочно готовились к
традиционному ежедневному визиту генерала Такангора То-
потана со свитой кентавров, и десяток рыжих недовольных
крыс под управлением кобольда Фафетуса и легендарного
основателя сего заведения – ныне здравствующего покойно-
го Нунамикуса Пу, восседавшего за высокой кассой в золо-
тых очках, – суетились всюю.

Нунамикус, восставший из мертвых по призыву своего
повелителя в тяжелые дни нашествия тиронгийской армии,
после окончания войны не пожелал возвращаться на тот
свет, а остался на этом, с семьей. Вернулся он и на пре-
жнюю должность, в результате чего несказанно довольный сим
обстоятельством герцогский домоправитель Думгар отметил
резкое увеличение суммы налога, поступающего из доходно-
го и прежде бара.

Что же до самого рачительного голема, то он как раз
наблюдал за слугами, накрывавшими к завтраку на откры-
той террасе господского дома. А благородный Такангор был
разбужен громким голосом древнего инстинкта, который
безошибочно подсказывает минотаврам, что завтрак (обед,

ужин или закуску, чтобы продержаться до завтрака, обеда, ужина) вот-вот подадут.

Князь Мадарьяга мирно дремал в мраморном саркофаге под алым шелковым покрывалом, и веселый солнечный зайчишка, протиснувшись в узкую щелку между тяжелыми портьерами, карабкался по его хищно изогнутому носу.

Мардамон безмолвно тосковал под его окнами и чертил палочкой на земле план пирамиды с грандиозным обсидиановым алтарем. Он искренне надеялся, что перед этой роскошной пирамидой не устоит ни один некромант или вампир и он в конце концов обретет единомышленников. Предыдущие два часа он тщетно уламывал утоплика из колодца на заднем дворе стать первой добровольной жертвой и тем подать пример благородного самопожертвования в самом прямом и высоком смысле этого слова, а заодно войти в историю.

Но утоплик, уверенно считающий себя великим чародеем современности, к предложениям пришлого безумца отнесся более чем прохладно и наложил на него заклятие. А когда оно не подействовало, метко швырнул лягушкой.

Мардамон вовсе не являлся фанатиком, как можно было представить, наблюдая за его поступками. Он знал, когда еще есть смысл настаивать на своем, а когда разумнее отступить.

Теперь он терпеливо ожидал пробуждения вампира, чтобы узнать, угодно ли тому в качестве вступительной жертвы

скромное, но вполне пристойное упитанное земноводное.

Паук Кехертус уже делал зарядку для четвертой пары ног на лужайке за донжоном, и неутомимый корреспондент Бургежа старательно записывал подробности, прикидывая, получится ли из этого статья для следующего номера «Сижу в дупле». А милейший троглодит Карлюза, встав раньше всех в замке, еще не проснулся и теперь дремал под ближайшим кустом, сладко причмокивая. Ему грезился хмельной сидр и горячие пончики с клюквенным соусом.

Мало встать рано утром. Надо еще перестать спать.

«Пишкруд»

Таким образом, в этот ранний час в замке царило благолепие.

Питавший отвращение к неоправданно ранним пробуждениям, его высочество Зелг Галеас да Кассар только-только открыл глаза в своей спальне и в очередной раз удивился.

Дело в том, что его просторная опочивальня была оформлена смелым новатором и человеком широких взглядов, а герцог признавал авангардное искусство исключительно на расстоянии. И давно уже мечтал сменить экспозицию.

В самом деле, засыпать и просыпаться в окружении чудовищных физиономий, скалящихся на тебя с потолка; ежеутренне упираться взглядом в тяжелые золотые канделябры в человеческий рост в виде рогатых демонов и яростных циклопов; день изо дня наблюдать ковер цвета закатного баг-

рянца с затейливым узорчиком из отрубленных голов – это выше всяких сил, особенно если ты все еще робко настаиваешь на том, что ты пацифист. А обои для этого помещения выбирал тот, кто полагал, что сто восемьдесят семь драконов, пожирающих сто восемьдесят семь малопривлекательных девственниц с прекрасно схваченными анатомическими подробностями, бодрят и вдохновляют.

Зелг каждый день давал себе зарок решительно поговорить с Думгаром и категорически настоять на новом интерьере, но все руки не доходили. Вечно случалось что-нибудь из ряда вон выходящее, так что обитателям замка было не до неудачных обоев.

Но сегодня не намечалось никаких серьезных дел. Странствующие жрецы не толпились на подворье; амазонки не качали соблазнительно торсами перед несчастным минотавром и не щебетали на весь замок; вражеские войска не наступали через цветущие поля; враги не караулили за каждым углом; торговцы амулетами и колдовскими зельями не кричали под стенами, расхваливая свой товар; и гонцы от ее величества королевы Кукамуны не валялись у него в ногах, моля отправить домой кузена Юлейна. Желающими получить автограф у знаменитых победителей Галеаса Генсена занимался главный бурмасингер Фафут, а с текущими делами любезно помогал разобраться граф да Унара. Ничто не предвещало беды.

Житейские драмы идут без репетиций.

Эмиль Кроткий

Словом, Кассар решил, что сама судьба дает ему уникальный шанс.

То был триумф надежды над опытом.

Он спустил ноги с кровати, сунул их в лазоревые пантуфли, отороченные драгоценным мехом, и сделал несколько энергичных движений руками.

Огромное зеркало в тусклой золотистой раме, стоявшее у стены напротив, в отличие от герцога еще не вполне проснулось и потому показывало все с минутным запозданием. Когда веселый и бодрый Зелг заканчивал одеваться к завтраку, его зеркальный двойник только-только нашаривал рукава халата и попискивающие домовые суетились вокруг его бархатных штанов. Молодой некромант приветливо помахал зеркалу, пожелал ему доброго утра и двинулся на террасу, где его ждали добрые друзья, верные подданные, желанные гости, аппетитная еда и свежие газеты.

Что еще нужно человеку, чтобы с радостью встретить новый день?

* * *

Со времени памятной победы над всепоглощающим пространством Бэхитехвальда, когда славный Такангор Топотан при помощи своего фамильного боевого топорика вынудил нерожденного короля отказаться от притязаний на исконную вотчину некромантов, с Узандафа Ламальвы да Кассара было снято древнее проклятие. Веками прикованный к замковой библиотеке, он наконец обрел долгожданную свободу передвижения, и теперь развеселая мумия в прелестной мантии с капюшоном, подбитым модным в этом сезоне оливковым шелком, шастала из конца в конец замка, неся свет и сладость каждому, кто встречался на ее пути.

Старый герцог и прежде не придавал факту своей кончины слишком серьезного значения, а с тех пор как в отчий дом вернулся его праправнук, Зелг Галеас да Кассар, и вовсе ожил – если такое определение применимо к тому, кто был убит чуть больше тысячелетия тому.

Сейчас дедуля торопился к себе в кабинет: нынче ночью он отлично сыграл на тараканьих бегах, используя сугубо научный подход к проблеме. И теперь желал узнать, насколько увеличился золотой запас семьи. Нельзя сказать, что Узандаф жутко скопидомил, но полновесные рупезы всегда доставляли ему большую радость, и он не видел причин от нее отказываться. Тем более что теперь он копил не столько для себя, сколько для любимого внука и его будущих детей.

Столкнувшись с доктором Доггом в картинной галерее, Узандаф просиял. Его старинный друг стоял аккурат под

портретом великого Валтасея Тоюмефа да Кассара и удивлялся, как не раз удивлялся еще при жизни, зачем такому человеку понадобился портрет. Если бы спросили его мнения, он бы откровенно признался, что Валтасей может войти в историю как гениальный стратег, великий воин и прекрасный семьянин, но отнюдь не как модель, вдохновляющая художников к созданию шедевров.

– Доброе утро! – воскликнула довольная мумия.

Даже весьма приблизительный подсчет прибыли говорил в пользу научного метода, и старого герцога распирала гордость. Ему просто необходимо было с кем-то поделиться.

– Ой ли? – откликнулось скептически настроенное привидение, хлопая рукавами по карманам черного кожаного халата в поисках лекарственной бамбузяки.

– Не с той ноги встал? – спросила доброжелательная мумия, которой ничто не могло испортить прекрасного настроения.

– Ты когда в календарь смотрел в последний раз? – спросил призрак угрюмо.

– Прошлой осенью. Нет, зимой, кажется. Или все-таки осенью? А в чем дело? Зачем нам вдруг понадобился календарь?

– Завтра день летнего солнцестояния, – хмыкнул доктор Дотт. – Я совершенно случайно услышал, от одной суеверной дамочки. Ее обезглавили на следующий день после того, как дорогу ей перебежала хромая черная утка. С тех пор она

верит в приметы. Хотя я ей всегда говорю: если ты отравила шесть мужей за неполные два года – это верный признак, что тебе однажды отрубят голову.

– Летнее солнцестояние, – не слушая его, сказала мумия. – Ать-ать-ать!!! Вот напасть! Так оскоромиться. А я-то, старый хрыч, который день ломаю голову – о чем же я хотел поговорить с Зелгом! Как ты думаешь, ему сообщили?

– Кто? Кто, скажи на милость?! – возопило привидение, вздымая рукава халата к портрету Карра Алвина да Кассара кисти неизвестного художника.

Как писал по этому поводу дотошный летописец: «Лица, лично знавшие лицо, изображенное на портрете, не отмечают портретного сходства портрета с самим лицом». В замке никто не удивлялся, что художник умер в безвестности.

– Кто додумается до такой глупости? – упрекал между тем Дотт. – Все уверены, что уважающий себя некромант и сам знает, что происходит в Кассарии в день летнего солнцестояния. Меня только полчаса назад осенило, что малыш-то ни сном ни духом – позавчерашние газеты куда-то делись. Небось опять хряки шалили. Юлейну и в голову не придет: это же все равно что учить дедушку кашлять. Думгар соблюдает субординацию. Между прочим, это твоя прямая и непосредственная обязанность – вводить потомка в курс дела.

Воцарилась тишина, если она возможна в узком коридоре с великолепной акустикой, где сокрушенно вздыхают и пыхтят.

– Бедняжка, – посочувствовал внуку Узандаф. – Он как раз вчера поделился со мной планами. Прогуляться хотел, немного отдохнуть от наших ежедневных занятий, слегка развлечься. На него так подействовал этот Мардамон...

Если ты хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах.

Вуди Аллен

– Ну, это-то как раз выполнимо, – засмеялся призрак. – Никаких занятий в ближайшую неделю, одна сплошная практика. А что? Смена труда – тоже отдых.

– С другой стороны, если бы он прилежнее изучал семейные хроники, а не писал тайком стишки и не гипнотизировал луну печальным взглядом, глядишь, и подготовился бы морально.

– Не ворчи, – укоризненно покачал головой Дотт. – На него столько всего навалилось. Да, незадача. Кто-то должен открыть Зелгу глаза, пока не поздно. Завтра тут будет сущее светопреставление.

– Вот ты и сообщи, что его ждет. Только деликатно, тактично. Начни издалека. Ты умеешь. Ты же с пациентами как-то общался, со смертельно больными. Родственников морально подготавливал. Утешал, ободрял. Ободрял, спрашиваю?

– Еще чего! – отмахнулся доктор. – У меня самого нервы на пределе. Чуть что – сразу я. Нет, уволь, я эти штучки

знаю: крик, писк, визг, истерика. «Ах, доктор, как же так? Я еще молод, я не успел пожить!» Сам сообщай. Если хочешь, возьми кого-нибудь в группу поддержки. А я буду рядом – с лекарственной бамбузякой, нюхательными солями и добрым словом. Чует мое сердце, мальчик сегодня особенно остро будет нуждаться в добром слове и действенном средстве от обморока.

* * *

В скромной сыроватой пещерке собралась непомерно большая для этого жилища компания: отец с матерью, четверо их сыновей с женами; семеро дочурок, причем пять из них – с мужьями; а также семнадцать волосатых, ушастых, бурых, плоскостопых, отчаянно визжащих чад, на которых не действовали ни уговоры, ни подзатыльники. На почетном месте – уютном плоском грибе, который рос у этой замшелой стенки вот уж более двухсот лет, важно восседала самая старая и самая уважаемая представительница рода Плупезов, прекрасная Вабулея.

Впрочем, прекрасной она была приблизительно тогда, когда тролли покоряли Пальпы. Теперь прелестные ярко-желтые бородавки поблекли и даже как-то сдулись; пупырчатая кожа болотного цвета, висевшая в незапамятной юно-

сти привлекательными складками, приобрела местами белесый оттенок и стала почти что гладкой; крохотные красные глазки постепенно увеличились и напоминали размерами небольшой орех; а из огромного широкого рта уже давно не капала густая слюна. Клыки ее утратили былую остроту, когти на ногах сточились, шерсть за ушами вылезла. Что ж, время не щадит никого: ни царей, ни мудрецов, ни красавиц – особенно тех, что прожили уже два отмеренных природой века.

Но любящий взгляд родных не замечал горьких примет старости. Для них Вабулея оставалась прежней – все той же неподражаемой властной гоблиншей, чей кокетливый взгляд сводил с ума самых храбрых и отчаянных мужей, заставляя их совершать безумства и подвиги. И она по-прежнему верховодила своим кланом, крепко держа в маленьких морщинистых ручках бразды правления.

Так повелось еще в те годы, когда ее сердца и когтистой лапки добивался молодой и задорный Хупелга, вождь Плупезов. Он загрыз трех соперников в ритуальном поединке и сделал предложение красивейшей из гоблинш Желвацении, стоя над их скрюченными телами и сплевывая жесткую шерсть.

Муж – хозяин в доме, пока не пришла жена.

Пьер Бенуа

Вабулея любила рассказывать потомкам об этом подвиге

супруга. Она вообще любила его до сей поры и бережно хранила воспоминания о славном Хупелге. Горе тому из молодых Плупезов, кто посмел бы не явиться на ежегодный вечер памяти знаменитого пращура и не выслушать от начала и до конца его прощальное письмо, адресованное обожаемой жене.

Итак, согласно гениальному режиссерскому замыслу бабушки, все гоблины чинно расселись вокруг стола, сделанного с величайшим искусством из одеревеневшего от старости огромного губчатого гриба, на котором был накрыт поминальный ужин, и заинтересованно вытаращились на старейшую. Вабулея не любила, когда письмо Хупелги слушали равнодушно или вполуха, и строго карала провинившихся отлучением от мирских радостей. А поскольку ни один гоблин не в состоянии прожить и дня при сухом законе, то все старались, как могли. Младшие взволнованно стучали по утоптанному полу широкими плоскими ступнями; женщины растроганно терли глазки подолами юбок; а мужчины, как и должно сильному полу, сдержанно умилялись и грустно шевелили ушами.

Стол манил их ароматами орехового печенья из сушеных червей и супа из домашней плесени, аппетитным видом свежих слизняков, грудями фосфоресцирующих грибов, вяленой рыбы и божественным видом сосудов, полных эля. Однако они твердо знали, что нельзя притрагиваться ко всему этому великолепию без риска для жизни, пока не завершит-

ся поучительная и торжественная часть вечера.

Выпивка без торжественной части теряет свое воспитательное значение.

Владимир Голобородько

Старейшая откашлялась, высморкалась и начала:

«Любезная Вабуля. Если ты получишь это письмо, несравненная лягушечка моя, значит, злой рок тяготеет надо мною и я больше никогда не увижу ни тебя, ни наших головастиков, ни родную пещерку, в которой ты подарила мне столько упоительных минут совместной идиллии.

Коварный судья Бедерхем, что славится на весь Ниакрох своей жестокостью, воспылал ко мне яростной нелюбовью. Сие неудивительно, ибо этот страшный и опасный демон, один раз в году извлекаемый на поверхность из пылающих глубин преисподней, известен тем, что ненавидит все сущее, и мы, гоблины, не исключение.

Знающие существа говорят, что карает он и виновных и безвинных, и правых и неправых, и добрых и злых. Смерть и разорение сеет он в ближних и дальних пределах; сердце у него каменное, потому невозможно тронуть его ни слезами, ни молитвами. А могущество его безмерно, оттого бесполезен и подкуп. Ибо что жалкий смертный может предложить барону, повелителю западных пределов царства подземного? Впрочем, поговаривают, что берет он взятки борзыми козлятами; но уши мои трепещут, как лист лопуха

на ветру, при мысли о том, что сей слух распускает сам Бедерхем, дабы иметь повод учинить лишнее разбирательство и грозную кару над теми доверчивыми несчастными, кто клюнет на его уловку.

Но твердят мне, что Бедерхем – заядлый и знатный охотник. Ты же знаешь, что борзые козлята – лучшая приманка для водяных туполобов и пещерных кривоногов, ибо даже они не могут догнать этих распроклятых козлят и так увлекаются погоней, что не обращают внимания на ловца, выслеживающего их самих как добычу.

И вот, сладкая моя улиточка, я принял решение: отправлюсь ловить мерзких козлят. Может, удача улыбнется мне. Говорят, мой прапрадедушка однажды таки отловил одного борзого козленка – правда, на эту охоту он потратил дюжину лет и еще три полных оборота солнца. Но надеяться больше не на что. Отправлюсь и я скакать по горам. Авось с помощью пращуров всех гоблинов Пупасана Ушастого управлюсь до дня летнего солнцестояния – чтоб ему никогда не солнцестоять!

А ты не грусти, мой кислый глоточек эля. Ежели придет вызов в суд, не тревожься, а посыльным отвечай, что я ушел на охоту и вот-вот буду назад. И не забывай твердить, что никаких вавилобстеров я – честный гоблин и порядочный семьянин – в своей жизни никогда не крал. Что же до самих вавилобстеров, то перегони их пока на дальние пастбища.

Засим целую все твои пупырычки и бородавочки. Что бы там ни болтали злые языки, знай, дорогая жена, что за всю свою жизнь я ни минуты не сожалел о том, что это не меня загрызли соперники на ритуальном брачном турнире.

Да поглотит пламя преисподней мерзкого Бедерхема.

Твой верный и преданный супруг и отец твоих одиннадцати отпрысков, Хупелга».

– С тех самых пор, – вздохнула Вабулея, – моего дорогого мужа больше не видели. – Она бережно свернула письмо и спрятала его в пустую раковину. – Но вот уже два поколения наших соплеменников из уст в уста передают легенду о скачущем гоблине. Говорят, он прыгает в горах, догоняя неуловимых борзых козлят, и встреча с ним сулит счастье охотнику. – Гоблинша грозным взглядом пресекла жалкую попытку зятя дотянуться до рога с элем. – Надеюсь, когда-нибудь он их все-таки поймает.

* * *

Беседа в картинной галерее уже приближалась к концу; с каждой минутой неотвратимо надвигался грозный день летнего солнцестояния, а Зелг да Кассар все еще был счастлив.

Блаженны те, кто наскоро пролистывает мрачные семей-

ные хроники и не забивает себе голову всякой чепухой. Блаженны. До поры до времени.

Герцог благосклонно наблюдал за тем, как появилась на террасе торжественная процессия: первым шел внушительных размеров скелет в ярко-алом жилете с огромным блюдом под золотой крышкой в руках; следом за ним – трое домовых с блюдами поменьше; потом – странное существо, похожее на стоящую на задних лапах летучую мышь, несшее вазу с фруктами; за ним несколько призраков с кувшинами и вазочками, заполненными всякой снедью. И замыкал шествие грандиозный Думгар, ничего не несший, но придававший всему этому вес.

– Доброе утро! Как спалось? – приветливо улыбнулся Зелгу его кузен, король Тиронги Юлейн Благодушный, полагавший высшей королевской обязанностью пунктуально являться к столу.

– Прекрасно, – ответил молодой некромант, усаживаясь рядом с ним. – Представляешь, мне сегодня всю ночь снились две розовые жабы, летевшие к донжону в лучах закатного солнца. Одна жаба побольше, вторая – поменьше, но с каким-то старинным свитком во рту. И крылышки у них были, такие кокетливые, стрекозиные. Думгар, доброе утро, Думгар. Что у нас на завтрак? Я голоден, как каноррский оборотень.

Если бы невозмутимые каменные домоправители давали волю чувствам, то голем, несомненно, улыбнулся бы. Нали-

цо явный прогресс, свидетельствующий о том, что герцог да Кассар, постепенно обживаетя в отчем замке и входит во вкус новой жизни. Еще недавно его высочество употреблял в сходных ситуациях фразу: «Я голоден, как нищий студент». Но жизнь брала свое, и Зелг постепенно забывал и о нищете, и о студентах, к вящему удовольствию верных слуг.

– Рад видеть вас в добром расположении духа, сир, – степенно ответил Думгар. – К утренней трапезе повара предлагают куру в медовом соусе, заливную рыбу фусикряку по фамильному рецепту князей Мадарьяга, рагу из овощей, а также печеных улиток, фруктовый пудинг и королевский омлет. Указанное меню достойным образом обрамлено соответствующими напитками.

– Как хорошо, – счастливо улыбнулся Зелг, придвигая к себе тарелку. – Начнем, пожалуй, с фусикряки. Князь говорил, что его прадед кого-то даже отравил из-за этого рецепта.

– Свою супругу, – не замедлил откликнуться всеведущий голем. – Несчастливая вздумала поэкспериментировать на кухне и посягнула на святое: самовольно приказала добавить в число специй для соуса траву укрописа, который полностью нейтрализует все иные вкусы и запахи. Признаться, ваше высочество, за такое я бы и сам не помиловал.

Плохо, если жена умеет готовить, но не хочет; еще хуже – если она не умеет, но хочет.

Роберт Фрост

– Вот ее величество Кукамуна вовсе не представляет, где у нас расположена кухня, – задумчиво молвил Юлейн. – Не знаю, печалиться мне по этому поводу или радоваться. Если подумать хорошенько, то, пожалуй, радоваться. Все равно наши законы не позволяют казнить королей за испорченный соус. – И, помолчав, добавил с тоскою во взоре: – А жаль.

Сиреневый многоног Гвалтезий – бессменный распорядитель герцогских трапез – торжественно снял крышку с огромного овального блюда и помахал специальным веером в сторону своего господина, дабы тот смог оценить изысканный пряный аромат кушанья. Затем он приподнял блюдо на щупальцах и дал возможность полюбоваться сим шедевром, пока безжалостный нож едока еще не разрушил его безупречную форму в погоне за соблазнительным содержанием. И только потом отрезал герцогу внушительную порцию.

– Розовые жабы, розовые жабы, – бормотал между тем его величество Юлейн, слывший недурным истолкователем снов.

Дело в том, что года три или четыре тому князь Илгалийский прислал ему внушительную подборку старинных сонников – в счет карточного долга, как водится. И король со скуки изучил их от корки до корки.

Страшен не сон, а его толкование.

Александр Климов

– Знаешь, Зелг, – сказал он наконец, с наслаждением про-

жевявая кусочек фусикряки, – это вещей сон. Точно тебе говорю. Сии жабы снятся к ошеломительным новостям. К чему-то неожиданному и вместе с тем необычайному. Это крайне редкое сновидение. Кстати, о редкостном – я хотел тебя попросить...

– Не люблю я ошеломительных новостей, – пожал плечами его кузен. – Они меня пугают и настораживают. Скажи, а не может быть так, чтобы это были обыкновенные розовые жабы с крылышками, без всякого дополнительного смысла? Летят себе, и пускай летят. Мало ли какие у них могут быть дела?

– Может, у них там гнездо, – заметил князь Мадарьяга, появляясь на веранде. – Всем приятного дня.

Зелг расплылся в улыбке при виде царственного вампира, а вот Юлейн слегка побледнел. Он испытывал симпатию к Мадарьяге, считал его потрясающим рассказчиком и душой компании, но с некоторых пор предпочитал сидеть подальше. Это случилось после того, как одним не менее прекрасным солнечным утром вампир заметил королю, что сегодня тот выглядит еще аппетитнее, нежели обычно.

– Как настроение? – бодро спрашивал князь у молодого некроманта. – Боевое? Волнуешься? Нервничаешь немножко? Впрочем, что это я. Тебе ли, победителю Бэхитехвальда, переживать из-за таких мелочей? Вижу, аппетит у тебя прекрасный, а значит, ты настроен решительно.

Зелг подозрительно посмотрел на сияющего вампира.

Противный внутренний голос уже вопил нечто невразумительное, сея панику, но несчастный Кассар все еще робко надеялся, что слова князя Мадарьяги имеют какое-нибудь простое объяснение, и наивно верил, что ничего страшного не произошло и грядущий день просто не может быть плохим. Он потряс головой, отгоняя ужасные подозрения, и обратился к голему:

– Думгар, я хотел бы поговорить с тобой относительно шпалер в моей спальне.

– Сир, – решительно отвечал великолепный домоправитель, – шпалеры, безусловно, важны. Но, с позволения вашего высочества, шпалеры подождут. Лучше обсудим ваш наряд. Я позволил себе заказать для завтрашнего знаменательного дня традиционную черную мантию, расшитую жемчугами, бриллиантами и кровавыми лалами; что же до головного убора, то, полагаю, вполне приличествует случаю малая герцогская корона с оторочкой из меха сфинкса. К этому ансамблю я рекомендовал бы строгий черный полированный скипетр и черно-красные сапоги из драконьей кожи. Простота и величие – так бы я охарактеризовал найденный образ. Или у вас есть иные пожелания?

– У меня? – уточнил Зелг, не веря своим ушам. – Ты уверен, что у меня должны быть пожелания?

– Вполне вероятно, мессир, – склонил голову голем.

В самые отчаянные минуты своей жизни молодой некромант не чуждался горькой иронии и становился невыносимо

язвительным.

– Может, добавим несколько экстравагантных деталей? – спросил он, с содроганием припоминая, как выглядят малая герцогская корона и тот самый строгий скипетр.

Голем задумался.

– В этом есть рациональное зерно, милорд, – наконец признал он. – Сколько можно идти на поводу у демонов? Вы правы: пора наконец нам самим стать законодателями моды. Пожалуй, я предложу вам надеть накладные крылья из той же черно-красной драконьей чешуи с золотыми когтями. Сего драка лично обезглавил ваш славный предок Люкумболь Саласан да Кассар, о чем вы уже, несомненно, прочитали в семейных хрониках – том второй, со страницы тысяча триста семьдесят шестой по тысяча пятьсот девяносто четвертую. Полагаю, в накладных крыльях вы будете особенно внушительно смотреться на фоне судьи Бедерхема.

В скобках заметим, что небрежное упоминание о демонах не слишком взбудрило несчастного герцога.

Зелг заблел. Его не спросили зачем, а так бы он пояснил, что это такой легкий смешок, которым гордый и отважный человек встречает смертельную опасность.

– Я как раз и хотел спросить, – некстати вставил Юлейн, – можно ли мне хоть глазочком взглянуть завтра на Суд? Я понимаю, что обычных людей туда не пускают, но формально я тоже имею право присутствовать, ибо мы с тобой кровные родственники. Я еще никогда не видел живого демона.

– Малоприятное зрелище, ваше величество, – заметил Думгар.

Если бы некое медицинское светило заботливо спросило сейчас герцога, что он ощущает, ему бы хватило симптомов на десяток серьезных болезней, известных науке, и парочку еще не известных. Так что оное светило имело неплохой шанс защитить диссертацию. Потому что Зелг отвечал бы подробно, обстоятельно и ничего не утаивая.

Собственно, он и открыл рот, дабы рассказать все, что думает, – честно, откровенно, без купюр. Признаться, наконец, что и ему известны отдельные просторечные, зато короткие и энергичные выражения.

Однако речи не получилось.

На террасе появилась очаровательная компания, состоящая из взволнованной мумии герцогского дедули, сосредоточенного и собранного доктора Дотта с полным набором сильнодействующих средств в черном саквояжике, а также жизнерадостного минотавра – единственного, чью душу не терзали тревожные предчувствия.

Такангор раскланялся со всеми присутствующими и, радостно потирая руки, устроился за столом.

Многоног-распорядитель бросился к нему, розовея от радости. Он, как и все до единого повара, находившиеся у него в подчинении, обожал достойного минотавра за то, что никакие события, печали и разочарования не лишали его аппетита. А что может быть приятнее для того, кто всю душу

вложил в трапезу, как не полное, до последней крошки, поглощение оной! Гвалтезий преклонялся перед Такангором и почитал его, как древнее божество; ибо только древние божества, в его представлении, могли с такой ошеломляющей легкостью съесть обед, приготовленный на двадцать среднестатистических персон, и с надеждой осведомляться о добавке.

Повар мыслит порциями.

Эмиль Кроткий

Зелг окинул тоскующим взглядом пышущего жизнью и весельем минотавра и снова заблеял.

Узандаф Ламальва да Кассар подошел поближе и взгляделся в бледное лицо правнука.

– Ты уже знаешь? – спросил он осторожно.

Черный кожаный халат подплыл поближе, приготовившись оказывать первую помощь.

– Это все жабы, – бессвязно забормотал Зелг, – розовые жабы. Теперь я понимаю.

– При чем тут жабы? – изумилась мумия. – Нет, жабы в данном случае совершенно ни при чем. Это ты перепутал с историей о том, как боги Жаниваша создали неистребимую жабу Юцапфу и науськали ее на армию твоего достойного предка Барбеллы да Кассара, которая случайно проходила мимо и ненадолго задержалась в Жаниваше, прельщенная очаровательными пейзажами и сладострастными девами

этой цветущей страны... Словом, вот когда Барбелла убил эту самую Юцапфу, тогда нас прокляли из-за жабы. Но она вовсе не была розовой. Чушь! Не верь тому, кто тебе сказал такую глупость. Юцапфа была цвета расплавленного золота, с тремя синими сверкающими глазками и липким ядовитым язычком – просто прелесть что такое. Можешь сам убедиться: из нее потом набили чучело, прибили к подставке и покрыли лаком. Она у нас где-то в подвале стоит, среди прочих чучел поверженных врагов; совсем не выцвела – это потому, что не пожалели отменного лака. Умели раньше делать, – но стальгически добавил он.

Молодой некромант, впервые услышавший о том, что является владельцем коллекции «мечта таксидермиста», бессильно откинулся на спинку кресла, и доктор Дотт несколько раз помахал рукавом халата, обвевая беднягу.

– Фусикряка сегодня определенно удалась, – заметил Такангор по существу дела. – Можно добавки?

Гвалтезий трепетно вздохнул и пододвинул своему кумиру центральное блюдо.

Король Юлейн, все это время пребывавший в глубокой задумчивости, внезапно вступил в беседу на стороне своего кузена.

– Нет, – сказал он, проявляя недюжинную сообразительность, – розовые жабы очень даже при чем. Полагаю, мы все сейчас услышим неожиданное и в чем-то ошеломляющее известие. Интуиция – у меня прекрасно развита интуиция с тех

пор, как я обзавелся женой и тещей, – заметил он для ясности, – подсказывает мне, что кузен Зелг не знает о предстоящем завтра мероприятии, которое, как мне всегда докладывали, имеет огромное значение для мира и покоя в нашей стране. Полагаю, он ошеломлен и растерян.

– Полагаю, – проскрипел Узандаф, уставившись трагическим взглядом на дневное светило. Оно упрямо карабкалось вверх по небосклону, с каждой минутой приближая час полудня, и тянуть дальше было совершенно невозможно. – А вот если бы кто-то внимательно изучал семейные хроники и зубрил заклęcia, то сейчас не лежал бы за столом с лицом дракона, который наклонился похлебать водички и получил под хвост заряд из магической приспособы. Например, я в вашем возрасте...

– Тоже не отличались особым прилежанием, ваша светлость, – заметил честный голем.

– Просто возмутительно, – заскрипел Узандаф, – в моем возрасте и положении все еще чувствовать себя неоперившимся юнцом только потому, что кто-то старше меня на несчастные несколько тысяч лет.

– Или потому, что вы все еще ведете себя подобно неоперившемуся юнцу, – не остался в долгу Думгар. – Прилично ли вам, в какой-то степени даже покойному, гоняться до самого рассвета за русалками? Не говоря уже о потасовке с кобольдом на прошлой неделе. Я также умолчу о вопиющем происшествии в кладовой. Какой пример вы подаете моло-

дежи?

Старый лев словно бы обновился. Он обнаруживает все признаки молодого осла.

Станислав Ежи Лец

– Ха! – обрадовался Дотт. – Я ничего не слышал об истории в кладовой. Опять устраивал подпольные бега тараканозомби? То-то ты сегодня аж подскакивал.

Думгар вперился в мумию прокурорским взглядом.

– Я бы желал услышать подробности о бегах, если это возможно, – сказал он тоном, не предвещающим виновнику событий ничего хорошего.

– А что бега? Кому они интересны – эти бега? Вернемся же к семейным хроникам, – торопливо предложил Узандаф, некстати припоминая, как его, еще мальчишку, непреклонный домоправитель запер в чулане на целый день, застукав на похищении бутылочки мугагского и попытке распития оной.

Ему, конечно, нашлось бы что возразить. Он мог воззвать к рачительности Думгара, к его стремлению сохранить и приумножить господское добро. А что есть выигрыш на тараканьих бегах, как не это самое сохранение и приумножение фамильного состояния? Правда, заодно пришлось бы признаваться, что он применил «научный подход» – попросту говоря, смухлевал. А этого достойный голем уже не одобрил бы.

– Эти ваши... наши семейные хроники – это пособие для начинающих деспотов, тиранов и извращенцев, – взвыл Зелг, которого, как обычно, подвело слишком живое изображение.

Он представил себе зомби-тараканов, грустно ковыляющих по полосе препятствий, и мириться с действительностью сделалось еще труднее. Не помня себя от горя, он вгрызся в куриную ножку.

– Правильно! – обрадовалась мумия столь верной характеристике. – А ты кто есть, внучек? Ты же и есть потомственный деспот, тиран и извращенец, проклятый в каждом поколении.

Зелг крепко зажмурился.

– И потом, – щебетал дедуля, выходя на финишную прямую, – подумаешь, неделя Бесстрашного Суда. И глазом не моргнешь, как все закончится. Меня тоже пугали: дескать, трудно пережить, трудно пережить! Чепуха! Я даже за твоей прапрабабкой успевал приударять. И на Бедерхема всегда можно положиться, он еще никого не подводил.

– А кто таков этот Бедерхем? – спросил молодой герцог, в глубине души понимая, что это явный перебор и уточнять не следовало. Что-то подсказывало ему, что ответ его не порадует.

– Адский Судья – Обладающий даром пророчества, барон, Повелитель Огненных пустошей и Ядоносных озер, Бедерхем Вездесущий, прозванный Немилосердным, – проба-

сил Думгар, в то время как мумия Узандафа бочком-бочком пыталась улизнуть с террасы, покидая поле боя, пока дотошный голем не приступил вплотную к теме бегов. – Я так понимаю, милорд, что персоны, обязанные всесторонне подготовить вас к завтрашнему мероприятию, даже не заикнулись вам о том, что в двенадцать часов дня летнего солнцестояния начинается неделя, в течение которой вы вершите суд над теми, кого все иные судить не смеют.

– Вопрос, очевидно, риторический, – заметил Мадарьяга, вперив укоризненный взгляд круглых ярко-оранжевых глаз в смущенную мумию.

– Милорд Зелг, кажется, лишился чувств, – раздался бодрый голос Такангора.

– Лишился, – подтвердил доктор Дотт, накапывая в стаканчик порцию какой-то дымящейся дряни.

– Тогда передайте мне, пожалуйста, его порцию фусикряки, – продолжил добрый минотавр. – У него все равно безнадежно испорчен аппетит.

ГЛАВА 3

Судопроизводство в Ниакрохе развивалось по-разному и везде имело ярко выраженные национальные особенности.

Лучше всего дела обстояли у диких народов и в слаборазвитых странах вроде Юсы, Ниспа или Желвацении. То есть там, где до сих пор существовали по принципу «око за око, зуб за зуб», где прав всегда был сильнейший, а самые запутанные дела решались в ритуальной поединке между истцом и ответчиком, с возможным вмешательством свидетелей с обеих сторон. Очень популярны были здесь прогрессивные способы расследования вроде хождения обвиняемого по раскаленным углям, гадания по совиным крикам – если сова не замыкалась в упорном молчании, толкования снов и погодных явлений, прыжков с отвесных скал и игры в кости. Доказательством вины могли служить кривая улыбка наглой соседской собаки, внезапное облысение никому неведомой девы, вожжа, попавшая под хвост, или забродившее вино.

Все то же самое могло стать и причиной для оправдания.

Во всяком случае, никто не морочил голову участникам судебного процесса такими сложными понятиями, как присяжные заседатели, обвинитель, защитник или опротестование. Решения вождя (старейшины или капитана пиратского судна), какими бы диковинными они ни были, не пересматривались и обжалованию не подлежали.

Командир сказал «хорек», и никаких сусликов.

Армейская мудрость

Возможно, время от времени случались недовольные подобным пониманием правосудия, но узнать их мнение мог только кассарийский некромант с его нестандартной способностью общаться с усопшими.

В странах же цивилизованных отправление правосудия становилось жуткой головной болью для всех участников означенного процесса.

В самом деле: хорошо быть честным и неподкупным судьей, если ты принимаешь в производство дело о хищении козы. Или тяжбу горожан о том, кто должен заплатить за разбитый в драке кувшин – тот, кто бил; тот, о чью голову кувшин разбили; или хозяин харчевни, подающий вино в столь некачественных сосудах – бьешь, бьешь им, а противнику хоть бы хны. Можно обязать ответчика жениться на соблазненной им девице, коли та предоставит достаточно доказательств, как то: любовные письма, компрометирующие предметы, свидетелей процесса. Можно даже решить проблему наследования и в случае со спорным завещанием, и в случае, когда оно в помине нет.

Все можно сделать по закону и справедливости, но при том лишь условии, что ты имеешь не формальную, а реальную власть, чтобы судить.

В Ниакрохе же все было сложнее и запутаннее, чем кажется.

ся на первый взгляд.

Кто согласится решать спор между оборотнем и циклопом? Кто посмеет выступить обвинителем против опытного мага, славного своим неуживчивым и склочным характером? Кто посмеет сообщить дракону, что он, дракон, не прав, а потому обязан компенсировать мирным поселянам потерю трех быков и десятка овец? Кто посмеет во всеуслышание заявить вампиру, что он должен сочетаться священными узами брака с мумией, ибо та две тысячи лет хранит его папирусы с пылкими признаниями, писанные в юности, и теперь желает выйти замуж за возлюбленного. Вспомнила наконец имя и фамилию!

Кто установит пределы самозащиты для василиска?

Одни проглатывают обиду. Другие – обидчика.

С. Крытый

Кто сумеет разобраться в деле о торговле мертвыми душами к вящему удовольствию пострадавшей стороны?

И кому присудить замок, если потомки считают, что он их по праву, а усопший владелец еженощно является к судье и не дает ему спать, гремя цепями и шурша саваном?

Опасно быть судьей на этом свете, господа.

В Аздаке, Лешвеке, Таркее, Лягубле и славной Тифантии, как могли, боролись с возникшими трудностями, всяко пытаясь соблюдать законность. Приглашали в качестве судей существ бессмертных. Особо приветствовали призраков, ко-

торым сложнее всего нанести непоправимый вред. Однако призраки, в силу своей призрачной, легковесной сущности, вовсе не торопились поступать на государственную службу, которая многим из них и при жизни надоела хуже горькой редьки. Опять же, далеко не все привидения добросовестно исполняли возложенные на них обязанности, а никаких особых рычагов контроля и управления ими у правительства не обнаружилось.

Как-то выходили из положения при помощи странствующих рыцарей и романтических героев. Они отважны, честны и неподкупны, но непоседливы до ужаса. Их манит ветер странствий. К тому же им привычнее решать споры с мечом в руке, а перекладывать пыльные бумажки – смерти подобно. И их, бессребреников, даже не заманишь высоким жалованьем. Звон монет не трогает их душу.

В Тиронге обо всех этих проблемах давным-давно забыли. С тех пор как братья Гахагуны, воин и чародей, покорили эту страну и стали править ею вдвоем, судебные разбирательства людей и безобидных существ иного происхождения вели люди. Всех иных судил сам король-некромант, могущество которого было столь велико, что ни один дракон, вампир, чародей или оборотень не рискнул бы против него выступить. А если и случались время от времени попытки восстать против его воли, он пресекал их так свирепо и безжалостно, что отбил охоту к неповиновению даже у самых отъявленных безумцев.

Тайная Служба Тиронги считалась лучшей в мире, и прочие государи присылали своих специалистов поучиться у булли-толлийских коллег.

А Кассария сама служила лучшей защитой своему повелителю: в ее пределах он был почти что всемогущ. И поскольку верховный судья королевства никогда не испытывал страха перед теми, кто являлся выслушать его волю и закон, то и суд его прозвали в народе Бесстрашным.

* * *

– Вот же у тебя закладка лежит, с пометкой: «Совершенно секретно, внимательно прочитать», – ворчал дедуля. – Я для кого эти записки притащил на собственном старческом горбу? Для тараканов-зомби? Подробный отчет о проведении дня Бесстрашного Суда в восемь тысяч сто двадцать третьем году от Сотворения Ниакроха. Свежайшие новости, актуальный опыт! – возопил он, начисто игнорируя тот факт, что на дворе стоял год одиннадцать тысяч двухсот третий все от того же сотворения и актуальность текста слегка подрастерялась за истекший период.

– Я думал, это уже история, какие-то древние манускрипты, – слабо защищался Зелг. – Решил изучить на досуге, как-нибудь позже. – Тут он вспомнил, что лучший способ защи-

ты – нападение, и продолжил укоризненно: – Это же какой толщины фолиант – я его в одиночку и поднять не в состоянии. Мне в голову не пришло, что это на самом деле кто-то должен читать.

Небывалая толщина этого отчета надежно защищала его от опасности быть прочитанным.

Уинстон Черчилль

Он лежал на кровати с мокрым полотенцем на голове. Время от времени доктор Дотт дул на это полотенце, и оно становилось ледяным.

Князь Мадарьяга сочувственно вздыхал в кресле. Думгар возвышался в изголовье кровати своего господина. Рядом, на маленькой табуреточке, сидел Карлюза и восторженно глядел на Узандафа, готовясь записать в тетрадку полезные наставления молодым некромантам.

– Вот, – сказала мумия, – бери пример с троглодита. Сидит зубрит, конспекты пишет. Книг не взвешивает, сразу читает. И вообще, никак в толк не возьму – что тебя так взволновало?! Ну, посидишь посреди двора на парадном троне, попринимаешь прошения. Пару раз стукнешь скипетром для большей убедительности. Глазом свирепо зыркнешь.

Тут дедушка критическим оком посмотрел на несчастного Зелга и сам себе возразил:

– Да, зыркать ты еще не потянешь, ну да не беда. Вот и Мадарьяга тут, и Думгар. Такангора посадим по правую руку, а

я встану сзади. Надо будет прожечь кого гневным взглядом – я ему так аккуратненько за хвост просигнализирую – он всех испепелит. В случае крайней необходимости напустим на посетителей Кехертуса или этого... хе-хе-хе... энтузиаста – Мардамона. Он им живо пыл поумерит. А ты сиди, брови сдвигай да хмурься. В чем трудности?

Карлюза, высунув от усердия кончик языка, записал в конспекте: «Свирепо глазить на людь, схмуриваться и бровить, стукотеть скипетром и производить прочую грозительность и свирепие для полного взаимопонимания и сердечной близости с подсудимыми».

– Это же такая огромная ответственность, – пояснил некромант. – Все должно быть по закону и по справедливости, а законы я знаю не очень хорошо, в пределах университетского курса. Причем юриспруденция не была моей специальностью – я ходил на лекции вольнослушателем. Вы улавливаете разницу?

– Дружок, – вкрадчиво сказал вампир, – ты не будешь судить людей. Завтра к тебе толпой явятся скелеты, тролли, циклопы, вампиры – как твой покорный слуга, зомби и прочая милая нелюдь. Им закон не писан. Улавливаешь разницу?

– Еще этот демон! Откуда у нас демон? Я никогда и ничего не слышал о демоне! – сердито буркнул Зелг.

– Тебя же берегли от лишних потрясений. Он у нас на полставки, – пояснил дедуля. – Его еще Барбелла нанял. Жуткий

крючоктвор был твой пращур, мог с одной овцы семь шкур содрать, – а Бедерхем и его уел. Вот Барбелла и решил, что лучшего коллеги и напарника для дней Бесстрашного Суда ему не сыскать ни на этом, ни на том свете. С одной стороны, демон из самых могущественных и почитаемых – ему никто перечить не решится. С другой, очень уж он любит это дело – судить. Потому жалованье просит не слишком высокое, ибо работает из любви к искусству. А еще он заядлый охотник, запомни это и обязательно спроси его, каков нынешний сезон, успешен ли. Усвоил?

– Конечно, – послушно кивнул герцог. – Сколько я помню, сейчас как раз стреляют уткохвостов. Как по мне, варварство какое-то. Прыгаешь себе в зарослях, кувываешь перед дамами, мечтаешь закусить ряской, тихо побрякать в заводи, а тут – бац! И только пух и перья!

– Это ты о чем? – осторожно спросил Мадарьяга.

– Об охоте.

– Прости, я потерял нить разговора, – сказал вампир. – При чем тут уткохвосты?

– Уткохвосты, кому ж еще, – туманно ответил Зелг. – А на кого он, по-твоему, охотится? – И переложил полотенце на затылок. – Хорошо, – сказал он. – Только мокро.

– Сложно предугадать, как ты к этому отнесешься, – дипломатично начал Узандаф, – но утаивать правду нет смысла. Один из титулов Бедерхема – Гончая Князя Тьмы. Он охотится на беглых демонов, опальных сородичей и прочих

могущественных созданий. В свое время он долго гонялся за прадедом Люкумбодем. Тот вспоминал об этой охоте со слезами умиления на глазах. А тренируется демон в Желвацции. На борзых козлятах. Говорят, жутко шустрые твари. Я когда-то слышал, что один гоблин бегал за таким козленком дюжину или более лет. Пока наконец тот не сдох от старости, и гоблин его успешно добыл. Прославился на всю Желваццию и окрестности.

– Вы страшно удивитесь, – язвительно сказал молодой некромант, елозя на полотенце, – но я почему-то испытываю странное предубеждение против демонов. Меня воспитали в духе некоторого недоверия к исчадиям Тьмы и выходцам из Преисподней.

– Ты еще скажи, что и в саму Преисподнюю веришь с трудом, – буркнул Мадарьяга.

– Представьте себе, князь, – отвечал Зелг, недовольство которого было столь велико, что его не могли умерить даже пиетет и уважение к вампиру.

– Представь себе, что и я в некотором роде – демон, – сухо сказал Мадарьяга.

– О чем спор? – изумился Дотт. – Вы же и сами...

– Не надо, я все равно не слушаю, – быстро сказал Зелг.

Недолгий, но уже богатый опыт подсказывал ему, что обширный список сюрпризов вот-вот пополнится еще одним пунктом, и внезапно пробудившийся инстинкт самосохранения мешал ему ознакомиться с его содержанием.

Но Дотта это, как водится, не смутило.

– ...демон, ваше королевское высочество. В какой-то степени, – безжалостно закончил он.

– В какой? – прошептал несчастный герцог.

– Ну, вы даете! – весело изумился доктор, славный своей непочтительностью к высоким особам. – Я, конечно, противник старческого занудства...

– При чем тут возраст? – вспыхнул Узандаф.

– ...но вы и до этого места семейных хроник не дошли. Ваше высочество, при всем моем уважении, – кто будет внимательно изучать семейные хроники: вы или Бумся-Хрюмся? – не унимался Дотт. – Подобное неведение может нанести серьезный, боюсь, даже непоправимый вред вашему здоровью. И не говорите мне, что все болезни проистекают от ваших истрепанных нервов. Лекарь тут я, и я ответственно заявляю: бывают и другие причины.

– Дедушка?! – простонал Зелг.

– Почему чуть что – и сразу «дедушка»? – возмутился тот. – Твоя прапрабабка и моя обожаемая супруга вела свой род от канорских оборотней и к демонам имела весьма отдаленное отношение. Так что с меня взятки гладки. И не надо тарашить на дедушку трагические глазки – на меня, знаешь ли, такие глаза тарашили, что тебе в страшном сне не привидится. И ничего, я неизменно сохранял стойкость и железную выдержку. В связи с этим интересуюсь: где твоя наследственная непоколебимость, прославившая Кас-

саров на полях сражений?

– Дедушка!!!

– Вот Барбелла, – заявила мумия, недовольно морщась, – тот был женат на чистокровной демонице – повелительнице Островов Забвения; и папуля мой драгоценный, твой пра – и так далее – дедушка Вахан Ламавак да Кассар сочетался браком с герцогиней Фаберграсс, владычицей Западных пределов Преисподней, маркизой Снов. Так что сам я демон наполовину – потому, кстати, и относительно пережил нападение Генсена в свое время. Не говоря уже о том, что Корсо, мой непутевый внук и отец твоего отца, сбежал из дому в день своего совершеннолетия, чтобы жениться на любимой женщине. Он разумно предполагал, что ни мы, ни ее родственники согласия на сей брак не дадут.

– На ком он женился? – одними губами спросил Зелг.

Мумия скорее угадала вопрос, нежели услышала его.

– Как писали тогда в газетах, Корсо Илдика да Кассар принес священную клятву верности Шокосунне Любезной. Мало того что она была старше его на полторы тысячи лет, так еще славилась вздорным характером.

– Не зря ее прозвали Любезной, – вмешался Мадарьяга. – По материнской линии мы состоим в родстве. Мать Шокосунны – знатная вампирша. А вот отец – чистопородный демон из самых древних. Здоровый такой, упертый, морда – нездешняя. По-моему, даже спал в боевом облачении. В общем, внешностью Шокосунна пошла в мать, тут ее боги ми-

ловали, но нравом вся в папочку. Чуть что не по ней – сразу норовит вцепиться в горло.

– Да, да, – покивал головой старый герцог. – Истинная правда. Если ты, внучек, рассчитывал на то, что ты человек, то оставь эти беспочвенные надежды. Даже у твоей матушки – рьяной поборницы чистых кровей – не так все просто с происхождением. Иначе бы твой родитель за ней не приударил. И знаешь, что именно меня беспокоит?

Зелг отчаянно замотал головой. Ледяное полотенце больше не спасало положения, и ему казалось – он проваливается в огненную бездну.

– Меня беспокоит, что ты относишься к занятиям спустя рукава. Этот вот культурный шок случился только потому, что некоторые били баклуши и почивали на лаврах. Хотя все баклуши я предусмотрительно приказал вынести из дома еще пару месяцев назад.

– Так точно, милорд, – солидно кивнул Думгар.

– Что вы говорите, господа? Это такое иносказательное выражение, – слабо заметил адепт науки, сползая вниз по подушкам. – Я не видел в жизни ни одной баклуши.

– А все почему? Все потому, что ты до сих пор не сделал ревизию своему наследству, которое твои предки в поте лица копили в грабежах и походах, – окончательно разозлилась мумия. – Семь шикарных, новеньких, прекрасно исполненных приглашенными специалистами, ярко раскрашенных баклуш до недавнего времени лежали в кладовке,

и хоть кто-то пришел на них посмотреть?! Нет!!! Он вздыхал при луне и бормотал рифмы. И вот результат – он не знает даже имен своих славных предков. Он даже не знает, какие меры безопасности должен соблюдать при общении с почтенным судьей Бедерхемом! И все это он собирается уяснить за один вечер!

– Не собираюсь, – возразил Зелг.

– Еще как собираешься, – утешил его князь Мадарьяга. – Иначе тут такое начнется! Ну а тебе и вовсе крышка.

– Уже началось, – скорбно молвил некромант. – Уже крышка.

– У-ти, какой оптимист, – хмыкнула мумия. – Я уже успел забыть про такие неприятности, которых ты еще не видел. А какие еще будут!

Не отчаивайся. Худшее еще впереди.

Ф. Ч. Джонсон

– Спасибо за утешение, – насупился внук.

– Мое невеликое сердце полно нетроглодитского почтения и толики зависти, – признал внезапно Карлюза, скромно скрипевший перышком все это время. – Состоять кровнородственным с Фаберграссами – восторг и упоение. Менял бы стремительно свою грибиную плантацию и наследство в лабиринтах Сэнгерая на бабушку-демоницу высокого происхождения.

«Троглодит, что с него возьмешь?» – подумал Зелг.

Он молчал, внимательно глядя в зеркало, пытаясь и одновременно страшась увидеть в нем мрачного демона. Впрочем, зеркало сочувственно отражало изумленного и взъерошенного молодого человека с глазами как плоски и торчащей во все стороны шевелюрой. Человек был мил, привлекателен и вовсе не страшен. Может, он немного и смахивал на безумца – но пусть тот из нас, кто может похвастаться абсолютной адекватностью, первым запишется на прием к доктору Дотту.

* * *

Зло, как и добро, имеет своих героев.

Франсуа Ларошфуко

«Год от Сотворения Ниакроха девять тысяч шестьсот пятьдесят третий. Замок Кассария. Ночь полнолуния. Великий праздник бракосочетания мессира Барбеллы да Кассара, владетельного князя Плактура, принца Гахагуна, и Моубрай Яростной, маркизы Сартейн, повелительницы Островов Забвения и Полей Тьмы.

Во время великой войны случилась любовь герцога да Кассара и бесстрашной демоницы Моубрай, что командовала в битве легионами черных демонов ярости. Очевидцы гово-

рят, что сошлись они в поединке, дабы сберечь свои войска, и длился сей бой пять дней и пять ночей. И все это время армии прославляли своих великих героев.

— Как жаль, великолепная, что битва разделяет нас, ибо не встречал я дамы прекрасней. И сердце мое, которым до сей минуты владел безраздельно, теперь принадлежит не мне, а вам. И кабы дело касалось меня одного, то бросил бы я к вашим ногам оружие, снял доспехи и позволил вырвать мне сердце, ибо не представлял бы себе лучшей для него хозяйки. Но есть еще долг перед моими подданными, и с болью в душе я выйду на бой, и предупреждаю, что коли хватит мне умения и сил, то убью вас. А после — стану оплакивать и тосковать вечно, — вот как сказал Барбелла да Кассар.

— О прекрасный рыцарь! — отвечала на то маркиза Моубрай. — Ни в мире наземном, ни в мире подземном, ни в огненной Преисподней не встречала я того, кто тронул бы мое черное сердце. Ледяным оставалось оно даже в яростном пламени Ада. Одинокой была я все долгие века от сотворения Ниакроха, одинокой полагала и кануть в реку вечности. Но неразумно лукавить перед боем, который может стать последним для одного из нас: если бы не война между демонами и некромантами, то лучшего супруга и отца моих детей я не желала бы. Клянусь вам всеми демонами Преисподней, что если убью вас сегодня, то вечный холод скует мое сердце и никогда моя рука не будет принадлежать другому.

А потом сошлись они на поле, и зазвенели клинки.

И сломала маркиза меч Адского Пламени о броню Барбеллы, ибо была та броня сделана из золотой шкуры неистребимой жабы Юцапфы, созданной болотными богами Жаниваши. И раскололся на три части клинок самого Барбеллы, ибо крепче были крылья Моубрай Яростной, закаленные в огне Преисподней.

Подняли они тогда копья и направили их друг против друга. Криками приветствовали их войска: легионы мертвых, пришедшие защищать свои земли, и подданные Князя Тьмы, жаждавшие утвердить свою власть в новых пределах. Грозно кричали демоны и высекали искры ударами когтей о когти; а скелеты били мечами о щиты.

И живые союзники некроманта: гномы, кобольды, морюки, бестии, сфинксы, василиски и прочие твари, сколько их ни есть во владениях кассарийцев, – возопили от радости, видя, что не уступает господин их Барбелла адской воительнице.

Ударилось копьё Моубрай в щит Барбеллы, расписанный колдунами Сэнгерая, и треснуло оно. Тогда направил некромант свое копьё в сердце противницы, но в последний момент отворотил его острие и вонзил его в землю. А потом заключил в объятия демоницу, и хоть сопротивлялась она ему и хлопала своими серебряными крыльями, но очевидцы молвят, что скоро сдалась и сама прильнула к губам избранника в страстном поцелуе.

Немало смущены были сим происшествием обе стороны.

Долгую думу думал отец Моубрай, демон Гнева и Скорби Каванах Шестиглавый. Но непреклонной оказалась его прекрасная дочь и настойчив Барбелла, презревший некогда волю жанивашиских богов. Пришлось адскому племени согласиться на брак Моубрай и нашего славного повелителя.

Грандиозный праздник затеял Барбелла в своем замке. Повсюду горят разноцветные огни – то духи озер и болот освещают своему повелителю мрак ночи. Гремят фанфары, и сладкоголосое пение улаживает слух. Даже грозные демоны внемлют сим дивным звукам. То русалки и тритоны славят свою новую госпожу и ее великих родичей. А явившийся из тьмы веков дух знаменитого прорицателя Лура посулил молодым долгие лета счастливой и славной жизни.

Полные серебряные котлы золота и самоцветов прислали в Кассарию владыки Сэнгерая и Юсы; лучшее в мире оружие привезли аздакские послы; бочонки с мугагским вином пришли из Таркеи с благопожеланиями от ее повелителя. Бесценные дары везли со всех сторон Ниакроха – из Желвацинии, Тифантии, Ниспа, Канорры, Жаниваши, Лягубля и Гриома, славного своими шелковыми тканями и изделиями из них.

Орки Пальп подарили Барбелле свое самое древнее кладбище, где были погребены лучшие их воины. Тролли открыли старинные пещеры с потерянными сокровищами. Драконы поднесли броню, сделанную из шкур величайших предков.

И прочий мир радовался вместе с Кассаром и его поддан-

ными.

Даже сам ужасный владыка Преисподней благословил союз Барбеллы и прекрасной Моубрай и почтил свадебный пир своим присутствием.

А когда празднество было в разгаре, пронесся по всему замку голос Цигры – рока кассарийцев.

И возвестило Цигра непреклонную волю судьбы: могущественны и прекрасны будут дети и потомки демонов и некромантов. Великие и славные деяния суждены им. Многие народы запомнят их имена. Многие будут благословлять. Многие же и содрогнутся. Ничего не должны бояться потомки гордых родов – повелителей Преисподней и повелителей смерти. Однако пусть помнят они, что даже всемогущей судьбе неизвестно, что станет, если ледяная кровь истинною демона смешается с горячей кровью потомка Барбеллы и Моубрай. Суждено ли ему внезапная и страшная кончина либо вечное Ничто; невиданное могущество, которого не прощают боги, либо полный крах, которому ужаснется и ничтожнейший, – в любом случае, только это навсегда может изменить существо, в жилах которого течет кровь Кассаров и Каванаха Шестиглавого, великого маршала Тьмы...»

– Ну а уж после того как папуля, следуя хорошей семейной традиции, женился на мамуле, все окончательно запуталось, – заключил Узандаф.

Вызванный в спальню Зелга библиотечный эльф аккуратно упаковал старинную рукопись в широкую костяную трубу и плотно закрыл резной крышкой.

– И что теперь? – тревожно спросил Зелг.

– Теперь тебе, как и всем нам, впрочем, придется соблюдать меры предосторожности, только-то и всего. Ничего сложного, даже для тебя, – не удержался Узандаф от упрека. – В сущности, опасность угрожает нам лишь в том случае, если демон нас укусит и впрыснет в рану яд либо если ранит до крови и намеренно смешает свою кровь с нашей. То есть в пророчестве речь идет исключительно о физическом смешивании: как, например, рялямсы с молоком. Жениться не воспрещается. Это я к тому, вдруг тебе понравится какая-нибудь демонесса...

Из уважения к чувствам дедушки – все-таки его мать относилась к упомянутым особам – Зелг умолчал о том, в какой ситуации он согласится связать свою судьбу с обитательницей Преисподней. Следовало перевести разговор на другую тему, и такая тема нашлась.

– Да, кстати, – заметил дотошный молодой человек, – ты же говорил, что жаба Юцапфа стоит у нас в подвале, на подставке, покрытая лаком. Как же тогда броня дедушки Барбеллы могла быть сделана из ее шкуры?

– Тоже мне – пухнямский тарантас, – пожала плечами мумия. – Я тебе битый час твержу, что твой пращур мог содрать семь шкур с одной несчастной овцы, не то что с волшебной

жабы. У меня до сих пор есть куртка из ее кожи, досталась по наследству – приталенная такая, с широкими отворотами и золотым позументом по воротнику. Хочешь, подарю? Я все равно никуда не выхожу, а куртка мировецкая. В твоём парадном плаще вставка, думаешь, откуда? И в музее хранится образец. А ещё одну шкуру он подарил тестю, в знак почтения и сыновней любви. Нашел чему удивляться. Лучше бы опыт перенимал, а то разоримся вконец.

– Уму непостижимо. Я – демон! Что сказала бы матушка Ласика?

– А что бы она сказала?

– Что я окончательно помешался из-за своих бесконечных занятий, раз всерьез рассуждаю о такой чепухе... Стоп! Отчего это мы вдруг разоримся? Думгар отчет показывал – у нас денег куча.

– Куча денег не бывает чрезмерной, – заметил Думгар в присущей ему сдержанной, слегка архаичной манере.

– Как отчего?! – вскричал Узандаф. – Я давно предлагаю продавать автографы по два серебряных пульцигроша. И людям приятно, и нам доход. А ты велел штамповать их безвозмездно. Ладно ты пацифист – хотя бы о детях подумай!

– Каких детях?!

– И не будет никаких детей! Потому что какая уважающая себя барышня пойдет замуж за такого недотепу?

– Если милорд позволит, то я сказал бы, что два серебряных пульцигроша – умеренная и справедливая плата за ав-

тограф героев великой войны с Бэхитехвальдом, – кашлянул Думгар. – Если же милорду трудно смириться с подобной мыслью, то для облегчения его душевных мук мы могли бы делать разумные отчисления в пользу Военной академии Рыцарства и Джентльменства или, скажем, Госпиталя Принудительного Милосердия. Весьма известное заведение, и все ваши предки являлись его почетными попечителями. Дотт, не сиди сложа рукава: накапай мессире Зелгу успокоительного.

– А нам плесни по чашечке эфирчика, – предложила мумия. – Оказывается, это ужасно трудно – воспитывать подрастающее поколение в духе славных традиций предков.

Зелгу было что возразить, но он не успел.

В окно робко побарабанили.

Точнее, это присутствующие знали, что робко. На самом деле стекла звенели и тряслись, как при настоящем землетрясении, и тяжелая серебряная люстра заходила ходуном. Запрыгали стаканы на ночном столике. А знаменитое герцогское зеркало попросту отказалось отражать окружающий мир и обиженно подернулось дымкой.

– Землетрясение? – уточнил маленький Карлюза, не увидевший источника переполоха из-за мощной фигуры Думгара.

Его стульчик в испуге выскочил из-под него и забился в угол.

Землетрясение – это когда неподвижность приходит в движение.

Житель Калифорнии

– Зачем же – землетрясение? – сказал Кехертус, заглядывая в комнату двумя большими глазами. – Пауки прекрасно чувствуют приближающиеся катаклизмы. Уж я бы предупредил. Я извиняюсь. Мессир Зелг, поговорить бы надо. По личному вопросу.

* * *

Спустя два часа король Юлейн поинтересовался у взволнованного домового, что происходит в замке, и услышал несколько ошеломительных новостей.

Во-первых, выяснилось, что его высочеству Зелгу необходимо пройти ускоренный курс молодого Бесстрашного Судьи, так как он манкировал своими прямыми обязанностями и не прочитал поучительные и полезные заметки предков по данному вопросу.

Разумеется, сам домовой слова «манкировать» не употреблял и изложил эти факты иносказательно, проявив максимум почтительности к своему повелителю.

Во-вторых, по ходу дела стало известно, что мессир да

Кассар состоит в родстве с демонами. Правда, кроме самого мессира, в Кассарии этим никого не удивишь. Но никто в Кассарии уже не удивляется тому, какими пустяками можно удивить и обескуражить мессира.

Король оценил каламбур, но на всякий случай попросил повторить помедленнее.

В-третьих и главных, в замке ожидают скорого прибытия важного гостя – величайшего паука всех времен и народов, главного героя светских хроник, печатающихся во «Всемирной сети» и «Многоногом сплетнике», – Гигапонта, дядю Кехертуса. Дядя прославился многими подвигами, и дело чести для всех подданных Зелга – принять его с подобающими почестями и окружить вниманием и заботой.

Собственно, это и был тот самый личный вопрос, из-за которого Кехертус позволил себе побеспокоить Зелга в его покоях.

Накануне вечером Думгар деликатно, но твердо спросил, где их славный товарищ предпочитает проводить ночи, ибо ему, голему, доподлинно известно, что в пределах поместья он отсутствует.

Смущенно теребя лапами шелковистую паутину, которую он выпускал всякий раз, когда обстоятельства принуждали его долгое время сидеть на одном месте, Кехертус пояснил, что дело заключается как раз в ней – паутине. Он способен быстро и качественно запаковать любой предмет, и господин Крифиан составил ему протекцию в местном почтовом от-

делении, где заведующим вот уж лет триста – племянник его сослуживца. И теперь он, Кехертус, работает в ночную смену на почте: пакует бандерольки и посылки и иногда плетет на заказ дарственные шелковые кисеты с милыми узорчиками, кальсоны, постельное белье, перчатки и варежки. С одной стороны, пояснил паук, это занятие несколько охлаждает его охотничий пыл; а с другой – помогает заработать.

Полученные деньги он отправляет в самый старый и солидный банк Тиронги – «Надежные пещеры», открытый кобольдами в Булли-Толли чуть ли не во времена правления Козимы Второго Бережливого.

Пока суть да дело, рассуждал он, пока милорд Зелг отправится в странствие, на поиски Хранителя, а после и Неразрушимых врат, ведущих в Бэхитехвальд, – других источников дохода не предвидится. Кехертус же, как и все пауки, был свято уверен в том, что однажды обязательно наступит «черный день». И этот день нужно встретить во всеоружии – то есть здоровым и очень богатым.

Эти слова нашли отклик в каменном сердце его собеседника. Он полностью поддержал здравую мысль и даже развил ее, посоветовав Кехертусу выторговать у кобольдов разрешение на льготный вклад в обмен на участие в рекламной кампании банка. Паук нашел идею интересной и заслуживающей одобрения.

А потом поведал голему, что, работая нынешней ночью в почтовом отделении, он и обнаружил адресованное ему лич-

но письмо. Послание пришло от любимого дяди, который собирался завернуть в Кассарию по дороге в Нисп. Дядя Гигапонт хотел посмотреть на племянника, которого не видел долгих шесть или семь лет, поговорить о том о сем, вспомнить прошлое.

– После смерти папы и мамы дядя остался главой семейства. Уже только по этой причине я обязан принять его по высшему разряду. К тому же я его люблю и очень по нему соскучился.

– Мессир Зелг, равно как и все его подданные, будет счастлив познакомиться с господином Гигапонтом, – торжественно молвил Думгар. – Я уже распорядился насчет оркестра, красной ковровой дорожки, фейерверков и увеселительных мероприятий. Знамена обновили; столовое золото надраено; парадные доспехи выставлены в пиршественном зале. Само собой, – тут голем окинул Кехертуса таким взглядом, будто собирался шить ему костюм, – к завтрашнему утру мы снимем ворота, дабы ничем не затруднить прибытие вашего дяди.

Паук растроганно покачался из стороны в сторону и, не имея слов, чтобы выразить свою благодарность, вручил голему только что сплетенный носовой платок с монограммой.

– Эх, опять непредвиденные обстоятельства, – пожаловался Такангор, припадая к животворящей струе из высокого кувшина. – Снова неотложные дела задерживают нас в замке. Скоро я порасту мхом и покроюсь пылью. Если бы маменька знали, в каком бездействии находится папенькин боевой топорик, они бы из меня ляпики сделали. Под клюквенным, разумеется, соусом.

– Всего лишь неделя, – откликнулся Нунамикус Пу, щелкая костяшками счетов, – и вы можете спокойно отправляться в путь. Иные воины только мечтают о неделе отдыха.

– Мессир Зелг не слишком хочет покидать Кассарию, – сокрушенно покачал головой минотавр. – Боюсь, он и впоследствии изыщет причину, чтобы задержаться. Ссылается на неопытность и необходимость ежедневных занятий. Однако же опыт приходит во время питья. Я хотел сказать, сражений.

– Ему придется выступить в этот поход, даже если он не желает того. Предназначение – жестокая и непреклонная штука, – сказал скелет. – Правда, дружище Фафетус?

– Правда, – согласился кобольд, протирая тряпочкой очередной шедевр горгоны Ианиды – какого-то чересчур назойливого торговца, пытавшегося всучить ей волшебную мазь

от старческих морщин.

Восхищенный затейливой позой и редким выражением лица, Фафетус выпросил временно потерявшего трудоспособность торговца у смущенного Альгерса. Кузнец частенько раздавал друзьям окаменевших бедолаг, имевших несчастье разозлить его супругу, горгону. Правда, она, как могла, старалась сдерживать себя, и потому жертвы ее всегда (или почти всегда) приходили в чувство. А пока действие взгляда не прошло, они, сами того не ведая, служили забавными украшениями различных интерьеров.

Фафетус втиснул в одну холодную руку расписную глиняную кружку, а в другую – плакатик «Всегда свежая бульбякса собственного приготовления. На рассвете – гибкая система скидок. Постоянным клиентам – порция за счет заведения». Отступил на шаг и любовался своей работой.

– Красавец! – сказал он довольно. – Такой процентов на двадцать повысит нашу прибыль на этой неделе. А то и более. Я бы и сам пришел на него посмотреть. Это ж надо иметь мозги, чтобы соваться к молодой даме с предложением избавиться от старческих морщин. Его счастье, что он не подкатился со своими грандиозными идейками к мадам Мумезе.

– Ветер судьбы подхватит мессира и сам понесет в нужном направлении, – задумчиво молвил скелет, продолжая прерванный разговор. – Так что, милорд Такангор, наслаждайтесь вашими любимыми напитками в вашем, смею надеяться, любимом баре, пока есть такая возможность.

– Ох, – молвил кобольд, устало падая на высокий стул за барной стойкой, – ох-ох! Сил нет, как уработался. А это только начало: что здесь будет завтра...

– Представляю себе этот наплыв пилигримов. Сколько лет не было настоящего, полноценного Бесстрашного Суда – сюда толпы хлынут, – подтвердил Нунамикус.

– Странно, что сегодня здесь тишина и покой, – хмыкнул Такангор.

– Закон строго воспрещает посетителям появляться в пределах Кассарии хотя бы на день раньше.

– Разумное решение, – согласился минотавр.

– Иоффу сюда калачом не заманишь – ему сейчас нужно осуществлять общее руководство и готовить Виззл к приему приезжих. Они с сыновьями просто с ног сбились: деревню и украсить надо, и обезопасить. Ибо разные бывали случаи. Альгерс все никак в себя не придет после пятницы. Что-то он уж чересчур повеселился, а Ианида эти дни не в настроении...

– Заметно. – И минотавр указал рогами на торговца с плакатом.

– Вот-вот. Явился он, значит, домой – правда, кружным путем добирался, болото как-то захватил, но все-таки честно дополз до супружеского гнезда, а она очами повела... Словом, убытку мне рупезы на три в день. Альгерс обычно вкушал горячительных напитков на три рупезы. – И скелет что-то записал в своем грессбухе. – Отвращение у него к питию.

И раньше такое замечали, но на следующий день проходило. А тут уж скоро неделя, как трезвость блюдет.

– Да. – Такангор сочувственно поморгал. – За душу берет. Ну что, Фафетус, давай я поправлю ваше финансовое положение. Сооруди-ка мне две порции «Марш скелетов», один кувшинчик старого доброго «Дыхания дракона» и похвастайся своим новым коктейлем. Гописса мне все уши прожужжал.

– «Подвиг Гописсы», – сказал польщенный кобольд, – это удивительно бодрящий, вдохновляющий на благородные деяния, освежающий напиток. Правда, вам, милорд Такангор, есть смысл заказывать его сразу бочонком. Он чересчур легкий, чтобы всколыхнуть такую основательную душу, как ваша. Его крепость рассчитана на библиотекарей, трактирщиков, почтальонов и прочих работников умственного труда. Не исключено, впрочем, что он придется вам по вкусу.

– Придется, придется, – заверил его добрый минотавр. – А для верности я пригублю вон то серебряное ведро «Гнева Мунемеи». Кстати, ты когда-то собирался мне рассказать, откуда такое название, но не успел.

– С удовольствием, – сказал кобольд, колдуя за стойкой. Он что-то встряхивал, смешивал, нюхал, смотрел на свет, брызгал, крошил, снова перемешивал и снова подносил к глазам...

Такангор отдыхал душой, глядя на все эти манипуляции. Это истинный мастер своего дела. Не какой-нибудь Кашхаза

из таверны «Рыбья голова».

– История названия этого особенно дорогого для меня напитка уходит в далекое прошлое и весьма занимательна...

Что-то не так было с названием «Гнев Мунемеи». Явно не так. Сглазил его кто-то, что ли? Но и в этот раз Фафетусу не удалось продвинуться дальше вступительного слова.

– Приветствую вас, братья и друзья! – донеслось от дверей. – Какую прекрасную жертву выставили вы у входа в этот храм утоления и возлияния. Может ли странствующий жрец промочить здесь горло и обратиться к вам с речью?

И в дверном проеме нарисовался Мардамон, чье внезапное и весьма шумное появление уже второй день горячо обсуждалось в Визле и его окрестностях.

Жрец с восторгом огляделся по сторонам.

Мрачное очарование грота, в котором расположился бар «Расторопные телеги», явно пришлось ему по вкусу. Он оценил стертые каменные ступени, корявое дерево с филином, бассейн с водопадиком и странное существо, водившееся в бассейне и время от времени кричавшее дурным голосом на нерасторопных официантов. Его не могли оставить равнодушным каменные столы и тяжелые табуреты, сделанные из старых пней.

Мардамон прошелся по бару кавалерийским шагом, трепетно провел рукой по тяжелой столешнице из черного гранита, заглянул под стол, проверил его устойчивость.

– Какой прекрасный стол, – сказал он горячо. – Наверное,

на нем чудесно совершать жертвоприношения.

– Никогда не рассматривал его с этой точки зрения, – пожал плечами скелет.

– И напрасно.

– По первому вопросу – никаких возражений, – заявил кобольд, пресекая дальнейшие попытки жреца обсудить назначение стола. – Изучайте карту напитков и пейте сколько войдет. Что же до речей, то речи здесь произносят только по поводу питья.

– Тоже достойная тема, – обрадовался Мардамон. – А могу ли я узнать, какие жертвы вы приносите богам виноделия, виночерпия и винопития?

– А что – есть бог винопития? – изумился Такангор. – В жизни не слышал ничего подобного.

– Должен быть, – убежденно молвил жрец. – Если бы я был Тотис и населял Ниакрох младшими божествами, то обязательно создал бы специального бога, ответственного за сам процесс. Иначе кому нам приносить жертвы во время жестокого похмелья? Кого просить о помощи?

– Бармена, разумеется, – сказал Фафетус. – Это любой кентавр знает.

– А если бармена нет поблизости? Вот вы что делаете?

И Мардамон выжидательно уставился на минотавра.

– Вы обратились не по адресу, – сдержанно ответил за Такангора Нунамикус Пу. – Милорд не делает ничего. Милорд незнаком с неприятным явлением «похмелье».

Жрец хотел сказать, что его надувают самым бессовестным образом, но взглянул на батарею сосудов, выставленных перед генералом Топотаном, и погрузился в размышления. Вероятно, он думал о том, что боги несправедливы. Верные знают, что такое похмелье, а неверные – ведать не ведают.

– Что-то здесь не так. – Мардамон принял из рук кобольда огромную оловянную кружку с бульбяксой и задумался. – Что-то здесь определено не так. Кстати, у вас тут шныряет огромная рыжая крыса.

– Это Муфларий, младший официант.

– Давно?

– Лет семьдесят-восемьдесят, – пожал плечами кобольд. – А что?

– Давненько, – не унимался жрец. – Значит, надежд не подает. А другие официанты есть?

– Само собой.

– Раз есть кому работать, неплохо было бы им пожертвовать – для пушшего процветания, увеличения доходов, прироста постоянных клиентов и прочего благополучия. Могу быстро и качественно провести ритуал.

Муфларий обиженно взвизгнул и скрылся в темной норе, в самом дальнем углу бара. Филин, принимавший заказы на дереве за стойкой, неодобрительно покосился на грубияна.

Мышь, у которой одна нора, живет недолго.

Джордж Герберт

Такангор с интересом уставился на Мардамона. Он еще не знал, какую пользу тот может принести в войсках, но гениальное чутье, делавшее минотавра лучшим полководцем современности, подсказывало, что польза от него будет.

– Дикость какая-то, – сказал жрец в пространство. – Полное невежество по части жертвоприношений. Предвижу грандиозные трудности, с которыми столкнусь при окультуривании местного населения, но я не отступлю. Лично я полон энтузиазма. Налейте-ка мне еще кружечку.

* * *

Пришла полночь. Украсила ночное небо по своему вкусу – крохотными сверкающими камешками звезд и апельсиновой долькой молодой луны.

Семеро замковых призраков увлеченно украшали подворье гирляндами свежеевяленных тушек, призванных усладить взор и обоняние дяди Гигапонта. У дверей господского дома спали Бумсик и Хрюмсик, и, судя по выражению их морд, хрюкам снилось что-то прекрасное.

Староста Иоффа вышел прогуляться по ночным полям. До полнолуния было еще далеко, но грядущая неделя Бесстрашного Суда требовала от него всех сил, нервов, терпения и рассудительности, какими он обладал. И он разумно

решил встряхнуться и запастись положительными эмоциями.

Огромный оборотень посвятил свою ночную прогулку посещению памятных мест: полянки, где впервые поцеловал будущую жену; опушки, где впервые услышал, что станет отцом; лесного озера, в котором однажды хотел утопиться после очередного приезда драгоценной тещи. Он бродил по окрестностям Виззла, и благостный покой изливался на его душу.

Темная громада замка четко выделялась на фоне ясного неба цвета аметиста. В двух крайних окнах на втором этаже господского дома все еще горел свет, да светился огонек в окне спальни самого Зелга.

То, что молодой некромант не спал этой прекрасной ночью, вполне объяснимо. А вот граф да Унара и главный бурмасингер бодрствовали по совершенно иным причинам.

В отличие от герцога они не так переживали грядущее мероприятие. Скорее, им было интересно: мало кто может похвалиться тем, что присутствовал на Бесстрашном Суде. И угрызения совести, которые часто становятся причиной бессонницы, их тоже не терзали. И беспричинная тревога не мучила.

Они работали. Как привыкли работать в своем кабинете в здании Королевской Тайной Службы на площади Жертв Восстания в Булли-Толли – и не могли вдруг, с бухты-баракхты, изменить привычкам, выработанным годами.

Полночь. Самый разгар рабочего дня.

– Как интересно живут люди! – поразился граф да Унара, пробегая глазами очередное прошение. – Оказывается, мы с вами, дорогой Фафут, не посвящены и в десятую долю проблем наших добрых подданных. Какой, однако, щелчок по носу: я-то, болван, мнил себя существом осведомленным.

– Мир перевернулся, – откликнулся главный бурмасингер откуда-то из-под стола, где последние полчаса отлавливал шустрого, аки мышь, домового, умыкнувшего его именную походную чернильницу, отлитую из чистого золота.

Духу было скучно, чернильницы как таковой он не алкал, просто хотел поиграть в догонялки. Но господину Фафуту претила сама мысль о том, что прямо под его носом совершена кража. Что уж тогда говорить о событиях, сокрытых от начальственного взора. С такими темпами могут разжаловать в простые стражники и поставить с алебардой на пустынном перекрестке – охранять дорожный указатель.

Наконец главному бурмасингеру надоело скакать на четвереньках по кабинету, и он прибег к крайним мерам.

– Придется, видимо, сказать милорду Думгару, что его подчиненные совершенно отбились от рук, – мечтательно произнес он в пространство между портретом какого-то вампира, хорошего друга семьи да Кассаров, и раритетным фарфоровым блюдечком, из которого любил кушать варенье еще Валтасей Тоюмеф.

Дух охнул, ахнул от такой человеческой несправедливо-

сти, решительно водрузил чернильницу на макушку бедняги Фафута и вылетел в каминную трубу.

– Как бы и мне добиться такого авторитета? – вздохнул бурмасингер.

– Риторический вопрос, – сказал граф. – Станьте каменным исполином с неподвижной физиономией, сотрясайтесь замком шагами, сокрушайте крепостные стены ударом кулака – и люди к вам сразу потянутся.

Не могу успокоиться: я был уверен, что вижу насквозь любого гражданина и читаю каждую его нехитрую мыслишку. И что обнаруживается после двадцати лет беспорочной службы? Что наш народ неустанно борется вовсе не с налоговой службой маркиза Гизонги, как я наивно полагал, и не с нами даже – у них совсем другие проблемы! У грифонов свои горести, у призраков – свои; кентавры жалуются на дендроидов, а те, в свою очередь, на людей, которые вырубают леса. Циклопы и горные великаны находятся в постоянной конфронтации, а происходит все это на спорной территории, на которую претендуют тролли. Обычные оборотни испытывают сильнейшие притеснения от оборотней каноррских. Бангасойские демоны никак не могут добиться, чтобы их признали равноправными в Нижнем Мире.

– Где?

– В Преисподней, – любезно пояснил граф.

– С ума сойти!

– Не нужно. Вот дело о краже вавилобстеров в особо круп-

ных размерах. Откладывалось несколько десятков раз из-за неявки ответчика – некоего Хупелги, гоблина. Ударился в бега еще в позапрошлом веке, до сих пор не могут отыскать. Семья на все запросы отвечает, что он охотится в Пальпах на борзых козлят.

– Кто ж охотится на борзых козлят? – вскричал бурмасингер.

Да Унара пожал плечами.

– Вот, прошу, полюбуйтесь, у этого господина утащили душу в прошлый четверг, и он просит ее вернуть. Кстати, Фафут, вы не знаете, что может произойти с человеком, у которого похитили душу?

– Понятия не имею, ваше сиятельство. Но могу проконсультироваться у Дотта.

– Разве это медицинская проблема?

– Послушать его – все проблемы медицинские.

– Ему виднее, с того света.

– Не уверен, – замялся главный бурмасингер. – Слишком уж он озабочен земными проблемами. В нем неистребим дух плоти, если можно так выразиться.

– Изящная мысль, друг мой, – усмехнулся да Унара. – О, а вам чего, милейший?

Сей вопрос был адресован симпатичной ушастой голове с приплюснутым носом и чрезвычайно большими, в кулак, красными глазами. Голова шевелила ушами, вращала глазами, дружелюбно подмигивала, крутила пятак и старалась

протиснуться в приоткрытое по случаю жары окно. Влезала только нижняя часть своеобразного лица, и, чтобы говорить, существу приходилось вытягивать губы дудочкой.

– Мне бы автограф, – робко пискнула «дудочка».

– Чей?

– Мессира Зелга, милорда Думгара, генерала Топотана, конечно. Славного Гописсы и его хлебопекарной роты поименно и поголовно, мадам Ианиды, мадам Мумезы... Вот, у меня тут списочек, в алфавитном порядке.

– Существует отдельная очередь, по записи, – заученно забубнил Фафут. – У парковой калитки спросите ундину, которая сидит на третьем дубе слева от входа. Она работает с девяти утра ежедневно. По спорным вопросам можете обращаться к утоплику, в колодец на заднем дворе.

– Я там уже был, – запротестовала голова. – Он меня к вам направил. Сказал, это не в его кон... конпе...

– Компетенции, – любезно подсказал граф.

– Вот-вот.

– Бездельник, – рассердился бурмасингер. – Ну, в чем дело?

– В списочке, – печально поведал любитель автографов.

– Давайте посмотрю.

– Окно откройте, пожалуйста.

– А вы в щель просуньте.

– Нет, – окончательно опечалилась голова. – В щель списочек не пролезет.

И посетитель помахал в воздухе толстенной кипой листов, в каждый из которых можно было завернуть средних размеров троглодита. Как он удерживал их на весу, оставалось загадкой.

– Что это? – тихо спросил граф.

– Я же объяснял: прошение и список лиц, у которых бабушка желала бы получить автографы. Она у меня коллекционирует автографы знаменитостей, – пояснил ночной пришелец с невыразимой тоской во взоре. – Круглый год мотаюсь по стране по ее поручениям. Она у меня старенькая, но еще сильная. За двери выставит, и без автографа, говорит, не возвращайся!

– Вы на небо смотрели, милейший? – поинтересовался Фафут.

– Я по нему пролетал.

– Молодой месяц видели?

Посетитель с готовностью закивал головой.

– Это вам о чем-нибудь говорит?

– Надо ему деньги показывать. Звенеть рупезами. Чтоб всегда водились. Есть время копить казну, а есть время тратить казну, – поделился собиратель автографов.

– Понятно, – обреченно молвил главный бурмасингер и вытянул из-под стола большой ящик с факсимильными печатями героев войны.

«Дорогая мама, здравствуйте!»

Такангор подпер кулаком мохнатую щеку и мечтательно уставился в окно, в ту сторону, где он упорно предполагал местонахождение Малых Пегасиков. Ему взгрустнулось. Он вспомнил дом, братьев и сестер, добрых соседей, крылатых кобыл и даже рыжего сатира. Иногда ему хотелось оставить карьеру полководца и вернуться туда. Собственно, однажды он вернется. Просто еще не пришло время.

Он снова обмакнул перо в чернила и застрочил.

«Дорогая маменька! Ужасно по всем вам соскучился и часто вспоминаю на досуге, коего у меня, к сожалению, пока многовато.

Его высочество Зелг хоть и собирается выступить в поход, но делает это крайне медленно. Чем заставляет припомнить ваше мудрое изречение о том, что сборы – это самая долгая часть пути.

Вчера получил жалованье и положил на ваше имя в банке Надежные пещеры сколько-то денежек, чтобы вы всегда имели под рукой дополнительные средства для непредвиденных растрат, а также поощрительных подарков бра-

тъям и сестричкам. Кланяйтесь им от меня и передавайте строгие наставления слушаться вас. Потому что ежели слушаться вас, то легко можно выйти в знатные и широко известные минотавры, чего я им искренне желаю.

Обеспокоен больным крылом мадам Горгароги. Посылаю с нарочным скляночку лечебной смолы от доктора Дотта. Он утверждает, что не следует волноваться, что она (смола) дымится и шипит: пошипит и перестанет. А крыло на-чисто пройдет. Уж не знаю, как это понимать. Но Дотт – доктор опытный, а пациенты его все сплошь знатные и при жизни были им довольны. В связи с чем вспоминается мне еще одно мудрое изречение, которое я никак не могу сейчас припомнить.

Репутацию врачу создают знаменитости, умершие под его наблюдением.

Бернард Шоу

Питаюсь я по-прежнему хорошо и даже лучше, так как здешние повара прониклись ко мне добрыми чувствами, что сказывается как на ассортименте, так и на размере порций. Вы знаете, что, когда я волнуюсь, мне нужно дополнительно что-то скушать, а сейчас я немного волнуюсь из-за отсрочки похода. Так что витамины получаю регулярно.

Зато я стану третьим судьей на Бесстрашном Суде. И хотя должность эта не более чем почетная, а судить приглашен знатный демон Бедерхем, вы можете быть мною до-

вольны. А также вам есть что назидать братьям и сестрам – кланяйтесь им от меня еще раз и обнимите их крепко.

Знаете ли вы, что мессир Зелг оказался демоном по крови – на какую-то часть? Почему-то мне кажется, что знаете. И чем больше я живу вдали от Малых Пегасиков, тем больше удивляюсь вашей всегдашней осведомленности. Ну да не хотите – не говорите, откуда вам известно столько разных тайн. Но сообщу, что, сославшись на вас, сильно изумил давеча графа да Унара, вся Тайная Служба которой долго билась над одной историей, о которой вы мне как-то толковали. И теперь он мечтает встретиться с вами и поговорить о разных вещах. Мужчина он вежливый, этикет и манеры знает, за столом не чавкает, в общественных местах не чешется, и воротничок у него всегда белый. Потому я не вижу в его желании ничего предосудительного, о чем ему и сказал. Так что встретите его у лабиринта – не удивляйтесь.

А сейчас я пойду начищу папенькин боевой топорик, расчесу кисточку на хвосте – и спать. Завтра хлопотный день. Прибывает дядя Кехертуса, о котором я вам писал неоднократно, и я должен соответствовать, чтобы не уронить честь фамилии Топотанов, как вы мне строго, но ласково приказывали.

Остаюсь всегда ваш послушный сын, Такангор».

Вдоволь напрыгавшись по ветвям своего раскидистого генеалогического дерева, Зелг наконец обрел одиночество, которое так необходимо, когда перевариваешь плотную трапезу или неприятные новости.

Свободное время он провел на редкость полезно.

Немного посидел за столом в своем кабинете, раскачиваясь из стороны в сторону, будто взволнованный пудинг. Слегка пострадал в тишине. Скушал несколько сладостей. Успешно поборол желание эмигрировать куда глаза глядят, как папа Мардамона, и с головой погрузился в изучение семейных хроник. Подробные и обстоятельные, они, однако, не давали ответа на вопрос вопросов: что и как ему делать завтра.

Мнения окружающих по данному поводу разошлись. Думгар советовал поступать по чести и справедливости; Узандаф – обратиться к полезному опыту предков; Карлюза – брать пример с судьи Бедерхема; доктор Дотт – наплевать и забыть, тоже мне, подумаешь, проблема!

Компанию герцогу составлял полный комплект драконов и девственниц, что как-то не слишком способствовало усвоению важного материала.

Зеркальный двойник из солидарности тоже не ложился

спать, но время проводил с большей пользой: развалился в кресле и попивал мугагское, довольно жмурясь, как сытый гном.

Поэтому, когда в двери осторожно постучали, молодой некромант даже обрадовался позднему посетителю. Во всяком случае, он мог с чистой совестью прервать чтение, бесспорно, поучительного, но слишком уж подробного рассказа о нраве и привычках бабушки Фаберграсс, которые человеку, далекому от медицины, показались бы чересчур экстравагантными.

Он открыл, но никого не увидел.

Зелг обиженно пожал плечами и собирался вернуться к прерванному занятию, как вдруг в воздухе что-то заискрилось, зазвенело и его изумленному взору предстало дивное явление.

Явление более всего напоминало дыньку с прозрачными крылышками и в мини-юбке. Затем герцог разглядел круглое личико под лихим чубчиком, темные усики над верхней губой и дымящуюся трубку.

– Добрый вечер, э-э-э... – произнес он, не зная, как объяснить нежданному посетителю, что затрудняется определить его пол.

– Какой, в бульбяксу, вечер – ночь уже давно, – басом поведало явление, утверждая его в мысли о том, что это все-таки мужская особь. – Я принесла вам важные известия.

Хоть что-то прояснилось. Не имея привычки огорчать

дам, Зелг сделал заинтересованное лицо.

Странное создание попрыгало у него перед глазами и рявкнуло:

– Здравствуйте! Я – ваша фея!

ГЛАВА 4

Газета «Королевский паникер», № 123

Сенсационное сообщение!

Наши читатели, вероятно, все еще обсуждают невероятные события, произошедшие в Тиронге в прошлом месяце. Вооруженное столкновение кузенов, возродившее давнюю междоусобную распрю в королевском семействе Гахагунов, неожиданно разрешилось безоговорочной капитуляцией регулярных войск Тиронги и народного ополчения, а также трогательным примирением наследников двух престолов: булли-толлийского и кассарийского.

Как стало известно нашему корреспонденту из источников, близких к окружению королевы Кукамуны, ее величество склоняется к версии, согласно которой внезапная привязанность ее супруга к его кузену-некроманту вызвана искусственно, магическим способом.

УСЛУГИ ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ

Дорого!

Потомственные амазонки.

Интим не предлагать.

Королева Кукамуна не видит иных объяснений тому факту, что его величество Юлейн Благодушный, известный сво-

ими прохладными отношениями с родственниками – особенно с тещей Анфеевой, княгиней Люфгорн, а также с шурином, – внезапно проявил благосклонность к кузену, с которым познакомился на поле битвы. Ее величество глубоко убеждена, что поле битвы – не лучшее место для знакомства с опальными родственниками и никакой взаимной симпатии на нем произрасти не может.

Мы обратились за разъяснениями к княгине Люфгорн, и та полностью подтвердила опасения своей дочери. Его величество Юлейн, по ее словам, слишком много времени проводит в герцогстве Кассария.

Цитата: «Чем он там занимается в обществе этого страшного некроманта, когда дома ждет красавица жена и умница теща, святая женищина, которая никогда не вмешивалась в семейную жизнь дочери и зятя и только изредка давала бесценные советы?»

На что она, сказала княгиня нашему корреспонденту, имеет несомненное право, как женищина, добродетельно прожившая жизнь с шестью мужьями и осчастливившая каждого из них.

Придам вашим кустам незнакомую форму.

Брею налысо. Кошу траву в любое время суток.

Недорого.

Останетесь довольны.

(Ключи оставлять под ковриком.)

(Напоминаем нашим читателям, что первый, третий и пятый мужья княгини Люфгорн покончили с собой, второй – скрылся в неизвестном направлении и до сих пор находится во всеиакрохском розыске, а шестой скончался от сердечного приступа через два месяца после свадьбы.)

Согласно анкетированию, проведенному нашей газетой в прошлом месяце, 87% читателей все же поддерживают Зелга Галеаса Окираллу, герцога да Кассара и выступают за примирение его величества Юлейна и принца крови, ближайшего наследника престола. 9% опрошенных считают, что это личное дело самого короля и народное мнение в данном случае принципиального значения не имеет; и только 3% резко настроены против кассарийского некроманта и солидарны с королевой Кукамуной в ее опасениях.

*Профессионал проведет переговоры с пчелами-убийцами.
Адрес в редакции.*

Таким образом, подавляющее большинство подписчиков нашей газеты еще не забыли, что именно герцог да Кассар со своим войском, которым командует генерал Такангор Топотан – новый герой Тиронги, одолел нерожденного короля Бэхитехвальда Галеаса Генсена. Как вы знаете, именно это событие и стало определяющим для развития страны и укрепления национальной валюты в прошлом месяце. А по-

бедители при Кассарии сделались национальными героями и приобрели мировую славу.

И вот опять сенсация из Кассарии!

Впервые за двадцать семь лет!

Сегодня в полдень открывается заседание Бесстрашного Суда.

В судебскую коллегию входят: Зелг Галеас Окиралла, герцог и Ренигар да Кассар, владетельный князь Плактур, принц Гахагун; барон Бедерхем Вездесущий – повелитель Огненных пустошей и Ядоносных озер, Гончая князя Тьмы, Адский Судья – Обладающий даром пророчества, прозванный Немилосердным; генерал Такангор Топотан; Кехертус – и этим все сказано.

Следите за эксклюзивными публикациями в нашей газете.

В завтрашнем номере:

статья о Мунемее Топотан: очерк из Малых Пегасиков;

беспорядки в столице Лягубля; ночью в городе происходили многочисленные акты вандализма: там работает наш специальный корреспондент;

прямой репортаж из Кассарии – самые свежие и интересные подробности с открытого заседания Бесстрашного Суда.

Оставайтесь с нами.

Внегосударственная пожарная охрана.

Только мы потушим вас вовремя.

Заклучайте контракт заблаговременно.

Мунемей сложила газету и фыркнула.

Она всегда так фыркала, когда ее что-то возмущало до крайности, и Бакандор быстро пересчитал в уме свои сегодняшние прегрешения. Конечно, маменька не погладит по головке ни за одно из них, но уж точно не станет так сердиться по пустяшному поводу. Тем более что он уже и яблоки собрал в корзину, и копыта начистил до блеска, как было велено. И даже сходил в лавочку мадам Хугонзы – сдал шерсть, скопившуюся после линьки, и забрал новую маменькину юбку с воротником, над которой химера трудилась две последние недели.

Сестрицы тоже прилежно вышивали что-то патриотическое на пяльцах в беседке; братец Милталкон уже неделю зубрил «Триста наставлений учтивому сыну» и не шалил даже в свободное от занятий время.

Яблочное варенье определенно удалось, а Такангор усердно прославлял фамилию и в каждом интервью особо подчеркивал руководящую и направляющую роль маменьки в его судьбе; расхваливал ее методы воспитания и всякий раз сокрушался, что ни одно из изысканных блюд не заменит любящему ребенку маминых котлеток и ляпиков под клюквенным соусом.

Вчера в гости приходили Эфулерны и восхищались новым садиком, разбитым Мунемеей в центре лабиринта. А циклоп

Прикопс, широко известный в кругах садоводов, презентовал уникальный цветок, выведенный им лично и названный в честь мадам Топотан, в знак глубочайшего почтения к ее особе.

Честное слово, Бакандор даже представить себе не мог, что рассердило маменьку.

Впрочем, она сама разъяснила ситуацию:

– Репортаж из Малых Пегасиков – как тебе это нравится? Они анонсируют статью обо мне в завтрашнем номере, а еще никто не явился для беседы. Неужели так и напечатают что попало?

– Тогда мы дадим опровержение.

– Вот еще, – сказала Мунемея. – Станем мы тратить время на эдакие глупости. У меня куча хлопот по хозяйству. Домашние дела никто не отменял.

У меня столько хлопот по дому, что, если завтра со мной случится нечто ужасное, я смогу начать огорчаться не раньше чем через две недели.

NN

– Маменька, а если они напишут неправильно?

– Ну и что, – пожалала плечами Мунемея. – Меня удивит, если они раскопают пра... то есть будут точно придерживать-ся фактов. Я еще не видела газетной статьи, которая бы полностью соответствовала действительности. Но меня это не волнует.

Мне все равно, что обо мне пишут в газетах, до тех пор, пока обо мне не пишут правду.

Уинстон Черчилль

Бакандор не на шутку удивился, но перечить не стал. Возможно, он бы продолжил этот разговор, но тут у входа в лабиринт появился Милталкон. Брат был взволнован, глаза его сияли, уши шевелились, хвост натянулся, как струна, а кисточка на нем распушилась. Последний раз Бакандор видел брата в таком состоянии, когда Малых Пегасиков достигло известие о славной победе Такангора в Кровавой паялпе.

– Иди сюда, – зашептал Милталкон, совершая завлекательные движения головой, руками и всем корпусом. – Иди, чего покажу. Я такое нашел!!!

* * *

Официальная встреча дяди Гигапонта намечалась на раннее утро. Тогда же решено было провести и все торжественные мероприятия по этому поводу, кроме фейерверка. Фейерверк разумно отложили на вечер, совместив его с торжественным приемом судьи Бедерхема и некоторых важных посетителей из числа истцов и ответчиков на Бесстрашном Су-

де.

Итак, почти все обитатели замка выстроились у ворот, снятых с петель предусмотрительным Думгаром, который хорошо помнил, с каким трудом протискивался когда-то сквозь них вежливый Кехертус.

Лазоревая ковровая дорожка (ручная работа, прошлое тысячелетие) ручейком сбегала по ступеням господского дома к огромному помосту, усыпанному шелковыми подушками. Хор пучеглазых бестий замер по левую руку от голема, и морок-дирижер застыл неподвижно, вздымая вверх дирижерскую косточку. Староста Иоффа с сыновьями и группа самых почтенных граждан Виззла стояли невдалеке с подносом, на котором лежал тот самый таинственный сверток, оказавшийся подарком Кехертуса дорогому дяде.

Запасные сверточки размером с хорошего осла высились на ступеньках у бокового входа, припасенные на тот случай, если Гигапонт сильно проголодается с дороги. И Карлюзин осел подозрительно на них косился.

– Это поможет вам отвлечь его от встречающих, – туманно пояснил паук.

Теперь Зелг занимался тем, что пытался как-то иначе истолковать смысл этих слов, но у него ничего не получалось. Очень уж однозначно звучала формулировка.

Стояли, затаив дыхание, ибо Кехертус особо предупредил, что дядя не переносит резких движений, сопения, радостного топота и громких разговоров.

Ожидание затягивалось.

Призраки, бесшумные и почти невидимые, носились над дорогой, как обезумевшие, но возвращались к Думгару с одной и той же новостью: никакого дяди на дороге нет, а вот на окраине Виззла уже расположился шумный, цветастый, многоязыкий и весьма обширный табор, обитатели которого ровно в полдень ринутся в Кассарию, неся прошения, жалобы и кляузы.

Думгар выразил некоторую обеспокоенность: пустынная дорога несказанно огорчала его. Он предполагал, что увидит на ней стремительно приближающуюся черную точку. И тут около него опустился на землю Крифиан.

– Милорд, – кашлянул он деликатно. – Может, мне слетать на разведку? У меня больше опыта.

Призраки хотели было обидеться, но Думгар пресек их недовольство одним властным движением.

– Вы меня обяжете, милорд, – сказал он. – Мессир Зелг так взволнован, что на нем просто лица нет. В преддверии Бесстрашного Суда я бы оценил это состояние как критическое.

– Уж сегодня-то ему крайне важно сохранить лицо, – подтвердил Дотт.

– Одно крыло там, другое здесь, – пообещал грифон и взмыл в воздух. – Минутку.

Зелг невольно залюбовался прекрасным зрелищем: могучие крылья вознесли Крифиана под самые облака, и полу-

денное солнце облило его золотом. Сверкающий грифон несся по небу с оглушительной скоростью и в считанные мгновения скрылся из глаз. А спустя обещанную минуту он спикировал вниз, пролетев чуть ли не вертикально мимо крепостной стены, и доложил голему:

– Он уже на подходе. Я скомандую, когда хор должен вступить с приветственной ораторией.

– Почему же мои призраки его не увидели? – удивился Думгар.

– Вероятно, причиной тому не такое острое зрение, – дипломатично отвечал грифон. – У них другая специализация. Дальше началось нечто невообразимое.

Грифон издал громкий гортанный крик, и, подчиняясь ему, хор пучеглазых бестий грянул «Одинокого паука» – лирическую и пронзительную мелодию, последние такты которой дописывались в творческом экстазе сегодня ночью.

Кехертус ринулся к воротам, простирая передние лапы к долгожданному родственнику и восклицая:

– Дядя! Дядя!!! Дорогой мой!

При этом все его глаза растроганно блестели.

Потянулись за Кехертусом граждане Виззла: Иоффа, Альгерс, Ианида, Гописса, Нунамикус Пу – и многие другие, ошарашенные прибытием дорогого гостя. Они шептались что-то неразборчивое, но крайне приветливое и дружелюбное и изо всех сил предлагали прибывшему блюдо с торжественным подношением.

Шаркал ножкой Карлюза; кланялся, как маменька учили, Такангор Топотан; приветливо махал белоснежным платочком король Юлейн и посылал время от времени воздушные поцелуи. Не менее радостными выглядели и члены его свиты, включая огромного, как медведь, бурмасингера Фафута, на чьем лице застыла, как изваянная в граните, широкая улыбка.

Многоног-распорядитель Гвалтезий взял в каждое щупальце по яркому флажку и теперь напоминал волнующийся на ветру цветник.

– Какая радость, какая радость для нас для всех, – то и дело повторял Узандаф Ламальва да Кассар, промакивал уголок глаза рукавом.

– Рад встрече, рад, уж так рад! – бормотал князь Мадарьяга, паря на локоть выше красной ковровой дорожки.

И доктор Дотт, порхая у самого плеча Зелга, вторил ему:

– Необыкновенная радость. Я вне себя!

– Прошу пожаловать, милорд Гигапонт, – гудел Думгар.

Зелг тоже изобразил крайний восторг и пролепетал:

– Я счастлив приветствовать дядю нашего славного друга

Кехертуса в своем скромном замке...

Потом беспомощно оглянулся и горячо зашептал:

– Думгар.

– Да, ваше высочество.

– Думгар, я хочу уточнить одну деталь.

– ?

– А где же дядя?

Впервые за долгое время невозмутимая физиономия голема что-то выразила. Кажется, крайнюю степень растерянности.

* * *

Малое прекрасно!

Эрнест Шумахер

Впоследствии, когда пытались разобраться, кто первым подбросил идею о гигантских размерах дяди, крайнего так и не нашлось.

Думгар апеллировал к невообразимым габаритам самого Кехертуса и к его одобрительному отношению к идее снять ворота с петель.

– Если милорд Кехертус намного младше милорда Гигапонта и, я извиняюсь, гораздо менее известен, – говорил он, – то сам собой напрашивался вывод, что дядя достиг особо крупных размеров.

– Имя-то, имя! – вскрикивал Мадарьяга. – Вы вслушайтесь в звучание. Кого могли наречь Гигапонтом? Только исполинского крошку.

– О нем часто пишут газеты, – шелестел Узандаф. – Газе-

ты пишут только о выдающихся и очень заметных персонах.

И мумия тут же сделала краткий обзор статей, посвященных Гигапонту.

Чаще всего пресса сообщала о его очередной женитьбе.

– Дядя – убежденный холостяк, – пояснял Кехертус. – Не может и недели вытерпеть в браке, но пользуется неслыханной популярностью у дам. Сплошную неправду пишут, что он все время женится. На самом деле он все время разводится.

Кроме того, пресса расписывала чрезвычайную живучесть Гигапонта и его умение выходить победителем из любой схватки.

– Я же говорю: дядя пятьдесят семь раз женился и пятьдесят семь раз остался в живых. Обычные дяди погибают в ласковых объятиях первой супруги.

Пресса утверждала, что только размеры Гигапонта помогли ему избежать верной гибели.

– Мне и в голову не пришло, что вы не видели портрета дяди! – защищался Кехертус. – А снятые ворота его просто покорили. Он в восторге и тронут до глубины души, что с моими родственниками случается крайне редко. Я и не упомяну, видел ли его когда-то настолько счастливым.

– Вот-вот, не видел! Вообразите, каково мне было, – жаловался Зелг. – Все машут, все говорят какие-то приветственные слова, а я никогошеньки визуально не обнаруживаю. Вот признайтесь честно, кто видел дядю своими глазами?

– Я, – молвил Крифиан. – Но тут нет ничего удивительного. Грифоны отличаются уникальным зрением. Это наша национальная особенность.

– Я, – вздохнул Кехертус. – Мне его маменька как-то показывала при случае. А потом я опирался исключительно на родственное чутье.

– Ну, в этом точно нет ничего удивительного, – ухмыльнулся Дотт, отпаивая молодого герцога и его кузена лекарственной бамбузякой. – Флюиды – это вам не кот начихал. Это мистическая, я бы сказал, связь.

– Ты сам-то что-нибудь видел?

– Кого это беспокоит?

– Ты так убедительно выглядел, – молвил Зелг, восхищенно разглядывая кузена. – Да и граф с маркизом и даже господин Фафут настолько естественно себя вели, что у меня не возникло и тени подозрения.

– Пообщаешься с мое с душенькой Кукамуной, научишься изображать что угодно, – вздохнул Юлейн.

– Положение обязывает, – согласился граф да Унара. – Хотя мы с маркизом в какой-то момент решили, что дядя невидим простому смертному, и нас его отсутствие уже не смущало.

– Мне надо выпить еще, – признался Зелг. – Не умеренно, а так, чтобы снова поверить в себя.

Немного слишком виски будет как раз достаточно.

NN

Разговор сей происходил в малом тронном зале, куда участники событий удалились, чтобы перевести дух перед началом Бесстрашного Суда. Староста Иоффа тихо хихикал в углу, ошарашенный кувшинчиком славного таркейского винца. К нему примкнули и Альгерс с Ианидой, и Гописса с Мумезой, причем впервые за длинный исторический период обескураженные дамы не протестовали против возлияний. Кажется, они и сами нуждались в добром глотке, чтобы восстановить пошатнувшееся душевное равновесие.

К тому моменту, когда выяснилось, что дядю Гигапонта в подробностях можно рассмотреть только в мощный крупноскоп, большинство встречавших крепко опасались за свой рассудок.

Сентиментальный Кехертус, весь прошлый вечер предававшийся ностальгическим воспоминаниям детства, расписал старшего родственника самыми яркими красками. Он с увлечением рассказывал о дальних странствиях, из которых Гигапонт вообще никогда не вылезал; о побежденных им врагах, которые, судя по этому рассказу, громоздились где-то штабелями; о прекрасных дамах, тоскующих по очаровательному кавалеру. Он только забыл упомянуть, что его дядя – чрезвычайно ядовитый, стремительный, но крохотный паучок.

– Дядя пошел в бабушку, а папа – в дедушку, – объяснил

Кехертус вопиющую разницу масштабов.

Сам виновник переполоха, прослушав второй раз ораторию «Одинокий паук», взгрустнул, заказал к обеду что-нибудь эдакое и удалился в отведенные ему покои, спешно обустроенные домовыми применительно к новым условиям, отдохнуть с дороги.

Что же до остальных, то для них передышка оказалась краткой.

Гроыхнуло, полыхнуло оранжевым пламенем – языки огня взметнулись к потолку и смирно опали, прижимаясь к ногам величественного и кошмарного существа, которое буквально выросло из каменного пола в самом центре зала.

Ростом оно было с Думгара, в плечах – ненамного уже. Длинный, сплюснутый по бокам череп завершался прекрасно развитой нижней челюстью с двойным частоколом зубов; мощные перепончатые крылья в черно-оранжевых пятнах защищали спину не хуже стальной брони; черные провалы глаз, казалось, выжигали душу. Оно производило впечатление несокрушимой силы и нездешнего могущества.

Существо повело головой и шевельнуло толстым хвостом, сплошь покрытым мелкими острыми колючками. Затем обвело присутствующих таким грозным взглядом, будто весь мир сидел перед ним на скамье подсудимых, и издало странный, трескучий звук, от которого Зелга мороз продрал по коже.

– Его честь судья Бедерхем! – возвестил Думгар, не морг-

нув глазом.

* * *

Забегая вперед, скажем, что в преисподней еще долгое время обсуждали события того года. Не последнее место в бурных дебатах занимали впечатления демона Бедерхема, и пища для них появилась сразу по прибытии.

Не успел судья принять подобающую позу, чтобы благо-склонно выслушать приветствия хозяев кассарийского замка, как в малый тронный зал ввалилось счастливое, безумное, энергичное существо, волокущее диковинное изваяние. Оно (изваяние) и приковало к себе все взгляды.

То была статуя ничем не примечательной личности, явно человеческого происхождения, выполненная, впрочем, с величайшим мастерством. Как принято писать в репортажах из мастерской скульптора – в каждой черточке ее дышала жизнь.

Человек держал в одной руке огромную полуведерную кружку, в другой – аккуратный плакатик с текстом, посвященным свежей бульбяксе, и притом тарачился на зрителей с таким выражением, будто его ваяли в тот миг, когда он узрел собственную смерть. Либо почтенного судью Бедерхема, что почти одно и то же.

– О великий! – заорал пришелец, влекущий статую.

Силенок у него не хватало, и потому он волок ее с диким грохотом, какой обычно происходит при камнепаде в горах.

– О великий и ужасный! Прими эту скромную жертву от своего жалкого раба. Не побрезгуй!

Бедерхем отметил, что даритель выглядит забавно, но знакомо: волосы, заплетенные в косички и украшенные гладко отполированными костями; живописные лохмотья, ржавый серповидный нож для жертвоприношений... Чем-то бесконечно родным повеяло от него, и демон внезапно вспомнил молодость, чего не случилось с ним уже несколько тысяч лет.

– Жрец со ржавым серпом в нашем городе – это символично, – начал он, желая поощрить энтузиаста, но его непочтительно прервали.

Такого с ним тоже не случилось вот уже несколько тысяч лет.

Весь цвет Кассарии собрался в малом тронном зале душевно приветствовать Гончую Князя Тьмы, демона Бедерхема, который, с одной стороны, работал на полставки судьей в Кассарии, а с другой – являлся дальним родственником ныне здравствующего герцога. Ибо демонесса Фаберграсс приходилась ему троюродной сестрой, а Моубрай Яростная – и вовсе тетей.

Все улыбались, кланялись, дамы делали реверансы. Словом, у постороннего наблюдателя могло сложиться стойкое впечатление дежа-вю – нечто подобное он наблюдал часа

полтора назад, при встрече дяди Гигапонта. С той лишь разницей, что судья Бедерхем был доступен для обозрения и произвел оглушительное впечатление на тех, кто его прежде не видел.

В этот пасторальный пейзаж и вписался разъяренный кобольд Фафетус с младшим официантом Муфларием на поводке.

– А ну, отдавай придурка! – завопил он, наскакивая на Мардамона.

Жрец был головы на полторы выше кобольда, но бармена это несколько не смущало.

– Придурка верни – его дома дети ждут. Тебе мама не говорила, что красть нехорошо? Нет? Я расскажу.

– Сие есть жертва кровожадному демону, – попытался вразумить его жрец. – Аз есмь исполнитель воли высших сил...

– Исполнитель! Воришка ты мелкий, а не исполнитель! Отдай статуи, кому говорят!

– Я уже принес его в жертву.

– Щас я тебя в жертву принесу. Причем по частям, – загадочно пообещал кобольд. – Щас я тряхну стариной и припомню, кем работал до того, как Нунамикус открыл свое заведение.

– Не советую, – заметил Дотт, паря за спиной у Мардамона. – Он ведь не всегда стоял за стойкой. Лет пятьсот тому назад в Лягубле его считали лучшим дознавателем в бе-

седах, «особо располагающих к откровенности». Его вашим ржавым ножиком даже не насмешишь.

– Лучше бы оказал квалифицированную помощь, – обиделся жрец. – Один я радею за репутацию господина герцога. Что о нас подумает жестокий и кровожадный демон, находящийся при исполнении, если немедленно не получит достойную мзду? Да он тут все разнесет вдребезги – и лично я его оправдываю.

Бедерхем тревожно зашевелил острыми ушами.

– Собственно, я даже намерения не имел...

– Но втайне он жаждет жертв! – вскричал Мардамон, пихая демону окаменевшего торговца.

– Обойдется, – пыхтел Фафетус, таща «статую» к себе.

– Двести лет работы перевозчиком на Ядоносных озерах! – прогремел Адский Судья, указывая алым сверкающим когтем на беспокойного жреца.

В фехтовании это называется – симультанте ¹.

– Богам это неудобно, – изложил жрец стандартную версию.

За его спиной выросла внушительная фигура в сверкающих доспехах производства «Крутишен гайкен Борзиг». Заученным движением Такангор взял Мардамона за шиворот, поднял в воздух и слегка встряхнул, дабы привести в чувство.

– Продолжайте, – приветливо кивнул он Бедерхему и по-

¹ Обоюдный удар.

топал к дверям, звонко цокая серебряными подковами.

– Да, да, продолжайте, – торопливо закивал головой Зелг, изо всех сил стараясь быть радушным хозяином. – Мне тоже очень понравилось, особенно это вот «Буммм! Буммм!» и «Пшш-шш-ш». И ваше леденящее душу «Тр-рр-рр». Впечатляет.

Высокородные демоны часто оказываются не готовыми к житейским реалиям. Им, живущим в тепличных условиях Преисподней, почему-то кажется, что все в мире неизменно и обязано происходить с учетом их пожеланий и интересов.

Бургеже не то забыли, не то не успели об этом сказать.

Когда Фафетус в обнимку с неудавшейся жертвой и Такангор с брыкающимся жрецом удалились, Бедерхем встряхнулся, раскрыл крылья и снова попытался принять пышную позу, предписанную этикетом. В этот момент кто-то деловито подергал его за кончик крыла.

Демон перевел огненный взгляд вниз, к самому полу, и остолбенел. Там стояло, задрав голову, диковинное создание – гремучая смесь эльфа и филина – и приветственно размахивало медным тазиком, будто шляпой.

– Привет! Привет! Привет! – скрипнуло оно. – Не ждали? Ошеломлены?! Не знаете, что сказать? Я понимаю. Не каждый день лауреат Пухлицерской премии берет у вас интервью.

Еще никому не удалось выиграть интервью.

Гарсон Кейнин

– Агрррх, – сказал Бедерхем, теряя дар членораздельной речи.

От этого рыка, как от ураганного порыва ветра, заплясало пламя свечей.

– Не надо скромничать. И не стоит волноваться, – успокоил Бургежа. – Конечно, что ваша Преисподняя? Дикий, отсталый край. Небось и прессы нет. Я уже не говорю о свободе говорить и писать. А тут у нас культура, просвещение, гласность просто небывалая. Вы не пучьтесь, лучше как-то перенимайте опыт, не стесняйтесь обращаться за помощью – и будете жить не хуже.

Демон многое хотел сказать эльфофилину. Молчал он только потому, что не мог выбрать лучшее.

– Так, – снова перехватил инициативу Бургежа, – быстро отвечаем на пару вопросиков, и я побежал писать статью. У меня завтрашний выпуск горит.

– Гхрррм, – откликнулся Бедерхем.

Нельзя сказать, что он превратился в соляной столб, потому что кончик хвоста его нервно подергивался. Но он, как никто из демонов, был близок к этому состоянию.

– Батенька, если вы будете так зажаты и скованны, у нас не получится доверительной беседы. И что я тогда о вас напишу? Дежурные фразы, которыми и без того пестрят все газеты? Взбодритесь. Видите, я прост и доступен – никаких

церемоний. Соответствуйте.

Демон запрокинул голову, и из его глотки вырвался рев, который был слышен и в Пальпах.

– Да что ж вы такой нервный? – всплеснул ручками специальный корреспондент. – Генсен и тот чувствовал себя свободнее – это с его-то угрызениями совести. Подумайте о нем, и вам сразу полегчает. Значит, первый вопрос: вы такой стеснительный, я бы даже сказал – робкий. Как вам удалось заработать репутацию самого грозного судьи Ниакроха?

– Я – робкий?! – вскричал Бедерхем.

– Напишем – тяжким трудом. Читатели любят знать, что кто-то где-то тяжело трудится. Это вдохновляет, нацеливает на успех и, соответственно, увеличивает тираж. Даже не спрашиваю, согласны ли вы. Если вы мыслящее существо, то, разумеется, – да.

Второй вопрос: как вам удастся совмещать должность Адского Судьи, Гончей Князя Тьмы и личную жизнь? Как ваша семья относится к вашей работе?

Бедерхем вытянул когтистую руку, чтобы схватить журналиста, но тот изящно уклонился и произнес:

– Напишем, с пониманием. Конечно, не без конфликтов, в какой же семье не случается ссор и споров? Но вы их преодолеваете вместе, дружно, сплоченно. Просвещенный читатель, на которого ориентирован журнал «Сижу в дупле», любит, когда у наших героев крепкая семья. Вам, вероятно, трудно это понять. У вас, как мне сообщали из достоверных

источников, все больше междоусобицы, кровавые распри и братоубийства. Я намекну об этом во вступлении, и мы сразу будем иметь интригу: дескать, вы мне этого не рассказываете – защищаете честь мундира, а я и так знаю. Поверьте моему опыту, дружище, – подписчик любит читать между строк.

Бедерхем заскрипел.

– Вижу, у вас силы буквально на исходе. Это же надо – так волноваться. А на вид такая серьезная, внушительная фигура. Как обманчива порою внешность. Ладно, не буду вас терзать, последний вопрос. Такой, с юморком. Не хотите ли когда-нибудь начать праведную жизнь на поверхности земли? Уйти из демонов, податься в журналисты – это я шучу.

И поскольку судья только клацал зубами, сам же и ответил:

– Понимаю, понимаю. Климат не подходит. Ну, спасибо за сотрудничество. Думаю, из нашей содержательной беседы получится статья на три или четыре полосы. Вы сейчас осматривайтесь, располагайтесь. Милорд да Кассар покажет вам замок. А два экземпляра журнала с автографом и теплой дарственной надписью я вам обязательно пришлю, даже не сомневайтесь.

И бравый корреспондент, сунув под мышку кипу исписанных листочков, бодро двинулся к выходу.

– У нас не всегда так, – торопливо сказал Зелг и, с невероятным усилием припомнив хорошую фразу, добавил: – Ваша честь, милости просим. Мы вас уже заждались.

– Я прибыл минута в минуту, – сухо заметил Бедерхем. – Вот уже две с половиной тысячи лет, исключая последние двадцать семь лет разброда и смуты в Кассарии, я прибываю именно в это время – к началу Бесстрашного Суда.

– Кошмар, – кивнул Зелг. – В смысле, какая точность.

– Как вы это выносите? – спросил судья, когда к нему приблизились его давние знакомые – кассарийский голем и князь Мадарьяга. – Главное – зачем?

– Издержки пацифизма, ваша честь, – невозмутимо отвечал домоправитель.

* * *

Описывать все перипетии длинных судебных заседаний не имеет смысла. Достаточно сказать, что придворный летописец герцога Кассарийского подробно и обстоятельно задокументировал каждое рассмотренное дело и за неделю исписал убористым почерком три амбарные книги. Вместе с ним усердно трудились четыре футачика-скорострелы, шестеро гномов – распорядителей чернил и перьев, два архивариуса, семнадцать переводчиков, один специалист по душевным болезням, три приглашенных юриста – доки по части редких и давно забытых законов и многие другие.

Бесстрашный Суд в этом году случился на редкость от-

крытым: в Кассарию впервые пустили журналистов и художников, призванных освещать столь редкое и неординарное мероприятие.

Судья Бедерхем был не в восторге от этой идеи. Его протесты горячо поддерживал возмущенный Бургежа, рассчитывавший стать единственным представителем прессы на бесконечных процессах и, таким образом, располагать кучей эксклюзивного материала. Но Зелг оказался непреклонен, и шестеро виднейших репортеров Ниакроха получили разрешение на статьи и интервью.

Художники немедленно разложили свои маленькие столики, вооружились кистями, красками, углем и мелками и принялись лихорадочно рисовать присутствующих – благо колоритных лиц здесь хватало.

Особой популярностью пользовались, конечно, сам демон Бедерхем, Зелг, Такангор, Кехертус и грандиозный Думгар, рисовать которого было не только интересно, но и легко, ибо его каменная физиономия почти никогда не меняла выражения.

Карлюза позировать стеснялся, чего нельзя сказать о его осле, каковой, очевидно, возжаждал славы после памятного участия в сражении. Скалящая зубы ослиная морда постоянно всовывалась в ряды живописцев и призывно подмигивала.

Мадарьягу рисовать почему-то побаивались, хотя и без него Кассарию заполонили существа отнюдь не безобидные.

Когда вышли первые статьи в утренних газетах, в мире моды случилась форменная революция. Все знатные клиенты непременно желали иметь такой же красно-черный плащ в виде драконьих крыльев, как у герцога да Кассара. И несчастные портные никак не могли втолковать им, что для этого необходимо обзавестись такими же связями, не говоря уже о происхождении.

Орки и тролли, василиски и исполины, циклопы и оборотни, вампиры и горгоны – вереницы различных тварей тянулись в замок некромантов в поисках справедливого суда.

Для молодого мага эта неделя слилась в один бесконечный день. Он не помнил, где и когда ел – и ел ли вообще; где и когда спал – и удалось ли ему это хоть раз.

Он сидел посреди замкового двора, наряженный в умопомрачительный костюм, по поводу которого Бедерхем высказался крайне одобрительно и даже изрек пророчество о перевороте в мире подземной моды. По правую руку от герцога поставили огненно-красный трон для Адского Судьи; по левую – черный, украшенный костяными воротниками василисков и драконьими клыками, – для Такангора Топотана. Кехертус занимал помост, который лично выстлал паутиной.

За спиной у судейской коллегии построили скамьи для наблюдателей, и они не пропустили ни одного заседания. Граф да Унара заявил, что это «крайне полезный опыт для короля Юлейна и всех его министров».

На верхушке трона кассарийского некроманта дымила

трубкой фея Гризольда.

Ее взволнованный рассказ о несчастной похищенной душе не оставил Зелга равнодушным. Он расспрашивал о лорде Таванеле и Думгара, и Дотта, и Узандафа, но все они в один голос твердили, что, верно, произошло какое-то недоразумение.

В библиотеках ты не найдешь ответов, а только отсылки.

NN

Лорд Таванель, говорили они, ссылаясь на различные исторические источники (каковые библиотечные эльфы тут же услужливо выкладывали перед ним, отмечая закладками искомые фрагменты), являлся членом ордена кельмотов. Того самого, некогда знаменитого, а ныне не существующего ордена, рыцари которого посвятили свою жизнь и смерть борьбе с королем Бэхитехвальда.

Один за другим уходили они в запредельный мир через врата Генсена, и никто не вернулся. Они не просто погибли в Бэхитехвальде – они канули в неизвестность. Напрасно Узандаф пытался в свое время вызвать чью-нибудь душу, призвать хоть кого-нибудь из погибших кельмотов. Напрасно искал он хотя бы безмолвную тень.

Оказалось, что могущественный некромант не властен над теми, кто пересек черту, разделяющую Ниакрох и пространство Бэхитехвальда. Оттуда не возвращался никто – ни

живым, ни мертвым.

«В год десять тысяч семьсот тридцать третий от Сотворения Ниакроха старший магистр ордена кельмотов лорд Уэрт Орельен да Таванель, кавалер Золотого меча, официально сложил свои полномочия перед великим магистром Барбазоном д'Удетто и передал ему свое завещание. Согласно оному все движимое и недвижимое имущество лорда Таванеля в случае его смерти либо по истечении пятидесяти лет переходит в полное и безраздельное владение ордена с единственным условием – постоянно вносить его имя в списки, дабы не было оно забыто.

Поскольку лорд Таванель является единственным представителем своего славного многими героями и мыслителями рода и иных наследников его фамилии не существует, орден обязался хранить священную память о господах Таванель, понеже сам будет существовать.

После того Уэрт Орельен да Таванель самолично обошел всех членов ордена, включая простых рыцарей и послушников, и пригласил их на прощальный пир. Сей пир был дан в главном зале, на первом этаже башни Генсена и длился ровно до полуночи.

После двенадцатого удара часов лорд удалился в молельню вместе с великим магистром и двумя ближайшими друзьями, которым вскоре предстояло повторить его подвиг. Вознеся хвалу Тотису и попросив его укрепить храброго рыцаря в решимости совершить великое деяние на благо людей,

кельмоты простились со своим товарищем.

Затем лорд Таванель надел боевые доспехи и вооружился мечом.

Все члены ордена собрались у Врат, провожая очередного кельмота в неведомое.

Через два часа после полуночи Уэрт Орельен да Таванель пересек Черту».

– Вот, собственно, и все, – заключил Узандаф. – Разумеется, он тоже не вернулся. Полвека спустя его замок и имущество пустили с молотка, а средства ушли в казну ордена. Его имя честно вносилось во все списки еще лет пятьсот, но при предшественнике графа да Унара орден запретили, многих рыцарей и магистров отправили в изгнание; кое-кто поплатился головой за свои убеждения, хотя официального процесса не было. Забыли всех. Таванель не стал исключением, тем более что память о нем хранить больше никому.

Теперь, когда ты о нем заговорил, мне кажется, я вспоминаю его. Голубоглазый, высокий, всегда улыбался. Он долгое время служил в рыцарской кавалерии, потом стал капитаном в элитном полку меченосцев.

– Очень похож, – закивала Гризольда, услышав описание. – С поправкой на бесплотность. За прошедшие века он и сам мог позабыть свой облик.

– Нередкое явление, – подтвердил Дотт. – Многие призраки лишены лица, ибо ни восстановить подлинное, бывшее при жизни, ни вообразить новое не в состоянии. Поче-

му-то очень часто это происходит с хорошенькими женщинами, которые не отходили от зеркал. Кажется, уж кто-кто, а они должны наизусть знать каждую свою черточку. Нет. Терзаются, мучаются, лепят внешность с чужих портретов, а толку – чуть. Гладкая поверхность, как шар. И туда же, на танцы, – заворчал он уже о своем. – Кавалеров подманивают. А зачем мне дама без лица? Чем она мне интересна? Разве что безупречной фигурой, но это редкость.

– Ты отвлекаешься, – заметил Узандаф.

– Головной полк, – со странной гордостью произнес Мадарьяга. – Тоже, по-своему, смертники.

– Мой папенька в молодости служил в головном полку. Еще до того, как стал странствующим рыцарем и познакомился с маменькой, – вставил Такангор.

– Я вызывал всех рыцарей, отправившихся в Бэхитехвальд, поименно, по спискам, – продолжил Узандаф. – Поверь мне, никакой души Таванеля в природе нет и быть не может. Я имею в виду природу Ниакроха.

– Слыхал я о всяких самозванцах, – хмыкнул вампир, – но о душе-самозванке слышу впервые. Это что-то новенькое.

Все это случилось накануне, а теперь Зелг, затаив дыхание, ждал, когда перед ним появится лорд Таванель. Кто он? Каким будет? В чем заключается его дело? И очень боялся не узнать его, не заметить, что-то упустить и совершить страшную ошибку, которая может дорого обойтись душе, рассчитывающей на помощь.

Фея Гризольда волновалась не меньше и то и дело просыпала табак на шикарные черно-красные драконьи крылья, которые служили некроманту плащом.

* * *

Ни один поэт не интерпретирует природу так свободно, как правовед интерпретирует право.

Жан Жироду

У судьи Бедерхема и впрямь было чему поучиться. Он с блеском решал самые сложные и запутанные дела. Дотошные и придирчивые люди, вероятно, назвали бы его метод радикальным, но никто не мог отрицать, что он действует.

Возьмем, к примеру, тех же вавилобстеров. Дело: «Грыза против Плупезов».

Когда на место истца встал пожилой гоблин в дорогом кафтане, сшитом по последнему слову аздакской моды, Бедерхем немного побуравил его взглядом, а затем рявкнул:

– Ты проходил у меня по какому-нибудь делу? Твое лицо мне знакомо.

– Не я, ваша честь, – пролепетал несчастный, теряясь под огненным взглядом демона. – Мой папочка, Грыза-старший.

– Да-да-да, – довольно закивал Бедерхем. – Дело о краже

вавилобстеров. Ответчик не явился в суд. Семья до сих пор утверждает, что он охотится на борзых козлят. Чего же ты хочешь?

– Справедливости! – возопил гоблин. – Папочка умер восемнадцать лет назад и теперь является всем и каждому в семье. Требуется отмщения.

– Я его понимаю, – милостиво заметил судья. – Месть – сладкое чувство.

– Сам я ненавижу вавилобстеров. У меня при одном только их виде чесотка начинается. Но папочка упрямый. Он и при жизни был зануда, только вечно занят. Что спасало семью и ближайших друзей. А теперь у него куча свободного времени. Он нас со свету сживет этими вавилобстерами. Помогите, ваша честь. Пусть Плупезы хоть как-нибудь ответят за бесчинства Хупелги.

Зелг хотел было сказать, что раз кража не доказана, то семья ответчика не должна страдать, иначе какое же это правосудие? Он собрался предложить перенести разбирательство на следующий год, вплоть до получения точной информации, но ему сделалось неудобно: бедный старичок уже умер, не дождавшись рассмотрения дела, а его детей еще жальче.

Вот тут он и узнал, что такое класс!

– Герцог слышал тебя, – сказал судья гоблину. – Он повелевает! Названный Хупелга ловит борзых козлят? – Демон едва заметно ухмыльнулся. – Пусть это и будет его пожизненным наказанием.

– Благодарю, ваше высочество. Благодарю, ваша честь. – Гоблин кланялся как заведенный. – А что если он все-таки поймает козленка? Папочка опять расстроится, о чем я даже думать боюсь.

– Сие невозможно, – гроыхнул демон. – Но если чудо свершится, суд обязует Хупелгу продать борзого козленка в аздакский королевский зверинец – они там давно мечтают получить хотя бы одного, – а вырученные средства отдать семье умершего истца за их долготерпение. И как компенсацию за дорожные расходы.

Король Юлейн не выдержал и зааплодировал.

– Я уже мечтаю о таком судье, – зашептал он Гизонге. – Нельзя ли как-нибудь договориться с Бедерхемом, чтобы наших судей отправлять к нему, в Преисподнюю, для расширения кругозора и повышения мастерства?

Маркиз подумал, что только его повелитель способен родить такую запредельную идею.

А демон, между тем, рассматривал следующее дело: Гука Ухолист против Кресселя Водохлеба; Крессель Водохлеб против Гуки Ухолиста.

Судились двое огромных, замшелых троллей, которых даже от их родичей отличала благородная скудость мысли.

Тяжба возникла давно, из-за некоего имущества, которое им не то не удалось поделить, не то кто-то из них его безнадежно испортил. Причем один полагал, что речь идет о котле эля, а второй – о сундуке с драгоценностями: каменной

погремушкой, старым циклопым башмаком и большим деревянным шаром неизвестного назначения.

Впрочем, память подводила Кресселя и Гуго с той же безотказностью, с какой изменяла им логика.

Оба красавца были не в состоянии связно изложить свои претензии; издавали умиленные звуки, на которые немедленно явились потрясенные Бумсик с Хрюмстиком; порывались затеять драку друг с другом и гномом-секретарем и неприлично таранились на Зелга с Бедерхемом.

– Может, стукнуть, чтобы заработало? – осведомился Такангор, когда тролли окончательно завязли в середине убогого рассказа.

– Зачем же? – спросил Бедерхем. – Все и так предельно ясно. Герцог слышал вас, – зарокотал он. – Герцог повелевает: казнить обоих в назидание остальным истцам и ответчикам, дабы тяжбу свою знали досконально.

Тролли грустно вращали глазами.

– Ваша честь! – ужаснулся милосердный Зелг.

Бедерхем только дернул крылом. Его хвост выбивал мерную дробь на каменных плитах.

К троллям тут же подскочил один из юристов: длинный, кряжистый дендроид с толстой папкой в одной из рук-ветвей. Он что-то быстро растолковал бедолагам, и те радостно закивали головами, отчего их уши зателепались, как простыня на ветру.

– Ваша честь, – закрипел юрист. – Истец и ответчик сни-

мают взаимные претензии и более таковыми не являются. Они внезапно и с большой радостью пришли к взаимному согласию.

– Казнь отменяется, – объявил Кехертус.

– А жаль, – меланхолически заметил Бедерхем.

Он до того усердный судья, что, будь его воля, выносил бы обвинительные приговоры обеим сторонам.

Кардинал Джулио Мазарини

Неведомо откуда выскочивший Мардамон быстро предложил:

– Можно принести их в жертву. Во-первых, в назидание. Во-вторых, для всеобщей радости и ликования. В-третьих, это угодно богам. А в-четвертых, я таки потеряю квалификацию без постоянной практики.

И так же моментально растворился в пространстве.

А перед судьями уже стояла следующая, весьма странная пара: маленький, синий с бурыми пятнами от волнения троглодит в вязаной шапочке с длинными ушками и высокий, мощный красавец в дорогих одеждах и с пустыми глазами, похожими на две прозрачные льдинки.

Гном-секретарь пробежал глазами свиток и объявил:

– Душа лорда Таванеля против лорда Таванеля! Сторону души представляет... – тут гном неприлично долго вглядывался в список и сравнивал написанное и увиденное, – князь ди Гампакорта!

Гризольда уронила пепел на хвост судье Бедерхему.

Зелг подпрыгнул, будто его укусили за ногу.

– Кто же из них лорд? – изумился Узандаф.

Красавец сделал шаг вперед и поклонился.

– Век мне крови не испить, если это князь ди Гампакорта. – И Мадарьяга указал на съездившегося от ужаса троглодита.

– А я его откуда-то знаю, – раздался голос графа да Унара.

Зелг порывисто обернулся.

Начальник Тайной Службы Тиронги не сводил глаз с лорда Таванеля.

ГЛАВА 5

Послушав в суде двух свидетелей дорожного происшествия, уже не так веришь историкам.

Э. Маккензи

Получив срочную депешу из Кассарии от начальника Тайной Службы королевства, старший библиотекарь Папата долго и озадаченно хмыкал.

Сезона не прошло, как его вывозили в мрачные ночные поля, в расположение войск, чуть ли не в самое пекло идущей войны, чтобы проконсультироваться по поводу мифической персоны Генсена Проклятого. Что и говорить, личность своеобразная и любопытная, а Папата считается одним из признанных специалистов по этому вопросу, но не в третьем же часу ночи! Не в разгар сражения и не в кандалах!

Конечно, славный библиотекарь слегка преувеличивал. Сражения он не застал, а под кандалами имел в виду усиленную охрану из конных гвардейцев, которые не столько его караулили, сколько обеспечивали безопасность ценному сотруднику королевской библиотеки. Впрочем, господин Папата не любил представителей тайных и секретных служб и всякий разумный поступок тоже вменял им в вину.

Один вид представителя власти его угнетал. Даже милей-

ший человек, господин Фафут пал жертвой своей должности. В противном случае Палата, возможно, подружился бы с ним; во всяком случае, приятельские отношения были бы обеспечены. Но мундир главного бурмасингера с этими золотыми нашивками и сверкающими пуговицами мешал как следует рассмотреть добрую и светлую душу. К тому же Фафут в свое время женился и вместе с женой заполучил тещу, с которой смирился окончательно и бесповоротно, а Папата этого в человеке не понимал.

То же произошло и во время встречи с самим графом да Унара. Господин старший библиотекарь не смел отрицать, что начальник Тайной Службы Тиронги – личность во всех отношениях выдающаяся. Мало кто из ученых мужей умел так внимательно слушать и задавать такие точные, интересные и умные вопросы. Его бы увлечь на конференцию – какой мог бы случиться диспут!

Граф обладал недюжинными знаниями в самых разных областях и при этом никогда не стеснялся признаться в неведении. Он впитывал информацию, как губка. И кабы не его работа господин Папата почитал бы за честь время от времени беседовать с ним на любую тему. Хоть о том же Галеасе Генсене.

Если верить газетам, интерес графа да Унара к персоне Нерожденного короля Бэхитехвальда был отнюдь не академическим.

Старший библиотекарь собрал солидную подшивку ста-

тей, которые в унисон заявляли, что в окрестностях Кассарии случилась великая битва с Бэхитехвальдом и впервые в истории Ниакроха Генсен потерпел поражение в поединке. Пал от руки известного победителя Кровавой паялпы Такангора Топотана.

Обыватель мог уверовать в подобную белиберду. Он и поверил. Для того, собственно, и существуют газеты, и кто-то вкладывает в них солидные средства. Но образованный и хорошо осведомленный человек, вроде господина Папаты, считает ниже своего достоинства всерьез обсуждать вероятность победы смертного, не владеющего тайными знаниями, над легендарным королем-чародеем.

Заметьте, из вежливости он даже не поднимает вопроса о правдоподобности «эксклюзивных репортажей прямо с места событий». Ибо одно дело – изучать исторические документы, продолжать дело любимого деда – магистра ордена кельмотов, от которого остались теплые детские воспоминания, деревянный кентавр-качалка и тощая тетрадка неоконченных мемуаров, и даже выдвигать разные смелые гипотезы; и совсем другое – уверовать в то, что Генсен во плоти и крови явился в наш мир, дабы завоевать Кассарию, а вместо этого дал интервью журналу «Сижу в дупле», оценил разрушительную силу Лука Яростной Тещи и, получив по первое число от любителя бульбяксы и мынамыхряка в яблоках, канул в небытие.

Сомнительно? Более чем.

Кроме того, научный мир никак не отреагировал на сенсационные заявления газетчиков, а это что-нибудь да значит. Проявись Бэхитехвальд в окрестностях Тиронги, никто бы не остановил ученых, рвущихся лично наблюдать, подробно описывать, исследовать и классифицировать уникальный процесс, дабы впоследствии поведать миру о своих научных изысканиях.

Нет такого кризиса, на который научный мир не ответил бы семинаром.

NN

Свидетельства очевидцев также не слишком убеждали. Невежественные люди, привыкшие рубить, колоть, стрелять и иными способами лишать жизни себе подобных. Ведоми ли им тайна бытия?

А то, что рухнула, подняв в воздух тучи песка и пыли, башня Генсена...

Королевская библиотека тоже скоро рухнет, если не выделят дополнительные ассигнования на ремонт. И посмотрим, что поднимет большой грохот.

Итак, мудрый читатель уже понял, что господин Папата, изучающий при свете масляной лампы письмо от графа да Унара, был не на шутку рассержен.

Запрос из Кассарии в вежливой, но категорической форме предлагал ему напрячь все умственные способности и в рекордно короткий срок выдать справку по ордену кельмо-

тов, особо остановившись на личности лорда Уэрта Орельена да Таванеля. При этом графа да Унара несколько не смущал тот факт, что просуществовавший более двух тысяч лет орден кельмотов был разгромлен и уничтожен в считанные дни. Причем все документы исчезли. И какая судьба их постигла, не мог сказать никто из историков и ответственных лиц.

Что же до лорда Таванеля, то Палата знал о нем по чистой случайности, от своего отца. Совсем немного. Но то была старая семейная тайна, и он не слишком представлял себе, зачем бы ее вдруг обнародовать столько лет спустя.

И вообще, на что им сдался пересекший Черту магистр давно упраздненного ордена?

Не менее интересный и исторически значимый лже-Жиньгосуф Восьмой, вычеркнутый практически из всех официальных исторических документов Тифантии, почему-то не вызывает такого ажиотажа.

Воистину неисповедимы прихоти вельмож и женские капризы. И еще неизвестно, что хуже.

Тогда, в шатре графа да Унара, во время безумного ночного бдения, господина Палату сильно просквозило, и его еще долгое время терзал жестокий радикулит. Этого он отдельно не мог простить великолепному вельможе.

Правда, на сей раз граф немного реабилитировал себя, расщедрившись на специальное, пускай и временное удостоверение, дающее простому библиотекарю невероятные пол-

номочия. В его распоряжение поступали несколько сотрудников, крупная сумма денег, личный экипаж и секретарь, призванный решать текущие проблемы господина Палаты в срочном порядке. Словом, Тайная Служба королевства мобилизовала свои ресурсы, чтобы ведущий специалист мог быстро и качественно составить интересующую правительство бумагу.

В сопроводительном письме граф тонко намекнул на то, что не забыл о предыдущей услуге. И в случае если историческая справка окажется действительно полезной и не обманет ожидания самых высокопоставленных особ, то господин Папата может твердо рассчитывать на повышение по службе и определенные льготы.

Библиотекаря так и подмывало гордо отказаться от щедрых посулов, но аппетитные блюда, доставляемые в кабинет прямиком с личной кухни графа да Унара, удобный экипаж с мягкими шелковыми подушечками и расторопный секретарь наложили печать молчания на его уста. Он по-прежнему не любил Тайную Службу. Но теперь – безмолвно и глубоко в душе.

Он удобно устроился за столом, поплевал на перо – водилась за ним такая привычка – и принялся выводить идеальные округлые буквочки на заглавном листе. В таком положении и застал его рассвет.

И только через три дня, в четвертой и последней главе, он изложил основную тему доклада.

«Насколько мне стало известно в результате проведенных изысканий и изучения официальных документов (тех немногих, что остались в архивах Королевской Частной библиотеки), в Тиронге, в разное время, существовали два лорда Уэрта Орельена да Таванеля.

Первый – наследник древнего рода да Таванелей, владелиц обширного поместья на севере Тиронги, в провинции Лялят-пополис. Его отец, Рибда да Таванель, выходец из Тифантии, являлся родственником славного короля Ройгенона. Мать, значившаяся в метриках под именем Сипуссы да Таванель, умерла при родах. Любопытно, однако, что ни один источник не называет ее девичьей фамилии. Согласно непроверенным слухам, ходившим в то время при королевском дворе, Сипусса происходила из кассарийских оборотней. Официальных подтверждений этому факту не имеется.

Глубоко скорбевший о потере любимой супруги, Рибда да Таванель отдал сына в известное и популярное в то время учебное заведение – Детский гвардейский приют. Оттуда Уэрт Орельен был выпущен с великолепными характеристиками и отличными оценками по всем предметам (по воспоминаниям сослуживцев). Молодой человек поступил в кавалерию, затем перешел в элитный полк. Отличился во многих сражениях. Был награжден Золотым мечом за беспримерную храбрость при Пыхитехвальде. В 10725 году от Сотворения Ниакроха в возрасте тридцати лет вышел в отставку и поселился в своем поместье. Однако уже в следую-

щем году (согласно мемуарам Кибы Безносого, изд-во «Дым отечества», 10800 год от С.Н.) вновь появился в столице, уже в качестве рыцаря ордена кельмотов. Приблизительно через три года был посвящен в сан магистра, спустя год – старшего магистра.

Согласно многочисленным устным воспоминаниям, лорд Уэрт Таванель являлся правой рукой Великого магистра и пользовался его крайним благорасположением.

В 10733 году от С. Н. великий магистр Барбазон д'Удетто принял и удовлетворил прошение Таванеля о странствии в королевство Бэхитехвальд. В том же году, сложив с себя полномочия и завещав имущество ордену, интересующая нас особа воспользовалась вратами в башне Генсена (тогда еще существующей) и пересекла Черту, о чем имеется запись в семейном архиве герцогов да Кассаров (период правления Узандафа Ламальвы да Кассара).

Как и его многочисленные предшественники, лорд Таванель исчез. Всякие попытки призвать его душу, равно как и отыскать его тело, не принесли успеха. Полвека спустя орден кельмотов вступил в права владения наследством Таванелей. Замок лорда был продан через посредника особе, пожелавшей остаться неизвестной. На этом история подлинного лорда Уэрта Орельена да Таванеля завершается.

В 11151 году от С. Н. стараниями начальника Тайной Службы королевства Тиронга, маркиза Хойты ин Энганцы, орден кельмотов был разгромлен. Официальным предлогом

для упразднения ордена (согласно воспоминаниям очевидцев) явилось донесение особы, пожелавшей остаться неизвестной. Этот человек – предположительно являвшийся кельмотом – предоставил Хойте ин Энганце все секретные документы ордена. По слухам, ходившим тогда при дворе, он попросил в награду титул лорда Таванеля и право носить имя последнего представителя угаснувшего рода. Таким образом, после разгона ордена кельмотов при дворе Нумилия Второго Кровавого вновь появился лорд Уэрт Орельен да Таванель.

Скандал разразился, когда новоявленный лорд попросил руки благородной княжны Сирии ди Талленси. Состоялась помолвка, после которой невеста и ее родители были приглашены женихом в провинцию Лялятпополис, в поместье Таванелей. Однако там произошло нечто из ряда вон выходящее (никак иначе в дошедших до нас документах не обозначенное). Лорду было отказано в руке княжны ди Талленси, после чего он удалился от двора и более там не появлялся (взято из мемуаров магистра ордена кельмотов, Ороро да Папаты).

Учитывая средний возраст человека, носящему титул лорда да Таванеля должно теперь быть около восьмидесяти лет. Приблизительный портрет составлен мною согласно все тем же мемуарам магистра да Папаты и исполнен углем на пергаменте Регаморой Грызуном, штатным художником Тайной Службы его величества Юлейна Гахагуна».

Спустя два часа невыспавшийся и злой курьер уже мчался во весь опор по дороге к Кассарии, везя в седельной сумке многостраничный доклад и портрет, написанный со слов давно умершего очевидца.

* * *

Действуй, пока никто не успел тебе запретить.

Эрих Мария Ремарк

– Если маменька нас тут застукают, разразится жуткий воспитательный процесс, – предупредил брата Бакандор.

– А то я не догадываюсь, – фыркнул Милталкон. – Но ты воспрянь. Есть вещи, которые требуют жертв.

– Красота? – предположил Бакандор, недавно прочитавший модный журнал и до сих пор находящийся под впечатлением.

– При чем тут красота! Знания! Секреты, тайны. Загадки. Помнишь, что пишет Тапинагорн Однорогий: информация – залог победы. Войну выигрывает тот, кто лучше информирован.

– Ну.

– Вот я и раскопал кое-что. Сейчас покажу.

И Милталкон загремел какими-то железьяками.

Они с братом забрались в святая святых – оружейную лабиринта, то место, где с незапамятных времен прекрасная Мунемея хранила доспехи своего обожаемого супруга, Гогила Топотана. На специальных крюках, вбитых в каменную стену, висели броня, кольчуга, поножи, наручи, широкий металлический пояс. Только два крюка пустовали – прежде здесь был знаменитый папенькин боевой топорик, но его взял с собой Такангор.

Детям строго запрещалось посещение оружейной в отсутствие маменьки, и Бакандор с Милталконом впервые нарушили приказ строгой родительницы, чьего гнева опасались даже отчаянные химеры и шальные кентавры.

Сейчас прекрасная Мунемея как раз отсутствовала. Она собиралась пройтись по лавочкам, зайти в модную мастерскую и посмотреть последние журналы; затем посетить кабачок «На рогах», где ее ждали приятельницы, и завершить приятный и полезный день на почте. Мадам Горгарога в очередной раз потянула крыло, таская по Малым Пегасикам поздравительную открытку из Бангасоа, – тамошние демоны, как известно, пишут исключительно на каменных плитах, и «многостраничное дружеское послание» в их исполнении может поднять только исполин.

Мунемея хотела проверить, не пришло ли письмо от Такангора, а заодно получить свежий номер «Королевского паникера», в котором грозились напечатать интервью с ней. Не дождавшись представителя прессы, прекрасная минотаври-

ха искренне желала прочесть статью.

Чувство юмора не позволяло ей огорчаться по этому поводу, но оно же не разрешало оставить «интервью» без внимания.

– Даже «Красный зрачок» не позволил бы себе такого вопиющего безобразия, – заявила она накануне.

«Красный зрачок» упорно занимал последнее место в ее личном рейтинге газет и журналов. Впрочем, «Королевский паникер» Мунемея тоже не слишком жаловала, хотя внимательно изучала его от корки до корки. Но самым любимым изданием, которое она повыписывала вот уж лет семьдесят, были, конечно, «Траво-Ядные новости» с их оптимистическим взглядом на жизнь, бесценными хозяйственными советами и милыми ребусами, которые так приятно решать на досуге.

Это мы к тому, что без свежей прессы Мунемея домой не явилась бы, и у любознательных сынуль оставалось в запасе немного времени.

– Влетит нам, – угрюмо повторил Бакандор.

– За такое можно и пострадать. Видал? То-то.

И Милталкон с усилием надавил на каменный выступ. Раздались дикий скрип и лязганье старых цепей. Посыпалась на голову земля. Испуганный паучок ринулся спасаться бегством. Глаза у Бакандора сделались размером с блюдце.

Стена слегка отъехала в сторону, и изумленному взгляду молодого минотавра открылась ниша, заплетенная пау-

тиной. Там, в глубине, припорошенные пылью и каменной крошкой, тускло блестели доспехи – чуть поменьше, чем броня Гогила, но зато украшенные затейливой чеканкой и обильной позолотой, и стоял простой черный ларец.

– Посвети сюда, – приказал Милталкон, копаясь в глубине крохотной пещерки. – Вот, гляди.

И он торжествующе ткнул брату под нос элегантную дамскую латную юбку с дыркой для хвоста.

* * *

Дело о душе лорда Таванеля оказалось последним.

Разбрелись уже толпы жалобщиков, подались восвояси довольные и недовольные. Кое-кто задержался в гостеприимном Виззле, празднуя победу или пытаясь утишить горечь поражения при помощи волшебных напитков Фафетуса и знаменитой сдобы трактирщика Гописсы.

Небольшая очередь стояла к главному бурмасингеру, который руководил процессом раздачи автографов: прибывшие из дальних стран торопились совместить приятное с полезным. Не все они были коллекционерами; иные хотели заработать – ведь за пределами Тиронги факсимильный оттиск герцога да Кассара, генерала Топотана или троглодита Карлюзы уходил за тройную цену.

Лишь небольшая толпа зевак, к вящему неудовольствию демона Бедерхема, все еще оставалась на замковой площади. Этих чудаков чужие проблемы волновали не меньше, чем свои. Да и свои они заработали именно потому, что слишком рьяно рвались принять участие в чужих. Но опыт ничему их не научил, и они стояли, раскрыв рты и ловя каждое слово, доносившееся с помоста.

У двоих, последних, ищущих закона и справедливости в Кассарии, не было ни спутников, ни помощников, ни даже бумаг. Красавец-лорд выглядел очень уверенным и смело смотрел на судей, а троглодит, напротив, находился в состоянии, близком к панике, и едва не терял сознание.

Молодому некроманту сделалось его жаль.

– Чего ты просишь? – спросил Бедерхем, удивляясь тому, что смиренный обычно Зелг принялся дергать его за полу мантии. Это отвлекало от процесса и мешало гневно сверкать глазами и порывивать.

Троглодит посерел от ужаса и присел, опираясь на хвост, но не проронил ни слова.

– Позвольте мне, ваша честь, – заговорил Таванель, отвешивая демону и прочим судьям по учтивому поклону. – Пусть я и явился сюда в качестве ответчика, однако я не меньше истца ищу справедливости. Вот уже долгое время сие жалкое создание не дает мне прохода, заявляя, что оно выступает от имени душеприказчика моей души. Дескать, душа моя недовольна мною и хочет вырваться из-под моей

опеки. Я смело повторяю эти беспочвенные обвинения, ибо они кажутся мне абсурдными. И пришел я сюда...

– Тебя не спрашивают, зачем ты пришел! – зарычал Бедерхем, до которого дошли отчаянные сигналы молодого некроманта.

– У меня есть свидетельница, – поведал ему Зелг. – Помните, я вам говорил?

Судья хотел было напомнить ему, что разговор не удался. Причиной тому стал Птусик, заложивший слишком крутой вираж. С отчаянным криком «Поберегись!» он врезался точнехонько в некроманта и потерял сознание от столкновения. Бедерхем охотно казнил бы летучего мыша: ему этот выход представлялся самым разумным. Но Зелг разволновался, вызвал доктора Дотта, и они долго хлопотали над растяпой.

Потом появился Мардамон с проектом пирамиды. А следом за ним – король Юлейн, который с надеждой спрашивал самого демона, не хочет ли тот наслать на его душеньку Кукамуну какое-нибудь бедствие? А если нет, то, может, душенька Кукамуна для чего-нибудь пригодится в Преисподней?

Словом, ничего этого Бедерхем напоминать не стал, а просто махнул рукой.

– Он говорит правду? – обратился к троглодиту Кехертус. Несчастное существо быстро закивало головой. Ушки на шапке мелко затряслись. На паука он вообще не смотрел.

– Ты называешь себя князем ди Гампакортой? – уточнил

Такангор, которому нашептал этот вопрос взволнованный вампир. Шелковистое ухо минотавра чутко прислушивалось к словам Мадарьяги.

Троглодит, казалось, проглотивший язык, отрицательно замотал головой, всячески отказываясь от славного имени.

– Тогда – кто ты?

– Глаза, – пискнул соотечественник Карлюзы.

– Кто?

– Глаза князя ди Гампакорты.

– Вы что-нибудь понимаете, ваша честь? – спросил вконец растерявшийся Зелг.

– Я понимаю, что последнее дело на этой неделе станет самым необычным в этом веке, а может, и в тысячелетии, – отвечал демон. – Я бы рекомендовал удалить зевак и ограничить число журналистов, раз уж вы отказываетесь выгнать их взащей. И неплохо бы окружить территорию солдатами. Все неправильно в этом неправильном деле. Не хотелось бы неприятных сюрпризов.

– Солдаты всю неделю на местах, – ухмыльнулся Такангор. – Лучники торчат в бойницах, меняются каждые два часа. Любого подстрелят по моему сигналу. Ветераны «Великой Тякюсении» дежурят день и ночь.

– Bravo, генерал, – сказал демон. – Я и не заметил.

– Объявлю им благодарность в приказе, – решил минотавр. – Не нравится мне этот лорд. Глаза у него нехорошие.

– Совершенно верно, – согласилась фея Гризольда, спар-

живая на подлокотник его трона. – Это вовсе не глаза души, которую я видела той страшной ночью. Кто-то другой выглядывает из них.

– Разве так бывает? – изумился герцог.

– Бывает все, – убежденно молвил Такангор. – Так маменька говорят. А маменька знают, что говорят.

– Ну, если маменька... – вздохнул некромант, давно ознакомленный с теорией о непогрешимости мадам Мунемеи Топотан.

– Итак, начнем с самого начала, – предложил минотавр. – Потому что лично мне ясно, что эти двое что-то путают. Нам известно, что душу лорда Таванеля представляет князь ди Гампакорта, здесь отсутствующий. Нам известно также, что лорд Таванель, здесь присутствующий, существовать в принципе не может. Я хотел бы сперва получить объяснения по этим двум вопросам, прежде чем двигаться дальше.

– Разумно, – согласился судья Бедерхем. – У вас, юноша, мертвая хватка и ясный разум. Из вас выйдет неплохой судья.

– Я воевать люблю.

– Одобряю.

– Хочу обратить внимание уважаемых судей, – сказал внезапно лорд, – что это моя душа. И кто, как не я, может судить, счастлива она или нет, хочет она покинуть меня или в ужасе от этой перспективы. И неужели следует считать весомым доказательством слова этого безумного существа,

полагающего себя глазами некоего, возможно, выдуманного князя?

– Я пока не знаю, что думает ваша душа, – наклонился к нему Бедерхем, отчего лорд попятился, – но я наверняка знаю, что князь ди Гампакорта существует во плоти и крови.

Таванель криво и заискивающе улыбнулся грозному судье.

– Кто он? – спросил Зелг.

Вместо демона ответил Мадарьяга:

– Мой давний друг. Один из тех редких смельчаков, что побывали в Преисподней и вернулись оттуда. Слепой каноррский оборотень. Меня удивляет только, что он прислал вместо себя этого беднягу. Все равно что отправить нашего Карлюзу воевать с драконом.

– Знаете, господа, – заявил Кехертус, – пора брать этих двоих под вежливую стражу и объявлять перерыв. Мне кажется, нам предстоит долгий разговор. Я приглашу дядю. Ему тоже найдется что сказать по существу вопроса.

– И не забудьте прихватить нас с маркизом, – присоединился к беседе граф да Унара, помахивая толстым конвертом. – Весьма любопытная личность – этот ваш лорд Таванель.

Итак, шумная разношерстная толпа отправилась в дом обедать и обсуждать сложившееся положение.

– Надеюсь, не обижу вас, мой старый друг, – судья Бедерхем наклонился к самому уху взволнованной мумии, – но никогда еще этот славный замок не казался мне столь радушным и симпатичным.

– Я не ослышался? – усмехнулся Узандаф. – Вы произнесли слово «симпатичный»?

– Да. И сам удивлен. Но, кажется, мое черное сердце слегка оттаяло в компании вашего – простите великодушно – несуразного внука и его подданных.

– Скорее уж, друзей.

– Тем более странно.

– У меня не было *таких* друзей, – признался старый герцог. – Правда, и сам я *таким* не был.

– Здесь стало тепло и весело, – сказал демон, и никто в Преисподней не поверил бы, что этот голос и интонации принадлежат ему, так грустно и проникновенно они звучали. – Здесь стало как в те далекие времена, когда наши семейства ненадолго прервали давнюю вражду и праздновали свадьбу вашего славного пращура Барбеллы и Моубрай Яростной.

– Как она? – спросила мумия.

– Неплохо. Насколько это возможно в ее возрасте и при ее потерях.

– Ужели она до сих пор что-то чувствует?

– Утверждает, что нет, – признался Бедерхем, – но кого она обманывает? Меня? Себя? Или Князя Тьмы? Вот уж бессмыслица. Любовь сделала ее ледяное сердце уязвимым, и оно уже никогда не перестанет испытывать боль и радость.

– Не знаю, соболезновать или поздравлять.

– И то и другое.

– Если это утешит мою прекрасную бабушку, скажите ей, что у меня те же проблемы.

– Вы полюбили мальчика, – предположил судья.

– Кто его не полюбит? Даже Кассария, скажу вам под большим секретом, даже она пришла к нему лично. В образе, о котором мы, гораздо более умелые чародеи и славные воители, и помыслить не могли. И знаете, что он учудил?

– Что?

– Влюбился.

– В кого?

– В Кассарию. Вернее, в образ, который она ему явила. И теперь он затеял пересечь Тудасюдямный мостик.

– Те, кто пересекал Черту, вели себя разумнее, право слово, – поцокал Бедерхем раздвоенным языком. – Я испытываю к нему теплые чувства – то, чего не знал многие тысячи лет. Но я не ощущаю в нем могущества. Я не вижу вашей силы.

– Это горе, – признался Узандаф. – Высокое вдохновение битвы ушло, а власть и сила не пришли. Он может творить мелкие чудеса. Такими впору забавлять народ на ярмарке. Но, случись что, мы должны полагаться только на удачу. Я же почти бессилён.

– Проклятие снято.

– Я всего только обрел свободу и возможность выбора между окончательным уходом и нынешним существованием. Я выбрал этот замок, внука и целую толпу его коллег и друзей. Знаете, барон, мое жилище временами напоминает мне тот самый Детский гвардейский приют. Маловменяемые странствующие жрецы, безумные троглодиты, летучие мыши, страдающие бессонницей, пыхающие дымом феи – всякой твари по паре. Но я не жалуясь, нет! Мне это стало нравиться. Я чувствую себя не просто живым, но и помолодевшим лет эдак на пятьсот – восемьсот. Но что касается бывшего могущества: пара тараканов – вот и все, что я могу поднять из праха. Сила оставила меня. А к моему мальчику не пришла.

– Это плохо, – отдельно произнес демон после долгой паузы. – Это очень плохо, особенно в свете последних событий у нас, внизу. Но об этом потом. Сперва разберемся с лордом Таванелем.

– Этот лорд – это тоже очень плохо, – заскрежетала зубами мумия. – Поверьте моему чутью.

– Даже не обсуждается, – согласился судья. – А что теперь

делать?

– Уповаю на Кассарию и на ту слабость, которую она питает к Зелгу, – сказал Узандаф. – Просто так подобные вещи не происходят.

– Не происходят, – подтвердил демон. – Воистину так.

Тем временем Карлюза подошел к растерянному троглодиту и сделал церемонный реверанс.

– Карлюза Гогарикс, прозванный Агигопсом, к вашему удовольствию. Кем вы есть?

Неведомый троглодит восхищенно уставился на него и залопотал:

– Ужели тот самый Гогарикс – краса и гордость племени, любезный ученик Зюзака Грозного? Примите мою восхищенность вашим гордым и могучим видом! Имел вас в представлении как ученого крота. Есмь Левалеса Второй, инкогнитой.

Увидев, что его приятель стоит с вытаращенными глазами, Такангор решил вмешаться. Он положил могучую руку на плечо Карлюзе, отчего тот присел на лапах, и только мощный хвост, задуманный природой как надежда и опора всего троглодитского народа, спас положение.

– Что тут у вас? – спросил минотавр.

– Тс-с, – прошептал Карлюза, озираясь по сторонам. – Наступила большая тайна.

К облегчению своему, он увидел, что ветераны «Великой Тякюсении» – отполированные скелеты в сверкающих до-

спехах, вызывающие у минотавра гордую отеческую улыбку, отконвоировали лорда Таванеля под навес. Там его окружили любезные слуги, стараясь скрасить время вынужденного ожидания.

– Не нравится он мне, – фыркнул Такангор. – Генсен нравился, а этот – нет. Не вышел бы я против него в честном бою.

В честной борьбе побеждает жулик.

Ген. Малкин

– Мембраны мои трепещут от радости, – молвил Карлюза, с интересом разглядывая троглодита.

– Я глубоко изучил ваш трактат «О впукливании и выпукливании», – сообщил тот. – Милорд, – робко обратился он к огромному минотавру, которому едва доходил до колена, – вам изонравился трактат?

– Какой?

– О впукливании и выпукливании.

– Чего?

– Что – «чего»?

– О впукливании и выпукливании – чего?

– В принципе.

– Тогда особенно, – ловко вывернулся Такангор. – Ну, не стойте посреди двора. Карлюза, приглашай своего соотечественника присоединиться к нам в замке. Там вы будете в безопасности, в приличном обществе, но как бы и под аре-

стом.

И странная компания, состоящая из одного исполина и двух неуклюже ковыляющих крох, двинулась в господский дом, где их с нетерпением ожидали.

– Терзаюсь сомнениями, достоин ли я национальной истории? – спросил Карлюза у пришельца.

– Как же вас не предать истории? – удивился тот. – Вы чрезвычайно выпуклая фигура.

Один из воинов-скелетов, обожавший Такангора до дрожи в коленях, заметил, каким взглядом проводил его генерала тот, кто называл себя лордом Таванелем. Ни ненависти, ни злобы, ни неприязни не было в том взгляде. А все же – если бы скелеты имели спины, по которым могли бегать туда-обратно противные толстые мурашки с холодными лапками, он ощутил бы именно это. Даже ему, умершему еще во времена Валтасея Тоюмефа, стало не по себе, когда он случайно заглянул в ледяную бездну, притаившуюся под голубоватыми веками арестованного. И воин дал себе слово обязательно рассказать милорду Топотану о своих впечатлениях – вот только суметь бы найти нужные слова.

* * *

Для начала граф да Унара прочитал уже известный чита-

телю фрагмент четвертой главы из докладной записки библиотекаря Папаты, а от себя добавил, что, будучи несмышленным мальчишкой, встретил как-то лорда Таванеля – того, что сидит сейчас во дворе под конвоем, когда отец впервые взял его с собой на охоту.

Заядлый охотник, старый граф выезжал в самые отдаленные провинции Тиронги, чтобы найти по-настоящему нетронутые уголки. И однажды нелегкая занесла их в Лялятпополис, в окрестности замка Таванель.

Самого хозяина начальник Тайной Службы видел издали – ка и мельком. Отчего-то его отец, человек отважный, прямой и славный своей бескомпромиссностью, приказал повернуть коней и покинул поместье с максимальной скоростью, на какую оказались способны его породистые скакуны.

Сыну он объяснил только, что не желает, дабы взгляд лорда упал на него или его наследника. Граф да Унара помнил, что они неслись прочь, будто их преследовали все демоны Преисподней (тут он сделал поклон в сторону судьи Бедерхема, и тот вяло похлопал в ладоши, показывая, что оценил каламбур). Зная, что отец его не верил в приметы и смеялся над суевериями, не боялся колдунов и чародеев и никогда не ходил к предсказателям, граф мог только гадать, что знал его родитель об этом человеке такого, что заставило его обратиться в паническое бегство.

И еще запомнилось да Унара, как выяснилось, на долгие годы: отец обратил внимание на то, что лорд Таванель ни-

сколько не постарел со времен упразднения ордена кельмотов. «Нелюдь, нелюдь», – повторял старый граф.

Не много, но вкупе со справкой господина Палаты наводит на размышления.

– Зачем же он тогда явился в Кассарию? – недоумевал Зелг. – Коли он злоумышленник и вовсе не тот, за кого себя выдает, сидел бы в своем Лялятпополисе и носа не высывывал. Я бы на его месте таился, как мышь под метлой.

– Видишь ли, милорд, – кашлянул дедушка. – Ты, чистая душа, даже вообразить себе не в состоянии, что творится в голове у таких, как этот Таванель, не то что занять его место. Кстати, ты даже не можешь как следует прочитать семейные хроники, где задокументировано раз и навсегда, что никто не может не явиться на Бесстрашный Суд, коли его вызывают туда в качестве ответчика. И заклинание соответственное наложено – времен Лягубля и покоренья Пальп. Долблю тебе, долблю, как та муха – головой о стекло. Никто ее не любит, хотя она старается...

– Я тебя люблю, – утешил его доктор Дотт. – Вот, хлебни эфирчику. И не пугай ребенка.

– А мне этот Таванель сразу не понравился, – внезапно подал голос король Юлейн, слегка пообвыкшийся в обществе демона и потому осмелевший. – Взгляд у него пустой, безжалостный – ни понимания, ни сочувствия. Прямо как у душеньки Кукамуны. Это моя жена, я вам о ней рассказывал, – пояснил он заинтересовавшемуся Бедерхему. И добавил во

внезапном порыве вдохновения: – Если вас станут уговаривать жениться, рвите их на части, пожирайте с костями, но не соглашайтесь. Женитьба – верная гибель. Это я вам говорю.

– Итак, личность ответчика можно считать установленной, – внес ясность Такангор, уже сидевший за обеденным столом в окружении Карлюзы, Левалесы и небольшого сонма домовых и призраков под управлением счастливого многонога Гвалтезия.

Есть в мире вещи неизменные: восход, закат; рождение, смерть – и обедающий минотавр.

Пока Такангор жевал, Гвалтезий был уверен в завтрашнем дне и никакие катаклизмы, сотрясавшие Кассарию, его не беспокоили.

– Не совсем, – откликнулся Кехертус. – Прошу предоставить слово моему дяде.

Славный дядя Гигапонт буквально сиял от счастья. Во-первых, он мог наконец принести действительную пользу гостеприимным обитателям кассарийского замка; во-вторых, принять участие в беседе на самом высоком уровне – а этот дядя был немножко сноб и страсть как любил общество королей и вельмож; в-третьих, снова напомнить миру о своих любовных похождениях.

Бедерхем не уронил честь демонического мундира, сразу разглядев Гигапонта на шелковой подушечке, торжественно вынесенной оборотнем-лакеем и положенной на добродушный шестиногий столик, который важно вышагивал пе-

ред членами собрания вперед и назад. А Левалеса не успел удивиться: ему все объяснил Карлюза.

– Итак, господа, – торжественно начал Гигапонт устами племянника, – в далекие времена, когда многие из присутствующих здесь были еще юными личинками, у меня случился страстный роман с вытекающими из него брачными обязательствами в провинции Лялятпополис. Надо сказать, мне дико повезло: не успел я от переизбытка чувств выпустить паутинку, как поднялся сильный ветер, и меня, в буквальном смысле слова, ветром сдуло из общества моей избранницы.

Очутился я на болоте, прямо посреди листа лотоса, где проживала прелестная лягушка Гортензия. Незабываемые дни! Божественные ночи. Редкостное единение двух одиноких душ. Это она научила меня танцевать ластатупси. У бедняжки никогда не было столько ног, и втайне она мне завидовала. Но, несмотря на зависть, ластатупси сблизило нас. Откровенно говоря, сблизил нас и тот факт, что в том сезоне у нее был большой недобор учеников. И все же эти дни я вспоминаю с трепетом.

– Я тоже люблю танцевать, – встрял Такангор. – А что, я еще не исполнял вам минотаврский древний народный танец перлиплютики – с гупотом, топотом и поцокиванием? Маэстро, дайте ноту!

– Немного позже, – кротко улыбнулся граф да Унара. – Чтобы мы не отвлекались на мелочи вроде Бесстрашного Су-

да и полностью отдались во власть высокого искусства.

В жизни нужно испробовать все, кроме инцеста и народных танцев.

Томас Бичем

– Это разумно, – грустно согласился минотавр. – Сделал дело, танцуй смело.

– Дядя желает взять у вас пару уроков, – заволновался Ке-хертус, выслушав тихий шорох с подушечки.

– Боюсь, у него возникнут трудности с гупотом и топотом, а это в перлиплютиках главное.

– Пчелы-убийцы тоже считали, что мне не достичь их уровня мастерства, – поведал Гигапонт, по-прежнему используя племянника как рупор. – И что же? Я превзошел их, ибо они работают в коллективе, а я – гордый и опасный одиночка. Но вернемся к той, единственной, от которой судьба спасла меня столь изящным способом.

Знаете, как гибнут галантные кавалеры? Из-за хорошей памяти. Вспомнил я однажды свою суженую из Лялятпополиса, и шесть ног сами понесли меня туда. Две, правда, упирались. Но решение принимает неразумное большинство, а не дальновидное меньшинство.

Прибываю в окрестности замка Таванель на попутном зяблике, высаживаюсь у норки, где давно мог покоиться мой прах. И вижу покинутое обиталище. Что я подумал? Только одно – любовь потеряна навсегда. Сижу, оплакиваю

злой рок, несчастную возлюбленную, размышляю, у кого бы узнать кровавые подробности.

И только тут я обратил внимание, что местность пустынна: ни птички, ни жабки, ни рыбки, ни пчелки, пусть даже и с преступными наклонностями. Трава сухая. Деревья неживые. И даже вода в ручейке струится, как умирающая теща, вписывающая зятя в завещание. С тем же энтузиазмом.

Спас меня тот самый попутный зяблик. Его тоже испугало отсутствие гармонии в окружающем пространстве, и он решил податься назад, поближе к цивилизации. Специально дал крик, чтобы прихватить меня с собой, если я еще жив.

Я не стал искушать судьбу. И вот я здесь, а она там – моя единственная и ненаглядная, которая могла бы стать сорок шестой женой Гигапонта, но вместо этого осчастливила его.

На свете есть лишь одна женщина, предназначенная тебе судьбой. И если ты не встретишь ее, ты спасен.

«Нью-Йорк таймс»

– Как разнообразна жизнь, – вздохнул Юлейн. – Иногда кто-то избегает трагедии.

Маркиз Гизонга поглядел на него не без интереса.

– А теперь перейдем к князю ди Гампакорте, – попросил Зелг. – Я не слишком понимаю, каким образом он оказался втянутым в эту историю.

– Каноррских оборотней не надо никуда втягивать, – проворчал судья Бедерхем. – Они сами охотно втянутся и зава-

рят такую кашу, что Ад похолодеет.

– Вы знакомы с душеприказчиком души Таванеля? – спросил молодой некромант, понимая, что следует обозначить искомые персоны буквами, а то слишком долго говорить.

– Строго говоря, это нельзя назвать знакомством, – неохотно признал демон.

– Князь ди Гампакорта оставил свои глаза в Преисподней, – жестко произнес Мадарьяга. – Правда, Бедерхем?

– Правда, – с достоинством отвечал тот. – Они остались на Ядоносных пустошах. И это единственный раз, когда Гончая Князя Тьмы упустила свою жертву.

– Две жертвы, – не без удовольствия поправил его вампир.

– Если соблюдать точность – три, – произнес незнакомый голос.

ГЛАВА 6

– Мадам Топотал! Мадам Топотан! Я уже здесь, – возвестила Горгарога, появляясь на дороге, ведущей к лабиринту.

Она любила этот старинный лабиринт, такой мрачный и холодный снаружи и уютный внутри; любила его многочисленных приветливых обитателей; и особенно любила сообщать им самые последние новости об их старшем сыне и брате, Такангоре, которых все ждали с таким нетерпением.

Почтенная горгуля давно бы оставила должность почтальона и пошла на повышение, благо позволяли и выслуга лет, и добрые отношения с начальством. Но кто будет радовать жителей Малых Пегасиков письмами и посылками? Она не перенесет, если вести станет доставлять кто-нибудь другой. Приходил наниматься один, из Больших Пегасиков, человек. Так он начал с того, что чуть не выбросил в мусор бесценные сухие листочки из далекого Лягубля, которые предназначались Прикопсу. Начальство ему тут же отказало.

С начальством в последнее время все обстояло особенно хорошо, так как почтмейстер Цугля преодолел свою феерическую застенчивость, сделал ей предложение лапы и сердца и даже набрался духу жениться, хотя и основательно хлебнул для храбрости перед самым началом торжественной церемонии.

Крепкое пойло, гремучая смесь, составленная барменом

кабачка «На рогах» и проверенная не на одном десятке ро-беющих женихов, произвела на горгула потрясающее по си-ле воздействие. Дело в том, что предыдущие шестьсот лет он был убежденным трезвенником, и внезапная смена жизнен-ных позиций далась ему нелегко.

Всю церемонию он икал, качался и гонял невидимых уто-чек.

Почему-то именно присутствие этих гипотетических уто-чек на его свадьбе особенно беспокоило славного Цуглю. Он шипел на них, хлопал крыльями, громко топал лапами и мет-ко плевался, то и дело прерывая старейшину. Затем полез целоваться к мадам Хугонзе, подружке невесты, схлопотал по ушам и расстроился, что жена его не признала. После че-го выразил желание немедленно прокатиться с супругой на крылатой кобыле и отправился ловить оную.

Счастливым, помолодевший лет на триста, Цугля летел на бреющем над Пегасьей Долиной, а за ним длинной верени-цей растянулась свадьба.

Впереди всех – минотавры, признанные атлеты, которым нипочем не догнать даже хмельного горгула; следом, каваль-кадой, – спотыкающиеся кентавры, существа стремитель-ные, но уже в зюзю пьяные, а потому нерасторопные; затем – эльфы и сатиры; и уже замыкали торопливую процессию поч-тенные гномы, кобольды и сама счастливая молодая, кото-рой возраст не позволял заниматься бегом по пересеченной местности, а радикулит мешал полноценно взмахнуть кры-

льями.

Далеко впереди разлетались перепуганные лошади.

На следующий день, протрезвев и пережив все стадии жесточайшего похмелья, о котором с трепетом и назиданием рассказывают после детям и внукам, господин Цугля устыдился, просил прощения и два последующих месяца супружества был просто шелковый. Хотя к ране прикладывай.

Население Малых Пегасиков беспокоилось за мадам Горгарогу – как она перенесла такой удар. Но мадам только смеялась.

– Тоже мне – нашли причину для мировой скорби. Так он хотя бы женился. Говорю вам, иначе не видать мне свадьбы – он бы просто сбежал в последнюю минуту. Я еще должна этому негодяю из «На рогах» за его отраву, хотя я зашла и высказала ему все, что полагается, чтоб не думал, что можно спаивать честных горгулов. А если бы господина Цуглю хватил кондрашка? Я допила его порцию – он не осилил, бедняжка, у него никакого опыта. Не пропадать же напитку. И я вам так скажу: я женщина крепкая, но и меня слегка перекосило по диагонали.

Состав гремучего зелья так заинтересовал народонаселение обоих Пегасиков, что в кабачке было не протолкнуться. Даже Мунемея соизволила принять несколько порций и признала, что давно уже напиток «так не гонял кровь по жилам».

– Ах, мадам Горгарога, – говорила она однажды вечером, когда дети уже ушли спать и они остались вдвоем, в любви-

мой беседке неподалеку от заброшенного храма. – Этот ваш напиток – плесните нам еще по чарке – напомнил мне далекую молодость. Такое действие в былые времена производил на меня поцелуй Гогила, хорошая свалка да коктейль, который один безнадежно влюбленный кобольд назвал «Гневом Мунемеи». Славные были времена, мадам Горгарога.

– Вы мне станете рассказывать! Мы следили за вашими приключениями, как за сказкой. Все рогатые дамы поголовно влюбились в Гогила с надеждой на будущее; а все представительницы не минотаврских семейств – безнадежно.

– И вы?

– А я вам не дама?! Конечно, да. Правда, он состоял у меня про запас и терзал мое девичье сердце в промежутках между душераздирающими свиданиями с моим тогдашним женихом. Кто бы подумал, что тот улетит однажды на войну и не вернется!

– Все мы были молоды и безрассудны.

– Я на вас сильно удивляюсь, что вы отпустили Такангорчика в подвиг после таких раздраканий. И еще эти пророчества. Вы сказали ему? Хотя бы иносказательно.

– Нет, мадам Горгарога, – отвечала Мунемея. – Иначе бы он все время старался подстроиться под них, и один Тотис знает, что из этого вышло бы. А Тотис не знает, потому что ему все равно.

Пророчества, получившие широкую огласку, почти

никогда не сбываются.

Закон пророчества по Тернеру

– Вы – да! – мудрая женщина, – заявила Горгарога.

– Признаюсь, я все время в сомнениях.

– Я про то, что вы предусмотрительно заказали четыре кувшинчика этого антиобщественного зелья. Второй внезапно закончился, а разговор даже не начался.

– Вам помогла целебная смола?

– О, очень помогла! Я принимаю ее внутрь для вообще и снаружи – для крыла. Внутри подходит больше. Можно будет попросить еще скляночку?

– Само собой. Вы правы, мадам Горгарога, – тихо сказала Мунемей. – Я тоже удивляюсь, как я отпустила Такангора, пусть не зная, но предполагая, что его ждет.

– Но оно все равно ждет. Пустите вы или ляжете костями поперек этого входа, будущее нас обязательно дождется. Я это уже поняла. Он жив и пишет – что уже много, – сказала почтальонша, опрокидывая в себя следующую чарку. – Правда, писателем ему не стать – фантазии никакой, зато точность отменная. Как схвачены подробности. А вы не бойтесь, что близится час, когда кто-нибудь откроет ему правду?

– Не знаю.

– И тогда за ответами он придет к вам. Мы будем стоять насмерть, но это же ваш сын. В нем бурлит ваша кровь, и многих это уже окончательно изумило вплоть до летального исхода. Такангорчик – почтительный ребенок, но на вся-

кий случай я буду в глубоком арьергарде, когда он захочет подробностей.

– За деревьями не видно леса, – изрекла Мунемея. – Подробности не нужны никому, кроме меня. Я унесу их с собой.

– Можно я спрошу вопрос?

– Пожалуйста.

– Но это щепетильно.

– Мадам Горгарога, у меня найдется от вас не много секретов.

– Вы правда, говорят, верите в то, что там, – почтальонша потыкала когтем в стремительно темнеющее небо, – есть такие же Малые Пегасики?

– Да. Верю.

– И в то, что там есть такой же лабиринт, и храм, и кабачок «На рогах», и почта, и альпинарий?

– Да.

– Чем же это отличается от жизни? – изумленно спросила горгулья.

– Тем, что там сейчас сидит в кабачке Гогил Топотан, и ваш жених, и один смешной и очень порядочный человек – магистр Барбазон, и все те, кого мы тут пережили и вспоминаем с любовью и тоской. У них все хорошо. Они счастливы. И они ждут нас. Когда мое время здесь будет исчерпано, я переберусь туда.

– А если вдруг нет?

– Я хочу знать, – произнесла Мунемея своим фирменным тоном, от которого даже самые авантажные циклопы принимались бегать, как подстреленные, – я хочу видеть, кто нам посмеет в этом отказать!

* * *

Спустя два дня поляна перед лабиринтом огласилась привычным воплем:

– Мадам Топотан, мы с прессой уже здесь! Вы только поглядите, как ему к лицу эта мантия и этот трон! Обязательно не забудьте спросить меня про мое мнение, и я поделюсь, что Такангорчику нужно податься в короли. Он создан для короны – это нонсенс, что он еще не вождь. У него шикарная харизма, здравый ум и нечеловеческое воспитание – что еще нужно для хорошо управлять государством? Есть вещи, в которых я не ошибаюсь. Посмотрите, разве он не конфетка?

Все семейство высыпало из лабиринта: взволнованные сестры, восхищенные братья и хладнокровная мать.

Получив из рук горгульи свежий номер «Траво-Ядных новостей», Мунемея быстро пробежала взглядом передовицу и принялась внимательно изучать рисунки, иллюстрировавшие репортаж о Бесстрашном Суде.

– Маменька, ну не молчите же, – взвыли дети, когда и третья минута прошла в гробовом молчании.

– От «Траво-Ядных новостей» я ждала большего, – заметила мадам Топотан. – Совершенно непонятно, ел ребенок перед мероприятием или нет, доволен он или огорчен, какое у него настроение. Что это за портрет: одни рога и мантия с копытами?

– А что пишут в статье? – не унимался Бакандор.

– Да, что о нас пишут? – спросила Тохиморутха, самая младшая и самая хорошенькая из сестер.

От волнения она заплетала свою роскошную рыжую гривку в бесчисленные косички, которые ей очень шли.

Урхомуфша – мужественная старшая сестра, осмеливавшаяся изредка перечить даже Мунемее, – взяла у матери газету и принялась читать:

Неожиданный поворот!

Все дела, кроме последнего, рассмотрены. Шумные толпы всевозможных существ наконец покидают Кассарию, и ваш верный корреспондент Муравий Быстропис не может поверить своим ушам: кажется, наступает тишина, которой он не слышал целую неделю.

Целую неделю подворье замка Кассар жужжало, щебетало, щелкало, лопотало, визжало, булькало и прочая, прочая, прочая – словом, звучало всеми языками и наречиями, которые только знает Ниакрох. Накопленные за двадцать семь лет тяжбы наконец разрешены.

Бессменный судья Бедерхем верен себе. Его приговоры поражают беспристрастностью, мудростью и здравым смыслом. Чаще всего он вносит предложение казнить как истца, так и ответчика, после чего оба рады унести ноги и навсегда забывают о своих глупых склоках.

Срочно!

На временную работу в солидный древний храм с почтенной репутацией требуется квалифицированный многорукий идол.

Оплата сдельная.

Характеристика и отзывы с предыдущего места работы обязательны.

Прием заявлений с полудня до заката. Спросить старшего жреца.

Сенсационное дело о хищении вавилобстеров, за которым пристально следили несколько поколений наших постоянных читателей, завершено. Суд решил спор в пользу ныне покойного Грыза, и отныне он может спать спокойно, а не приставать к своим детям с требованиями отомстить Хупелге и его потомству. Сын Грыза несказанно счастлив, в связи с чем объявил трехдневную распродажу в своем магазине ковровых изделий по подозрительно низким ценам. Атракцион неслыханной щедрости откроется завтра. Жителям аздакской столицы особенно повезло.

Герцог Зелг Галеас да Кассар, в этом году дебютировавший в роли бесстрашного судьи, покорила сердца чужестранцев состраданием, милосердием и кротостью. Но, спросим мы, не повредит ли его доброта имиджу грозной и непобедимого некроманта, повелителя мертвых? Стоит ли провоцировать отчаянных головорезов, воинственных вождей и алчных варваров – любителей легкой наживы? Разве не мрачная репутация кассарийских чародеев служила им наилучшей защитой?

НЕСЕМ ИСКУССТВО ЛЮДЯМ!

Хор пучеглазых бестий поет на свадьбах, семейных праздниках, похоронах и других торжественных мероприятиях.

Сильное и глубокое впечатление на вашего корреспондента произвели двое новых членов судейской коллегии – генерал Такангор Топотан и милорд Кехертус. Эти двое будут иметь вес в любой компании.

Итак, наш художник уже упаковал свои принадлежности. Коллеги и конкуренты ожидали любезного приглашения на фуршет. Ничто не предвещало сенсации, когда секретарь объявил последнее дело: об истреблении лорда Таванелю.

Забавным является то, что иск предъявила душа лорда, обвиняя своего хозяина в том, что он насильно удерживает

ее в их общем теле. Интересы истицы представляет некий князь ди Гампакорта, которого в свою очередь представляет безвестный выходец из Сэнгерая, троглодит по национальности.

Лорд Таванель отрицает свою вину, разумно ссылаясь на то, что ему лучше иных известны умонастроения, царящие в его собственной душе. Что ж, по крайней мере в логике ответчику не откажешь. Симпатии вашего корреспондента на его стороне.

Едем к вам!

Домашняя кухня «МАМА ПЕЧЕТ ПИРОЖКИ» с удовольствием представляет свою продукцию.

Предъявителю купона – 22 пирожка бесплатно.

Доставка в любой дом, в любое время суток.

Питайтесь с нами!

Однако суд удаляется на совещание, оставив ответчика дожидаться его возвращения. Сэнгерайский троглодит приглашен для дачи показаний. И вот уже ночь, а никаких новостей не поступает.

Но постоянные читатели «Траво-Ядных новостей» знают бычье упорство своего корреспондента. Победа достается не самому смелому, умному или хитрому, но самому терпеливому, а значит – победа за нами!

Следите за развитием событий в следующем выпуске лю-

бимой газеты!

– И это все? – возмутился Бакандор. – Это они называют новостями? А что говорит Такангор?

– Перестань скакать и мычать, – заявила Мунемея. – Это недостойно славных традиций Топотанов. Более того, подобное поведение неприемлемо для брата великого полководца и бесстрашного судьи. Представь себе, что в кустах замаскировался репортер из «Королевского паникера» или «Красного зрчка». Осознал?

– Так точно, маменька, – потупился минотавр. – Осознал.

– Тогда попрошу всех вернуться к делам. Особенно это касается тебя, Весверла. За целый день – никакой ощутимой пользы. Сидим, смотрим в потолок. В честь чего?

– Думаю.

– Похвально. Но вышивать это не мешает. Мадам Горга-рога, позвольте полюбопытствовать – что вы делаете?

– Ворошу кусты, – ответила горгулья. – Я живо представила себе репортера... Вы помните, какое уважение и доверие я питаю к печатному слову, но лучше наверняка знать, что опасности нет.

– Конечно нет, – уверенно ответила великолепная Мунемея. – Бакандор, сынок, прочеши окрестности.

В своей жизни человек играет лишь незначительный эпизод.

Станислав Ежи Лец

Лорд Таванель отрешенно наблюдал за происходящим.

Собственно, ничего особенного не происходило, так что и наблюдать было не за чем. Но лорда уже не беспокоили подобные пустяки.

Долгое время он не мог смириться с мыслью, что не является хозяином самому себе, и даже пытался сражаться за свою личность с неведомым врагом. На какие только уловки ни шел, какие хитрости ни изобретал, какие ловушки ни расставлял – все оказалось бесполезно. Таванель потерпел сокрушительное поражение, покорился неизбежности и даже постепенно привык.

Человек ко всему привыкает.

Он научился произносить слова, не вдумываясь в их значение; отвечать на вопросы не то, что хотел; совершать поступки, смысл которых оставался ему неясен; и даже привык не принадлежать себе – нигде и никогда. Поначалу Таванеля еще удивляло, зачем неведомый господин оставил его в живых, а вернее – в полу-живых. Затем он перестал искать

ответы и задавать вопросы. Только смотрел, выглядывая из собственных глаз, как приживалка из чужих окон.

Болезненнее всего он воспринимал длинные периоды небытия. Наверное, где-то он был, но сам об этом не знал. И очень часто случалось так, что сознание покидало его в собственном замке, а возвращалось к нему уже где-нибудь в пути. И он понятия не имел, куда едет, зачем, почему. Он не ведал, что происходило с ним в этом промежутке и сколько времени он отсутствовал: несколько часов, день, месяц, год или столетие?

Люди шарахались от него, как от безумца, слуги косились и сплетничали за его спиной. И ни одной живой души не оказалось рядом. Он не мог рассчитывать не то что на любовь или верную дружбу, но даже на простую привязанность – кто станет общаться с человеком, не помнящим о себе ничего и в себе не вольном?

Тогда, в самом начале, он пытался вести записи, чтобы контролировать хотя бы какую-то часть своей жизни и знать о себе хоть что-то. Но и эта попытка провалилась.

В моменты его исчезновения неведомый хозяин полностью уничтожил все дневники и письма, вскрыл тайники, добрался до тщательно спрятанных записок. Таким образом он показал лорду свое превосходство и отбил охоту в дальнейшем мериться с ним силами.

В следующее свое явление, которое он сравнивал с выныриванием на поверхность, Уэрт Орельен не обнаружил в

замке ни единого знакомого лица: его загадочный господин и совладелец рассчитал всех старых слуг, поменял горничных, домоправительницу и управляющего именем. И даже прежних псов на псарне заменил на новых. Теперь никто не помнил прежнего лорда, и он остался совершенно один.

И однажды лорд Таванель просто потерял интерес к себе. Жизнь его более ему не принадлежала; разум не подчинялся; воля безмолвствовала; память изменила; будущее отсутствовало. Что бы ни произошло с лордом Уэртом Орельеном да Таванелем, его самого это не касалось.

Очутившись в Кассарии, он понял, что находится у источника немислимого могущества. Но даже тот, кто распоряжался Таванелем, не имел ни власти, ни сил им воспользоваться. Он проник сюда тайно, как тать в ночи, приложив все свои умения к тому, чтобы остаться необнаруженным.

Лорд понимал, что его миссия завершена. Еще немного, и даже невидимый господин покинет его на произвол судьбы. С его исчезновением уйдут и остатки жизненных сил.

Сейчас он сидел в уютном кресле, безразлично глотая вино и тупо уставившись в одну точку. Его окружали такие же неподвижные охранники-скелеты, и, откровенно говоря, лорд не видел существенной разницы между ними и собой. Он тоже давно перестал быть, пусть никто об этом и не гадался.

Что бы ни решили судьи, лорду Таванелю было все равно.

Такангор подумал, что следует проконсультироваться у графа да Унара на предмет порядка и безопасности. Совершенный бардак, честное слово. Всякий желающий имеет отличную возможность явиться в замок, и никто не преградит ему путь.

Конечно, парадным входом пользуется исчезающе малое число посетителей. Но разве это обычный дворец и разве здесь могут действовать стандартные правила? Кассария – логово некроманта, обитель тьмы, приют мертвецов, во всяком случае, так пишут в газетах.

И вместо того чтобы обходить это страшное место десятой дорогой, все рвутся сюда, будто тут медом намазано. Заходите, люди добрые, берите, что хотите. Можете вдобавок немного подпортить нам жизнь. Мы и так жутко процветаем.

И эти, охранники, называется – тоже регулярно хлопают ушами, вместо того чтобы учинять показательные расправы.

Тут Такангор окинул взглядом вновь прибывшего и немного снизил уровень претензий к страже замка. Учинить показательную расправу над тем, кто стоял сейчас у дверей, согласился бы редкий чудак вроде него самого, Думгара, Мадарьяги или судьи Бедерхема. Иных добровольцев пришлось бы вербовать под страхом смертной казни. Возможно – му-

чительной.

Незнакомец определенно являлся вельможей. Голубая кровь – штука несомненная. благородное происхождение трудно скрыть и так же трудно изобразить. Самозванец рано или поздно дает петуха. Ему невозможно представить то, что аристократ считает само собой разумеющимся. Такангор смотрел на пришельца и понимал, что сердце Мунемеи растаяло бы при встрече с ним.

Статный, с царственной осанкой, прямой спиной и широкими плечами, развернутыми как крылья перед полетом; с гордо посаженной головой благородной лепки; тонкими чертами лица и сильными, холеными руками – этот человек был прекрасен.

Грива длинных белых волос свободно ниспадала на широкий отложной воротник (драгоценные гриомские кружева по полторы сотни рупез за локоть). Легкая улыбка блуждала на изумительно очерченных губах. Брови изгибались, как натянутый лук, а на белоснежном, мраморном лбу ни время, ни испытания не сумели прочертить ни единой морщины. Наряд его был великолепен, строг и изыскан – черное с серебром и лиловые шелковые шнуры на рукавах и штанах. Он небрежно опирался на массивную трость с золотым набалдашником. И только глаза его – вернее, черные провалы, где плескался мрак, – не соответствовали общему впечатлению.

Незнакомец располагал к себе; мертвые глазницы внушали ужас.

– Добрый вечер, друг мой, рад этой встрече, – сказал Мадарьяга, подходя к нему. – Господа, позвольте представить – его светлость князь Гуго ди Гампакорта, собственной персоной.

Зелг собрался было сказать что-нибудь вроде «Рад видеть вас, князь, в моем замке», но внезапно спохватился. Его, как и всех присутствующих, совершенно заворожили две маленькие темные бездны, в которых – или это только казалось? – вспыхивали временами огненные искры. Но молодой герцог представил себе, как больно может быть незрячему всякий раз слышать слово «видеть», и он прикусил себе язык.

– Милости прошу, – сказал он после долгой паузы, отыскав самую нейтральную фразу. – Вы появились весьма своевременно, князь. Признаться, я не знаю, что и думать. Может, вы прольете свет на запутанную историю о споре между лордом Таванелем и его собственной душой.

И опять мысленно обругал себя последними словами. Стоило ли напоминать о свете тому, кто обречен на блуждание в вечной тьме?

– Позвольте присесть? – спросил князь, и Такангор, не отводивший от него заинтересованного взгляда, подивился звуку его голоса.

Так мог звучать легендарный боевой рог Каваны.

– Ох, простите, – всполошился Зелг. – Хозяин из меня никудышный. Конечно, проходите, располагайтесь. Я сейчас...

И он резво соскочил с места, чтобы отвести слепого князя к свободному креслу.

– Не беспокойтесь, сир, – успокоил его ди Гампакорта. – Я слеп, но прекрасно вижу. Не переживайте попусту.

– Но как же?...

– Свои глаза ди Гампакорта оставил на Ядоносных пустошах, – пояснил Зелгу молчавший до сих пор демон. – Но это не значит, что у него нет других. Вспомните хотя бы то милое нелепое существо. – И он небрежно кивнул в сторону троглодита. – Формально оно является глазами князя. Кроме того, у меня есть все основания утверждать, что наш гость не особенно нуждается в услугах несчастного троглодита, ибо вынес из Преисподней не только горькие воспоминания, но и нечто крайне полезное. Я прав, князь?

– Вы правы, барон, – приветливо откликнулся тот, непринужденно располагаясь в кресле напротив Адского Судьи. – Ваша пронизательность всегда восхищала меня. Еще в те поры, когда вы преследовали меня по всей Преисподней, не давая ни минуты покоя. И я горжусь, что судьба столкнула меня именно с вами.

Оба церемонно раскланялись.

Я не нажил себе ни одного нежелательного врага.

Норманн Тебитт

– А теперь перейдем к проблеме, ради которой мы все сегодня собрались в этом замке. Что вы можете сказать по су-

ществу дела, князь? – спросил Бедерхем. – Действительно ли лорд Таванель насильно удерживает собственную душу в собственном теле? Как такое возможно?

– А кто вам сказал, что она является его собственностью? – спросил князь. – Душа лорда Таванеля никогда ему не принадлежала.

* * *

После этого сенсационного заявления славный минотавр попросил объявить небольшой перерыв с целью обнаружения и изгнания несанкционированных журналистов. Ему показалось, что дело становится настолько запутанным и щекотливым, что следует соблюдать повышенные меры предосторожности. И все сразу с ним согласились.

Затем Такангор вызвал своих солдат и попросил их сделать примерно то, что его маменька в далеких Малых Пегасиках сформулировала как приказ: «Прочеси окрестности».

Бравые скелеты не надолго задержали отправление правосудия. Уже через десять минут они повибаскивали из самых темных углов помещения отчаянно сопротивляющихся журналистов, включая гневного Бургежу, и выдворили их из замка, не обращая внимания на протесты и угрозы завтра же написать в газете, что жестокосердный и кровожадный

некромант всячески препятствует прессе в ее многотрудном деле. Только после этого в зале заседаний воцарился относительный покой и порядок.

– А теперь поясните мне, как такое может быть, – попросил Юлейн, когда порядок был восстановлен. – У меня ум за разум заходит с этими тайнами.

– Поскольку я вижу среди присутствующих уважаемого графа да Унара, чья Тайная Служба считается одной из лучших в Ниакрохе, – сказал ди Гампакорта, и Зелг снова подпрыгнул при слове «вижу», – то я уверен, что вам уже известна история с «раздвоением» лорда Таванеля.

– Да, – кивнул Зелг. – В общих чертах.

– Таким образом, – продолжал оборотень, – нынешний лорд формально имел все права на душу лорда-рыцаря, своего полного тезки. Видите ли, многие колдовские обряды, как, впрочем, и обычные юридические документы, изобилуют лазейками, которые человек, искусенный в своем мастерстве, обязательно использует. Либо для того, чтобы выиграть процесс, либо для того, чтобы успешно наложить заклятие.

Приложив максимум усилий к тому, чтобы помочь предшественнику графа, маркизу Хойте ин Энганце, уничтожить орден кельмотов, новоявленный лорд Таванель остался единственным владельцем души того, чье имя и поместье присвоил. Точнее, завладел на законном основании. Ведь не зря несчастный Уэрт поставил в своем завещании един-

ственное условие: постоянно вспоминать его имя в молитвах и числить его здравствующим членом ордена. Не то чтобы он был уверен, скорее, догадывался...

– О чем? – жадно спросил да Унара.

– О своем происхождении и вытекающих оттуда способностях.

– А каково его происхождение?

Тут граф осекся и внимательно взгляделся в князя – огромного, могучего, похожего на грозного хищника, отдыхающего в благодатной тени после свирепой битвы. Сейчас он спокоен и расслаблен, но стоит его разозлить, как последует неминуемое и ужасное возмездие.

– Правдивы ли слухи о том, что мать лорда Таванеля, престелная Сипусса, вела свой род от каноррских оборотней? – спросил он негромко.

Когда сплетни стареют, они становятся мифами.

NN

– Совершеннейшая правда, – кивнул слепой князь. – На самом деле ее звали Лоредана ди Гампакорта, и она была моей сестрой. С таким именем и происхождением нечего и надеяться выйти замуж в Тиронге и создать счастливую семью с добрым и благородным, но таким слабым и недолговечным смертным-полукровкой.

Ради своей любви Лоредана поставила на карту все: власть, могущество, общество себе подобных, абсолютную

свободу и невероятное долголетие, приравненное к бессмертию. Она проиграла, но не сожалела об этом. И мне запретила. Это был предусмотрительный поступок, ибо, получив известие о ее смерти, я обезумел от горя. И мои... э-э... сожаления могли вылиться потоками крови, если бы не просьба сестры.

– Отчего она умерла? – осторожно спросил Зелг.

– Не знаю. Обстоятельства ее смерти темны и загадочны. С одной стороны, оборотень, особенно каноррский, отказавшись от своей сути, долго не проживет – тоже правда. Все равно что запретить вампиру пить кровь. С другой – слишком много странных и необъяснимых событий произошло после, чтобы я полагал, что ее кончина вызвана естественными причинами.

Но в любом случае, остался ее сын – единственное дорогое для меня существо. И осталось завещание – беречь ее сына от злых людей и прочих тварей. Беречь последнего представителя нашего рода. Того, в чьих жилах текла черная кровь ди Гампакорта.

Я выполнял ее волю, как мог. Следил за ним, насколько это было возможно. Я любил этого отважного мальчика – он не уронил чести нашего имени. Возможно, он был гораздо лучше нас: и меня, и Лореданы, и даже своего отца, ради которого моя сестра решилась на этот безумный шаг.

Князь замолчал. Он смотрел в окно, туда, где чудесная теплая ночь постепенно входила в свои права, и, казалось,

видел то, что недоступно другим.

Молчал он так долго, что Зелг уже решился просить его продолжить рассказ, который пока что ни на йоту не приблизил слушателей к пониманию происходящего. Конечно, многое он домыслил, но кто сказал, что его домыслы верны? Молодой некромант желал услышать подтверждение своих рассуждений. Но ему не дали и рта открыть.

В зал заседаний ворвались три стремительных яростных существа.

Зелг и прежде видел много необычного. Он уже наблюдал, как староста Визла, добродушный и веселый Иоффа, и его симпатичные сыновья превращаются в грозных оборотней, готовых уничтожить любых врагов. Как вырастает шерсть на загривке; как улыбка превращается в хищный оскал; как кожа покрывается острой жесткой чешуей, которую не пробить и мечом. Но он еще не видел их в таком гневе. Кажется, даже Галеас Генсен и его мертвое королевство не вызывали у кассарийских оборотней такого отвращения.

– Сир, – взвыл самый огромный, седой, со сверкающими глазами, – вам грозит опасность. В замке враг. В замке опасный враг-ххррг.

Голос Иоффы все время срывался в рык, и от этого рыка мурашки бежали по коже.

– Что происходит? – недоуменно спросил Зелг.

– Что случилось? Что такое? Что? – всполошился кузен Юлейн.

– Демон меня заberi! – сказал господин главный бурма-сингер. – Вот это харя.

И, взвесив все обстоятельства, вежливо прибавил:

– Прошу прощения, князь. Случайно вырвалось, исключительно от немого восхищения этим кошмаром – в смысле...

– Нездешней красотой, – пришел ему на помощь маркиз Гизонга.

Зелг подумал, что правы оба. И кошмар, и красота – нездешняя.

Вместо слепого князя, покоровшего всех своим обаянием и манерами, в серебристом лунном свете возник монстр. И дело было вовсе не в его исполинских размерах, не в алой пасти, не в когтях и клыках – действительно больших и очень острых; не в могучих крыльях и бронированном хвосте, который сам по себе являлся смертоносным оружием. Не в уродливом и устрашающем облике. И даже не в черных провалах вместо глаз.

Суть заключалась в вещах необъяснимых и как бы не существующих. В том, что можно только почувствовать, как приближение смерти или неумолимый бег времени.

Сам ужас припал сейчас к мраморному полу зала заседаний; воплощенный гнев скалил клыки на Иоффу и его сыновей. Только теперь Зелг понял, отчего обычные оборотни ненавидят оборотней Канорры.

Какая-то часть Бэхитехвальда навсегда осталась в этих

злосчастных существах. Не кровь, а черная тягучая жидкость медленно струилась по их жилам.

Неприлично выругался граф да Унара; всплеснул руками король Юлейн; квакнул Узандаф Ламальва, и лихо хлопнул стакан эфира доктор Дотт, предвидевший широкое поле для деятельности в самом ближайшем будущем. Встопорщились крылья за спиной судьи Бедерхема.

Завывая и рыча, оборотни бросились друг на друга.

Знаменитый библиотечный эльф, исполняющий в Кассарии обязанности главного летописца, неоднократно указывал нам на то, что слово «смертоубийство» – явное просторечие и по мере возможности употреблять его не стоит. Однако другое слово нам теперь на ум не приходит.

Вы никогда не видели, как дерутся кошки?

Когда они дерутся, кажется, что в этой драке принимает участие вся обстановка. Все, что может разбиться, – разбивается; все, что может сломаться, – ломается. Остальное приобретает неузнаваемый вид.

Приблизительно то же самое происходило сейчас и в кассарийском замке.

Лишенный предрассудков Юлейн сразу нырнул под стол и уже оттуда с интересом наблюдал за ходом сражения. Компанию ему составил Узандаф, наскоро сообщивший, что мумии состоят из вещества хрупкого и легко разрушимого, а только этого ему на старости лет и не хватало.

Разумный судья Бедерхем, тихо хлопая крыльями, под-

нялся в воздух. Только под потолком он почувствовал себя в относительной безопасности и завис там, устремив вниз огненный взгляд.

Остальным пришлось хуже и, возможно, вообще стало бы туго, ибо на шум явились Бумсик с Хрюмстиком, обрадовались оживлению и внесли в него свою скромную лепту.

Ситуация требовала героя.

И такой герой появился. Встав посреди зала, широко расставив могучие ноги и вонзив копыта в каменные плиты с такой силой, что крошился и мрамор, и серебряные подковы, Такангор дождался, когда воющий клубок подкатится к нему, схватил его обеими руками и дернул в разные стороны.

Тишина наступила мгновенно. И в этой тишине, нарушаемой только хрипом оборотней и азартным похрюкиванием Бумсика и Хрюмстика, стало слышно, как минотавр бормочет:

– Разошлись, посмотри, куда там вавилостерам в период брачных игр! Маменьки на вас нет в воспитательных целях. А я, увы, полон сострадания. Редко внушаю ужас действием. Сидеть, я кому сказал!

Последнее относилось уже к хрякам, которые застыли на месте, со страхом и благоговением глядя на своего повелителя. Однако и оборотни поутихли и перестали рычать. Не зря историки утверждают, что голос генерала Топотана всегда производил на слушателей магическое действие.

– Прошу прекратить раздракание и перейти к цивилизо-

ванным формам взаимных оскорблений, – попросил мино-тавр. – На счет три отпускаю. В случае рецидива национальной розни в этом зале прибегну к ответному террору и насилию с добрыми намерениями.

Никогда не прибегай к насилию, кроме тех случаев, когда ты сильнее.

Габриэль Лауб

– Вероятно, я должен оскорбиться, – медленно произнес ди Гампакорта, принимая человеческий облик. – Я бы и оскорбился, если бы не был так восхищен. Честное слово, милорд, когда я читал в газете о ваших подвигах на паялпе и во время сражения с Генсенем, то полагал, что половина, если не больше, – измышления газетчиков. Но нет! Вы действительно безумец. И действительно так сильны, как говорят. А может, и больше. Позвольте пожать вашу руку.

– Да чего там, – засмутился Такангор. – Что я? Вот если бы вы видели мою маменьку... Вот это настоящее ого-го!

– Не всякий демон способен справиться с ди Гампакорттой, и особенно в его зверином обличье. Просто не мино-тавр, а настоящее сокровище. Мне все больше хочется встретиться со знаменитой маменькой этого отчаянного молодца, – сказал Бедерхем, опускаясь в кресло рядом с Узандафом. – И я все больше боюсь. Во мне пробиваются нежные ростки мамофобии.

– Боитесь увидеть то, что предполагаете заранее? Боитесь

вспомнить пророчество? Или опасаетесь, что предсказание Каваны, на заре времен объявленное полной чушью, начинает сбываться вопреки всему?

– Всего понемножку, – признался демон.

– А что, барон, – спросил Узандаф, вытаскивая из кармана загадочную коробочку, в которой что-то скрипело и шуршало, – как вы относитесь к тому, чтобы сыграть на бегах? Все равно беседа затянется до глубокой ночи, а ничего нового они нам не расскажут.

– Пожалуй, – согласился судья. – Наверное, неплохо бы отвлечься. А где у вас ипподром?

– Прошу в подвал, – широким жестом пригласил его герцог. – Я там все устроил по последнему слову.

– И меня возьмите! – завопил Дотт. – Я тоже хочу растрясти мошну. Давай, покажи скакунов.

Демон изумленно уставился в коробочку. В последний раз, когда он играл на бегах, скакунами считались кони. И он с горечью подумал о том, как быстро летит время и как сильно изменился мир.

ГЛАВА 7

Когда неугомонные игроки с жуткой помпой удалились в подвал, сопровождаемые целой свитой призраков, домовых, гномов, а также вереницей страстных поклонниц доктора Дотта, в зале стало неожиданно тихо и пусто.

– Вижу, вы с князем давно знакомы, – обратился Зелг к вампиру, стараясь, чтобы его голос звучал естественно.

На его глазах только что разыгралась жуткая сцена, а тонкая душа молодого некроманта не выносила подобных конфузов.

Иоффа и его сыновья – Раван и Салим – приводили себя в порядок в самом дальнем углу зала, то и дело неодобрительно косясь на каноррского оборотня. Бумсик и Хрюмсик двумя внушительными холмиками лежали у ног Такангора и тоже неодобрительно поглядывали на Гампакорту. Возможно, в детстве они слышали, как староста читал сынишкам сказку о волке, который хотел скушать маленьких, несчастных поросят, и эта история травмировала их нежные, опять же поросячьи души.

Сам генерал Топотан уютно расположился на диванчике, чтобы держать в поле зрения всю территорию, и подозвал к себе шестиногий столик с напитками, который едва уцелел во время бурного выяснения отношений.

Столик радостно подбежал к нему, предлагая угощение.

Он был милейшим и крайне дружелюбным существом и потому искренне огорчился, когда что-нибудь в замке шло наперекосяк. А в этом замке, как ворчала фея Гризольда, и минуты покоя не дождешься – всегда что-нибудь поставят вверх ногами и на уши.

Каноррский оборотень, похмыкивая, устроился рядом и тоже отдал должное прекрасному вину из герцогских подвалов. Кажется, его не слишком волновало неприязненное отношение местных сородичей.

Не существует kota, которого бы заботило, что говорят о нем мыши.

Юзеф Булатович

– Помнишь, малыш, я недавно рассказывал тебе, как по молодости и неопытности однажды сцепился в полнолуние с оборотнем? – весело спросил Мадарьяга. – Так это я с ним подрался. Ох и хорошая вышла свалка! Только клочья летели.

– Да, – подтвердил ди Гампакорта с теплотой в голосе, – славные времена, славные битвы. В молодости все мы горячи и безрассудны, совершаем сплошные глупости. Казалось бы, о чем сожалеть? И все же я тоскую иногда по минувшим дням. Старикам всегда кажется, что в молодости все было лучше – и они сами, и мир вокруг них.

– Совершенно верно, намного лучше, – вмешался в беседу дядя Гигапонт. – Я еще не старик, но пару веков назад я был

гораздо больше. Усох с годами.

– Да, как говорит наш генерал Топотан, отбучкал ты меня от души! – И вампир одобрительно похлопал оборотня по плечу.

– И ты в долгу не остался. Шрамы до сих пор не сошли.

– Мои тоже.

– Той ночью мы стали кровными братьями, – пояснил Гуго изумленному Зелгу. – Вижу, вы удивлены, герцог.

– Я просто всегда думал, что укушенный оборотнем тоже становится оборотнем. И вампиры, насколько мне известно...

– Интересуешься, почему я не стал оборотнем, а Гуго – вампиром? – уточнил Мадарьяга. – Видимо, какая-то несовместимость. Впрочем, кое-какие способности ди Гампакорты я перенял. В определенном смысле, тот поединок пошел мне на пользу.

– Полностью с тобой согласен, – кивнул Гампакорта. – Мое могущество многократно усилилось после того, как Альба смешал свою кровь с моей.

– Кто? – не понял Зелг.

– Он никогда не слышал моего полного имени, – пояснил вампир старому другу. – Ты же помнишь, как его долго проносить, вот я и ленюсь. Малыш, меня зовут Альба Гаспар Виллалонга граф Оки князь Дадли ди Мадарьяга.

Зелг не успел еще как следует удивиться этой новости, как Гампакорта прибавил:

– Благодаря Альбе я – единственный оборотень, который умеет становиться туманом, дождем и летучей мышью. И се-ребро мне теперь не страшно.

– Поразительно, просто поразительно! – всплеснул рука-ми Зелг. – И вы до сих пор молчали, князь?

Князя переглянулись.

– Это же тема отдельного научного исследования.

– Смотри, как у него загорелись глаза, – хмыкнул вам-пир. – А вот если заговорить про войну, сразу потухает. И никакого энтузиазма.

– Не вижу в том ничего предосудительного, – обиженно поджал губы герцог.

– А я бы с удовольствием поужинал и все-таки дослушал до конца историю князя ди Гампакорты, – пробасил мино-тавр. – Не нравится мне, что лорд Таванель торчит у нас, как бельмо на глазу.

– Дядя Гигапонт говорит, что он тоже с удовольствием бы принял участие в трапезе. И узнал, каким образом наш бла-городный гость отыскал душу лорда Таванеля, – вставил Ке-хертус. – Да и я не отказался бы. Опыт учит нас, что мино-тавры всегда своевременно вспоминают о еде.

– В режиме питания скрыт смысл бытия, – глубокомыс-ленно заметил Такангор.

– Сути не уловил. Но фраза прекрасная, – одобрил обо-ротень.

– Нужно много есть, пока есть.

– Этот юноша умеет разбудить аппетит, – сказал да Унара.

Прервали его самым решительным образом, что называется, на полуслове: в зал ворвался – угадайте с трех раз – запыхавшийся Мардамон.

– Воображаю, как вы волновались, – выдохнул он. – Меня кто-то случайно запер в каземате на ключ. Такое глупое недоразумение. Еле выбрался.

– Как? – горько спросил Думгар.

– Пустил в ход нож для жертвоприношений, – охотно пояснил жрец. – Хотел сделать подкоп, но там копать нечего, сплошной камень. Кричал долго, но бесполезно: крики сливаются с приветственным шумом толпы. Все это время ковырялся в замке в силу отпущенного мне дарования, но вырвался на волю. Думал о вас, вы же места себе не находите. – Тут он обвел сияющими глазами насупленную компанию и сообщил: – Я видел во дворе такой экземпляр для жертвоприношения – пальчики оближешь. Можно предложить его демону, а можно заложить в фундамент пирамиды.

– Какой пирамиды? – нечеловечески кротко поинтересовался оборотень.

– Что-то, милорд, я вас не припоминаю. – Мардамон наморщил лоб. – Но ваш интерес сразу выдает в вас личность образованную и прогрессивную, разбирающуюся в тонких нюансах жертвоприношений.

– Не то чтобы досконально, – смущенно сказал Гуго ди Гампакорта.

– У меня есть проект. Строительство займет совсем немного времени; и денег нужно самую малость – я рассчитываю, что люди станут трудиться бесплатно, из чистого энтузиазма. Должны же они понять, что без пирамиды нам никуда! Представьте меня в новой мантии – тут оторочка, здесь две-три сборки и рукава-буфф, – сбрасывающим жертву с вершины вниз, к подножию. Экстаз?

– Весело вы тут живете, – обернулся Гуго к вампиру. – А отчего, милейший...

– Мардамон, к услугам вашей милости, особенно если вы пожелаете принести кровавую жертву.

– ...милейший Мардамон, вас привлек именно человек во дворе?

– Ну, не только он, – протянул жрец. – Мне просто не разрешают ничего. Это от неучености. А тот, во дворе, совершенно уникальный тип. Я давно не испытывал таких неприятных ощущений, глядя на одержимого. Редкая жертва, угодна любым богам. И потом, – жрец изумленно пожал плечами, – неужели всем вам не будет спокойнее, если его как следует завалить камнями?

* * *

«Не знаю, как я стал оборотнем. Долгое время я пытал-

ся установить истину, но могу только догадываться. Вероятно, это произошло тогда, когда Галеас Генсен и его проклятое королевство пришли в мое отечество – прекрасную, цветущую, богатую, великую Канорру, которую многие ныне считают красивой легендой.

Мой отец был последним законным владыкой Каноррского княжества, моя мать – последней из амарифского рода колдунов-тафтагов. Мою сестру еще при рождении сосватали за жаниваишского наследного принца.

Впрочем, я был еще дитя и многого не помню.

Знаю только, что ушел на битву отец, обняв на прощание мать и нас с сестрой. Мне врезался в память его шлем, украшенный высоким черным султаном. А вот лицо стерлось, исчезло навсегда. И еще многие годы мне казалось, что этим я предал его.

Затем на мрачных, извилистых, клубящихся туманом улицах мы с сестрой потеряли матушку.

Над нами летали крылатые тени, под нами изгибалась и вздыбливалась земля, переставшая быть твердой. Мы бежали между странных домов, из которых смотрели на нас алчные твари. Вероятно, мы пытались спрятаться, когда передо мной вырос человек, закутанный в черный плащ с капюшоном. Он держал длинный серебристый меч с мерцающей алой надписью. Я бросился к нему, ибо думал, что это один из защитников Канорры, а он протянул высохшую руку с когтями как у хищной птицы и потрепал меня по голове...

А потом я открыл глаза и увидел над собой огромный белый круглый диск луны. И понял, что вою на нее...

Потянулись однообразные века. Кто-то охотился на нас, на кого-то охотились мы. И с каждым днем, отыгранным у смерти, с каждой удачной охотой, с каждой победой я становился сильнее. Вскоре слава моя гремела не только в Канорре, ставшей обителью демонов, оборотней и призраков, но и в обитаемом мире. Если вначале я думал только о том, чтобы выжить самому и спасти сестру, то спустя несколько столетий я бы сильно удивился, если бы кто-то осмелился противиться моей воле. Смертельное благословение Генсена отняло у меня людскую душу, но принесло небывалое могущество. Соперники у меня еще были, но их число стремительно сокращалось. А однажды в мою вотчину занесло юного, веселого, яростного и невероятно сильного вампира по имени Альба Мадарьяга.

Как я утверждал свою власть в Канорре, так он постепенно становился полноправным хозяином Жаниваши. Мы не могли не вызвать друг друга на поединок. Не смогли друг друга одолеть. И конечно, не могли не подружиться.

Получив от Мадарьяги с его кровью и ядом силу и способности вампира, я сделался непобедимым и вскоре стал некоронованным королем каноррских оборотней. По сей день никто не оспаривает мою власть.

То были лучшие годы. Уже пришла мудрость, переполняла сила, и еще не наступило горе. Я делал все что мог, чтобы

моя сестра была счастлива. Поверьте мне, я многое мог. Но она, глупая моя девочка, влюбилась в человека.

Откуда он взялся на нашу голову – этот нелепый странствующий рыцарь, бастард великого короля?

Странная штука – судьба. Много десятилетий спустя я увидел портрет Ройгенона, повелителя Тифантши, и он напомнил мне одну знатную даму, которая пленила мое сердце задолго до его рождения. Не смешно ли, что я крутил шашни с бабкой тифантийского владыки и явился косвенной причиной появления на свет Рыбы да Таванеля – незаконнорожденного принца, в чьих жилах текла отравленная кровь каноррских князей?

Думаю, он искал нас. Пусть неосознанно, подспудно, он чувствовал эту черную кровь в своих жилах. А она сильна. Она сильнее любой людской. На мизерную долю – оборотень, на крохотную – вампир, на ничтожную – тварь Бэхитехвальда, – он уже не мог быть человеком. Это должно быть предельно понятно кассарийскому некроманту и потомку демонов. Не так ли, ваше высочество? Вижу, что так, можете ничего не говорить.

А еще, думается мне, никто не измерил силу людской крови. Ибо тварь, оборотень и вампир Рыба да Таванель не мог не оставаться человеком. Он был добр, нежен, влюблен. Он совершал чудесные глупости, он не боялся казаться смешным. Он умел сострадать, плакать и смеяться. Неудивительно, что моя сестра бросилась в эту любовь, как в мор-

скую бездну, – без надежды на возвращение.

Многое случилось с тех пор. Но и по сей день я благодарен тифантийскому бастарду за то, что он подарил Лоредане счастье, которое не смог бы дать ни я, ни любой другой из наших сородичей. Я и по сей день не могу простить ему, что он отнял у меня любимую сестру, лишил ее имени и будущего. И я до сих пор не знаю, чего же во мне больше – ненависти или благодарности.

А их сын – Уэрт Орельен да Таванель – вырос точной копией Лореданы. И всю силу привязанности, на которую я способен, я перенес на него. Я наблюдал за ним, но не смел показаться ему на глаза. Я не знал, как отважный рыцарь – защитник слабых и угнетенных – переживет известие о том, кем является по сути. Поэтому я не торопил события, а просто ждал. Я умею терпеливо ждать в засаде.

Но и здесь судьба обошла меня на вороных. Мальчик принял решение идти в Бэхитехвальд, и кто я такой, чтобы запретить ему? Я только хотел отправиться с ним. К тому времени Альба уже побывал в Бэхитехвальде и вырвался оттуда живым, так что я знал, что для существ нашего происхождения это возможно, пусть и невыносимо тяжело. Но мне не пришлось сопровождать Уэрта в его смертельно опасном странствии: мне предложили сделку.

Знаете ли вы, господа, что случается с теми, кого Князь Тьмы объявляет мертвым? Жаль, здесь нет судьи Бедерхема, он бы гораздо лучше, нежели я, изложил вам подробно-

сти, ведь это он – Гончая Князя Тьмы, что охотится на беглые души, обреченных демонов и прочих, кто приговорен к смерти его владыкой.

Не стану докучать вам историей разногласий между Князем Тьмы и Борромелем, маркизом Ненависти, хозяином Дома Боли, повелителем Южных пределов Преисподней и командиром сорока легионов Пожирателей Снов. Скажу только, что это высокопоставленный и весьма могущественный демон, которому известно множество тайн Никакроха. В том числе и тайна одного пророчества.

Спасаясь от нашего общего друга Бедерхема, он предложил мне союз. Я должен помочь ему скрыться от Гончей, а он взамен станет помогать мне и – главное – откроет, какое пророчество страшит владыку Ада. Я согласился.

Снова потекли годы ожидания. Я надеялся на силу Уэрта, на то, что он сможет найти обратную дорогу из Бэхитехвальда (порой мне казалось, что в пророчестве говорится и о нем), но случались дни, когда мной овладевало отчаяние. И понемногу я смирился с тем, что могу больше никогда не увидеть сына Лореданы.

Кто-то купил замок его отца и получил титул лорда Таванеля, до меня доходили обрывочные слухи, но я, глупец, не придавал им значения. Я подумал, что это обычная плата за предательство, и удобнее всего воспользоваться именем угаснувшего рода. За него никто не вступится, никто не защитит поправленную честь. Возможно, вы спросите, почему

же этого не сделал я? Но официальное разбирательство ни к чему бы не привело; а убивать ничтожество за то, что он присвоил человеческое имя, которое ничего для меня не значило, и жалкий титул – бессмысленно. Так я думал тогда.

И вот однажды, через длинную череду посредников, мой старый должник Борромель узнал, что в Аду появилась беглая душа. Некто, не только умерший в незапамятные времена, но и бесследно канувший в Никуда, внезапно вернулся в мир и несет с собой тайное знание. Что-то такое, о чем не ведает даже владыка Преисподней и что он желает узнать непременно и немедленно. Что по следу этой диковинной души послан Бедерхем, и, значит, ее время истекло. И что душа эта не принадлежит ни человеку, ни волку, ни вампиру, ни оборотню; ни Аду, ни земле, ни Бэхитехвальду.

Нужно ли говорить вам, что я понял – это вернулся Уэрт. Не медля ни мгновения, я отправился в Ад. Там мы и встретились с судьей Бедерхемом.

Я не держу на него зла. Надеюсь, и он не испытывает ко мне ненависти. Он исполнял свой долг, и кто же виноват, что долг велит ему быть немилосердным? Я делал то, что должен был сделать, выполняя последнюю волю сестры, и просто то, что приказывало мне сердце. И кто же виноват, что каноррского оборотня не могут остановить даже демоны Преисподней, когда он слушается своего сердца?

Но если поединок с Альбой я и до сих пор вспоминаю с теплотой и гордостью, то схватку с Бедерхемом стараюсь за-

быть. Только у меня ничего не получается.

Бедерхем – не обычный демон, он охотник на демонов, а это что-нибудь да значит. Фаберграсс, Каванах, Борромель, Моубрай, Астрофель, Флагерон и прочие славные адские воители предпочитают не сталкиваться с ним в открытом бою. Я – не обычный, пусть даже наимогущественнейший оборотень; я – не просто небывалая помесь оборотня с вампиром и амарифским чародеем. Я – тварь Бэхитехвальда. А их страшатся даже чудовища Преисподней, и с ними предпочитает не сталкиваться сам Бедерхем.

Мы стоим друг друга.

В тот день, дорого обошедшийся нам обоим, я оставил на Ядоносных пустошах свои глаза – белые глаза твари, видевшей Нерожденного короля Галеаса Генсена и оставшейся в живых. А взамен получил жизнь демона Борромеля, одного из величайших воинов Ада.

С тех пор он живет во мне, и, значит, в определенном смысле я одержим демоном. Правда, иногда он жалуется, что жить в теле существа, отравленного ядом Бэхитехвальда, соседствовать с его мертвой душой и сожженным сердцем весьма неудобно. Тогда он с тоской вспоминает Серные озера, Огненные равнины, Дом Боли и Ледяные горы. Но Борромель – жуткий жизнелюб и потому предпочитает, чтобы все оставалось как есть.

Гигес пораздумал и предпочел остаться в живых.

Геродот

Но вы ждете, чтобы я поведал вам, удалось ли мне совершить то, ради чего я и опускался в Ад. И я вынужден признать, что дело сделано лишь наполовину. Я отыскал блуждающую впотьмах душу Уэрта и сумел вывести ее из Преисподней. Я смог отбить ее у Бедерхема и иных слуг владыки Ада, коих он послал за ней во множестве. Но схватка с Гончей Князя Тьмы отвлекла меня и истощила все силы. И потому на время я упустил сына Лореданы из виду. Но этого краткого промежутка вполне хватило тому, кто теперь носит имя лорда да Таванеля, дабы завладеть душой Уэрта.

То было могущественное заклинание. Я ничего не мог поделать. Мне оставалось только наблюдать и подыскивать Уэрту надежное вместилище. По всему Ниакроху искал я нужное мне существо, пока наконец не нашел его в Гриоме – троглодита, бедного изгнанника, волею случая утратившего свою собственную душу. Он с радостью согласился дать приют моему племяннику.

Насколько мне известно, все время, пока мы ждали Бесстрашного Суда, новый хозяин души лорда Таванеля стремился выпытать у нее все, что она знает о королевстве Галеаса Генсена и о древнем пророчестве Каваны. Но все попытки его окончились крахом. Я не знаю, что это за существо, но оно очень сильное и опасное. И его интересуют три

вещи: Кассария, Бэхитехвальд и Кавана.

То же самое, что больше всего интересует и Князя Тьмы».

Записано со слов князя Гуго ди Гампакорты, в замке Кассар, в год 11203 от Сотворения Ниакроха, в последний день Бесстрашного Суда, главным эльфом-летописцем Залипсом Многознаем.

Некоторые колдуны устраивают настоящие убежища для блуждающих душ. И если кто-нибудь потерял свою душу, то он может за установленную плату достать здесь другую.

Брендан Фрэзер

* * *

– Отчего же мы до сих пор сидим и мирно беседуем, господа? – всполошился Зелг.

– Да-да, – поддержал кузена Юлейн. – Бедная душа все это время томится в плену. Кстати, а где она томится – в животе или в голове? Порой мне кажется, что моя душа тоже томится, как птица в клетке. Вот как услышу от маркиза Гизонги о том, что нерачительно распоряжаюсь казной, играя на паялпе; или, скажем, душенька Кукамуна потребует пригласить в

гости тещеньку Анафефу – так сразу со мной делается что-то вроде припадка. Душа уходит в пятки, и они становятся такими одухотворенными. А все прочее – нет. Напротив, как-то безрадостно тупеет. Вот просто-таки ощущаю себя рыбой фусикрякой, приготовленной по фамильному рецепту...

– И отталкиваясь от этой неординарной мысли, снова вернемся к вопросу о племяннике князя, – ловко ввернул маркиз Гизонга, когда его обожаемый монарх остановился на секунду, чтобы перевести дух.

– Нет смысла торопиться, – вздохнул Гампакорта. – Впервые, тот, кто носит имя Таванеля, и сам чего-то ждет. Конечно, заклинание об обязательности явки на Бесстрашный Суд еще никогда не давало сбоя. Но сдается мне, он пришел сюда совершенно добровольно. Его манит Кассария и ваши тайны, ваше высочество.

– Нет у меня никаких тайн! – замахал руками некромант. – Я не извращенец, я только учусь.

– Есть, пусть вы о них и не подозреваете. Планида у вас такая.

И Думгар согласно закивал огромной головой – именно такая и никакая иначе.

По логике вещей, в беседе должна была бы образоваться небольшая пауза, но Мардамон этого не допустил.

– Кстати, – сказал он, подступая к задумавшемуся королю, и тот удивленно вскинул взгляд: хорошенькое – «кстати», но упорного жреца никакие взгляды не понимали. – В

каземате мне было откровение. Яркое, сильное и не допускающее двояких толкований. Нужно явить меня народу всей Тиронги и упрочить мое влияние среди простых граждан. – Он солидно откашлялся и возвестил: – Богам будет угодно, если мы отчеканим рупезы с моим изображением.

– Казню, – кротко пообещал Юлейн.

– А вот это богам будет неуютно. – Жрец печально почмокал губами. – Зря вы протестуете, молодой человек. Мы бы с вами отлично смотрелись рядом. Два величественных, гордых профиля.

– В данный момент государь сосредоточен на другом, – сказал граф да Унара.

– Потом может быть поздно, – предупредил Мардамон.

– Мы рискнем.

– Вот-вот, – подхватил Зелг, и сам размышлявший о возможных опасностях. – Рискованно оставлять без присмотра лорда Таванеля.

– Что вы думаете, он там безнадзорный сидит? Все это время его стережет Борромель, – поделился Мадарьяга. – Я безоговорочно верю нашим ветеранам, но никому еще не помешал мощный резерв в лице демона, истосковавшегося по настоящему делу.

– К тому же, ваше высочество, – безжалостно продолжал слепой оборотень, – Альба намекнул мне, что вы вряд ли сумеете вызволить душу Уэрта. Вынести приговор – одно. Привести его в исполнение – совсем другое. Если нынешний

хозяин души заартачится, то вы ничего не сможете сделать. Или он ошибается?

Гуго Гампакорта произнес это с такой надеждой, что Зелгу сделалось больно – ошутимо больно, как если бы кто-то ударил его. Но он не имел права обнадеживать князя.

– Мадарьяга прав, – подтвердил он едва слышно. – Я постараюсь, но ничего не могу обещать. Я не обладаю могуществом своих предков.

Предки оказались легки на помине.

– А вот и мы! – произнес радостный голос мумии. – Поиграли, проиграли и будет. Вернемся к делам.

– Вы проиграли, милорд? – с непередаваемой интонацией спросил голем. – Позвольте уточнить, сколько?

– Точь-в-точь Гизонга, когда ему приносят счета к оплате, – громким шепотом поведал непосредственный Юлейн. – Тон вежливый, а сам, того гляди, разорвет на части. Будто я его бабушку проиграл.

– Да простят меня духи предков, – восторженно воскликнул главный казначей, – но ни за одну бабушку столько не дадут.

– Не я проиграл. Не я, – отдельно произнесла мумия.

Судья Бедерхем вздохнул, как павиан, у которого отобрали связку бананов.

– Все это очень сложно, – сказал он. – Мир в очередной раз катится в тартарары, грядут трудные времена, а я проиграл три жалованья со всеми надбавками за вредность, выслугу лет, ученую степень доктора в Кисьякисах и право на

беспошлинные перелеты.

– Полно, друг мой, – беспечно взмахнул рукавом Узандаф. – Еще отыграетесь. На сей раз фортуна повернулась лицом ко мне. В следующий раз повезет вам.

Судьба была к нему благосклонна, послав ему пять тузов.

Гарри Уилсон

– Не есмь такой сильномогучий колдун, как выпуклая фигура милорда Карлюзы, – внезапно произнес маленький троглодит, о котором большинство присутствующих уже успели позабыть, – однако имею крупный опыт мозга.

Все обернулись к нему. Он потупился и засмутился, но все же продолжил:

– Желаю сплестись и слиться с милордами.

Милорды, каждый из которых как раз хотел что-то сказать, слегка подавились и принялись тревожно переглядываться.

– Видите ли, – сказал деликатный Зелг, принимая удар на себя, – не все милорды имеют достаточно решимости и, в некоторой степени, расположенности к тому, что вы предлагаете. Многие, как бы это объяснить, своеобразно настроены на отношения с существами противоположного пола, желательно – одного с ними происхождения. Так легче постичь сложное устройство мира...

– Понимаю, – важно кивнул Левалеса. – Доверить свой

разум чужому – сие деяние смелее, чем вручить ему собственную грибную плантацию с многоэтажной норкой. Однако принудительность в событиях есть. Сольемся разумами – и одолеем супостата.

– Советую внимать, – закивал Карлюза. – Сия инкогнита умна, хуже некуда. Мастерияон Зюзак Грозный наставлял: «Ну его в пень, обормота, с его революционными идеями. Проще, согласиться, чем объяснить, почему не хочешь». Цитирую цитату по великолепной памяти.

Такангор окинул фигуру Левалесы цепким взглядом и поинтересовался:

– Карлюза, друг мой, кто сей ученый муж? Вы ведь наверняка знакомы. Я понимаю, что он – инкогнито, но мне-то ты можешь открыть эту тайну.

– Не веровал никогда, что он есть, – признался Карлюза. – Полагал, мастерион Зюзак имеет его в виду, как ваш статуей из Чесучина, – исключительно для воспитания и назидания потомкам.

Минотавр заинтересованно пошевелил ушами.

– В Сэнгерае любят на праздники воспевать хором, – признался Карлюза. – Особенная любовь распространена к грустному песнопению, исходя из непонятной, но смелой мысли, что это тоже искусство. Национальное. Сильной популярностью пользуется длинная история про поскользнувшуюся в быструю реку деву и зазря повешенного жениха.

– А при чем...

– Момент терпения, – поднял лапку троглодит. – И еще мы, троглодитусы, уважаем петь легенду про Блудящего принца.

– Да, – сказал Такангор, – тема, конечно, актуальная. Но если бы я позволил себе нечто подобное в присутствии маменьки...

– Имею в виду не любвеобильное, но много странствующее существо, – пояснил Карлюза. – Ходит туда и сюда и еще куда-нибудь. Карты нет, цели нет, пункта назначения нет.

– Блуждающий! – радостно возопил генерал Топотан.

– Я так и сказал.

– И что с этим Блуждающим принцем?

– Боюсь, он и есть он.

– Не понял.

– А между тем, я все доступно объяснил.

– Нет, не все.

– Я вам ничего не говорил, но Левалеса есть герой песенных легенд.

– Блуждающий принц?

– Вот и вы уразумели. Но тут нас настигает великая не моя тайна.

– Интересное дело, – задумался Такангор.

– Бытие троглодитуса чрезвычайно интересное и удивительное для прочих организмов, – согласился Карлюза. – А стану некромансером, сразу войду в песнопение. На века. Займу приличное место в отечественной истории, и масте-

рион Зюзак будет просвещать про меня юные, зеленые поколения.

Пока они беседовали, в зале случилось большое оживление.

Милорды, сообразив, как они оскормились, ужасно обрадовались, что сливаться придется исключительно разумами, и моментально дали свое согласие.

Если не считать оригинальной манеры изложения, идея была совсем неплоха. И они обязательно осуществили бы ее, когда бы не очередное происшествие.

* * *

Вот такая вот... приключилась.

Михаил Жванецкий

Внимательный читатель, знакомый со странной традицией замка Кассар, согласно которой любой желающий может учинить здесь переполох своим эффектным появлением, не удивится, если мы скажем, что в самый ответственный момент, когда милорды уже собрались – скажем так – изъять душу лорда Уэрта у самозваного Таванеля, грянул гром.

Гром грянул отнюдь не в переносном, а в прямом смысле.

Внимательный читатель наверняка помнит, как любят яв-

ляться миру высокородные демоны. Этот не был исключением и свой приход обставил как нельзя более пышно и торжественно.

Содрогалось все, что только могло, – стены, мебель, разнообразное имущество вроде посуды и всяких мелких безделушек. Грохотало так, что присутствующим заложило уши. С потолка сыпались искры, в декоративного рыцаря, стоящего у колонны, вообще ударила молния, а от дверей дохнуло жаром.

– Трепещи, жалкий смертный! – прогремел неожиданный гость.

Был он под стать Бедерхему – такой же грандиозный, мускулистый, свирепый. При огромном росте четырехпалые руки его доставали чуть ли не до земли. Массивное тело покоилось на кряжистых, пнеобразных ногах с широкими когтистыми ступнями. Плоский череп со сплюснутым носом, размазанным по лицу, и глубоко посаженными горящими глазами цвета лесного пожара завершился неожиданно высоким лбом мыслителя. Вместо волос по плечам рассыпались толстые, похожие на черных змей, покрытые чешуей отростки. Голову украшали внушительные рога, поверх которых демон надел великолепный шлем замысловатой конструкции, сразу привлечший внимание Такангора. Хвоста у него не оказалось, а крылья были намного меньше, нежели у Адского Судьи, зато сплошь покрыты мелкими шипами и на вид гораздо более прочные и увесистые. В одной руке он

держал неподъемную «Утреннюю звезду», а в другой – толстый свиток.

– Трепещи перед посланником владыки Тьмы и выслушай его...

– Помолчи, Кальфон, – прервал его Бедерхем. – Не до тебя.

Демон сглотнул.

– Ты чего? – спросил он тревожно. – Я по важному делу. Ты не хуже меня знаешь.

– Здесь все по важному делу, – сердито сказала Гризольда, на которую в момент появления Кальфона свалилась увесистая золотая статуэтка, сделав и без того строгую фею совершенно непримиримой к чужим недостаткам. – Вы записывались на прием?

Демон оторопел. Впервые в своей биографии он столкнулся с чем-то подобным.

– Так и знала, что нет. Поэтому не перечьте, сидите тихо, – посоветовала Гризольда. – И без вас хлопот полон рот.

– Здравствуйте, – запоздало приветствовал пришельца Зелг. – Подождите, пожалуйста, я сейчас освобожусь.

Окончательно утративший связь с реальностью, Кальфон присел на корточки в огненном круге, сиротливо подперев щеку огромным кулачищем.

– Вопросительный момент, – спросил Карлюза, пытаясь заглянуть ему в глаза. – Не будет ли так любезен многоуважительный демон поведать: почто одиноко восседает в ог-

ненном круге?

– Не люблю уступать место, – процедил тот сквозь зубы. И даже слегка пыхнул пламенем на докучливого любознайку.

Карлюза обиженно поковылял прочь, но в Кассарии одиночество не грозит никому – даже смертельно опасным обитателям Преисподней.

– Здравствуйте. Хотел спросить, – подошел минотавр, звонко цокая подковами. – Как вы стали обладателем такого редкостного шлема? По наследству, в результате насилия или делали на заказ? Я почему интересуюсь, у нас рога почти одинакового размера и формы.

– Да, действительно, – немного оживился демон. – Конечно, как оружие очень удобно – всегда при тебе, нигде не забудешь. Но такие хлопоты с амуницией.

– И не говорите, – поддержал беседу Такангор. – Меня наш кузнец едва уговорил на шлем. В нашей семье никто шлемов отродясь не носил, а я попробовал, и мне понравилось. У вас похожая конструкция, только на моем нет гребня.

– Да ничего особенного в этом гребне нет. Иногда он даже мешает, – признался Кальфон, которого живо интересовал предмет разговора. – Мало кто понимает наши трудности.

Тем временем Зелг морщил лоб, мучительно пытаясь придумать, как отобрать у Таванеля не принадлежащую ему душу так, чтобы не повредить этой самой душе.

– Как ваша родная фея, – сказала Гризольда, присаживаясь ему на плечо, – хотела бы дать один совет... вам не ме-

шает табачный дым? Нет? Хорошо. Так вот, совет. Помните, я рассказывала вам об этой бесплотной руке, которая проникла в замок?

– Конечно.

– Попробуйте мысленно представить подобную руку и вытащить душу из лорда. Такие штуки очень помогают, особенно начинающим чародеям. Я это слышала от Валтасика, а он многого достиг в своем ремесле.

– Простите, от кого? – уточнил Зелг.

– От Валтасика, вашего родного великого предка.

– Мы говорим о Валтасее Тоюмефе да Кассаре?

– Пф-ф-ф. – Фея выпустила несколько колечек дыма, чем несказанно развлекла Кальфона. – Я делала ему гуглю и бырзульчиков, а он бессмысленно тарашился на меня из колыбельки, и вы хотите, чтобы после этого я разводила харцуцуйские церемонии.

Послушайте, дружок. Закройте глаза – с непривычки с закрытыми глазами намного легче – и вообразите, что вы всунули руку в живот этому негодяю и тащите оттуда Уэрта Таванеля. А для лучшего результата думайте, что тянете его из трясины. Вы же не оставили бы человека тонуть в болоте? Вот и действуйте соответственно.

– Сейчас, – сказал некромант. – Попробую.

– Не пробуйте, а делайте.

– А это кто говорил?

– Это любимая фразочка вашего предка Люки.

– Интересно, – пробормотал Зелг, крепко зажмуриваясь, – как вы звали дедушку Узандафа?

– Напрягите воображение, дружок. Конечно, Узя.

– Даже боюсь думать, как вы станете называть меня.

– Вам сейчас следует думать о другом, – пробасила фея. –

А действительно, как? Зелг – пресновато, Окиралла – длинно. Остается единственный вариант – Галя. Сокращенное от Галеас. И соответственно, и произносить удобно.

В этот миг Зелг отчетливо увидел мысленным взором подворье замка, отряд скелетов, бесплотную тень Борромеля, маячившую за спиной арестованного, и широко открытые, пустые, ничего не выражающие глаза лорда. Он протянул руку и решительно протолкнул ее внутрь тела ответчика. Ему почудилось, что кто-то отчаянно вцепился в его ладонь, будто утопающий схватился за него, как за свою последнюю надежду. Тогда герцог крепко сомкнул пальцы на этой холодной, бесплотной руке и изо всех сил потащил на себя.

Тащить оказалось тяжело, но он уже не был одинок. Сзади вырос судья Бедерхем и принялся помогать ему; присоединился к ним и похожий на бородавчатую жабу с львиной гривой и огромной клыкастой пастью Борромель. Дымилась, как вулкан, энергичная Гризольда. Мадарьяга и Гампакорта поддерживали молодого некроманта с обеих сторон.

– А, чего тратить время попусту? – спросил Кальфон и тоже пристроился к ним.

Его вмешательство и стало решающим. Что-то глухо за-

стонало, выпуская желанную добычу, и легкая, прозрачная душа стремительно вылетела из ниоткуда в трапезную, где расположилось почтенное собрание.

– Благодарю вас, герцог, – раскланялась она учтиво. – Благодарю вас всех, господа. Лорд Уэрт Орельен да Таванель отныне ваш вечный должник. И ваш верный рыцарь, о прекраснейшая и благороднейшая из фей. Сейчас я вижу, что, погруженный в свои беды и тревоги той ночью, я не разглядел всей прелести вашего милого лица. Но впереди вечность – благодаря вам и этим благородным господам. Всю ее я посвящу восхитительной и отважной даме, которая сделает меня несказанно счастливым, когда соизволит открыть свое имя.

– Гризольда, – призналась фея и сделала странное па толстенькой ножкой.

– Что за имя! – возопил призрак. – Оно ласкает слух. А произнесенное вашим мелодичным голоском оно очаровательно вдвойне.

– Странно, – сказал Кальфон, обращаясь к Такангору, в котором признал родную душу, – я бы скорее определил ее голос как басовитый, с похрюкиваниями и немзыкальным скрипом.

– Влюбленность застит и взор, и слух, – поведал генерал Топотан.

– Никогда не влюблялся до такой степени, – признался демон. – В этом, видимо, все дело. Но он, определенно, поэт.

– Нет, этот отчаяннее, – постановил минотавр, разглядывая душу рыцаря. – Поэты – те только на словах горазды совершать подвиги вроде женитьбы и верности до гроба. А он и вправду может учудить что-нибудь подобное.

Поэт может воспевать многих женщин, на которых он испугался бы жениться.

Сэмюэл Джонсон

– Ну, вот и я, – весело сказал Зелг, – благодарю всех за своевременную помощь.

Он прошелся среди толпы, по очереди пожимая всем руки.

– Однако силен наш супостат, – признал судья Бедерхем. – Столько могущественных персон сражались с ним одним. Не нравится мне это. И сразу могу сказать – к нашим он не имеет никакого отношения. Совершенно другой стиль.

– Кому такое понравится? – резонно заметил Узандаф. – Главное, непонятно, что оно такое и куда делось. Гампакорта говорит – теперь тело лорда похоже на бутылку, выпитую до дна.

– Полагаю, сие приспешник Галеаса Генсена. И подался, вероятнее всего, в Бэхитехвальд.

– Ни в коем разе, – замотал головой Такангор. – Генсен обречен на свое королевство и на злодейство свое тоже обречен. Его никто не спрашивал, когда делал таким. Не спорьте со мной, я лучше других понимаю: поединок – прекрасный

способ близко узнать друг друга. А этот ваш самозванец – он добровольно рвется в смертоубийцы, негодяи и подлецы. Как по мне, это гораздо хуже и опаснее. Что-то он тут вынюхивал.

– Только опасности нам не хватало для полного счастья, – заскрипела мумия. – О, Борромель! Давно тебя не видел. Как дела?

Борромель сидел в темном углу, нахохлившись. Видимо, близость Бедерхема его нервировала.

– Когда как, – ответил он, и от звука его голоса подскочили мирно дремавшие Бумсик и Хрюмсик.

– А где же князь? – спросил Мадарьяга, озираясь.

– Им о многом нужно поговорить с Таванелем, – сказал молодой некромант. – Думаю, они присоединятся к нам позже.

– Вот можешь же, когда хочешь, – заявил Узандаф Ламальва. – Почему дедушка должен бегать за тобой и уговаривать поупражняться? Видишь, как необходимы навыки некроманта?! Для всего пригодятся, даже для добрых дел, хотя твой предок Гахагун, вероятно, скачет до потолка в своем мавзолее.

– Да, – рассеянно покивал Зелг, – конечно. Да, да. Ну что, вроде бы все в порядке, все довольны. Пойду-ка я к себе, запишу пару строк, пока не забыл. А за обедом обязательно тебе прочитаю.

– Нет, – сказала мумия, – я не могу. Он меня доведет до

того, что я добровольно замуруюсь в каком-нибудь склепе.

– Гхм! – кашлянул Кальфон. – Мне бы минуту вашего внимания.

– Конечно, – приветливо откликнулся герцог. – Извините, видите – сплошные хлопоты с этим Бесстрашным Судом.

Он поглядел в окно.

Там занимался рассвет – свежий, розовощекий, умытый росой ребенок нового дня.

Два пьяных в зюю кентавра медленно ковыляли мимо крепостной стены, находя друг в друге единственную точку опоры на этой стремительно вращающейся земле.

Лорд Таванель все так же отрешенно сидел в кресле посреди замкового двора. Часовые, расположившись кругом, негромко о чем-то беседовали.

– Рассвело, – изумленно сказал Зелг. – Ночи как не бывало. Простите великодушно, я прослушал – кто вы и что вас привело в наш скромный замок?

– Где мои манеры? – сокрушенно взмахнул крыльями Бедерхем. – Знакомьтесь, господа. Герцог Зелг Галеас да Кассар, князь Плакура, принц Гахагун. А это мой коллега и родственник – Кальфон Свирепый, граф Торрейруна, Погонщик Душ, Повелитель Грозных гор, хозяин реки Забвения и командующий шестидесяти легионов Падших. Недавно получил чин генерала.

– Поздравляю, – сердечно сказал Зелг.

– Вот, послушайте, – недовольно забубнил Такангор. – У

всех есть шестьдесят легионов, только не у меня. А вдруг война или какое другое ответственное мероприятие? Что прикажете делать? Водить экскурсии по достопримечательностям и пропагандировать дружбу народов, культуру и вечные ценности?

Некромант огорчился. Ему так хотелось мира и тишины. Он и сам не отказался бы посидеть ночью в башне, полюбоваться в крупноскоп звездами, подумать о вечном...

– Ну, – вздохнул Кальфон, – тут вот какое дело.

Он деловито пошуршал свитком.

– «Трепещи, о смертный!» – это вы слышали...

– Слышал, хотя не очень понял.

– Трепещи и ужасайся, так, это тоже опустим, перед мощью владыки... на-на-на-на... ну и дальше в том же духе на две ладони вниз, а потом мы переходим к существу вопроса. – Кальфон прокашлялся и загрохотал: – «Старинная вражда между нашими семьями с годами не угасла, и пришло время кровью заплатить все долги великому Князю Тьмы. Война...»

– А, – догадливо сказал Зелг, – кровопролитие! Так бы сразу и сказали. Тогда это не ко мне. Если речь о войне, то вам к милорду Топотану. Он сие дело любит, одобряет и понимает. А я, видите ли, пацифист; больше на такое мероприятие ни ногой.хлопотно, тревожно, неудобно и съедает практически все свободное время. Чтобы интересоваться боевыми действиями, нужен особый склад ума. Вы согласны? Что

же поделаться, если я ученый до мозга костей.

Когда-нибудь объявят войну, и никто не придет.

Карл Сэндберг

Демон яростно потер массивный затылок. Из ушей у него потихоньку пошел дым.

– Вы дослушать в состоянии? – грозно спросил он. – Я же ничего особенного не прошу, просто помолчать две минуты.

– Зачем же нам молчать? – удивился Юлейн, которому вновь прибывший демон был в принципе симпатичен, но чем-то напоминал брата его супруги, князя Люфгорна, а потому вызывал смешанные чувства. – Зачем же нам молчать, а вам повторять дважды. Кузен Зелг все подробно разъяснил: по поводу войн и сражений обращайтесь к милорду Топотану. Он с удовольствием даст вам консультацию.

– Людей это вообще не касается, – рыкнул демон.

– Я не человек, – вздохнул Юлейн. – Я король. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Когда отправитесь замуравываться, – тихо сказал Кальфон, обращаясь к Узандафу, – кликните меня. Я охотно присоединюсь. Ему объявляют войну, а он и ухом не ведет. Впервые сталкиваюсь с таким поразительным безумием.

– Могу предложить вам лекарственной бамбузяки, – встрял доктор Дотт.

– Давайте, – кивнул демон. – Мне нужно взбодриться.

– Или живопузный настой? Он крепче... то есть бодрит.

– Лейте!

– Кому объявляют войну? – уточнил Зелг.

– Вам, ваше высочество, – пояснил Думгар.

– Кто?

– Князь Тьмы.

– По какому поводу?

– Старинные распри.

– А что мы не поделили?

– Никто не помнит, милорд. Война тянется уже тысяче-летия. Иногда затихает, иногда вспыхивает с новой силой. Сейчас вот вспыхнула.

– Я против, – заявил Зелг, сосредоточенно подумав. – Я категорически против. Я уже говорил вам, любезный, что я пацифист?

Кальфон закатил глаза и подставил Дотту опустевший стакан для новой порции.

– Говорили, милорд, – успокоил голем своего господина.

– А он понял?

– Наверняка.

– Так и передайте своему хозяину, – решительно молвил молодой некромант. – Войны не будет.

– Это почему? – спросил Кальфон.

– С научной точки зрения война возможна только между двумя, как минимум, враждующими сторонами, – пустился герцог в объяснения. – Если мы отказываемся воевать, а у вас на примете нет никого другого, то противостояние отме-

няется.

– То есть вы отказываетесь?

– Разумеется. Зачем это нам? Пригласите кого-нибудь другого.

– Кого – другого?! – выпучил глаза демон. – Мы не хотим другого. Где вы такое слышали? Меня послали к вам! Вот письмо – целый день сочиняли, вы бы видели, сколько народу над ним билось. И вообще, что это значит – отказываетесь?! Мы уже подготовились, собрались под кровавыми знаменами, закатили пир по этому поводу... Вы понимаете, что срываете ответственное мероприятие?! Все сколько-нибудь значимые персоны ждут только сигнала к началу войны, а вы вдруг такое заявляете. Возьмите послание.

– Не возьму.

– То есть – как?

– Не возьму, и все.

– Но это же исторический документ чрезвычайной важности. Адресован вам лично. Я его доставил. Заберите письмо – с меня голову снимут, если я притащу его обратно.

Когда мы кого-то приглашаем, мы письменно посылаем письмо. И генпрокурору мы тоже письменно пишем.

Геннадий Селезнев

– Не выкручивайте мне руки, – сказал Зелг, которого несколько лет общения со студентами тоже кое-чему научи-

ли.

– Так его, – подзадорила Гризольда.

– Тогда сдавайтесь, – предложил Кальфон. – Платите нам дань и отдавайте эту беглую душу с ее пророчествами.

– Еще чего, мы же не проиграли.

– Можно мне где-нибудь присесть? – спросил демон у Дотта. – Что-то голова кружится.

– Вот сюда, на диванчик. Разработан специально для Думгара, так что вас и подавно выдержит. И обязательно выпейте вот эту микстурку. На вас лица нет.

– Проклятье! – закричал Кальфон.

– Это иносказание, – вмешался в разговор судья Бедерхем. – Успокойся. На месте твоя морда.

– Уфф!

– И с какого перепугу вдруг опять война? – не унимался Кассар. – Просто эпидемия. Только-только закончили с Бэ-хитехвальдом, здравствуйте – на очереди Преисподняя.

– Вполне логично, – пояснила мумия, сочувственно косясь на Кальфона, лихорадочно перечитывающего свой свиток. – Мы истощены упомянутым тобою противостоянием. Вот Князь Тьмы и решил воспользоваться ситуацией. Официально мир мы не заключали даже после свадьбы Барбеллы да Кассара и Моубрай Яростной. Просто временно прекратили сражаться. Да и силы были примерно равны до твоего восшествия на престол... ты меня понимаешь... Но никто не обещал, что мы вечно будем жить в мире и дружбе. Так

что он имеет полное моральное право возобновить боевые действия. Что же до выбранного момента – окажись я на его месте, поступил бы подобным образом. И хочется возразить, да нечего.

Они закопали топор войны, но в неглубокой и хорошо обозначенной могиле.

Дороти Уолцорт

– Вовсе мы не истощены, – сердито возразил Зелг.

– Еще как истощены, – пробурчал Такангор. – Я давно уже говорю о том, что нужно провести набор в нашу армию, но меня же никто не слушает.

– И что, у нас настолько тяжелое положение?

– Не без того.

– Так пусть он катится в тартарары со своей внеплановой войной! – возмутился некромант. – Какая война без армии? Только этих проблем мне сейчас и не хватало.

– Ничем не могу помочь, – усмехнулся Кальфон. – Мы уже там. Кстати, Князь понимает ваши трудности, а потому первое сражение назначил через десять дней. Этого срока вам должно с лихвой хватить для того, чтобы подготовиться и привести в порядок все свои земные дела.

– Ну, что теперь делать? – спросил Зелг.

– Воевать, – подал голос Кехертус. – Рано или поздно это должно было случиться.

– Будем сражаться, – согласился Такангор. – Потрениру-

емся на демонах, а потом возьмемся за что-нибудь посерьезнее. Я не имею в виду никого из присутствующих, – добавил он, твердо памятуя маменькины наставления.

– Поскольку я работаю у вас на полставки, то первую половину дня вполне могу воевать на вашей стороне, – вставил Бедерхем.

– А вторую? – заинтересовался граф да Унара.

– А вторую – на нашей, – серьезно пояснил судья.

ГЛАВА 8

Тихая грусть поселилась в стенах Кассарийского замка.

Трудно предвкушать радость грядущих сражений, если вами правит пацифист.

Хотя гораздо труднее, будучи пацифистом, понять тех, кто предвкушает радость грядущих сражений.

Спешно выехал в Булли-Толли опечаленный король Юлейн в сопровождении своих царедворцев. Поначалу он уговаривал их не терять голову и взять себя в руки. Затем долго и безуспешно втолковывал им, что война с Преисподней – не такое уж страшное событие. Пережили Генсена, как-то переживут и демонов.

Если вы не теряете голову, когда все вокруг потеряли голову, возможно, вы недооцениваете серьезность ситуации.

Обычная надпись на судах ВМС США

А они не менее долго и не менее безуспешно объясняли ему, что долг велит коронованной особе находиться в столице, чтобы оттуда руководить подданными. Потом его величество подробно рассказывал всем о Кукамуне и своем нежелании покидать гостеприимный замок кузена, а вельможи возражали, что у каждого в шкафу свой скелет – вот едет же

главный бурмасингер Фафут домой, не проронив ни слова. А у этого стойкого человека и жена, и теща, и сестра – старая дева. Так пусть монарх берет пример с этого мужественного гражданина и подает его остальным.

Грустно помолчали, вдохновленные отважным Фафутом, которому так некстати напомнили о домашних проблемах.

Затем, как это часто бывает, заговорили все, одновременно и на разные темы.

Маркиз Гизонга интересовался, во сколько может обойтись правительству новая война; но рассматривал и прямо противоположный вариант – как подзаработать на панике, которая обязательно возникнет в стране при первом известии о нашествии демонов.

Граф да Унара звонким голосом сообщал, что, по его данным, ни одна война кассарийцев с Преисподней не велась вблизи населенных пунктов и никак не влияла на жизнь и быт обычных смертных, но было бы крайне неразумно полностью игнорировать подобные вещи.

Фафут настаивал на том, что прошел мощную психологическую подготовку у Такангора, а потому больше не боится своих родственников. Ну не то чтобы совершенно, совсем, полностью не боится, но как-то гораздо меньше, если сравнивать с прошлыми временами. И тут же добавлял, что ночевать собирается на службе. Тем более что все-таки демоны...

Король уточнял, кто здесь король и кто уполномочен при-

нимать важные решения.

Плодотворная дискуссия могла тянуться еще очень долго, если бы Такангор и Мадарьяга не взяли Юлейна под локотки и решительно не затолкали в карету. Вампиру и минотавру король перечить не решился и уехал домой, низко опустив голову и сморкаясь в платочек, – объявлять военное положение.

Невесел был и генерал Топотан. Лихорадочно пересчитав имеющиеся в наличии войска и понимая, что умные демоны ни за какие коврижки не станут вести войну в пределах Кас-сарии, он растерялся.

Совсем недавно Зелг подписал кровью клятвенное обещание не беспокоить павших на равнине Приют Мертвецов, что сокращало численность армии до смехотворно малого количества солдат. Правда, каждый из них стоил десятка зеленых новичков. Ветераны «Великой Тякюсении», пожелавшие остаться на службе после окончания войны, были прекрасными, опытными, закаленными и стойкими воинами. Но и противостоять им собирались не безграмотные крестьяне из народного ополчения, и даже не твари Бэхитехвальда, которые, как выяснилось на практике, ничего не могли поделать с давно умершими, а существа сверхъестественные и почти всемогущие.

Такангор мог выставить против них не более десятка равноценных бойцов.

Положим, сам он предполагал по-свойски разобраться с

выходцами из Преисподней и толково объяснить им, почему в Кассарии от дохлого кота уши. Не подведут Мадарьяга и ди Гампакорта, твердо обещавший свою помощь. Выстоит Думгар. Только обрадовался возможности поквитаться с обидчиками могущественный Борромель. В первую половину дня большую пользу принесет Бедерхем, только вот как с ним управиться потом? Наверное, продержатся какое-то время Альгерс и Иоффа с сыновьями. Скорее всего, нанесет противнику урон опытный Крифиан. Но вот уже Ианидой рыцарственный минотавр рисковать боялся. Кто знает, подействует ли взгляд горгоны на обитателей Преисподней? Может, у них врожденный иммунитет.

Не знал он также, что могут противопоставить воинам Ада мороки, пучеглазые бестии, гномы, кобольды, дендроиды, кентавры, эльфы и прочие волшебные существа. В добровольцах недостатка не было, но разумно ли вести их за собой, если может оказаться, что он ведет их на верную смерть.

Библиотекари в этот миг переворачивали горы справочной литературы, хроник, исторических романов и старинных, времен Барбеллы, газет с репортажами с передовой. Но Такангор не слишком рассчитывал почерпнуть оттуда полезную информацию. Вряд ли предки Зелга предполагали, что в их роду объявится некромант, совершенно не владеющий своей основной профессией.

О том, чтобы пускаться на битву с демонами Карлюзу, Дотта и прочих дорогих его сердцу друзей, минотавр даже не

думал.

Так что сочувствующему читателю вполне понятно, отчего его широкую грудь терзали тоска и сомнения.

Ни Карлюзы, ни его крохотного сородича видно не было. Грустил на башне и жрец Мардамон.

Услыхав последние новости, он стремительной птицей впорхнул в кабинет к герцогу да Кассару с предложением отметить минуты всеобщего отчаяния и подавленности подобающим образом. Просил совершить кровавые обряды, соблазнял жестокими ритуалами, раскинул перед Зелгом упительные картины всеобщих страданий и неистовых оргий – все тщетно. Молодой некромант остался глух к его словам.

Ни даже несчастной, замшелой от старости крысы не сумел вымолить Мардамон перед лицом смертельной опасности и возможного грядущего краха. Напрасно во внезапном припадке вдохновения он исполнил дикую пляску, а потом, прыгая вприсядку вокруг герцога, изображал толпы ликующего народа. Он сделал что мог, он полностью выложил, увещевая своего господина; на пальцах объяснял, что богам неуютно подобное поведение, что и явилось истинной причиной внезапно продолженной войны, однако Зелг твердо стоял на своем.

Эту бы твердость и негибаемость да на передовую – демоны отлетали бы от него, как горох от стенки.

И теперь Мардамон маялся от сознания собственной бесполезности, напрасно пытаясь отвлечься от горестных дум

изнурительными тренировками на мешках, набитых соло-
мой.

Невесел был и Узандаф Ламальва да Кассар, которо-
го внучок обвинил в склерозе, рассеянности и преступном
умолчании.

– Хотел бы я знать, чего еще мне не рассказали из-за тво-
ей легендарной забывчивости? – ярился Зелг. – Может, я во-
обще предназначен в мужья какому-нибудь дракону или в
жертву – левиафану? Скажи, не стесняйся, я уже ко всему
готов.

Дедушка виновато булькал и сокрушенно сопел, но впер-
вые в жизни не тронул сердце внука. Тот ушел, хлопнув две-
рью, и теперь седобородая мумия мучилась угрызениями со-
вести и острым чувством вины.

Тосковала Гризольда, занявшая ответственную долж-
ность личной феи кассарийского некроманта и сразу же ощу-
тившая свою полную несостоятельность в этом амплуа. Она
не знала, чем помочь своему подопечному, а он более чем
кто-либо другой из его родичей внушал ей симпатию. Она
изо всех сил старалась быть ему полезной, но что может про-
тивопоставить несокрушимой мощи Князя Тьмы одна ма-
ленькая, пусть и отчаянная фея.

Призрак рыцаря утешал ее как мог. Кажется, он не на шут-
ку влюбился в Гризольду и следовал за ней как вторая тень.
В другое время она была бы от этого в восторге, ведь мы уже
упоминали, как фея относилась к импозантным мужчинам с

хорошими манерами и прекрасным вкусом, – но теперь душу переполняли страх, отчаяние и дурные предчувствия. Любви места не находилось. Во всяком случае, Гризольда загнала ее в какой-то потаенный уголок и не выпускала на волю.

Радость оставила и веселый обычно Визл. Дошло до того, что у Гописсы одним ранним утром не подошло тесто, а вечером подгорели пирожки. И кобольд Фафетус без всякого энтузиазма рекламировал новые коктейли «Сон оборотня» и «Борромель».

Опальный демон временно оставил ди Гампакорту и пропал в «Расторопных телегах», кувшинами поглощая напиток своего имени, – напивался на будущее, как он сам пояснял, на тот случай, если будущего у него больше нет.

И даже скрупулезный Нунамикус Пу все больше сидел за конторкой, устремив невидящий взгляд в пустоту, и не щелкал счетами.

Зелг сосредоточенно грыз пальцы, запершись в собственной спальне. Как бы ни был он далек от военного дела, но не требовалось особенных талантов, чтобы предвидеть следующее развитие ситуации: если он попытается уклониться от прямого столкновения с легионами Преисподней, те просто обрушатся на Тиронгу, на Булли-Толли, на ни в чем не повинных мирных граждан. Этого он допустить никак не мог.

И отказаться от беспокойного наследства предков тоже совершенно невозможно.

Во-первых, слишком велико могущество Кассарии, чтобы

бездумно разбрасываться ею.

Неприлично так отзываться о малознакомых особах, стремящихся получить во владение исконную вотчину черных магов, но горькая правда заключается в том, что многие из них вовсе не намерены посвятить свою жизнь добрым делам. Более того, они, кажется, решительно настроены захватить чужое наследство и использовать его в корыстных целях. Уму непостижимо, но так оно и есть.

Зелг да Кассар никогда не считал себя по-настоящему достойным своего высокого титула и не мог всерьез воспринимать себя как могущественного некроманта – подателя жизни и смерти, властителя чужих судеб. Время от времени ему приходило на ум отказаться от трона Кассарии в пользу кого-то более достойного, но все достойные встретили бы подобное предложение категорическим отказом; а все, кто согласился бы сразу, не задумываясь, не представлялись ему достойными.

Как ни крути, прав дедушка – это его долг, его священная обязанность, кому же, как не ему, и отдуваться.

А во-вторых и главных, молодой герцог не мог да и не желал забыть смешные конопушки и ласковый взгляд прекрасных голубых глаз, ради которых он был готов перевернуть небо и землю.

В любой ситуации, как учат нас духовные наставники, обязательно следует поискать положительные моменты. Если не нашел – поищи получше. Опять не нашел – посмотри

с другой стороны, может, они там завалились. В самом безнадежном случае рекомендуют напиться до стадии полного слияния с космосом. Тогда мир заиграет новыми красками. Или окончательно исчезнет из виду и перестанет раздражать проблемами, что тоже можно считать неплохим результатом.

Жизнь – это искусство извлекать утешительные выводы из неутешительных событий.

Сэмюэл Батлер

Зелг старательно думал, что в данном случае следует считать положительным моментом. На ум приходила только старая студенческая шутка: «Думаешь, хуже некуда? Успокойся! Будет и хуже». Но эта мысль не принесла мира и спокойствия его измученной душе.

Хорошо Юлейну – у него есть верная и преданная Кукамуна, которая ни за что не покинет своего супруга; и когда он думает об этом, даже конец света в сравнении кажется ему небольшой бедой.

У молодого некроманта не было такой же надежной спасительной гавани.

Ну, гавани, возможно, и не было. Зато имелся в наличии преданный каменный дворецкий – хранитель традиций, поборник правды, блюститель порядка. Знающие люди сразу скажут вам, что это гораздо больше, чем несокрушимая твердыня и огромная армия. Вкладывайте ваши надежды в этот банк, и он оправдает ваше доверие, совершив все воз-

возможное, невозможное и даже более того.

Гампакорта и Мадарьяга придерживались того же мнения и потому часами торчали в апартаментах, которые занимал Думгар, что-то горячо обсуждая с невозмутимым домоправителем.

Собственно, он и подал дельную идею, которая оживила замок и заставила его обитателей улыбнуться впервые за целые сутки, показавшиеся им мрачным столетием.

* * *

Проведя в грустных размышлениях всю ночь, Зелг решил помириться с Узандафом. Возможно, в чем-то дедушка бывал не прав, но все же свинство – грубить беззащитному старичку, хлопать дверями, устраивать безобразные сцены. Где его выдержка? Где его воспитание?

Молодой герцог рисовал себе картины одна безотраднее другой. Вот седобородая мумия, завернувшись в свой халат и шаркая туфлями, уходит в ночь, в бездну, в никуда. У него даже слезы на глаза навернулись, когда он представил себе последний, прощальный взгляд, брошенный бедным дедушкой на замок, в котором он испытал столько горя и радости.

А вот дедушка, бессильно свесив сухонькие ручки, сидит в своем любимом кресле, в библиотеке. Занимается рассвет,

но Узандаф его больше не увидит, потому что его старое сердце разорвалось, не вынеся упреков жестокого и несправедливого внука. Широко открытые глаза мумии устремлены на двери – до последней минуты он ждал, что его мальчик, его кровинушка, придет, чтобы утешить старика. Но тщетно.

Или – еще того хуже: нелепый, комичный, едва передвигающийся в доспехах, которые он носил еще при Пыхштехвальде, Узандаф Ламальва да Кассар ковыляет в битву, волоча за собой неподъемный меч. И какой-то рогатый демон, жутко оскалившись...

Тут Зелг чуть не разрыдался, выскочил из своих апартаментов и со всех ног помчался в библиотеку, моля небеса только об одном – чтобы дорогой дедушка оказался жив, здоров и на месте.

Обычно люди жалуются, что в небесной канцелярии все время что-то путают, работают спустя рукава, заказы выполняют с огромными задержками и аховыми погрешностями. Поэтому наш случай логично будет занести во все анналы как уникальный в своем роде. Небеса прислушались к просьбе молодого некроманта и исполнили ее с небывалой старательностью.

Правда, сперва он этого не понял.

Из-за дверей доносились невнятные горестные крики и стоны, и сердце Зелга рухнуло куда-то вниз, а в животе образовалась огромная холодная дыра. «Все! Опоздал!» – мельк-

нула жуткая мысль. Сейчас он переступит порог и увидит, как безутешные друзья оплакивают бездыханное тело...

В отчаянии герцог даже не сообразил, что бездыханным тело престарелого родственника стало еще в незапамятные времена, так что, строго говоря, плакать по этому поводу сегодня в голову никому не придет. Но разве способен рассуждать здраво тот, кто вот-вот услышит горестное известие?

Он осторожно приоткрыл двери.

Крики усилились.

– Как ты мог?! – вопил доктор Дотт с такой тоской, что некромант попятился. – В такой момент, когда ты был нужен мне больше всего?

– Полно, полно благородный друг, – послышался другой голос, в котором герцог узнал Уэрта да Таванеля. – Крепитесь, вы же мужчина. Я тоже полон скорби и отчаяния, но это еще не конец.

– Это не конец?! – взвыл доктор. – Хотел бы я знать, что вы тогда считаете концом?

– Бывают обстоятельства и пострашнее, – ответила душа. Но без особого убеждения.

– Все бесполезно, господа, – произнес рокочущий голос Бедерхема. – Я говорил, я предупреждал. Но все напрасно.

Зелг застыл у входа, как мраморное изваяние, холодный и покаянный, не имея сил сделать последний шаг, который отнимет у него любимого, ненаглядного, мудрого, героического, веселого, остроумного, доброго, бескорыстного...

– Гони монету, – рявкнул Узандаф, – и прекрати убиваться.

– Легко сказать.

– Дедушка?! – возопил молодой герцог, привалясь к дверному косяку.

– А, внучек! – обрадовалась мумия. – Заходи к нам. Мы тут, пока суть да дело, слегка развлеклись.

И он выразительно потряс тугим мешочком. Мешочек неохотно звякнул.

– Кому как повезло, – проворчал Дотт. – Кто развлекся, а кто и разорился. Думгар меня теперь просто сгрызет. Он вообще полагает, что духам деньги не требуются, и всякий раз норовит сэкономить на моем содержании. Говорит, что есть-пить-одеваться мне не нужно, а тратиться после смерти на увеселительные заведения – это уже извращение. Опять станет лекцию читать. – И внезапно уставил палец на мумию. – Думаю, ты все-таки заколдовал моего таракана.

– Недоказуемо, – вздохнул Бедерхем. – Я внимательно наблюдал за всеми участниками гонок. Я ведь тоже лицо заинтересованное.

– Дедушка! – потрясенно повторил Зелг. – Какие бега? Какие тараканы?!

– Зомби, – ответил Узандаф, выразительно потряхивая своей коробочкой. – Элитные. Гордость конюшни.

– Если ты не слышал – у нас намечается война, – сказал герцог, – может, тебя это тоже заинтересует?

Мы уже говорили, что в горькие минуты он становился язвительным. Жестоко? Да. Обидно? Возможно. Несправедливо? Нет, нет и еще раз нет. Разве можно столь безответственно относиться к тому, что мир вот-вот рухнет в пропасть? И кто? Ладно бы, зеленый юнец, но не древний же чародей – кладезь мудрости и живой (до некоторой степени) пример потомкам.

«Ни бурдульки себе примерчик!» – как сказал бы по этому поводу генерал Топотан.

Видимо, этот гневный внутренний монолог огненными рунами был начертан на лице молодого некроманта, потому что мумия с любопытством на него уставилась.

– А что ты так нервничаешь? – спросил доктор Дотт, выныривая из бездонных пучин скорби по поводу оглушительного своего проигрыша. – Война начнется только через десять дней. Можно сказать, на том же месте, в тот же час – в Липолесье.

– Где?

– Сейчас принесу карту, – пообещал призрак.

Он поднялся к потолку, еще раз вздохнул о проигранных деньгах и отправился к дальним стеллажам в компании милейшего духа – заведующего картографическим отделением.

– В Липолесье, – охотно пояснил Узандаф. – Мы всегда воюем с демонами в Липолесье. Свежий воздух, чудные пейзажи. Ландшафт – пальчики оближешь: и холмы, и река, и лес, и равнина. Горная гряда опять же неподалеку. Живо-

писное ущелье. Есть еще премилое озеро – вода прозрачная, чистая; рыбы... – И он широко повел рукой, показывая, что количество живности в водоеме невозможно описать словами. – Тебе обязательно понравится, – убежденно сказала мумия. – Давно мечтаю построить там какой-нибудь скромный загородный домик – два ряда крепостных укреплений, не больше. Для отдыха и уединения. Но где тогда воевать, чтобы никого не побеспокоить? Через десять дней, если я ничего не перепутал, армия Князя Тьмы будет ждать нас по ту сторону реки.

– А если они обманут? – вскричал внук, делая странные движения руками.

– Ты танцуешь? – подозрительно спросила мумия. – Зачем? Не стоит. У тебя нет к этому способностей.

– Я хорошо танцую.

– Неправда. Тебя кто-то обманул. Вероятно, не желал травмировать, зная твою, впечатлительность. Вот дядя Гигант вчера показал мне, как танцуют ластатупси, и я должен откровенно сказать, что мне понравилось. Правда, ластатупсям не хватает плавности – на мой взгляд, иные движения выглядят диковато, – зато сколько энергии, задора, первобытной красоты. Чего только стоит тридцать седьмая позиция «Ласковые лапы». И перлиплютики производят впечатление, особенно на неподготовленного зрителя. А вот эти, с позволения сказать, взмахи...

Зелг понял, что разговор заходит в глухой тупик.

– Я заламываю руки, – сухо пояснил он.

– Почему?

– Я удивляюсь твоей доверчивости. А вдруг они нас обманут? И пока мы станем дожидаться армии врага в этом самом Люболесье...

– Липолесье, – строго поправил судья Бедерхем.

– Один демон. Так вот, пока мы будем, как доверчивые и наивные пухнапейчики, ждать их в условленном месте, орды демонов хлынут на столицу, сметая все на своем пути, истребляя невинных граждан Тиронги, пожирая тысячи душ.

– Не хлынут, – ухмыльнулся Бедерхем. – Даже в Аду все уже знают про «душеньку Кукамуну» и мать ее – Анафэфу.

– Вам смешно?! – задохнулся от негодования некромант.

– Скорее, забавно. Я смотрю на вас, милорд, и вспоминаю себя лет пять или шесть тысяч тому назад. Я был так же молод, горяч, полон энтузиазма. Ввязывался во всякие истории, спорил со старшими. – Демон шумно вздохнул, выпустив из ноздрей дым и пламя. – Многих, с кем я спорил, теперь вообще нет ни на каком свете. А мне все кажется, что это было вчера.

– Юношеский максимализм, – тоном опытного психолога подхватила мумия. – Как же, как же, помню.

– А я целиком и полностью поддерживаю милорда Зелга, – отважно заявила душа Таванеля, до сих пор предпочитавшая не вмешиваться в разговор. – Если все действительно случится так, как он предсказывает, что нам останется делать?

– Вы-то, милорд, лучше других должны знать, что никто никуда не хлынет, – проворчал Узандаф. – Зачем же демонам истреблять людей?

– То есть как – зачем? – даже оскорбился Зелг. – Для этого... самого... удовлетворения своих демонических инстинктов. Для – откуда я-то знаю, зачем им это? – того, чтобы причинить зло.

– Обалдеть! – сказал дедушка. – В жизни не слышал ничего подобного. Вы уж простите, ваша честь.

– Ничего, я понимаю, – закивал Бедерхем. – Издержки человеческого воспитания.

– Что ж ты, внучек, в таком случае не нашлешь мор и голод на людей? А потом не поднимешь их из мертвых и не поставишь себе на службу? Ты же потомственный некромант.

– Я...

Зелг хотел возразить, что он – «совсем другое дело», но внезапно прикусил язык.

Действительно, неудобно получилось.

– Если ваша светлость позволит, я бы хотел дать одну маленькую справочку по теме дискуссии, – заявил эльф, известный читателю под именем Залипс Многознай, появляясь из сгустка серого дыма.

– Подслушивал? – строго спросил Узандаф.

– Присутствовал неотлучно на рабочем месте, – поправил его Залипс. – Приказа затыкать уши не поступало.

– Надо еще найти, чем заткнуть эдакие уши, – съязвила

мумия.

Эльф обиженно поджал губы, но огрызнуться не посмел.

Тем временем все обширное пространство библиотеки пришло в движение. Шустро забегали столики с разложенными на них толстенными фолиантами; уютные кресла подобрались поближе к гостям и взбили пышные подушки, приглашая сесть, устроиться поудобнее и обратиться в слух.

Кто-то робко поскребся в двери. Гном, вышедший прямо из книжного шкафа с миниатюрными изданиями, открыл их и посторонился, любезно пропуская внутрь верный Зелгов шестиногий столик для напитков. Тот радостно подбежал к хозяину и замер в ожидании приказов.

Молодой некромант подумал, что столик, верно, станет скучать по нему, когда он отправится на войну. Мелькнула мысль – взять его с собой, но стало страшно, а вдруг с малышом что-нибудь случится? И хотя «малыш» был раз в десять старше его самого, но все же Зелг не мог думать о нем как о старинном предмете обстановки, а считал кем-то вроде собаки или другого домашнего животного.

К великой радости Уэрта да Таванеля, спорхнула откуда-то с потолка фея Гризольда и, выпустив пару колечек дыма, заявила:

– Я тоже послушаю.

Эльф надел на нос круглые очки, аккуратно заправив дужки за огромные уши. Поправил воротничок, одернул манжеты и пригладил ладошкой лысину. Ни дать ни взять – уни-

верситетский профессор на кафедре.

– Итак, господа, как вам должно быть хорошо известно, демонов в природе существует великое множество, и лишь немногие из них обитают в Преисподней, – начал он хорошо поставленным голосом.

Судья Бедерхем нетерпеливо шевельнул крылом, но промолчал.

С другой стороны, не каждому демону выпадает случай прослушать научную лекцию о демонах. С иллюстративным материалом.

* * *

«Демоны. Оптимистический взгляд со стороны».

Выдержки из монументального труда Бутусьи Поппиллиум герцогини да Кассар. Год девять тысяч семьсот двадцать седьмой от Сотворения Ниакроха. Собственный замок.

«Бесконечно опасаясь демонов и вменяя им в вину всякое печальное событие, катастрофу, войну либо собственное супружество, люди неизменно упускают из виду то обстоятельство, что если бы обитатели Преисподней задались целью извести род человеческий, то весь Ниакрох – за небольшим исключением – давно стал бы их царством.

Существа иного происхождения относятся к демонам с

гораздо меньшим предубеждением, чему способствуют традиции, воспитание, хорошее образование и – несомненно – крепкие родственные связи.

Итак, попробуем рассмотреть демонов вблизи и приложим все старания к тому, чтобы оставаться объективными.

Что бросается в глаза прежде всего? Конечно же – суровая, своеобразная внешность, внушительная фигура и твердый характер. Почему-то большинство ученых, не говоря уже об обывателях, тем и ограничиваются, сводя свое общение с представителями этой расы к примитивному причитанию, плачу, завываниям и истерическому повизгиванию. Немудрено, что долгие столетия демоны полагали людей существами неразумными. И поскольку никто не удосужился поговорить с демоном о его любимых литературных произведениях, музыкальных вкусах или гастрономических пристрастиях, то эти подробности не известны народным массам. Вместо того в газетах регулярно пишут, как какой-нибудь демон кого-нибудь пожрал.

Мы не станем отворачиваться от скорбных фактов и делать вид, что их Нет и никогда не было. Да, случается и такое. Но в большинстве своем демоны питаются эмоциями и чувствами. И люди для них – такой же драгоценный источник бытия, каким для людей является плодородная земля или вода.

По этой же причине далеко не все демоны обитают в Пре-

исподней. Многие – особенно же полукровки, потомки смешанных браков – предпочитают селиться по всему Ниакроху, постепенно сливаясь с местными жителями. И хотя не обходится без печальных недоразумений, чаще всего существования разных кровей мирно уживаются бок о бок друг с другом.

Яркий пример взаимного уважения и сотрудничества мы можем наблюдать в герцогстве Кассарийском.

В Аду постоянно находятся демоны преимущественно знатного происхождения, потомственные воители и чародеи, чьи непомерные силы может сдержать только земная твердь. Там они исполняют свой долг, опекая разнообразных тварей и одновременно не позволяя им выбраться на поверхность, в мир людей.

Конечно, у Преисподней, как и у любого другого государства, существуют свои национальные интересы. И они могут не совпадать с национальными интересами других стран, что, естественно, создает для последних определенные трудности. И все же истории известны примеры как победоносных войн, так и успешных дипломатических переговоров с демонами.

Что же касается отдельных представителей данной расы, то среди них попадаются всякие. Этим демоны ничем не отличаются от прочих обитателей нашего мира. Они могут быть невоспитанными, несдержанными и резкими – к тому же размеры и способности им это позволяют. Но

не все они такие. И потому нет смысла падать в обморок, звать на помощь мистиков и экзорцистов, брызгать на гостя бульбяксой и кричать изгонятельные заклинания, как это произошло недавно в одном из кабачков Булли-Толли.

Возможно, демон всего лишь хочет выпить чашечку горячей рялямсы на завтрак и прочитать свежую газету – в Ад ему ее не принесут.

Кстати, собственной прессы в Преисподней нет. Издательское дело идет вразрез с оригинальными местными традициями, и его до сих пор некому наладить (каковой феномен изучению не поддается).

Как войны демоны выше всяких похвал. Если они воюют на вашей стороне, победа почти наверняка обеспечена. Если они воюют против вас, то вы можете быть уверены в их рыцарской верности слову, приверженности давним традициям и понятиям долга и чести.

Что же до тех, кто нарушает неписаные правила, то они становятся изгоями в обоих мирах – подземном и наземном, а значит, законной добычей Гончей Князя Тьмы, Бедерхема Вездесущего...»

– Нет карты, – возмущенно заявил Дотт, материализуясь возле лектора, отчего тот поперхнулся и прервался на полуслове. – Все вверх дном перевернули – нет. То чуть севернее, то чуть южнее. Западнее – пожалуйста. Восточнее – сколько угодно. А Липолесья нет. Интересно, как вы раньше воевали?

– Гораздо интереснее, что скажет на это генерал Такангор, – задумчиво молвил Бедерхем.

Боевые действия всегда разворачиваются на участке местности между двумя смежными картами.

Армейские законы Мерфи

* * *

– Впечатление, что я вижу один и тот же кошмарный сон с продолжением. Продолжение пугает намного больше, – поделился Мадарьяга с друзьями. – Вот только что готовились к войне с Юлейном. Нас было чуть, но и противник ничем особенным не отличался. Во всяком случае, тогда меня оторопь не брала.

– А теперь, значит, берет? – уточнил Думгар.

– Не стану отрицать. Берет. Крепко.

– А вас, князь?

Гампакорта склонил великолепную голову.

– Признаться, да.

– Логично, – заметил голем и снова замолчал.

– Одно дело люди, – продолжал философствовать вампир. – В крайнем случае, закусил бы их королем – он дей-

ствительно аппетитный, – и вся недолга. Только не проговоритесь Зелгу, он этого не перенесет.

– Он всерьез полагает, что ты питаешься растительностью? – весело уточнил оборотень.

– Думаю, что нет. Он же ученый. Но неподъемный том «Комплексная диета вампира» все-таки мне всучил.

– С намеком?

– С надеждой.

– Оправданной?

– Я честно читаю. Второй месяц. Уже дошел до первой страницы.

– Нашел что-то интересное?

– Представляешь, у автора такое смешное имя – Пугарий.

– Книжки духовно обогащают, – сделал вывод оборотень.

– Полагаю, на сей раз нам придется тяжелее, – признал Думгар. – Липолесье – не Кассария, помощи не дождешься. Демоны – не рыцари да Галармона, при всем моем уважении к последним. И хотя они неуклонно соблюдают правила, вероятнее всего, мы проиграем. А условия поражения нам известны: душа Таванеля плюс исчерпывающая информация о пророчестве Каваны и персоне Хранителя.

– В равной степени немислимо, – жестко сказал Гуго Гампакорта. – Я не отдам им сына Лореданы. А он никогда не изменит данному слову.

– Даже не сомневался, – кивнул голем. – Оттого и говорю: берите Уэрта и уходите отсюда, пока не поздно. Если мы вне-

запно и вопреки логике выиграем это сражение, вы немедленно вернетесь. Если же проиграем – вы будете уже далеко. Пускай ищут вас в Канорре.

– Мы уже говорили об этом с Уэртом, – произнес оборотень после длинной паузы. – Я рассказал ему все, ничего не утаил. Но он отказывается покидать Кассарию. Во-первых, он утверждает, что его долг – находиться здесь и ждать назначенного момента, чтобы открыть мессире Зелгу имя Хранителя и место, где его следует искать. Во-вторых, он рыцарь, пусть и бесплотный. И ни за что не оставит своих товарищей накануне войны с превосходящим противником. В-третьих, он влюбился в эту фею. Тут я вообще молчу. Женскую красоту я вижу иначе. Ну а я в любом случае не уйду. Я слишком многим обязан всем вам, и молодому герцогу – более всех.

Думгар щелкнул пальцами, и безмолвные призраки снова наполнили опустевшие кубки.

– Что с пленником? – спросил вдруг Мадарьяга. – С этим самозванцем?

– Что ты и говорил – рассыпался в прах на рассвете.

– Сколько, в самом деле, можно топтать землю?

– Прах же его не поднялся и на вопросы отвечать не стал. Что тут виной – неумение и нежелание мессира Зелга, особенности исходного материала либо вмешательство третьего лица – неизвестно.

– А Карлюза пробовал?

– Пытался, но ему сделалось дурно.

– Значит, стояла защита. И не слабая. Как бы мы ни подшучивали над малышом, а чародей из него выйдет сильный, – заметил вампир. – Как ты думаешь, Гуго?

– Когда мы с Борромелем на него смотрим, – откликнулся оборотень, – мы видим вовсе не малыша, а довольно могущественное существо. Не дракон, конечно, но положиться на него можно.

– Любопытно, – усмехнулся Думгар.

– Жалко, что Зелг не может проявить свою силу и таланты.

– Не может или не хочет? – уточнил Гампакорта.

– И то и другое. В него вколотили мысль о том, что мастерство некроманта – постыдное и преступное занятие, – пояснил Альба Мадарьяга.

– Причем сия мысль совершенно спокойно соседствует с теорией о том, что некромантов нет и быть не может, а все, что рассказывают о Кассарах, – всего лишь слухи и сплетни. – Голем пожал плечами. – Милорд Зелг ученый, но отчего-то он не обнаружил здесь явного противоречия.

– Издержки человеческого воспитания.

– Если он избавится от предвзятых суждений, признает свое происхождение и по-настоящему поверит в себя, мы получим величайшего некроманта и, судя по явлению у Тудасюдамного мостика, наиславнейшего правителя Кассарии. У него блестящее будущее. Главное – чтобы он сам этого захотел. Тут уж никто другой помочь не сумеет.

– Он хороший мальчик, – признал оборотень. – Уэрт от него просто в восторге. Бедерхем – и тот растаял. Даже Борромель ведет себя непривычно: настроен благостно, спокойно и миролюбиво.

– Кстати, где он? – заинтересовался вампир.

– Пьет в «Расторопных телегах».

– А Такангор?

– Пьет, – сообщил один из призраков, прислуживающих за столом. – В «Расторопных телегах». На брудершафт с Борромелем.

– Бьюсь об заклад, Фафетус уже продает билеты у входа.

– Нет, – откликнулся тот же призрак. – Фафетус горестно пьет. У Гописсы.

– С Гописсой?

– Нет, милорд. Гописса отважно пьет с Такангором и Борромелем в «Телегах».

– Полагаю, не стоит спрашивать, где Кехертус и его дядя.

– Лучше не стоит, милорд.

– Я все-таки спрошу.

– Гоняются за амазонками.

– На кой им сдались амазонки?

– Совершенно не нужны. У милорда Кехертуса на них вообще аллергия – оно и понятно, столько лет на такой специфической диете. – Тут призрак уловил легкое движение каменной брови и быстро пояснил: – Просто сегодня в направлении милорда Такангора была совершена тройная брачная

экспансия. Дамы Анарлет, Таризан и Барта в соблазнительных нарядах с особой силой пытались привлечь внимание генерала, исполняя в его честь специально разученный ими танец перлиплютики, с гупотом, топотом и поцокиваниями. После чего безуспешно попытались стать похищенными в лабиринт.

– Ничего не понял, – честно признался ди Гампакорта, не осведомленный о том, какой небывалый успех имел у неприступных амазонок мужественный красавец Такангор.

– Дамы недвусмысленно намекали генералу похитить их и создавали все необходимые условия, но он же герой войны, – с тайной гордостью за весь мужской род поведал призраку. – Отбился. Агрипультгиями ушел от погони и отправился пить в «Телеги».

– Однако же амазонки – великолепные следопыты, – не унимался Гампакорта, которого этот сюжет веселил все больше.

Призрак неодобрительно покосился на знатного гостя. Лично он воспринимал происходящее как драму.

– Истинно так, – ответил он. – Маркиз Борромель рассуждал аналогично. Потому перекрыл дорогу мужественным невестам, стремясь отвести их от милорда Такангора. Однако девы с криками набросились на него и обратили в бегство, а сами продолжили брачные игры.

– Хорошенькие игры, – сказал возмущенный вампир. – Что же вы меня не позвали?

– Господин Крифиан велел вызвать милорда Кехертуса.

– Разумно. И что наши дамы?

– Визжат, – лаконично отвечал слуга. – Ищут надежные укрытия.

– Получается?

– Нет. Дядя Гигапонт, оказывается, чует дам на расстоянии.

– Чем дальше, тем занятнее, – хмыкнул Мадарьяга. – Ну что, где-то нужно брать армию. Без нее никак.

– У меня есть одна идея, – признался голем. – Нам нужен вербовщик. Такой, чтобы добровольцами к нему записывался не всякий сброд, а отборные воины.

Некоторое время вампир сидел неподвижно, что в его случае было равносильно настоящему подвигу.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросил он несколько секунд спустя.

– Больше никому, – отвечал Думгар.

– Господа, простите, что встречаю в ваш диалог с дурацкими расспросами, но о чем вы говорите? – уточнил оборотень.

– Думгар, ты гений! Гуго – ты сидишь за одним столом с подлинным гением. Выпьем же за здоровье Думгара – величайшего из мыслителей и големов. Выпьем за нашу победу, потому что демонам ее не видать! Выпьем за единственного и неповторимого сержанта, который предоставит нам победоносное войско! Как же я мог о нем забыть?

– О ком? – переспросил Гампакорта.

– Я думаю, вы слышали о такой удивительной личности, как Агапий Лилипупс, – предположил Думгар. – Если нет, я удивлюсь. О нем, по-моему, слышал весь Ниакрох.

– Тот самый Лилипупс?

– Да.

– Он же слегка мертв?

– Не без того.

– И вы полагаете, что, если Зелг поднимет его, Лилипупс согласится работать на него?

– Я полагаю, что он истосковался по своей работе, лёжа в могиле. Сейчас он будет работать на кого угодно – лишь бы работа нашлась. Вот кто по-настоящему любил свое дело. У него все пацифисты записывались добровольцами.

– Это что, – мечтательно сказал вампир, улыбнувшись во весь рот, будто вспомнил о чем-то крайне приятном. – Даже я чуть было не вступил в его отряд. Не сержант – поэт! Скажу так: у него даже мухи пешком ходили. А курицы мчались в атаку.

В большинстве случаев не так уж трудно найти толкового офицера, но иногда очень трудно найти толкового сержанта.

Наполеон I Бонапарт

ГЛАВА 9

Агапий Лилипупс вошел в историю строевым шагом.

Выходец из Желвацинии, тролль по национальности, он сделал блестящую карьеру в одной из лучших армий Ниак-роха, пройдя длинный путь от безвестного зеленокожего новобранца до грозного бригадного сержанта, которого до дрожи в коленях боялся весь генералитет.

Если спросить генерала да Галармона, что он думает об Агапии и его безвременной кончине, brave вояка мог бы и прослезиться. Не то от скорби по усопшему, не то от невероятного облегчения.

Наши недостатки являются прямым продолжением наших достоинств, – твердят мудрецы. Вероятно, они правы. Талант Лилипупса стал причиной его смерти. Но не станем утаивать факты, а честно поделимся ими с читателем.

Тролль Агапий Лилипупс от природы был наделен выдающейся мускулатурой, удивительной физической силой и оригинальной со всех точек зрения внешностью.

От троллей он выгодно отличался умом и сообразительностью. От всех прочих – упорством и отвагой. Приплюсуйте сюда дар убеждения, взлелеянный безымянным турагентством, и вы поймете, что лучшего сержанта не сыскать.

Кто всегда болел душой за армию? Кто вызывался добровольцем, когда нужно было идти в разведку? Кто неизменно

удерживал превосходящие силы противника в стратегически важных пунктах? Кто первым поднимался в атаку и увлекал за собою солдат?

Но ярче всего Агапий Лилипупс проявил себя в качестве агитатора и наставника молодежи.

Он умудрялся набрать в армию тех, кто не считал себя пригодным к военной службе; тех, кто спал и видел себя в роли варварского вождя, победителя Всениакрохских спортивных игрищ или выдающегося патологоанатома. Он убеждал глухих упрямец – горных змеев и мог доказать свою правоту циклопам и аздакским великанам, выступающим в другой весовой категории. Ему не перечили сфинксы и химеры и уступали дорогу свирепые василиски.

Легенда гласит, что во время кампании в Пальпах, за час до знаменитого двойного охвата под Кокревкой, в войсках Тиронги, на левом фланге, случилась паника. Положение действительно казалось безвыходным, и даже матерые ветераны, прошедшие с Галармоном не одну войну, утратили веру в себя.

Агапий Лилипупс появился среди солдат за несколько минут до массированного наступления и дружелюбно предложил им выбирать между противником и собой. Для большей ясности он присовокупил, что сильно разочарован и не почитается с потерями.

Солдат должен бояться своего начальника больше,

чем своих врагов.

Клеарх

Воодушевленные до невозможности воины Тиронги в считанные мгновения прорвали оборону растерянного противника, стремясь оставить между собой и добрым наставником как можно больше преград. Они громили и крушили врага, пробиваясь к линии крепостных укреплений, где собирались держать оборону вплоть до подхода основных сил и прибытия генерала да Галармона, который имел достаточно влияния и веса, чтобы уговорить Лилипупса отступить.

Агапий воспитал целую плеяду талантливых военачальников. Многие из них, уже будучи офицерами высшего ранга, не раз с теплой улыбкой вспоминали, как невменяемые жизнелюбы мчались сквозь вражеские порядки, спасаясь от дорогого Лилипупса, преследовавшего их по пятам.

Даже спустя десятилетия ни один из них так и не изобрел лучшего способа прорвать несокрушимую оборону Тут-и-Маргора. И хотя в этой истории они выступали скорее жертвами, нежели героями, никто не пытался исказить истинный ход событий. Знаменитая атака Лилипупса вошла во все военные учебники, и ее без купюр изучали добросовестные курсанты следующих поколений.

Более того, среди старших офицеров тиронгийской армии существовала добрая традиция – раз в год отправляться в Пальпы и там, на развалинах вражеских бастионов, с подбаюющей торжественностью отмечать юбилей своего чудесно-

го избавления от разгневанного бригадного сержанта.

Жертва часто возвращается на место преступления, чтобы повздыхать о старом добром времени.

Веслав Брудзиньский

Поскольку множество бывших подчиненных Лилипупса уже достигли высших воинских званий, ему нередко предлагали пойти на повышение. С ног до головы покрытый славой и наградами тролль мог рассчитывать на приятное жалование и солидную должность при генеральном штабе. Но он неизменно отвечал категорическим отказом, отчего в штабе вздыхали с невероятным облегчением.

День отказа Лилипупса от повышения всегда отмечали с размахом. Вино лилось рекой, играл столичный оркестр, вокруг накрытых столиков милovidными бабочками сновали расфуфыренные служанки. Яства для праздника поставлялись из лучших ресторанов столицы.

Тролль в парадном мундире восседал на почетном месте, и все его бывшие солдаты поднимали за него тосты. Они были обязаны ему жизнью, он вытаскивал их невредимыми из тех переделок, в которых сложили голову их менее удачливые приятели. Те, кому не повезло с сержантом. Они знали, что он пробьется сквозь камень, лед и кипящую лаву, чтобы выручить своих ребят из беды.

Но глядя, как, не задумываясь, отработанным движением, отдают ему честь седовласые полковники и как подтягивают

живот от одного неодобрительного взгляда строгие капитаны – герои прославленных кампаний, штабные служаки понимали, что их снова постигло великое счастье.

Лилипупс отказался!!!! Гип-гип ура!!!

А это значит, что завтра, на рассвете, когда холодный туман еще стелется по мокрой траве и солнце еще не выглянуло из-за горизонта, а ночь не уверена, что пришло время уступать свои права дню, и когда голова будет раскалываться с жесточайшего похмелья, это не их поднимет с постелей громоподобный рев бригадного сержанта:

– Па-а-а-а-адьем – етит вашу бабушку! Армия – стройся!!!

И это настоящее счастье, которого никогда не испытать служившим под началом других командиров.

* * *

Газета «Красный зрачок», № 138

СДЕЛКА ВЕКА!

Двое мошенников приговорены к каторжным работам.

Вчера при королевском дворе Лягубля разразился грандиозный скандал.

Не в меру ретивый хранитель королевской сокровищницы приобрел у двух загадочных антикваров некий артефакт – за весьма внушительную сумму.

Как стало известно в редакции «Красного зрачка», пройдохи втююкали этому пентюху «ту самую знаменитую рийскую корону». Наши любознательные читатели, которые сами спят и видят, как бы заполучить это древнее сокровище, помнят, что обладание рийской короной сулит неисчислимые выгоды ее владельцу, в том числе и вполне пристойное легендарное королевство. Одна беда – туда еще никто не попадал. Или – во всяком случае – оттуда не возвращался.

Хвала Тотису, у покупателя хватило соображения пригласить магов-консультантов. Вердикт был вынесен единогласно. Маги утверждали, что никакого удовольствия, кроме эстетического, от созерцания «короны» не получили. Возможно, она представляет собой некую материальную и художественную ценность, ибо выполнена на высоком уровне из подлинного золота и редких драгоценных камней, однако, во-первых, не является магическим артефактом. А во-вторых, не является рийской короной. Хотя, если судить по дошедшим до нас обрывочным сведениям, мошенники были близки к оригиналу.

*В ваших бедах вам поможет,
Когда никто другой уже не сможет,*

В любое время и погоду

Детективное агентство «КОНЦЫ В ВОДУ».

Не стесняйтесь, не теряйтесь,

К нам всемерно обращайтесь!

Всегда рады вам и вашим проблемам по адресу:

*Тетучепская набережная, голубой дом с каменными льва-
ми.*

Впрочем, как он выглядел, не знает никто.

*А вот как выглядит шедевр антикваров, можно теперь
посмотреть на специальной выставке.*

*«Корона» выставлена на всеобщее обозрение, и, как сообщ-
щает наш корреспондент из Лягубля, поток желающих уви-
деть это «чудо» пока что не иссякает.*

*Схваченные на границе доблестными стражами тамож-
ни, мошенники, которые стремились как можно скорее по-
кинуть пределы страны, утверждали, что и сами были
введены в заблуждение неким загадочным иностранцем, ни
имени, ни звания, ни даже национальности которого на-
звать не сумели.*

Ха! Так мы им и поверили.

*Пройдох ожидал скорый и справедливый суд, который
приговорил их к десяти годам каторжных работ без права
обжалования.*

*«Красный значок» говорит своим читателям: дерзайте.
Рийская корона по-прежнему никому не досталась. Только*

глядите не попадитесь, как мошенники из Лягубля.

* * *

Карлюзин осел был нагружен по самые уши и являл собою смесь оружейной и лавки писчебумажных товаров.

Думгар критическим взглядом окинул нестойкое сооружение у него на спине, затем внимательно пригляделся к двум троглодитам, тут же попытавшимся слиться с пейзажем. Отчего-то голем неизменно производил на них впечатление, аналогичное тому, что Агапий Лилипупс производил на новобранцев: они обращались в шумно дышащие соляные столбы и мелко моргали.

Карлюза был облачен в доспехи, в которых столь успешно атаковал и пленил отряд пикинеров да Галармона. Левалеса тихо гордился вишневым в золотые цветы щегольским панцирем и кольчужным рукавом для защиты хвоста, добытыми в оружейной втайне от всеведущего домоправителя. Его голову украшал фамильный шлем, похожий на скорлупу яйца василиска, каковым он и являлся на самом деле.

Каменный палец уперся чуть ли не в шмыгающий нос.

– Итак, юный Карлюза, далеко ли вы собрались?

– Войну воевать.

– В каком качестве, позвольте полюбопытствовать?

– В незаменимом.

– Собираемся изучавывать демонов в природных условиях, – едва слышно пролепетал Левалеса.

Откровенно говоря, голем полагал, что замок уже кишмя кишит всякими троглодитами. Он неплохо относился к Карлюзе, но был глубоко убежден, что его одного вполне достаточно. А иногда бывает даже слишком. Второй троглодит представлялся ему роскошью чрезмерной и необоснованной.

– Не думаю, что это удачная мысль, – произнес он вслух. – А когда господин Левалеса собирается отбыть на родину? Насколько я понимаю, душа лорда Таванеля больше не нуждается во вместилище и собирается в дальнейшем вести самостоятельную жизнь.

Огромные зеленые глаза с золотистыми искорками немедленно наполнились слезами.

Карлюза отчаянно взмахнул хвостом и заявил:

– Господин Левалеса приглашен мессиром Зелгом навсегда поселиться в замке и лепить здесь гнездо. Будет жить инкогнитой. Ибо...

– Да, да, конечно, – кивнул голем, – это великая тайна. Не беспокойтесь, об этом уже все знают. Даже наши хряки.

– Им я не поуведомлял, – возмущенно потряс головой троглодит. – Вот ему, – и он указал на ослика, который моментально сделал вид, что происходящее его не касается, – сообщил. Он все равно подслушивал. К чему был побужден

стояньем на привязи рядом.

– С этим разобрались, – согласился Думгар, видя, что Карлюза готов и дальше уточнять подробности. – Сейчас я ясно понимаю, что без гнезда нам просто не обойтись. Теперь обратимся к теме войны. Известно ли вам, что демоны – не слишком дружелюбные существа и не всегда готовы оказывать содействие ученым-энтузиастам?

– Грозительным заклинаньем «брысль» в совершенстве обладаю, – скромно напомнил Карлюза.

– Я бы не слишком на него полагался.

– Без нас поле боя потускнеет.

– Даже так?

– Много радости привнесу в битву.

– Я не сомневаюсь, однако...

– Страдаю отличнопольной способностью чинить испорченные повреждения, – быстро выложил Карлюза свой главный козырь.

– Это пригодится и в пределах Кассарии. Совершенно незачем идти на войну.

– Мы с Левалесом намерены не только изучавывать, но и истреблявывать врагов мессира да Кассара. Вносить смятение в их ряды путем дикого визга, возникновения в неподходящих местах и прочей могучей стратегии.

Думгар подумал, что возникать в самых неподходящих местах – конек милого существа. В этом он по-настоящему силен, и составить ему достойную конкуренцию способны

разве что Бургежа с его страстью к интервью да жрец Мардамон.

Кое-кого вспомни, он тут же и появится.

Жрец вырос за спиной у Думгара и сдержанно хихикнул. Кабы не вес и не положение, которое голем вот уже несколько тысячелетий занимал в обществе, он бы подпрыгнул на месте от неожиданности. А так – нет, не подпрыгнул. Только смерил нахала неодобрительным взглядом.

Но Мардамон сиял, как только что отчеканенная золотая рупеза, и неодобрительные взгляды его не беспокоили.

– Я счастлив, – поделился он.

– Вас так и распирает, – согласился Думгар.

– Удивительно точное слово вы подобрали, друг мой! – возопил жрец. – Распирает от радости и гордости. Милорд Такангор сделал мне воистину царский подарок.

Это сообщение произвело надлежащий эффект. Такангор редко делал подарки тем, кто имел несчастье разбудить его самым непочтительным образом.

– Можно узнать – какой?

– Конечно, конечно! – Мардамон прыгал вокруг Думгара, как гоблин в Пальпах. – Он позволил мне принести сколько угодно роскошных, кровавых жертв.

– В самом деле?

– О да! Да!

– И как воспринял эту новость мессир Зелг?

– С энтузиазмом. О да! О да!

– Вы ничего не... перепутали?

– О нет! Нет! О!

Голему надоело слушать несколько однообразные восклицания, и он потребовал подробностей.

Вознеся еще несколько раз хвалу щедрости Такангора и мудрости Зелга, Мардамон в конце концов признался, что минотавр клятвенно пообещал взять его с собой на войну в Липолесье.

– Он подарил мне всех демонов, каких я сумею добыть! – вопил Мардамон, хватая за лапки троглодитов и заставляя их вести хоровод. – Всех! Какая неслыханная щедрость! Какая широта души! И мессир Зелг не потребовал себе ни одного и даже предложил договориться с князьями Мадарьягой и Гампакортой.

– Не представляю, – честно признался Думгар.

– Я тоже не верю своему счастью. Вообразите, легионы тварей преисподней – и все они принадлежат мне, мне одному. Я могу делать с ними, что захочу! Лучшие экземпляры я, само собой, почтительно преподнесу мессиру Зелгу и генералу. Но остальные!!! О!!! Я заново родился на свет! Мне есть для чего жить!

И жрец, попрыгав еще вокруг невозмутимого голема, ускакал в подземелья – делиться радостью с гномами-таксидермистами.

Великие люди делятся на две категории. Одних человечество не хочет забыть. Других – не может.

Владислав Гжещик

– Эх, – горестно вздохнул Ангус да Галармон. – Какое несчастье, что среди нас нет нашего дорогого и всеми любимого Агапия Лилипупса. Как тяжело мы переживаем...

– Говорите за себя, – посоветовал маркиз Гизонга, ежась от воспоминаний, как от сильного холода.

Чего вы хотели? Все отпрыски аристократических родов проходят обязательную службу в армии. И главный казначей – в ту пору еще никакой не казначей и не маркиз, а юный виконт Шушима, которого от солидного наследства отделила толпа из восемнадцати человек старших родственников, – тоже не стал исключением. Собственно, военная служба – единственное место, где находят приют безденежные младшие сыновья знатных семейств.

– Впрочем, вы правь. При известии о надвигающейся войне он за неделю поставил бы под знамена Кассарии отборное, прекрасно вымуштрованное и беспощадное войско.

– А кто этот – Лилипупс? – спросил Юлейн, закрывая газету. – Расскажите мне. Я наверняка слышал это имя, но не

припомню, в связи с чем. Был, кажется, какой-то скандал?

– Не какой-то, – не слишком почтительно отвечал маркиз, поглощенный собственными мыслями, – а грандиозный. Из тех, что приводят к Двухсотлетним войнам и перекраивают историю и географию континентов.

– Вы, сир, были еще совсем дитя, – вставил генерал, невольно умиляясь тому, что и короли приходят в мир несмышлеными младенцами. – Ваш батюшка Нумилий вел затяжную войну с Гриомом, и, признаться, в этой кампании удача не всегда сопутствовала армии Тиронги.

– Да мы чуть не разорились из-за этой войны! – вскричал маркиз, которого повергали в смертельный ужас одни только архивные данные. Его ничуть не удивляло, что тогда за два года сменилось трое главных казначеев.

– О финансовых проблемах мне известно немного меньше, – дипломатично заметил Галармон, – а что до боевых действий, то я являлся их непосредственным участником. И могу сказать, что бывали в нашей истории войны и поприличнее.

Юлейн крутил головой, глядя то на одного, то на другого. Он учил в школьные годы историю, но ни о каком Агапии Лилипупсе она не упоминала.

– Короче говоря, – пояснил граф да Унара, который полагал, что краткость – сестра не только таланта, но и здравого смысла, – мы ждали мирных переговоров нетерпеливее, чем когда-либо. Правда, Тиронга еще могла вести войну, и, ве-

роятно, до победного конца. Но обеим сторонам предоставлялся уникальный шанс прекратить вооруженный конфликт и при этом сохранить лицо. Нужно ли повторять, какими желанными гостями были послы Гриома?

– И что? – с нетерпением спросил Юлейн.

– Агапий Лилипупс – краса и гордость тиронгийской армии – как раз руководил очередным набором добровольцев.

– Он – вербовщик?

– И вербовщик тоже.

– Яркий талант, – не удержался Галармон. – Бригадный сержант. Герой войны. Не знал, куда складывать награды.

– Бригадных сержантов не бывает, – не слишком уверенно сказал король.

– Не бывает, – охотно согласился генерал.

– Что же вы меня путаете?

– Ни в коем случае, ваше величество. Это единственное в своем роде воинское звание было изобретено специально для славного Агапия и после его кончины никому и никогда не присваивалось.

– Он погиб?

– Увы, его казнили.

– Такого героя?!

– Пришлось. Для укрепления дружбы и доверия между народами.

– Посольство Гриома возглавлял наследный принц Амброзий. И надо же было им встретиться на узенькой дорожке.

– Точнее, за барной стойкой, – поправил да Унара, предпочитающий точность во всем.

– Кто встретился? – терпеливо спросил Юлейн, утверждаясь в подозрении, что он единственный здравомыслящий человек в этой комнате.

– Лилипупс и Амброзий, – ответил Галармон. – Амброзий изо всех сил стремился заключить мир, а бригадный сержант Лилипупса; – завербовать еще одного добровольца. По вполне объяснимым причинам приезд гриомского посольства не афишировали, и путешествовали они инкогнито.

– По данным Тайной Службы, – продолжил граф, – Агапий Лилипупс и был тем последним... э-э-э... троллем, который видел наследного принца Амброзия.

– Принц исчез, – пояснил маркиз Гизонга, не дожидаясь, пока его величество задаст очередной вопрос. – Спустился вечером в бар вполне приличной гостиницы пропустить стаканчик-другой перед сном. Охрана сидела за соседним столиком. Когда с принцем заговорил тролль в мундире, его высочество отдал приказ не препятствовать беседе. Они беседовали около получаса, после чего разошлись, крепко пожав друг другу руки. Несколько странно, согласитесь, но вполне законно.

– Я не вижу здесь состава преступления, – ловко ввернул король, нахватавшийся подобных фразочек за неделю Бесстрашного Суда.

– А наутро покои принца Амброзия оказались пусты. Все

вещи, кроме нескольких личных, не представляющих материальной ценности, на месте. Следов борьбы нет. Постель аккуратно застлана.

– Колдовство? – вытаращил глаза Юлейн, постепенно вспоминая, что творилось во дворце, когда внезапно исчез какой-то посланник.

– Магия убеждения, – сказал генерал. – Нечеловеческая харизма. Агапий Лилипупс завербовал наследного принца Гриома. И тот поступил на военную службу добровольцем, в звании рядового армии Тиронги, с ежемесячным жалованьем в одну рупезу. На полное довольствие. Лилипупс никому не платил больше одной рупезы – это был его принцип.

В этом месте главный казначей подумал, что в своего рода гениальности бригадному сержанту все же не отказать. Без него расходы на армию существенно возросли.

– Собственноручно подписал контракт на пять лет, – живописал Галармон дальнейшую судьбу принца, – и отправился воевать против...

– Гриома?! – не поверил его величество.

– В том-то все и дело.

– Разразился страшный скандал, – взял слово да Унара. – Наследника искали по всей стране, подозревали похищение с целью выкупа либо шантажа, заговор Лягубля и гриомских военных, пока однажды, совершенно случайно, не обнаружили в Иллирийском пехотном полку. Он уже навоевал себе медаль за храбрость. Отчаянно сопротивлялся любым по-

пыткам вернуть его в лоно любящей семьи, отбивался по всем правилам рукопашного боя. Учтите, что на его защиту горой встали однополчане. Словом – катастрофа.

– Заметьте, невозможно было допустить членовредительства. Пришлось вызывать магов, но что могут маги, когда там уже поработал Лилипупс?

– Принца с нечеловеческим трудом вывезли на родину, где он, как сообщают наши осведомители, до сих пор процветает в какой-то закрытой частной лечебнице для высокопоставленных пациентов. Говорят, пишет недурственные батальные полотна.

– То-то я думаю, что никогда не слышал ни о каком принце Амброзии.

– Семейная тайна, – коротко и сочувственно пояснил Гизонга. – Несчастное заблудшее дитя.

– А Лилипупса пришлось казнить. Он с пониманием, хотя и без особого восторга отнесся к этому предложению и сложил голову на плахе ради отечества.

Король украдкой промокнул глаза надушенным платочком.

– И поскольку вашему кузену как раз и не важно, жив он или совсем наоборот, то я рискнул выслать с курьером карту, на которой обозначил место погребения такого ценного сотрудника, – невинно заметил граф да Унара.

Когда Зелг впал в состояние «ах-как-плох-сей-мир», он отправлялся в зимний сад. Это волшебное местечко пробуждало в нем любовь к жизни, надежды и вдохновение.

На днях из Желвацнии с оказией прислали каких-то особенно редких черепашек, и герцог решил, что имеет смысл полюбоваться ими до того, как начнется война. Кто знает, что случится после?

Внутризамковый садовник, дендронид Мема, встретил его с искренней радостью. На его долгой памяти Зелг был единственным хозяином поместья, который не лез в дела с ненужными замечаниями, не цитировал полезные советы из популярных журналов и не совал под нос «Энциклопедию юного садовода». Одним словом, вел себя как воплощенная мечта любого садовника, а на прошлой неделе с энтузиазмом поддержал идею прорастить голубой мох на парковых дорожках.

Сам Мема питал слабость ко мхам и лишайникам, но до появления в Кассарии молодого наследника никак не мог найти единомышленников.

Отворив тяжелую бронзовую дверь, Зелг очутился в волшебном царстве. Здесь росли могучие деревья, пышные кустарники и экзотические цветы. Тут раскинулись поля папоротников и мелкие рукотворные озера, поросшие камышом

и лотосом. Заливисто щебетали крохотные, с ноготок, яркие птицы; порхали мотыльки; журчала вода; кряхтели лягушки; в огромном трехъярусном бассейне сновали пестрые рыбки, и копались в песке черепахи. По причудливой глыбе ракушечника обстоятельно полз пышный плющ.

– Здравствуйте, милорд. – Мема помахал ему веткой с какой-то скалы. – Сейчас подстригу кустик и приду. Или вы специально явились – для уединения и тишины?

– Нет, что вы! То есть, конечно, для тишины и отдохновения – подумать пришел, но вы обязательно спускайтесь.

Отдых – редкая возможность подумать о делах.

Ген. Малкин

Некромант устроился на бортике бассейна и загляделся на рыбок. Эх, вот если бы и он мог на время оставить суетный мир и так же беззаботно резвиться среди раковин и кораллов, меж пышной растительности, над дюнами серебристого песка.

– Гляжу, вы не в настроении, – утвердил Мема, отряхивая с веточек свежую землю. – Что так?

– А вы разве еще не слышали? Опять война.

– Нехорошо, – согласился садовник. – Только вам все равно нельзя относиться к этому так, будто ее могло и не быть.

– Что вы хотите сказать?

– Что хочу, то и говорю, – брякнул Мема, который, как и все дендрюиды, не понимал, отчего люди напридумывали

столько условностей, иносказаний, вторых и третьих смыслов, когда нормальное существо должно изъясняться коротко, ясно и доходчиво. – Еще ни одному кассарийцу – это я о ваших славных пращурах – не удалось прожить жизнь в мире и спокойствии. И у вас не получится. Все воюют, и Кассария не исключение. Просто они сражаются за земли и золото, а мы – за могущество и власть, какие смертным и не снились. Потому и противники у нас соответственные.

– Какие смертным и не снились, – вздохнул некромант.

– Вы сами все понимаете. Так издревле повелось, что кто-нибудь обязательно ввяжется в войну с Кассарией: или демон, или дракон, или прекрасная ведьма, или особо опасный чародей.

– А мы всегда побеждали?

– В том-то и штука. Это как с Кровавой паялпой – чем дольше держится чемпион, чем больше у него побед, тем больше находится желающих помериться с ним силами.

– Глупо как-то.

– Только не говорите об этом милорду Такангору.

– Мема, скажите, про прекрасную ведьму – это тоже правда? Или все-таки поэтический вымысел?

– Я стихами не балуюсь, – строго сказал дендроид. – У меня своих дел по горло.

– Я думал, ведьмы бывают только в сказках.

– Хорошенькое дело, – изумился садовник. – Вас с утра до вечера окружают големы, демоны, странствующие души,

феи, вампиры и оборотни. И среди всего этого – здрастье вам – именно несчастные ведьмы отчего-то кажутся вам нереальными. А чем именно они вам не угодили?

– Дело не в том, угодили или нет. Просто я еще не слышал ни об одной ведьме.

– А мадам Мумеза вам кто? Невинный птенчик? Робкий цветик на полянке?

– Тогда уж скорее – волчья ягодка, – не удержался Зелг, припоминая грозную тещу Иоффы. – Только я был не в курсе, что она...

– Ничего особенного тут нет, – развел Мема всеми ветками. – Я – садовник, Гописса – трактирщик, Иоффа – староста, а Мумеза – ведьма. Профессии бывают разные. Правда, она хоть и сильна, но до вашей бабушки Бутусьи ей далеко. Как говорится – до небес на дохлом вавилобстере.

Зелг дал себе честное слово сходить в портретную галерею с кем-нибудь образованным и внимательно его выслушать. Список предков стремительно пополнялся неучтенными бабушками-ведьмами, демонессами и оборотнями. Кто женится на таких особах, находясь в здравом уме и твердой памяти?

– Ах, – сказал мудрый дендронд, то ли угадав его мысли, то ли сам думая о том же, – любовь не спрашивает позволения. Вот я когда-то увидел свой, цветочек и сразу пропал. Стоит – ствол тонкий, веточки стройные, листва пышная, изумрудная, а глазки – два озерца. Так и тонешь, так и

тонешь.

Герцог оживился. Разговор обещал стать интересным. О глазах, ресницах, улыбке, тонком стане и прочих девичьих прелестях он был готов рассуждать часами. Он даже подумал, что стоит прочесть садовнику свое последнее стихотворение. Однако ему мешал странный звук, похожий на смесь мелодичного звона и легкого жужжания.

– В ушах что-то звенит, – виновато улыбнулся он.

– Оно, конечно, звенит, когда всякие феи станут размахивать крыльями, – пробурчал Мема. – Крутят шашни. А некоторые повадились цветы рвать, будто для них посажено. Ничего, в другой раз изловлю, не посмотрю, что рыцарь, что прозрачный – такое возмездие закачу за порчу герцогских садов, что Ад родным покажется.

Подул легкий ветерок, и возле Зелга появилась смущенно улыбающаяся душа лорда Таванеля.

– Осторожно! – завопил дендроид, вконец осерчав. – Вы чуть не сдули дядю Гигапонта.

Присутствие дяди Гигапонта в зимнем саду стало сюрпризом не только для Гризольды и ее воздыхателя, но и для самого Зелга.

Если Думгар пребывал в твердой уверенности, что замок с недавних пор кишит троглодитами, то герцог полагал, что он под самую завязку набит дядей Гигапонтом.

За завтраком он его «чуть было не толкнул», за обедом «чуть было не сел на его место», за вчерашним ужином «пе-

ребил на самом интересном месте». Ближе к полуночи пострадавший некромант забился в музыкальную комнату, где, как выяснилось, тоже оказался дядя Гигапонт, которого он «внезапно разбудил странными звуками, которые по ошибке полагал музыкой».

– Прошу прощения, милорды, – расстроился рыцарь. – Я не имел намерений оскорбить невниманием милорда Гигапонта и вовсе не желал нарушить уединение вашего высочества.

Зелг чуть было не брякнул, что не может быть уединения в замке, где гостят всякие невидимые дяди, но невероятным усилием воли не дал словам вырваться наружу. И только кряхтел, как беременный барсук, застрявший в узкой норе.

– Мы с прекрасной Гризольдой... – пустился рыцарь в объяснения, очевидно полагая, что обязан подробно отчитаться перед герцогом, но фея его решительно перебила:

– Мы с Уэртом осматриваем замок, где ему предстоит жить. В принципе, ему понравилось. Только вот шпалеры в вашей спальне, дружок, нагнали на него отвращение и тоску.

– Гризя! – укоризненно воскликнул деликатный лорд.

– Нет уж, увольте! – забасила фея. – Не Гризя лепила на стены этот унылый кошмар.

– Но Гризя же!

– Нет-нет, вы оба совершенно правы, – вскинулся Зелг, которому новая тема была ничуть не менее близка, чем предыдущая. – Я много раз повторял Думгару, что мне хо-

телось бы просыпаться в другом интерьере. Более веселом, жизнерадостном, что ли. Я понимаю, что существуют такие понятия, как имидж, создание образа, поддержание реюме. Но это мои личные покои! Там, надеюсь, никто не станет водить экскурсии. Могу я получить обычную занавеску в голубенький горошек или не могу?! Кто здесь Кассар, хотел бы я знать!

Мема наклонился к какому-то цветку и простоял молча пару минут. Затем выпрямился и сообщил:

– Своим криком вы огорчили дядю Гигапонта. Он уходит от нас в библиотеку.

– Мои глубочайшие извинения, – молвил герцог, обращаясь к тому же цветку.

– Я тоже пойду, – сказала душа. – Мне очень неловко.

– Оставайтесь, – предложил некромант. – Я все равно собирался просить Гризольду устроить нам встречу. А здесь даже лучше – тихо, спокойно, красота вокруг. Я здесь душой отдыхаю.

– Я тоже, – усмехнулся Уэрт.

И Зелг подумал, что он хороший парень и с ним стоит подружиться.

* * *

Если сострадательного читателя волнует судьба дяди Гигапонта, чей отдых с пугающим постоянством бывал нарушен вне зависимости от того, где он пытался спрятаться, признаемся сразу: в библиотеке он надолго не задержался. Там и без него хватало народа.

Гигапонт постоял, посмотрел не без любопытства, что здесь творится, и отправился дальше – искать укромное местечко, где приличный паук средних лет, временно не ищущий приключений, может поспать после сытного обеда.

А вот мы останемся.

Помнится, еще в школе начинающих летописцев призывают уделять внимание времени, месту и обстоятельствам происходящего. И хотя мало кто в наше время верит в преимущества школьного образования, но в редких случаях и оно может оказаться полезным.

Я прихожу в бешенство от одной мысли о том, сколько бы я всего узнал, если бы не ходил в школу.

Дж. Б. Шоу

Итак, место действия – библиотека. Время действия – подготовка к битве в Липолесье. Обстоятельства действия – полное отсутствие необходимых карт во всех библиотеках страны и ближнего (по меркам шустрых библиотечных эльфов) зарубежья.

Действующие лица:

Такангор (очень недовольный обстоятельствами);

Узандаф Ламальва да Кассар (недовольный тем, что услышал от Такангора в связи с открывшимися обстоятельствами);

доктор Дотт (пытающийся дословно запомнить все, что сказал Такангор Узандафу в связи с открывшимися обстоятельствами);

демон Бедерхем (привлеченный в качестве эксперта по Липолесью, духовно обогащенный после общения с недовольным Такангором);

дядя Гигапонт (проездом в спальню Мадарьяги);

Кехертус (довольный дополнительной встречей с любимым дядей);

Альба Мадарьяга и Гуго ди Гампакорта (изумленные тем, что можно услышать от благовоспитанного минотавра, недовольного обстоятельствами);

Думгар (невозмутимый);

Крифриан; узник в золотой клетке, а также библиотечные работники, слуги, феи, предметы мебелировки.

Все шахматные, журнальные и закусочные столики в компании кресел и стульев жались к стенам огромного помещения, освобождая пространство в самом его центре. Несколько взволнованных фей жужжали над мастерски сработанной иллюзией, которую создавали по воспоминаниям очевидцев и литературным источникам.

– Вот тут – река, а тут два холма, – ворчал Узандаф, – я прекрасно помню.

– Нет, друг мой, – ворковал Бедерхем. – Память у вас блестящая, но в данном случае вы заблуждаетесь. Холмы чуть ниже. А здесь река образует излучину, за которой стоит небольшой лесок.

– Хорошо, – говорил доктор Дотт. – А куда вы дели озеро? Было там озеро?

– Было, – хором соглашались стратеги.

– И где же оно?

– И не забудьте поместить между лесом и холмами равнину, – рекомендовал Думгар. – Будет весьма обидно, если милорд Такангор узнает о равнине в ходе сражения.

Бедерхем тревожно оглянулся на голема. Он представил себе, что сделает с ним пылкий минотавр, когда обнаружит присутствие неучтенной на макете равнины, и нервно замахал хвостом.

– Вот еще горная гряда, – кашлянула мумия. – Здесь нужно возвести горную гряду.

Пристроившись в углу, под стеллажом с энциклопедиями и рекламными буклетиками, гном-секретарь строчил пятый по счету запрос в Большую Адскую библиотеку имени Князя Тьмы. Одному из его помощников пришло в голову, что в Преисподней вполне может отыскаться необходимая карта, а дух профессиональной солидарности не позволит тамошним сотрудникам ответить отказом.

Они и не отказывали. Невнятно бубнили, что вопрос рассматривается; затем – что вопрос изучается. На третье пись-

мо пришел уж и вовсе невразумительный ответ, что запрос изучается глубоко и всесторонне и в самое ближайшее время будет решен положительно.

Курьер поделился впечатлением, что в самой большой и полной библиотеке Преисподней царит примерно та же суматоха и паника, какая случилась в аналогичном кассарийском учреждении, когда сюда ворвался недовольный генерал Топотан.

«Вопрос изучается» – означает, что соответствующая папка утеряна. «Вопрос активно изучается» – это значит, что мы пытаемся ее отыскать.

Джонатан Линн, Энтони Джей

Генерал Топотан сидел в кресле с прямой спинкой и смотрел на участников процесса тяжелым взглядом.

Настроение его слегка улучшилось, когда Мадарьяга и Гампакорта принесли ему радостное известие о том, что из ведомства графа да Унара пришла срочная депеша и теперь они знают точное место погребения знаменитого Лилипупса.

Воспитанный в лабиринте мадам Топотан не мог избежать изучения военной истории в целом и покорения Пальп и прорыва обороны Тут-и-Маргора – в частности. Мунемея искренне полагала, что Агапий Лилипупс воодушевлял и вдохновлял войска.

Словом, одно только упоминание знакомого имени подействовало на Такангора как добрый глоток свежей бульбяксы

и побудило его действовать – то есть окрылять всех, кто повернется под руку, без оглядки на лица.

Когда обнаружилось, что карты Липолесья в замке нет и не было, он еще не слишком огорчился, а предложил, чтобы кто-нибудь из магов перебросил его туда-обратно, дабы он как следует осмотрелся на незнакомой местности, прикинул, как расставить войска и в том случае, если их будет катастрофически мало, и в том, если столько, сколько ему бы хотелось.

Вот тут и выяснилось, что правила категорически запрещают воюющим сторонам появляться на месте, отведенном для битвы, вплоть до самого ее начала. Нарушать правила благородный Такангор не стал, но обрушил всю силу мино-таврского народного гнева на горе-полководцев и горе-архивариусов Кассарии. Так что те с нетерпением ждали начала войны, рассчитывая, что столкновение с демонами немного отвлечет генерала от их скромных персон.

Правая рука Такангора лежала на большой золотой благоустроенной клетке.

В клетке бушевал лауреат Пухлицерской премии.

ГЛАВА 10

Газета «Королевский паникер», № 146

ПАНИКУЕМ?!!

Встревоженный специальный корреспондент вашей любимой газеты принес волнующее сообщение: глубокое молчание, уклончивые обещания и строжайшая секретность – вот отныне девиз правителей Кассарии.

Что же произошло в вотчине некромантов, что побудило либерального Зелга да Кассара изгнать из замка всех журналистов? Вопиющее нарушение закона о свободе поговорить и пописать было санкционировано не только молодым герцогом, но и всей правящей верхушкой, включая национального героя Тиронги генерала Топотана.

Он самолично и собственноручно ускорял процесс сборов и отъезда представителей прессы, которым так и не рассказали, чем же закончилось последнее, самое сенсационное дело нынешнего Бесстрашного Суда – тяжба между лордом Уэртом Орельеном да Таванелем и его душой.

«Никаких комментариев» – вот единственный ответ, которого удалось добиться нашему корреспонденту.

По непроверенным данным, лауреат Пухлицерской премии, главный редактор самого популярного журнала Тиронги Бургежса находится под домашним арестом.

ПОГРЕМИМ КОСТЯМИ?

Бар «Зловещие близнецы» собирает друзей на празднование своего трехсотлетнего юбилея.

В программе: танцевальные номера, подарки, лотереи и конкурсы.

Косвенной причиной для паники может явиться и срочный проезд в столицу его величества Юлейна со свитой.

Мы полагаем, что отъезд его величества из Кассарии был внезапным и незапланированным, что наводит на грустные размышления.

Королевский кортеж ворвался в Булли-Толли с неприличной поспешностью, без пышной торжественности, присущей таким важным событиям, как возвращение монарха под крышу родного дворца. И хотя дворецкий Гегава вышел к собравшимся у дворца представителям прессы и зачитал обращение его величества Юлейна Благодушиного, в котором говорилось, что наш повелитель прекрасно отдохнул в гостях у кузена и с новыми силами приступил к исполнению своих обязанностей, во дворце – как стало нам известно из источников, близких к ее величеству Кукамуне, – царит не слишком радостная и напряженная атмосфера.

Безотлагательно!

Куплю загадочный дворик со злой собакой.

*Или сниму на лето у хозяина.
Посредникам сердито откажу.*

Более того, одна маленькая птичка шепнула нам, что при дворе ходят упорные слухи об отставке главнокомандующего тиронгийской армией, героя многих войн, любимца публики – генерала Ангуса да Галармона.

Сей слух представляется нам самым неправдоподобным, но если он подтвердится, то тогда у нас с вами есть все основания, чтобы запаниковать.

* * *

Добросердечному Зелгу было крайне неловко напоминать несчастной душе о страданиях, вынесенных ею сперва в мрачном королевстве Генсена, затем – в Преисподней, а после – во власти неведомого Нечто, сущности и природы коего не понял ни один из присутствующих на Бесстрашном Суде. Однако другого выхода он не видел. Нужно же с чего-то начинать.

Видимо, славный рыцарь понимал причину, по которой его разговор с кассарийским некромантом не клеился вот уже добрые полчаса. Герцог ходил кругами, по несколько раз извинялся и все время краснел, но никак не мог решиться

задать главные вопросы.

То ли дело – граф да Унара, вспоминал лорд с теплотой. Быстро, четко, логично, без всяких эмоций выяснил обстоятельства дела; продиктовал комментарии писцу; велел сделать к утру три экземпляра для мессира Зелга и столько же – для себя.

Разговаривать с профессионалом, лишенным сочувствия – во всяком случае, в момент исполнения обязанностей, – оказалось легче и приятнее, чем с сострадающим кассарийцем. Зелг боялся обидеть Таванеля, Таванель опасался расстроить лорда, и этому не было бы конца, когда б в беседу не вмешалась решительная Гризольда.

– Галя, – заявила она, послушав, как ее личный некромант пытается настолько иносказательно выразить какую-то мысль, что, кажется, и сам уже потерял ее в лабиринтах слов, – Галя, позвольте вам откровенно заявить – так дело не пойдет. Немедленно перестаньте формулировать ваши дурацкие вопросы.

– Гризья! – всплеснул руками Таванель, с обожанием глядя на свою даму.

Он и сам полагал, что дело не пойдет, а вопросы не отличаются логичностью, но врожденная деликатность, усугубленная рыцарским кодексом, мешала ему делать такие резкие заявления.

А эту вот быстроту и остроту ее ума, присущую только выдающимся военачальникам, он заметил и особо оценил еще

в первый день их памятной встречи в винном погребе.

Теперь влюбленные охотно наведывались в этот уединенный уголок замка. Лорд любил вспоминать, как он впервые увидел божественную Гризю с трубкой в зубах. Его даму влекли туда и более прозаические причины.

– Придется мне взять на себя обязанности толмача, – сказала фея, подумав. – А ты не вмешивайся, иначе вы тут до ночи будете виновато похрюкивать и скромно помалкивать.

Вы не спрашивайте, а вы не говорите.

Сэмюэл Пани

– Э-э-э... м-м-м... – вовремя вставил Зелг.

– Его высочество с радостью согласился, – быстро перевела Гризольда.

– Дело в том, дорогая... – осторожно начал лорд.

– Лорд Таванель понятия не имеет, кто или что пленило его, когда он вырвался из Преисподней благодаря помощи отважного князя ди Гампакорты, – оттарабанила дама, словно заученный урок. – А я бы охотно процитировала нашего любезного графа да Унара, который советует все неприятности решать по мере поступления.

Лично у меня присутствие этой силы оставило самые неприятные – если не сказать больше – впечатления. Но она исчезла, растворилась, смылась. То ли убоялась Кассарии, то ли увидела все, что хотела, – особой разницы нет. Главное сейчас – справиться с вашими потусторонними родствен-

ничками. А уж после займемся персоной похитителя. И я не завидую ему, когда мы до него доберемся.

– Я просто подумал, что милорд желает подробнее знать...

– не отступалась душа.

Гризольда решительным жестом пресекла слабые потуги любимого. Кому, как не ей – личной фее герцога, лучше знать, что он сейчас спросит. И, не дожидаясь, пока Зелг снова замычит нечто невразумительное, пояснила:

– Уэрт имеет в виду, что вопросы о Бэхитехвальде и Хранителе сейчас ему ставить бесполезно. И дело вовсе не в переживаниях, как вы непременно подумаете, а в том, что пророчество Каваны строго указывает на необходимость выждать вплоть до поворотного момента в истории. К тому же он рыцарь-кельмот и связан клятвой, данной им великому магистру.

Зелг хотел было напомнить Таванелю, что мессир Барбазон д'Удетто скорее мертв, нежели жив. И орден давно разогнан. А потому необходимость соблюдать клятвы представляется по меньшей мере нелогичной, особенно если учесть, что бесценные сведения, которыми он владеет, могут повлиять на судьбу множества ныне живущих существ.

Эх, добраться бы до этой самой Каваны, которая портит столько крови и нервов своими глупыми запретами, и напустить на нее Мардамона. Тогда бы она сразу поняла, что такое поворотный момент в истории.

И тут какой-то демон, не иначе, дернул герцога за язык.

– Но все-таки, что это за Кавана такая? – спросил он, радуясь, что его вопрос никоим образом не задевает несчастную душу.

Судя по немому крику, отразившемуся в огромных, чистых глазах души, это замечание всколыхнуло ее гораздо сильнее, нежели предполагал Зелг. Было видно, что лорд едва не спросил: «Как, вы не знаете, что такое пророчество Каваны?» – но сдержался невероятным усилием воли. Обвинять собеседника в невежестве, пусть даже косвенно, ему не позволяло воспитание.

Что же до Гризольды, то не такой у нее был характер, чтобы позволить своему воспитанию чего-то ей не позволить.

Если у феи появлялась мысль, она ее непременно озвучивала.

– Как?! – возопила она, и лорд подумал, что у него все равно не вышло бы так убедительно и эмоционально. – Как это вы до сих пор не знаете, что такое пророчество Каваны? Ради интереса, выйдем сейчас на улицу, заглянем хоть в «Расторопные телеги», хоть в «Посошок» и зададим вопрос любому из посетителей – что оно такое. Бьюсь об заклад на любую бутылку из ваших погребов, что он ответит. Но сперва обязательно вытирашит глаза, вот как я только что, и непременно уточнит...

– Не надо. – Зелг умоляюще выставил ладони. – Не надо. Я уже слышал, как это звучит.

– Как?

– Громко, очень громко и очень недоуменно.

– Никому и в голову не придет, что великий кассарийский некромант может не знать элементарных вещей.

– Ах, оставьте, – обозлился герцог. – Никакой я не великий и не некромант.

– Но – кассарийский же.

– Куда деваться.

– А если кассарийский, то и некромант, и великий.

– Позвольте, я пролью свет на этот вопрос, – сумел-таки произнести Уэрт, и Зелг благодарно улыбнулся отважному спасителю.

– Сделайте одолжение.

* * *

Земля Каваны считается такой же легендарной, как и великое королевство Рийя. Предание гласит, что они лежат на таинственном материке Корх, по ту сторону необъятного Бусионического океана, которого не пересекал еще ни один смертный.

Возможно, божества и демоны время от времени посещают сии экзотические места, но они предпочитают благоразумно помалкивать, и напрасно неистовые картографы и завзятые историки настойчиво пытаются всучить им собствен-

ную душу в обмен на уникальные сведения. По какой-то причине подобные сделки никого не заинтересовали, в результате ни одно серьезное научное издание до сих пор не опубликовало сколько-нибудь достоверных трудов на эту тему.

Зато маги, жрецы, колдуны, шаманы и прочие их коллеги готовы часами говорить о Каване.

Древняя раса пророков, канувшая в небытие задолго до того, как братья Гахагуны захватили власть в Тиронге, оставила после себя таинственный артефакт, названный «Пророчеством Каваны».

От всех прочих предсказаний, которые представляют любую судьбу как цепь неотвратимых и неизбежных событий, оно отличается многовариантностью.

Не осталось ни летописных источников, ни свидетельств очевидцев, однако чародеи Ниакроха из уст в уста передают легенду о том, что пророчества Каваны записаны в нескольких огромных Книгах. Книги сии имеют обыкновение сами определять, какими будут обстоятельства их жизни; сами выбирают себе владельцев и сами решают, что прорицать, а что навсегда оставить в тайне. Есть у них и еще одна невероятная особенность: страницы сих Книг по большей части девственно пусты. И лишь когда случится какое-то ключевое событие, несколько листов заполняются текстом прорицания, действительным только при определенных условиях.

Таким образом пророчество Каваны непрерывно изменяется.

Будущее, согласно верованиям расы предсказателей, зависит только от того, какой путь изберет смертный либо бессмертный. Ибо все равны перед лицом неумолимой логической связи своих поступков и их последствий.

По слухам, последнюю Книгу Каваны видели около двенадцати веков назад в сокровищнице императора Пупсидия, откуда она исчезла при зловещих и загадочных обстоятельствах, разглашать которые император запретил под страхом смертной казни.

Главный же фокус прорицания заключается в том, что выбор любого существа должен быть осмысленным и – важнейшее – добровольным. По этой причине в ключевые, кризисные моменты Книги Каваны закрываются, а разглашение их текстов категорически запрещено, каковое запрещение подтверждено мощным заклятием древних крохских магов-полубогов.

Никто из пребывающих в Ниакрохе в любой ипостаси, будь то смертный, бессмертный, не-мертвый, созданный волшебством либо нерожденный, не смеет нарушить этот запрет. Так всегда было и так всегда будет, пока Тотис не очнется от своего векового сна.

* * *

– Теперь вы видите, мессир, отчего я не могу ни с кем поделиться своим знанием, – печально вздохнул Таванель. – Поверьте, оно не приносит мне радости. Я бы сказал – оно выжигает меня изнутри, но долг велит мне молчать. Что я и делаю. И рассчитываю на ваше великодушие и понимание. К тому же, как метко заметила несравненная Гризольда, я связан клятвой, которую принес великому магистру ордена кельмотов.

Тут Зелг все-таки не выдержал.

– Не думаю, что магистр Барбазон в данном случае требовал бы ее исполнения.

Лорд посмотрел на него как на слабоумного – с симпатией и сожалением.

– Магистр Барбазон усоп, – мягко напомнил он.

– Ну?

– А я имею в виду ныне здравствующего главу. Или вы, следом за графом да Унара, убеждены, что Хойта ин Энганца мог бы свалить такого колосса, каким являлся орден кельмотов? Конечно же нет. Вы ученый и просто здравомыслящий человек. Да, многие сложили головы в те смутные времена. Многие умерли на чужбине. Кто-то до сих пор, вероятно, скитается по Ядоносным пустошам и Серым мирам, и я скорблю об их судьбе. Но остальные-то живы. Просто теперь они в тени. И поверьте, ваше высочество, никогда еще орден не имел такого – простите за невольный каламбур – великого, великого магистра.

* * *

Граф да Унара не принимал никого, но подобные запреты не касаются королевских особ, казначеев, главнокомандующих и печальных бурмасингеров.

Юлейн рассеянно ковырял пальцем перочистку, пока в какой-то момент не отвлекся, и тогда граф ловко стащил ее из-под самого его носа.

Казначей и бурмасингер резались в популярную в нынешнем сезоне игру «Замок на замке».

– Скажите, друг мой, положи руку на сердце, – начал Галармон после долгой неловкой паузы, – как вы оцениваете положение нашего кассарийского соседа?

– Как заведомо невыгодное, проигрышное во всех отношениях и незавидное, – отвечал граф, который прежде всего ценил в формулировках простоту и ясность, а уже во вторую очередь – деликатность.

– Когда же мы отдадим приказ войскам? – спросил прямодушный генерал.

– Тиронга не заинтересована в оказании военной помощи Кассарии, – пояснил да Унара, не отводя глаз.

Галармон напрягся:

– Я не понимаю.

– Видите ли, ваше превосходительство, государственные интересы Тиронги не предполагают победу какой-либо из враждующих сторон. С точки зрения большой политики – гораздо лучше, если кассариец будет постоянно воевать с могущественными противниками, которые ослабят его мощь и отвлекут внимание от нашей страны.

– Засуньте вашу большую политику под хвост старой кляче, – от души посоветовал генерал. – Не ожидал, что вы решитесь произнести вслух нечто подобное.

Главный бурмасингер поворчал что-то из-за спины непосредственного начальства. Присутствующим показалось, что он это самое начальство как бы сдержанно порицал.

– Противно, – не стал отпираться начальник Тайной Службы. – Не спорю. Но печальная правда состоит в том, что каким бы долговечным ни оказался его высочество Зелг, Тиронга и Кассария проживут дольше. И потому для меня на первый план выходят не личные, а общегосударственные интересы. Вкратце, наше положение таково: никогда, за всю летописную историю Ниакроха, демоны (а также прочие могущественные существа нечеловеческого происхождения) не угрожали нашей стране. Впрочем, ни одной другой тоже. Спросите любого специалиста, сведущего в мистике и магии, и он охотно пояснит вам: насколько демоны опасны любому отдельному человеку, настолько они безопасны человечеству в целом. Ибо мы – залог их нормального, беззаботного существования. Каждый из нас в отдельности не может

ни предложить им что-то особенное, кроме своей души, ни отнять необходимое.

А вот кассариец и подобные ему, коих в мире насчитываются единицы, – те рассчитываются с миром всемогущих существ по абсолютно иному счету.

Бэхитехвальд и его нерожденный король, Князь Тьмы, то неведомое, но оттого не менее опасное существо, которое появлялось в замке мессира Зелга, – все они жаждут овладеть могуществом Кассарии. Выпить его. Уничтожить. Вознести на небывалые высоты. У них свои игры, генерал. Нам не чета.

И граф небрежным движением передвинул на красное поле фигуру окончательно затосковавшего бурмасингера, который как раз открыл рот, чтобы объявить, что сдается.

– Вы проиграли, маркиз, – сказал да Унара. – Ваш замок пал.

– Вижу, – пробурчал Гизонга. – А зачем было вмешиваться?

– Так всегда бывает, – скромно заметил господин Фафут. – Кажется, победа уже в кармане и вдруг – рр-раз! Кто-то обязательно вмешается.

– Вы никогда не задумывались, отчего войны, которые вела Кассария под самым нашим боком, никогда нас не касались? – продолжал невыносимо откровенный граф.

– Нет, – одними губами отвечал генерал.

– Оттого, любезный друг мой, что существует неглас-

ная договоренность между простыми смертными и могущественными существами. Мы разносим наши интересы во времени и пространстве. Мы не принимаем ничью сторону. За это нас не трогают. Нам позволяют жить.

– Это унижительно, – сдвинул брови храбрый рыцарь. – Ваше величество, отчего вы молчите?

– Молчу, потому что я такой же подлец, как и достойный граф, – пожал плечами король, ломая перо на мелкие кусочки. – Потому что меня сызмальства готовили ко всей этой мерзости. Потому что я, кажется, с молоком матери впитал главную мудрость: если однажды Кассария рухнет, Тиронга вздохнет спокойно.

– Мы в этой ситуации, как крохотное государство, вроде Илгалийского княжества, которое оказалось зажато между двумя враждующими империями, – пояснил да Унара.

Малым государствам можно прибегать к любым способам, чтобы выжить.

Исократ

Тут король на минуту отвлекся, и граф стянул со стола оставшиеся перья, бумагу и хрустальное пресс-папье.

Огорченное величество поискало взглядом, чего бы покрутить в пальцах и поломать, но не обнаружило ничего подходящего и насупилось.

– Если кто-то высушит силу Кассарии, мы будем ему только признательны, – громко и отдельно повторил да Унара,

будто вколачивал гвозди в крышку гроба, в котором похоронили дружбу и уважение генерала да Галармона.

– То есть приказ войскам отдан не будет, – уточнил до-тошный Ангус.

– Ни в коем случае, милорд.

– Там каждый лишний меч на вес золота.

– Мы не имеем права отправлять людей на такую войну, откуда им заведомо не вернуться, – пожал плечами маркиз Гизонга. – Вы представляете себе хотя бы одного безумца, который решится противостоять сверхъестественному врагу?

– Это объективная реальность, – произнес начальник Тайной Службы Тиронга. – А субъективная реальность заключается в том, что все мы любим милорда да Кассара и многим ему обязаны.

– И Тиронга, – напомнил Галармон.

– И Тиронга тоже.

Генерал ждал продолжения, но оно не последовало.

– В таком случае, ваше величество, – решительно сказал первый рыцарь королевства, – прошу принять мою немедленную отставку.

– Чего-то подобного я и ждал от вас, – признался грустный король, нервно дергая кружевные манжеты.

– Вы ее примете? – спросил почему-то главный казначей.

– Вне всякого сомнения, – сказал Юлейн, гордо вскидывая голову. – Граф, верните же мне перо и бумагу! Что за

детские шалости?

И, царапая витиеватую подпись под прошением Галармона, внезапно произнес:

– Тотис свидетель, как я вам завидую, мой дорогой.

* * *

Газета «Королевский паникер», № 146

ЧУДОВИЩЕ ЛАМАХОЛОТА

Вымысел или реальность?

Новости науки.

Вот и еще одна, семнадцатая по счету экспедиция благополучно исчезла у горного озера Ламахолот, где, по слухам, водится коварное и кровожадное чудовище.

Время от времени в редакцию «Королевского паникера» приходят письма от местных жителей с интересными свидетельствами и удачными зарисовками.

Сотрудники редакции ознакомлены с семьдесятю пятью вариантами изображения огромного спинного гребня либо плавника, который торчит над водами озера. Также мы располагаем недурной коллекцией рисунков отпечатков лап. Отпечатки сильно разнятся, что придает каждому самобытному рисунку особую ценность.

Итак, мы спрашиваем, существует ли в природе монстр Ламахолота или это очередные ухищрения пронырливых турагентств, которые не гнушаются никакими способами, чтобы завлечь доверчивых клиентов?

У нас нет чудодейственной мази от ушибов!

У нас нет целебного снадобья от мозолей.

У нас нет средства от больной спины.

Мы идем туда, откуда не возвращаются.

СЛАБО ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ВАШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ?!!

Нежить, бессмертных и героев просьба не беспокоиться.

Запись по вторникам, на старой пристани. Спросить Химу.

За разъяснениями мы обратились к нашему постоянному консультанту, известному в Тиронге чародею и писателю, автору многих научно-популярных брошюр, господину Пунавитусу Хухе.

К. П.: Господин Хуха, как вы расцениваете постоянно появляющиеся в прессе сообщения о том, что в озере Ламахолот водится кровожадное чудовище?

П. Х.: С изрядной долей скепсиса. Видите ли, даже в пределах цивилизованной и благоустроенной Тиронги проживает достаточно много существ, которых в просторечии принято звать монстрами. Однако никто из них не таится.

Обитая в естественных условиях, они повышают уровень развития туризма, приносят доход казне. К тому же почти все они, за исключением самых примитивных и потому социально опасных, выплачивают налог со mzды, взимаемой ими с местных жителей. Отчего же зверь Ламахолота, коли он существует в действительности, так старательно прячется?

Очаровательная свиноматка организует вашим отпрыскам счастливое детство.

К. П.: Может, он не хочет платить налог?

П. X. (со скорбной усмешкой): А кто хочет? Но главный казначей Тиронги работает так самоотверженно и продуктивно, что желание либо нежелание среднего гражданина, включая существ нечеловеческого происхождения, в том числе и монстров, не имеет значения. Ибо есть инструкция. Есть закон. Я, например, законопослушный гражданин. А вы?

К. П. (быстро соглашаясь): А как же! Но мы отклонились от темы. Итак, вы полагаете, что монстр Ламахолота – не более чем очередная выдумка.

П. X. (запальчиво): Ничего мы не отклонились, юноша. Кабы чудовище озера имело место быть, маркиз Гизонга обложил бы его налогом либо штрафом за неуплату оного. Выводы делайте сами.

К. П.: Ну что же, благодарим вас за интересную и содержательную беседу.

Р. С. Из достоверных источников нам стало известно, что на днях сам достойный Пунавитус Хуха как раз имел небольшие неприятности, связанные с ведомством господина главного казначея.

ВНИМАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛОВ И ЛЮБИТЕЛЕЙ!

Объявляется дополнительный летний набор на заочные курсы душегубов.

Не только теория! Солидные частные спонсоры и патронирующие организации обеспечивают практику.

Выпускников трудоустроим по специальности.

Ваша любимая газета придерживается золотого правила – доверять профессионалам и мастерам своего дела.

Что же до пропавшей экспедиции, то глава научного департамента Тиронги уже сделал официальное заявление, согласно которому ее участники бесцельно разбрелись по округе, плененные красотами горного озера и прелестями местных дикарок. Жалованье им не будет выплачиваться вплоть до возвращения и предоставления подробного отчета о проделанной работе.

Ангус да Галармон дописал завещание, поставил внизу личную печать, присыпал чернила песком, сложил вчетверо плотный желтоватый лист и засунул его в конверт. Затем нагрел над пламенем свечи палочку зеленого сургуча, к которому всегда питал маленькую слабость, и уронил солидную зеленую кляксу, припечатав ее печатью уже фамильной.

Все свое движимое и недвижимое имущество он оставлял любимому воспитаннику, лейтенанту Эмсу Саланзерпу, с просьбой выделить для обитателей замка Кассария милые их сердцу безделицы, которые они пожелают иметь в память о нем, буде вообще пожелают.

Отдельным пунктом просил холить и лелеять верного амарифского жеребца, состарившегося в битвах и походах и доживающего свой век на конюшне. Этому коню генерал был обязан жизнью в самом прямом смысле слова и содрогался от одной только мысли о том, что верного друга могут обидеть.

Саланзерпу он верил, как самому себе, а все же никогда не помешает оговорить подробности.

Затем отставной генерал перечитал рецепт клюквенной подливы и пришел в благодное расположение духа.

Он поднялся из-за стола, окинул прощальным взглядом

уютный кабинет, в котором так редко работал и, откровенно говоря, больше работать не рассчитывал. Как всякий истинный воин, Ангус да Галармон был склонен здраво оценивать свои шансы в предстоящем сражении.

Что сказать? С такими шансами он бы ни за что не сделал ставки на Кровавой паялпе – зачем разбазаривать жалованье?

Но сейчас речь шла совсем о других материях, и он ничуть не колебался, не взвешивал «за» и «против». Все было предельно просто и ясно. Оставалось только проститься со старыми друзьями.

Они ждали его во дворе. Слегка хмельные, веселые, самые родные. Те, с кем он прошел не одну славную кампанию, с кем бился плечом к плечу и спина к спине, с кем проливал кровь и пил за победу. Все уже далеко не молоды; ранняя седина тронула виски, заставив их посеребриться. Бледные рубцы старых шрамов особенно ярко выделяются на загорелых физиономиях.

Галармон почувствовал, что сейчас прослезится. Говорить в такой ситуации затруднительно, молчать – неприлично. Впрочем, тяжкий труд произнести речь принял на себя молодой Саланзерп. Речь его не показалась генералу ни длинной, ни вразумительной.

– Мы готовы, – сказал Эмс весело.

Собственно, это было все.

– Что-то ты сегодня долго собираешься, – укорил капитан

Ржалис, плавно покачиваясь в седле.

От него приятно и знакомо пахло желвацинским молодым вином, до которого он был большой охотник.

Ангус хотел указать рыцарю Ржалису на недопустимость подобного тона в отношении старшего по званию в присутствии младших по званию, но вовремя вспомнил, что у него самого никаких званий больше нет.

– Поехали скорее, – попросил узкоглазый тифантиец, полковник Уизбек Райри Тинн, назначенный преемником Галармона. – Пока они там не разобрались, что к чему. Не думаю, что кто-то станет нас сильно преследовать или наказывать, но лучше смыться от греха подальше.

– А что к чему? – подозрительно спросил Ангус, хорошо знавший своих талантливов подчиненных.

– Да так, – дернул плечом Уизбек. – Не обращай внимания.

– Полковник!

– Уже генерал.

– Прости. Забыл. Но я все равно желаю слышать ваши объяснения.

– Все по дороге.

Знает ли наш просвещенный читатель, что пассивный словарный запас у людей значительно разнообразнее, нежели активный? Активный невелик, компактен и рассчитан на моментальные реакции. Потому неудивительно, что абсолютно разные существа порой произносят совершенно оди-

наковые фразы.

– Итак, – спросил Галармон, ведать не ведая, что подобная сцена недавно разыгралась в Кассарии, – итак, юный Саланзерп. Далеко ли вы собрались?

– Папа Ангус, – счастливо рассмеялся лейтенант. – Оставь свой начальственный тон. Ты у нас нынче частное лицо.

– Я подозреваю, что я к тому же и несчастное лицо, – проворчал тот.

– Приказать остаться дома ты нам уже не можешь, – объяснил Уизбек. – А упросить тебе не удастся. Убеждать даже не пытайся. Ты что, правда веришь, что мы тебя покинем?

– Поехали, поехали, – поддакнул Эмс. – Это что, завещание? В чью пользу? В мою? Про коня написать не забыл? А попросить, чтобы я не отказывал кассарийцам в мелких безделушках, если они вдруг решат взять их на память? Нет? Хорошо. Спрячь, потом на привале почитаем, вместе посмеемся.

– Я не тронусь с места, пока мне кто-нибудь не объяснит, что происходит, – уперся Ангус.

Хотя он уже наверняка знал что.

– Дались тебе эти ненужные подробности, – отмахнулся Уизбек. – Ну, вступил я в должность главнокомандующего. Навестил твой, то бишь свой кабинет. Скажу откровенно – иногда следует бывать и во дворце, а то в твоих апартаментах царит сплошной мрак и запустение. Что еще? Распорядился перевесить ковры, отполировать стол и налить чернил в

чернильницы. И первым делом подписал парочку приказов о предоставлении отпуска тем, кто хотел получить этот отпуск незамедлительно. Заодно подмахнул прошение о собственной отставке и засунул среди прочих бумаг. Если они спохватятся, может случиться большой конфуз.

– Вы хоть понимаете, куда я направляюсь?

– Не ты, а мы.

– Вы уверены, что здраво оцениваете ситуацию?

– Генерал, – сказал Райри Тинн, улыбаясь так, что его глаза сузились до щелочек, – давно хотел сказать тебе, да все как-то откладывал. Ты знаешь, что ты редкостный зануда?

– Едем, ребята заждались.

Капитан Ржалис ободряюще похлопал старого друга по плечу. Шутка ли сказать – терпеть выходки вчерашних подчиненных и не иметь возможности им возразить. Не всякий вынесет такой поворот судьбы. Эта мысль вполне логично породила следующую, и добрый Ржалис протянул Галармону свою знаменитую фляжку.

В полку поговаривали, что она заговоренная и туда спокойно умещается половина стандартного ведра. Заговоренная или нет, но капитан с ней никогда не расставался, и она никогда не бывала пустой.

Ангус приложился к фляге и сделал добрый глоток. Ему сразу полегчало. Он подумал, что, окажись сам на месте своих товарищей, ни за что не покинул бы их в трудную минуту. Что же дает ему право думать, что они могли поступить

иначе?

Генерал считал, что в нем живет и ждет своего часа великий кулинар, а вот оратором себя не мнил. Красноречием он не страдал, в знаниях иностранных языков замечен не был. Словом, он ограничился крепким рукопожатием.

Немногочисленная прислуга собралась у ворот, по старой традиции провожая своего хозяина в дорогу. Плакала няня, непрерывно кланялся желвацинский повар, привезенный из давнего похода, и успокаивающе махал верный конюх.

Генерал тронул коленями коня. Послушное животное переступило стройными ногами и вышло за ворота.

Мы забыли сказать, что чуждый светских условностей рыцарь, жизнь которого большей частью проходила далеко от столицы, обитал в небольшом уютном особнячке на краю старого парка. Место тут было тихое и немногочисленное, а мощенная голубыми плитами площадь с милым фонтанчиком – постоянно пуста. Разве что гуляли по ней толстые, довольные жизнью пухнапейчики, которых здесь почти никто не беспокоил.

Но сейчас Галармону показалось, что глаза его подводят. Привычной площади за воротами он не обнаружил. Свободного места не нашлось ни пяди, бесплотный призрак и тот вынужден был бы протискиваться между всадниками – так плотно они стояли.

Стройные ряды закованных в серебряную броню шеннан-

зинских рыцарей, лучшая тяжелая кавалерия западных земель выстроилась перед своим генералом. Полк смотрелся как на королевском параде. Сверкали щиты, украшенные фамильными гербами; едва слышно бряцало оружие; звякала конская упряжь. И трепетал на ветру треугольный флажок – золотой лев на небесно-голубом поле, – известный далеко за пределами Тиронги.

– Что это? – спросил потрясенный Галармон.

И полковник Узбек Райри Тинн, лихо отдав ему честь, отвечал громко и четко, как отвечал обычно в строю:

– Отпускники!

ГЛАВА 11

– Это всегда так или только в самом начале? – спросил Такангор, щедрою рукою наливая генералу полную кружку мугагского.

– Что именно?

– Ну, вот тосковал по сражениям, с удовольствием вспоминал, а как наладилась новая война, так сразу поник духом. Нет, я сам искренне рад – а то застоялся, как конь в стойле. Но за других переживаю. Милорд Зелг бегаёт по замку встопорщенный, Карлюза с Левалесой в герои намылились – не удержать мальцов. А куда им против демонов? Уши на-выпуск, глаза навывают. Кажется, вот только что делал смотр войскам, чтобы помутузить вашу армию, и снова нужно от-рывать всех от семьи, от любимого дела. Неуютно на душе.

И минотавр приложил руки к животу, определяя положение собственной души.

– Всегда, – мурлыкнул опытный Галармон, наслаждаясь волшебным напитком. – Причем постоянно кажется, что вот еще чуть-чуть, и привыкнешь, притерпишься. Ан нет, все как в первый раз. За себя не так страшно, как за подчиненных. И думать об этом нельзя. Категорически запрещено, иначе проиграешь сражение. Как говаривал дед Агига: не разбив чьих-нибудь яиц, не сделаешь яичницы. И не думать об этом тоже невозможно. Вот такие пироги.

– Податься, что ли, в странствующие рыцари? – вздохнул добрый Такангор. – Маменька как-то обмолвились, что папенька долгое время работал странствующим рыцарем. Слава, конечно, не та, но и отвечать нужно только за себя, что не в пример легче.

– А кто будет отвечать за них? – И Ангус мотнул головой в сторону окна, за которым обитатели замка, как умели, готовились к войне.

Кехертус, как заведенный, ткал шатры. Ему внезапно пришло на ум, что в обществе демонов просто неприлично появляться без шикарных шатров из изысканной шелковой паутины. Дядя Гигапонт помогал племяннику, взяв на себя самую сложную, кропотливую работу вышивальщика.

Карлюза с Левалесой бубнили заклинания. Ветераны «Великой Тякюсении» отрабатывали боевые приемы под началом полковника Уизбека и капитана Ржалиса. Эмс Саланзерп тренировал кавалеристов и кентавров на той самой равнине, где они познакомились, приучая их действовать сплоченно и слаженно. Кентавры, в свою очередь, учили рыцарей распивать горячительные напитки на всем скаку, без отрыва, так сказать, от основного занятия.

Мардамон доводил серповидный нож до идеального состояния.

Остальных не было видно с вершины башни, где прославленные генералы закатали маленький междусобойчик, но они наверняка знали, что каждый житель Кассарии собира-

ется внести свою скромную лепту в благородное дело борьбы с Князем Тьмы.

– Да, – кивнул Такангор, опрокидывая в себя кувшин под восхищенным взглядом коллеги. – Кто-то должен. Иначе они примутся наперебой заниматься благородным самопожертвованием и художественным плетением корзиночек. А нужно жертвовать противником и заняться производством вражеских флагов.

– Это еще зачем?

– Как зачем? – изумился практичный минотавр. – Всех великих воинов принято отправлять в последний путь, укрыв флагом. Откроем палаточку с погребальными принадлежностями прямо у подножия горы. Место я уже присмотрел. Очень удобно: и на безопасном расстоянии, и недалеко от поля битвы. Нужно только разнообразить товар. Набуцкаем сотенку демонов, от покупателей не будет отбоя. В первый день окупим все затраты. И дядя Гигапонт опять же при деле.

– Даже боюсь думать, что будет, если мы проиграем эту войну, – признался Ангус.

– Это не беда, – заявил минотавр. – Обращусь к маменьке и начнем по новой. Тогда поглядим, что они запоют.

Если мы проиграем эту войну, я начну другую, под фамилией своей жены.

Моше Даян

– Вы думаете?

– Я не думаю. – Такангор уставился на собеседника алым глазом. – Я уверен. Но с кирпича в рукаве приличные люди войну не начинают. Давайте дадим им шанс.

Он собрался сказать что-то еще, но в люке появилась голова призрака с выпученными глазами. Казалось, его кто-то напугал.

– Прошу прощения, милорды. Милорд Такангор! – молвил призрак. – Вас желает видеть дама Цица.

* * *

Зелг выбирал необходимый минимум из книги заклинаний против демонов под названием «Справочник культурного диалога» под чутким руководством Думгара. Дедушка Узандаф куда-то смылся на втором часу занятий, сославшись на страшную занятость.

Перед молодым некромантом стояла на столе полная чашка травяного отвара, усиливающего магические способности. Усиления способностей герцог не замечал, а вот состояние духа заметно улучшилось, из чего он сделал вывод, что его отпаивают успокоительным. А может, причина заключалась в чашке – той самой, голубой, в мелкий синий цветочек, которую он когда-то поднял из осколков, даровав ей следующую жизнь.

Зелгу казалось, что с тех пор благодарный сосуд испытывает к нему особенную симпатию. Такие вещи не принято произносить вслух – не ровен час, обвинят в безумии. Но любой чай в ней оказывался крепче и слаще, рялямса – пикантнее, а травяной настой – вкуснее и никогда не горчил. Кроме того, все напитки становились не горячими и не холодными, а именно такими, как любил некромант.

Он сделал небольшой глоток и перевернул страницу.

Думгар – этот колосс экономической науки – подсчитывал расходы за неделю, методично щелкая счетами, костяшки которых были выполнены в виде разноцветных черепов. Равномерный этот перестук не раздражал Зелга, а напротив – успокаивал. Ему становилось уютно и тепло на душе.

Идиллия не может длиться вечно, сказал бы мудрец.

Какое там вечно? Обычно она не длится и нескольких часов.

Очередная костяшка легла на свое место с ужасающим грохотом, от которого подпрыгнули: Зелг – на кресле, чашка (едва не расплескав содержимое) – на письменном столе и наш старый знакомец, симпатичный столик для напитков, мирно дремавший все это время возле хозяина, поджав под себя шесть ножек.

Даже авантажный голем отреагировал движением бровей.

У дальней стены кабинета образовалась ярко-синяя свещающаяся арка. Изумительной красоты, ажурная, украшенная причудливыми узорами и увитая сотканными из света плю-

щом и цветами, она произвела необходимый эффект. Присутствующие определенно заинтересовались.

И тогда из арки выступило диковинное, опасное на первый взгляд существо. Оно превосходило размерами даже такого немаленького человека, как Зелг да Кассар; его короткие трехпалые руки бугрились мускулами, которых не постеснялся бы любой, кроме Такангора, чемпион Кровавой паялпы; крохотные глазки терялись на жутковатой морде, украшенной шипами, выростами и чешуей. Массивную шею защищал костяной воротник. Спинной гребень стоял торчком и переливался всеми цветами радуги.

Тварь скалилась, обнажая частокол прекрасных зубов хищника. К тому же она едва удерживала на весу громадный сундук с бронзовыми, покрытыми патиной накладками, приседая под его непомерной тяжестью. На шее у существа висело большое, начертанное красными рунами объявление: «Дружелюбное создание».

Раздался свист, какой производит обычно арбалетный болт либо тяжелый меч.

Кулак голема замер в воздухе, в дюйме от уродливой головы.

– Верный, славный Думгар, – произнес мелодичный женский голос. Его обладательница слегка растягивала букву «с», будто состояла в родстве со змеями либо суровым Цигрой. – Все такой же великий воин. Вижу, здесь все по-прежнему. Хорошо-то как!!!

И существо, тревожно перетаптываясь на кривых лапах под неумолимым каменным кулаком, возвестило:

– Вас желает видеть дама Моубрай.

Зелг изумился разнообразию и непредсказуемости женских капризов: зачем бы это бабушке-демонице путешествовать в сундуке.

* * *

Женщины для меня, как слоны: смотреть на них – сплошное удовольствие. Но свой слон мне не нужен.

Уильям Клод Филдс

– Зачем дама? Какая дама? Тут амазонки переходят все границы, понимаешь, бесчинствуют под «Расторопными телегами». Не нужно мне никакой дамы! – горячо запротестовал Такангор, но было уже поздно.

Властным движением пройдя сквозь несчастного призрака, из люка появилась Она.

Во всяком случае, по законам классической литературы именно тут предполагаются: обмен горящими взглядами; шумные вдохи-выдохи; смущенное теребленье мелких предметов, имевших несчастье попасться под руку; перемирание с ноги на ногу; а также мелодичный звон кифар, порхание

несанкционированных мотыльков, стеснение в груди, бие-ние сердец и прочие атрибуты бессмертной любви с первого взгляда.

Забудьте эти глупости.

Да, она была хороша собой, и даже Ангус да Галармон, не слишком сведущий в красоте минотаврих, мог подтвердить, что дама Цица произвела на него незабываемое впечатление.

Во-первых, она была грандиозна, как и все представите-ли ее племени. Высокий рост, статная фигура, стройные, но мощные ноги, крутые бедра и пышная грудь делали ее же-ланным объектом для художников и скульпторов, ищущих утраченное вдохновение.

Золотисто-рыжая шерстка покрывала великолепное тело; синие глаза под длинными ресницами сверкали как звезды – простите за избитость метафоры, но что еще сверкает ярче? Кокетливая кучерявая челка доходила до самой переносицы. На безмятежном лбу сияла яркая белая отметина. Золотые с камушками наконечники украшали мощные рога.

Но если славный генерал не являлся знатоком женской красоты, то в доспехах разбирался отменно. И восторжен-ный свист, который он издал при виде дамы, относился не столько к ее безупречным физическим данным, сколько к оружию и латам.

– Ого! – сказал Галармон, любуясь сияющими поножами, инкрустированным панцирем и великолепным двуручным мечом, который поднял бы далеко не всякий солдат прослав-

ленного Иллирийского головного полка.

– Вот тебе раз, – согласился настоящий джентльмен Такангор.

Правда, его замечание касалось скорее фигуры, чем доспехов.

Однако он сразу спохватился и велел строго:

– Меня что – никто не слышал? Проводите, пожалуйста, эту цацу. То есть – Цицу. Барышня! Я никого не принимаю, автографов, аудиенций и уроков рукопашного боя не даю. Жениться в ближайшее время не собираюсь, образцом дамы полагаю свою маменьку – а с ней не всякий дракон уживется, не то что невестка.

– Добрый день, милорд Такангор, – сказала цаца.

Голос у нее оказался звучный, как пение боевых труб. Таким голосом хорошо поднимать воинов в атаку и напоминать поутру мужу, что он забыл купить молоко.

– Нет, не добрый, – решительно возразил минотавр. – Знаю-знаю, сначала «добрый день», потом вы захотите присесть, ибо устали с дальней дороги; затем генерал, как истинный рыцарь, предложит вам выпить. Затем сюда заявится этот женолюб Дотт и осыплет вас комплиментами. Потом прибредет мессир Зелг, и вы непременно сообщите ему о своем желании остаться в замке и приносить всемерную пользу, а он не сможет вам отказать. Так вот я заранее решительно против.

– Вы не слишком любезны, – сказала дама.

Однако чуткий наблюдатель уловил бы в ее голосе и взгляде явное одобрение.

– Да! Я – нет – не любезен. Когда я бываю любезен, это приводит к непоправимым последствиям.

Словно иллюстрируя последнее высказывание минотавра, во дворе появились три наряженные, причесанные амазонки – Анарлет, Таризан и Барта.

– Вы не видели милорда Такангора? – спросила Таризан, хватая за полу плаща проходившего мимо Ржалиса.

Знаменитый на весь Булли-Толли поединщик, гуляка и повеса с первого взгляда оценил расположение сил и, скроив постную физиономию, промолвил:

– Славный генерал Топотан только что отправился в паломничество к храму Беспорочной Чистоты и Одиночества. Как, вам не сказали? Бегите скорее, вы еще можете его догнать.

Девы, шумно дыша, устремились к воротам.

– Барышни! – крикнул Ржалис им вслед. – А я никак не могу заменить милорда Такангора? Нет? Я почему-то так и подумал.

И он направился в сторону харчевни «На посошок», где после вчерашней попойки ему открыли кредит и сделали десятипроцентную скидку на все напитки. Однако булочки, пышки и блинчики господина Гописсы тоже пришлись ему по вкусу, так что сегодня бравый капитан собирался ужинать до скидки на все сдобные изделия.

Жизнь в Кассарии ему определенно нравилась, и он с каждым днем все лучше понимал обожаемого монарха, стремившегося в гости к кузену всей душой.

Ржалис не многого требовал от жизни: надежное оружие, бутылку вина, сытный ужин, покладистую и нетребовательную, желательно – безымянную деву; и в самом конце – легкую смерть.

Дело в том, что десять лет восемь месяцев и шестнадцать дней назад он вздохнул полной грудью, расправил плечи и больше никогда и ничего не боялся.

Тем временем в башне Такангор проводил стремительно удаляющихся амазонок грустным взглядом.

– И так каждый день, – пожаловался он Галармону. – Были бы добры молодцы, стукнул бы их пару раз, да и дело с концом. А это ведь нежные девы, бублихулу им на голову. Ничем их, птичек, не убедишь. Не прибегать же к ласке.

Лучший способ убеждения – это принуждение.

Армейская мудрость

– Непорядок, – молвила дама Цица, поигрывая двуручным мечом.

Ее лаконичность понравилась обоим генералам. К тому же облик гостьи ужасно напоминал Такангору маменьку. И он уже гораздо лучше понимал, отчего папенька отказался в свое время от выгодной и почетной работы странствующего рыцаря, остепенился и осел в Малых Пегасиках.

Но он тут же твердо сказал себе, что впереди – масса дел и свершений, что он еще крайне молод и вообще – на носу война с Преисподней, а это вам не комар начихал.

– Прошу прощения, – заявил он сурово, – но у нас с коллегой военный совет.

– Я понимаю, – кивнула дама прелестной головкой. – Это важно. Один вопрос.

– Один – можно.

– Это ваше «Вот тебе раз!» следует понимать в положительном или отрицательном смысле?

– В положительном, – объяснил честный Такангор. – В противном случае я бы произнес «Эге!».

– Я запомню, – пообещала Цица. – Всего хорошего, господа.

Когда она исчезла в люке, Галармон хлопнул еще кружку и заявил:

– Давай на брудершафт!

– Давай!

Чокнулись, выпили.

Затем Ангус налил по новой и произнес тост:

– Да ты просто стойк! За стойков!

– А я как раз думаю, что в свете предстоящих событий нам не помешает в войске еще один минотавр. Ты заметил, как она держала меч?

– Профессионально. Да и меч редкостный.

– Вот-вот. Но маменька говорят, что женщина должна

обладать ангельским терпением и дьявольской настойчивостью. От себя добавлю – иначе ей не место под черным знаменем Кассарии.

* * *

Разумеется, бабушки в сундуке не оказалось. Она вышла из портала сама, приветливо улыбаясь Думгару.

Сундук по-прежнему оставался загадкой.

– Ваше высочество! – Голем тепло улыбнулся и отвесил поклон. – Вы, как всегда, очаровательны и неотразимы.

Моубрай кокетливо взмахнула ресницами:

– Где же мой внук? Познакомь нас скорее.

Надо заметить, что в ту секунду, когда раздался взрыв энергии, образующей портал, у Зелга в руке возник комок сиреневого пламени. Тот самый, которым он так ловко отбивал атаки Ловца Душ во время исторической битвы с Бэхи-техвальдом.

Прочитав табличку «Дружелюбное создание», он не отправил его прямехонько в лоб нежданному посетителю, а теперь не знал, куда девать. Дело в том, что такие шарики образовывались у него самопроизвольно, природы их не определил ни один специалист, включая доку Узандафа и всезнающих мороков, и как их утилизировать в случае ненадобно-

сти, герцогу никто не мог подсказать.

– Дай мне, – попросила Моубрай. – Не бойся.

Зелг смотрел на нее во все глаза. Примерно так же, как Такангор – на даму Цицу.

Как же хороша была эта демонесса! Ее формы вызывали у молодого некроманта легкое головокружение. Взгляд огромных ярко-желтых миндалевидных глаз сводил с ума.

Пышные серебристо-белые волосы шелковым плащом ниспадали до подколенок. Стройные ножки, едва прикрытые золотой кольчужной юбкой, были обуты в сапожки, сотканые из лепестков и тончайших шелковых нитей. Ее гладкая блестящая кожа больше всего напоминала змеиную – с такой же мелкой темно-зеленой плотной чешуей.

– Дай мне, – спокойно и повелительно повторила красавица.

И он осторожно, словно воздушный поцелуй, послал ей сгусток пламени.

Моубрай поймала его с той легкостью, с какой дядя Ги-гапонт добивался расположения очередной дамы сердца, то есть невероятной. И отправила в рот.

Зелг поперхнулся приветственной фразой, а демонесса задумалась на миг, закрыла глаза, затем облизнулась и молвила:

– Вкусно. Пожалуй, это самое вкусное из того, что мне когда-либо доводилось пробовать.

Герцог знал выражение «питаться энергией», но ему ни-

кто не говорил, что его можно употреблять не только в переносном, но и в прямом смысле.

– Ты используешь неизвестную мне неклассическую магию, – утвердила прекрасная бабушка.

– Я вообще не использую магию, – признался самокритичный внук.

– Да, да, конечно. А как я выгляжу?

– Прекрасно! – искренне отвечал герцог.

– Какая у меня кожа? – не отставала Моубрай.

– Зеленая, чешуйчатая.

– А волосы?

– Как снег на вершинах Гилленхорма.

– А глаза?

– Как луна над озером.

– Странно, – сказала дама и задумалась.

– Вы видите себя иначе? – спросил Зелг, который, в принципе, был готов к любому ответу.

Она с любопытством оглядела его.

– Нет, не в этом дело, дружок. Видишь ли, всего несколько существ на поверхности земли и пара демонов Преисподней могут видеть мой истинный облик. На моем веку только Думгар, слепой Гампакорта и еще одна... один рыцарь – в принципе, не важно, кто именно, – умели отличать иллюзию от реальности. И лишь Князь Тьмы, судья Бедерхем да мой шестиголовый папочка неподвластны моим чарам.

Причем с папочкой, то есть твоим прапра... – и так да-

лее – дедушкой, получилась смешная история. Пять его голов абсолютно внушаемы. Я могу заколдовать их в любой момент. А вот шестая видит самую суть. Остальные считают ее сумасшедшей, однако Каванах доверяет только ей и только, с ней обсуждает важные дела.

Одна голова не только хорошо, но и вполне достаточно.

Е. Свистунов

– Бедняга! – посочувствовал некромант, которому и с одной головой хлопот хватало выше крыши.

– Отсюда вопрос, – не унималась Моубрай. – Какую магию используешь ты, дружок, если твой взгляд способен проникать иллюзию превосходного качества с той же легкостью, что взгляд высших демонов, потомка древних богов и существа, которое неведомо кто, когда и по какой причине создал.

– Кто у нас потомок древних богов? – заинтересовался Зелг.

– Я же говорила – это не столь важно. Тем более что его давно уже нет на свете.

– А...

– А что касается твоего неразрушимого домоправителя, я тоже не откажусь послушать, когда и зачем он появился на свет. Впрочем, я уже смирилась с мыслью, что кану в небытие, не разгадав этой тайны. И могу только надеяться, что однажды, спустя тысячелетия, вспомнив обо мне, Дум-

гар улыбнется. Не правда ли?

И величественный голем согласно кивнул головой.

– Правда, моя принцесса.

– Однако оставим загадки на более спокойное и благоприятное время. Пора поговорить о том, зачем я пришла.

– Полагаю, чтобы увидеть вашего внука, потомка его высочества Барбеллы, – предположил Думгар. – Дабы познакомиться с ним не на поле боя и не с оружием в руках, а так, как должно.

При упоминании имени давно умершего супруга спокойное лицо Моубрай на мгновение исказила гримаса боли. И Зелг понял, отчего эту прекрасную женщину прозвали некогда Яростной. Неистовый гнев, отчаянная скорбь и адовы муки были ведомы ей, пережившей свою единственную любовь. И она ненавидела судьбу, неподвластную даже повелителям огненной геенны, и мстила ей, не страшась хитросплетений и потерь, ибо не мыслила утраты страшнее.

Живущие тысячелетиями демоны не слишком боялись перестать быть. Самые большие жизнелюбы вроде Борромеля, Астрофеля и бесхитростного Кальфона – и те спокойно относились к мысли о том, что они не вечны, хотя и долговечны до неприличия. Моубрай даже от них отличалась великолепным презрением к смерти.

Однако встреча со странным, нелепым, очаровательным потомком что-то изменила в душе вельможной демоницы. Она и впрямь пришла всего лишь полюбопытствовать, кто

нынче занимает трон Кассарии, соблюсти долг перед тем, в чьих жилах текла кровь да Кассаров, но случилось так, что этот правнук великого Барбеллы произвел на нее совершенно особенное впечатление.

Моубрай не была бы одной из владычиц Преисподней, кабы не умела читать сокровенные письма. И ей лучше других было видно, что Кассария не просто приняла Зелга, но и расположена к нему всей душою – или тем, что заменяет душу такого сакрального пространства. Что величественные, могущественные, талантливые существа, коим уготована необычайная судьба, охотно служат ему – и с еще большей охотой дарят его своей дружбой и любовью.

Что-то такое было в этом наследнике древних чародеев, чего не могла объяснить даже она. Но зато могла почувствовать. Никарох иначе реагировал на его присутствие, Кассария иначе отзывалась на его голос. И Преисподняя боялась его иначе, нежели его великих предков.

Но всего этого Моубрай вслух, разумеется, не произнесла. – Я хотела отдать тебе доспехи прадеда, – сказала она. – Те, в которых он сражался со мной. Они тебе пригодятся. – Благодарю вас за заботу, – расцвел Зелг. – Но они мне, скорее всего, не подойдут. Не беспокойтесь, у меня хорошие латы. Думгар сам подбирал. – И уже тише прибавил: – У меня нет никакого права принять сей бесценный подарок. Вам эти доспехи гораздо нужнее.

– Ты благороден, щедр и бескорыстен. Ты похож на Бар-

беллу больше, чем думаешь. – Демонесса протянула руку, и смертоносные когти ласково коснулись щеки внука. – Его латы принадлежат тебе по праву. К тому же это единственное, что сможет защитить тебя в бою от рыцарей Преисподней. Эти доспехи сделали Темные кобольды Сэнгерая из кожи демона Аргобба. Барбелла заживо снял ее с...

– Ох, – выдохнул смертельно побледневший Зелг.

– Тебе нехорошо? – встревожилась заботливая бабушка. – Думгар, что с ним? Он болен?

– Видите ли, моя принцесса, он убежденный гуманист и пацифист.

– Это заразно?

– Официальная наука считает, что нет, но иногда мне кажется, что она заблуждается.

– Я немедленно вызываю лекаря.

– Не стоит, мадам, – посоветовал голем. – Лучше опустите особо красочные подробности.

– Но это же важно! – вскричала Моубрай.

– Ой, – совершенно поник герцог.

– Ладно-ладно, обойдемся без деталей, хотя меня это удивляет. Перейдем к сути. Латы, сделанные из шкуры Аргобба, выдержат удар любого клинка – даже моего, моего отца либо Князя. И потому, дружок, не вздумай отказываться. Обязательно надень их – пусть бабушке будет спокойнее. Обещаешь?

– Обещаю, – покорно кивнул Зелг.

– Вот умница. А теперь – главное. Ты ведь знаешь, по каким правилам будет разыгрываться сражение?

– Я обязательно прочитаю.

– Думгар! – Глаза демоницы вспыхнули опасным огнем. – Его до сих пор не ввели в курс дела? Интересно, чем занят Узандаф?

Голем выразительно промолчал.

– Хорошо, с этим легкомысленным мальчишкой я разберусь после. А сейчас поговорим о поединках. Видишь ли, Зелг, согласно старинной традиции, которая насчитывает уже несколько тысячелетий, каждая сторона выставляет по четыре лучших воина. Их поединки предваряют саму битву и, как ты понимаешь, в немалой степени влияют на ее исход.

Некромант закивал головой.

– Ты слышал о Сатаране Змееруком?

– Да! – воскликнул герцог, обрадовавшись, что хоть тут не ударит в грязь лицом. – Мой профессор истории писал диссертацию по древним аздакским легендам. А в них имя змеерукого демона упоминается достаточно часто. Так, например, горные великаны наивно верят, что это он в ярости проломил земную кору, отчего образовалось озеро Рупс на окраине Гунаба. А вот дикие племена краэнгов...

– Прости, дружок, – перебила его Моубрай. – Можно полюбопытствовать, отчего ты употребил слово «наивно»?

– Ну как же. Всем прекрасно известно, что подвижки земной коры происходят в результате тектонической активно-

сти, и...

– Не знаю, не знаю, – покачала головой демонесса. – Все возможно в этом безумном мире. Но что до озера Рупс, то мне достоверно известно, что это дело рук Сатарана, и горные великаны, равно как и верноподданные краэнги, совершенно точно описывают происходившие тогда события.

– Только этого не хватало! – несколько ненаучно выразился герцог.

– Вот-вот. Именно поэтому я и спросила тебя, знаешь ли ты что-нибудь о лорде-маршале Преисподней, Карающем Мече Князя Тьмы, который в поединках всегда представляет нашего владыку?

– Видимо, нет, – признал некромант.

– Очень плохо. Дело в том, дружок, что лишь Князь имеет официальное право послать тебе вызов. Остальные рыцари будут сражаться с твоими подданными. Но отклонить вызов Князя ты не можешь. Это расценивается как оскорбление. Затем через герольда будет объявлено, что вместо самого Князя на бой выйдет Карающий Меч его, как всегда было и всегда будет. Вот тут не растеряйся, не упusti момент и воспользуйся правом выставить от своего имени другого воина.

– Зачем?

– Затем, что Сатаран Змеерукий непобедим. Вспомни хотя бы об озере. Он – бессменный помощник моего отца, командир крылатых легионов. Он может все. Даже я побаива-

юсь его клинка и его жала.

– Какого жала?

– В пасти Сатарана вместо языка – ядовитое жало, похожее на жало осы. Только оно крепче стали и пробивает любую броню, кроме той, что я принесла тебе. Однако тебе не одолеть такого противника. Латы Аргобба защитят тебя, но не спасут. Выбери среди своих воинов того, кем ты можешь пожертвовать, иначе сражение закончится, даже не начавшись.

– А вот это большая тактическая ошибка, моя принцесса, – заметил Думгар. – Теперь, насколько я успел изучить мессира Зелга, он сам выступит против милорда Сатарана. И никто не сумеет убедить его в обратном.

– Это же чистой воды безумие, – прошептала демонесса.

– А подставлять других – непорядочно, – пояснил Зелг. – Спасибо, что предупредили, мадам. Кстати, можно узнать – а какой вас видел Барбелла?

– Такой же. Но по иной причине. Я никогда не скрывала от него своего истинного лица. И смею надеяться, что он принимал и любил меня такой, какая я есть.

* * *

Надо полагать, что Агапий Лилипупс не нашел в смерти

того вечного покоя, который обещают жрецы и философы. Похоже, быть мертвым ему вовсе не понравилось, ибо на заклинание вызова он отозвался не просто быстро, а с неприличной даже поспешностью.

Но возвратимся на несколько минут назад, дабы не путать причины и следствия.

Небольшая, однако внушительная процессия, состоящая из кассарийского некроманта, Такангора с золотой клеткой в руках и с Бумсиком и Хрюмсиком (которым в случае неповиновения была обещана короткая, но яркая и насыщенная судьба свинных отбивных), Думгара, Карлюзы с Левалесой и осликом, доктора Дотта, Узандафа, феи Гризольды и лорда Таванеля, Кехертуса, Крифиана, а также генерала Галармона в сопровождении самых близких знакомых бригадного сержанта Лилипупса, произвела фурор среди местного населения, выйдя из огненного портала на Лисалийских холмах.

Эти места издревле являлись предметом споров между королями Тиронги и герцогами да Кассарами.

Мало кто захочет жить на земле, которую оспаривают друг у друга великие владыки, а потому здешние жители были сплошь не-людьми. Отчего Агапия Лилипупса похоронили именно в Лисалии, остается только догадываться. Пейзажи тут отменные, природа восхитительная, однако никто не замечал за сержантом склонности к лирическому и возвышенному. Говоря грубым солдатским языком, «на эти лесистые натюрморты ему было глубоко все равно, пока не возводить

укрепления против потенциального противника».

Скромный могильный холмик, украшенный строгой гранитной плитой и поросший огромными ромашками, Зелгу в общем и целом понравился. Он подумал, что если однажды упокоится с миром, то покоиться желает не в мрачном и сыром фамильном склепе, в престижной урне для праха производства «Тякюсения и племянники», а вот под таким именно холмиком – с ромашками, мотыльками, солнечными полуднями, тихими лунными ночами и нежным пением дриад в соседней роще.

Прелестных полуобнаженных дриад, чьи безупречные алебастровые тела мягко, и молочно светились в свете серебряной луны, он представил особенно ярко.

Что там дополнительно сработало при мысли о дриадах, ни один специалист до сих пор не может объяснить, только заклинание даже не пришлось произносить вслух.

Зелг еще инстинктивно облизывался, невероятным усилием воли заставляя погаснуть волновавшую воображение упоительную картину, а могильный холм уже вздыбился, будто его пробивал настойчивый молодой гриб. Поползла сырая земля, пахнувшая червями и прелыми листьями; скорбно поникли те самые цветики, съехала к ногам некрманта гранитная плита, которую с трудом подняли бы четыре здоровых мужчины, и на свет появилась лысая шишковатая макушка благородного зеленого цвета.

Опыт – великое дело.

Молодой некромант даже не подскочил от неожиданности, а ухитрился придать лицу выражение, призванное пояснить миру, что, собственно, невелика трудность – возвращать жизнь давно казненным троллям.

Если удалось с первого раза, постарайся скрыть удивление.

«Закон Мельника»

Карлюза быстро застрочил что-то в своей тетрадке.

– Что вы пишете? – поинтересовался Думгар.

– Летописирую, – скромно, но веско пояснил троглодит. – Для грядущего. Остроумно-оригинальный способ возбуждения умерших к жизни есть открытие мессира Зелга. Счастлив присутствовать при оном.

Осел взбрыкнул.

– Глупское животное, – пожал плечиками Карлюза. – Неуч длиннохвостухий.

– Приятное пробуждение, – сказал голос, от которого покачнулись генерал Галармон и все его спутники. – Такие ничего себе курочки. Упитанные, фигуристые, грудки так туда-сюда покачиваются – и есть за чем приударить.

Такангор со все возрастающим интересом наблюдал за тем, как из свежей земли выкапывается могучее существо, кого-то ему отчаянно напоминавшее.

Когда Агапий Лилипупс окончательно освободился из могильного плена и явился миру во всей красе, минотавр по-

нял, что бригадный сержант является если не точной копией, то, во всяком случае, двоюродным братом демона Кальфона. Он был существенно ниже генерала Топотана, зато в плечах – едва ли не шире. Длинные руки походили на метательную «ложку» катапульты. Грудная клетка вызывала произвольные ассоциации с корпусами боевых галер. И весь он был крепкий, зеленый, пупырчатый и смачный – как огурчик.

Любопытно, что восстановленная целокупность его несколько не удивила. Будто отрубленные головы сплошь и рядом снова вырастают на прежних местах.

И душевных метаний, связанных со смертью и воскрешением, тоже не наблюдалось. Возможно, более нервное и впечатлительное создание на его месте испытало бы несколько неприятных мгновений; пыталось осмыслить происходящее; нуждалось в дружеской поддержке. Скорее всего, оно поставило бы окружающим хотя бы один вопрос.

Но цельная натура Лилипупса не требовала всех этих харцуцуйских церемоний. Ожил – и прекрасно. О чем тут говорить?

Повертев массивной шеей, на которой снова укрепилась его громадная голова, он пару раз рыкнул – проверил голос, а также подергал себя за уши. Затем ковырнул пальцем в носу, сплюнул песок, набившийся в рот. На том это импровизированное медицинское обследование и завершилось.

Отряхнув с себя землю, Лилипупс взыскующим взглядом обвел разношерстную делегацию встречающих и обнаружил

несколько знакомых лиц.

– Генерал Галармон! – воскликнул он.

– Агапий! – прослезился генерал.

– Рад видеть вас снова, – признался суровый сержант.

– А я...

– А вот ваша прическа требует повешения ее парикмахера, – добавил тролль. – Непорядок в строю.

– Исправлюсь, – привычно ответил Галармон, не обнаруживая в ситуации внутренних противоречий.

И тут на сцене появилось новое действующее лицо в оливковой мантии с капюшоном.

Внимательному читателю даже не нужно объяснять, кто именно. Исключительной способностью неудачно вписываться в окружающую среду и усложнять и без того сложные ситуации обладал только жрец Мардамон.

– Представляете, – закричал он издалека, – такое опять странное недоразумение! Меня кто-то по ошибке запер на смотровой площадке донжона. Зашел туда буквально на минуту – окинуть взглядом окрестности, а назад ходу нет. Захлопнулся люк. Как-то очень странно, на задвижку. И еще крючок. Вероятно, призраки шалят. Едва выбрался.

– Как? – спросил Думгар трагическим голосом, какой мог быть у жабы Юцапфы, когда ее прикрепляли к деревянной подставке. – Как у вас получилось?

– О! Это целая история, – лучась радостной улыбкой, сообщил жрец. – Сперва я, конечно, кричал и стучал. Ника-

кого результата. Затем пытался совершить подкоп – просто так, чтобы после не укорять себя, что не предпринял все возможные попытки к спасению. Затем искусно ковырял ножом в дверной щели. И уже потом, свив веревки из собственных одежд, спустился вниз, на балкончик. А с балкончика зашел в комнату, где приделся в целое, и сразу устремился сюда.

– То есть вы залезли в мой шкафчик и взяли мою мантию! – возмутился Узандаф, наконец определивший, отчего наряд жреца кажется ему таким непривычным, с одной стороны, и ужасно знакомым – с другой.

– Скорее, позаимствовал, – отвечал Мардамон, осторожный в формулировках. – Не появляться же в приличном обществе в лохмотьях и вервях.

– Вот уж от вервий увольте! – попросил герцог.

– А теперь приступим к главному! – И жрец, раскрыв объятия, пошел на огромного тролля. – Голубчик! Поздравляю с успешным воскрешением! Не хотите ли принести благодарственную жертву?

Агапий побуравил его крохотными глазками и уточнил:

– Ты – жертва?

– Нет, но я могу всемерно содействовать...

– Еще раз пикнешь – будешь жертвой, – проникновенно пообещал сержант.

– Богам это неуютно, – возразил Мардамон, смутно подозревающий, что остальные протестовать не станут.

– А богов мы построим позже.

Тут Галармон потолкал локтем довольного Такангора, будто напоминая: «Я же говорил – это самое то, что вам нужно!»

Жрец погрузился и уступил место потомственному некроманту.

Зелг уже понял, что с этим бригадным сержантом ему придется нелегко, но положение обязывало.

– Здравствуйте, любезный, – начал он. – Мы...

– Кто таков? – рявкнул Лилипупс, вращая глазами. – Где осанка? Где четкие взмахи конечностями? Не вижу усердия.

Герцог затрепетал.

– И не надо, – вмешался Такангор. – Я много слышал о ваших успехах и хочу, чтобы вы служили под моим началом. Обсудим перспективы?

Лилипупс внимательно оглядел минотавра и подумал, что перспективы есть, а значит – есть и тема для обсуждения. Этот рослый рогатый новичок пришелся троллю по душе. Он был какой-то такой – особенный. Ему крайне редко встречались подобные экземпляры, и жили они обычно недолго. Но если уж выживали, то из них непременно получались герои и полководцы – словом, персонажи светской хроники и военной пропаганды.

– Эта кисточка на хвосте неуместна в моем присутствии, – все же не утерпел тролль.

– Отставить обсуждение! – зарычал минотавр, сверкнув гранатовыми очами. – Кисточка напозажена по уставу.

Устав утверждаю я!

Агапий Лилипупс привык к крику самого высшего сорта и огненным взглядам любой степени убойности. И все же этот молодец сумел его удивить, как в недавнем прошлом сумел удивить всемогущую кассарийскую горгону.

В какой-то момент Лилипупсу показалось, что сейчас его употребят на фарш для пирожков. Это было непривычное развитие событий, но оно не представлялось вовсе невероятным. Минотавры умеют убеждать.

Не путай нелогичное с невозможным.

Принцип Стайлера

Рубиновые глаза Такангора наливались королевским пурпуром, разгораясь изнутри всепожирающим пламенем, и бригадный сержант отступил. Он умел признавать чужое превосходство, умел подчиняться и даже радовался втайне, когда мир порождал существо, способное его превзойти. В конечном итоге, сержант Лилипупс никогда и не мечтал командовать армией. Он просто хотел верно служить достойному командиру. И, кажется, его мечта сбылась.

– Так точно! – радостно сообщил он. – Слушаюсь.

Минотавр милостиво кивнул.

Зелг взглянул на него с детским восторгом. Он и прежде был склонен верить не столько в богов, сколько в Такангора, а теперь окончательно уверился в истинности своей религии.

– Это генерал Топотан, победитель при Бэхитехвальде, со-

крушитель Галеаса Генсена, – несколько запоздало сообщил Ангус да Галармон, указывая на минотавра.

Бригадный сержант Лилипупс принял эту информацию к сведению.

– И герой Кровавой паялпы, – заметила фея Гризольда.

Вот тут Такангор и обрел в лице Лилипупса самого верного помощника и преданного поклонника.

ГЛАВА 12

Сообразительный тролль быстро понял, в чем заключается основная проблема его нового начальства. Правда, сам он проблемой это не полагал. Его интересовали всего два сугубо практических вопроса: с кем предстоит война и на когда она назначена?

Не говорите мне, что эта проблема сложна. Будь она проста, не было бы проблемы.

Фердинанд Фош

Оценив лаконичность нового сержанта, Такангор кратко отвечал:

– С демонами Преисподней. Через девять дней.

– Обожаю сжатые сроки, – сказал Агапий. – Это мобилизует.

Карлюза занес и данное высказывание в свою тетрадку. Он всерьез готовился войти в историю, и пренебрегать лишним афоризмом с его стороны было крайне неразумно.

– Вы думаете, что успеете за это время набрать войска? – искренне удивился Зелг.

Лилипупс посмотрел на него с сожалением, как смотрел на всякое существо, у которого в армии нет перспектив, но резко упрекать в недоверии не стал. Время от времени у него

мелькала мысль, что этому бы некроманту да хорошего сержанта, вроде него, и из юнца вскорости вышел бы толк. Потенциал в нем есть. Но в небольшом собеседовании, которое провел генерал Топотан, отдельным пунктом значилось, что они работают на герцога да Кассара, великого некроманта и прославленного вождя. Поскольку его высочество – при всех его неоспоримых достоинствах – тяжело страдает гуманизмом и пацифизмом в особо сложной форме, то в подробности его не посвящать; со всем соглашаться; кивать и кланяться. Кровавые подробности не упоминать ни в коем случае, а если разговора о насилии не избежать (все-таки тема специфическая – война), то, по возможности, всяко щадить чувства мессира Зелга.

– И с таким вождем вы предполагаете идти в бой против адских легионов? – усомнился было сержант.

– Отставить панику и сомнения! – посоветовал Такангор. – Голову оторву и пушу на ляпики. Руки выдеру с корнем. Что в разговоре с милордом герцогом должно звучать приблизительно так: «Я вдохновлю вас на битву!» или «Я буду убедителен!» Ясно?

– Абсолютно!

– Вот и хорошо.

И теперь, уже подготовленный к беседе с повелителем, тролль уверенно ответил:

– Мир полон новобранцев. Просто не все из них об этом знают.

Зелг, не так давно на собственной шкуре испытавший справедливость подобного замечания, подумал, что в этой шишковатой голове, под этим несокрушимым лбом, оказывается, спрятан мозг философа.

Теперь Лилипупс обсуждал со специалистами условия предстоящей работы.

– Во-первых, – загибал он огромные зеленые пальцы, похожие на толстые корни, – нам необходима скорость. Посему прошу выдать в мое распоряжение практикующего мага, сведущего в заклинаниях порталов и хорошо знакомого с географией Ниакроха, либо магический кидацил. Кидацил даже лучше – маленький, молчит, всегда с тобой и не пытается тебя перепить на каждой остановке.

Зелг, слыхом не слыхивавший ни о каком кидациле, обратил грустный взор к Думгару. Вот уж кого нельзя было повергнуть в смущение такой пустяковой просьбой.

– В сокровищнице есть кидацилы трех видов, – невозмутимо доложил он. – Аздакского производства с ограниченным радиусом действия; таркейские – со знаниями языков, сообразительные, однако жутко разговорчивые. Все щебечут и щебечут – хуже влюбленных амазонок. А также пара желвацинских – эти самые лучшие, высочайшего качества, на неограниченное число персон, и я бы рекомендовал их, когда б не редкостная стервозность характера. Что вы выберете?

– Последний, – не колеблясь, отвечал тролль. – А характер

меня не пугает. Еще чего! У меня у самого характер.

Галармон быстро и мелко затряс головой, подтверждая эту мысль.

– Страховка нужна? – деловито спросил голем.

– Когда в юности я работал туристическим агентом, мы с крайним непониманием относились к желанию клиента застраховаться.

– То есть – нет.

– То есть – да! Обязательно! Уж я-то знаю, что может произойти в пути. Попрошу полный комплект полисов, включая страховку от отравления незнакомой пищей в случае, если я не имел возможности от нее уклониться.

– Это как? – уточнил Зелг.

– А так. Однажды я вербовал новобранцев в Бангасоа, а там не станут доверять гостю, пока он не отобедает с хозяевами и не выпьет с ними.

– Хороший обычай, – ухмыльнулся минотавр, думая, что стоило бы ввести нечто подобное и в Кассарии.

– Хороший, – согласился тролль. – Только есть нужно отравленное мясо пустынных змеев, а пить их яд. Умрешь – твои личные проблемы. Выживешь – бангасойцы твои друзья навек. И сразу наливают круговую. Того же напитка.

– И как у вас прошло знакомство? – заинтересовался Думгар.

– Нормально. Это был один из лучших полков – отчаянные ребята. За, одну рупезу горы могли своротить. До сих

пор горжусь ими.

– Итак, – подвел итог голем, – я записываю: один желвацдинский магический кидацил. Что еще?

– Нужно найти мою бормотайку.

– Непременно! Обязательно! – заверил его некромант. – Как же без бормотайки? Непозволительно. Думгар, а что такое бормотайка?

– Полагаю, личное оружие сержанта, мессир.

– А что это еще может быть? – изумился тролль. – Хорошая такая бормотайка, увесистая. Рукоять из берцовой кости дракона, шипы – из клыков. Боевой трофеей. Добыл во время атаки на Тут-и-Маргор у...

Такангор внушительно глянул на сержанта с высоты своего исполинского роста.

– У одного... владельца, которому она больше не нравилась. Я предложил ему выгодный обмен.

– Похвально, – сказал Зелг. – Я убежден, что всегда разумнее договориться по-хорошему, чем действовать силой, и рад, что вы разделяете мои взгляды. И я, конечно, понимаю, что она дорога вам как память о славном боевом прошлом, как своего рода символ. – Каждое его слово заставляло и без того пучеглазого тролля все сильнее выкатывать глаза. Казалось, еще чуть-чуть, и они вылезут из орбит. Лилипупс впервые ознакомился с такой оригинальной трактовкой оружия. – Только где же ее найти?

– О, – Галармон махнул рукой, – это проще простого. Зна-

менитая бормотайка сержанта Лилипупса до сих пор хранится в Булли-Толлийской военной академии, в Наглядном уголке Беспардонного назидания, среди боевых знамен, наград и прочих дорогих нашей стране предметов. Напишем в столицу – ее завтра же привезут.

– Решено, – кивнул Думгар. – Деньги на дорогу я вам подготавливаю. Это все?

– Мне бы добровольного помощника, – попросил Лилипупс, отдышавшись. – Чтобы ввел меня в курс дела. Что да как, пока я отсутствовал под могильной плитой. Какие новости? Что делается на свете? Мне необходимо попасть в струю.

Воцарилось молчание.

– Желаящих отличиться нет, поэтому придется прибегнуть к силе, – вздохнул сержант.

– Зачем же? – расстроился Зелг. – Милорд Галармон, может, вы направите кого-то из своих рыцарей, кто был знаком с господином сержантом еще до... ну, вы понимаете... этого трагического недоразумения.

– Да, да, конечно, – отвечал Ангус.

Талант руководителя состоит в том, чтобы быстро принять решение и найти человека, который его выполнит.

Парфразированный Дж. Г. Поллард

Мы не можем утверждать, что отставной генерал был че-

ловеком мстительным. Но все же развязное поведение капитана Ржалиса сильно отравило ему последние дни. И потому свой выбор он остановил именно на нем.

– Капитан!

Могучий рыцарь покачнулся, но выстоял. Его рука зашарила у ремня в поисках спасительной фляжки.

Троль внимательно к нему пригляделся и внезапно расплылся в хищной ухмылке:

– А, рядовой Ржалис!

– Капитан, – едва слышно поправил тот.

– Сколько времени я был мертв? – спросил троль.

– Десять лет восемь месяцев и шестнадцать дней, – без запинки отвечал бедняга.

– Вот-вот, за этот срок вы обязаны были дослужиться как минимум до полковника! Все дам-с окучивали?

– Я...

– А я вас не спрашиваю. Я сам все про вас знаю, как облупленный. Ну ничего, вы у меня быстро пойдете в гору. Я снова здесь, и я за вами наблюдаю. Готовьтесь к отбытию. Через час выступаем. Вы будете встречать каждый новый день с радостью и содроганием!

Судя по лицам отважных шеннанзинцев, они чересчур хорошо помнили, что это означает.

Высокополезный «Справочник культурного диалога» не пролил бальзама на измученную душу герцога да Кассара, который с некоторых пор считал себя лично ответственным за все, что происходит в его поместье.

Откровенно говоря, от помешательства его спасал только недостаток воображения: сколько он ни тщился, а так и не смог представить себе, как может выглядеть война с адскими силами. Ему и кузена Юлейна с лихвой хватило бы на ближайшую сотню лет. Не говоря уже о Генсене, который и сейчас ждал его прихода, затаившись в какой-то бездне.

Что до Преисподней, с этой местностью он – по вполне понятным причинам – был знаком плохо. И хотя познания его весьма расширились за последние несколько дней, он вычитал немного действительно полезного и по-настоящему утешительного.

Молодой некромант упорно, но безуспешно пытался успокоить себя тем, что не он первый, не он последний. Пережили же как-то деды-прадеды эти дурацкие столкновения, и он переживет. Мысль была толковая и могла взбодрить многих. Но не его.

Он не знал, что стояло на карте в те времена, когда Князь Тьмы объявил войну великому Барбелле; когда в Липолесье

отправился со своими войсками веселый прадед Люкумболь; когда вел туда полки скелетов и зомби отчаянный Валтасей Тоюмеф. Он нигде не прочитал главного – чем бы расплачивались его предки, если бы проиграли сражение, и потому не мог здраво оценить происходившее в незапамятные времена.

Цена собственного поражения его пугала.

О пророчестве Каваны, имени Хранителя и прочих колдовских хитросплетениях он при этом вспоминал в самую последнюю очередь, чем, вероятно, несказанно огорчал своих предков. Однако герцога более всего волновало будущее призрака, вызволенного из долгого плена и нашедшего приют в замке.

Душа рыцарственного лорда Уэрта Орельена да Таванеля с каждым днем нравилась ему все больше. Когда-то, в детстве, которое казалось теперь невозможно далеким и каким-то невзаправдашним, он мечтал иметь отца и старшего брата. Глядя на призрак кельмота, он думал теперь, что именно такого отца и именно такого брата он и желал. Честного, открытого, прямодушного, веселого, отважного и благородного. И делать его заложником столкновения с заведомо более могущественным противником было невыносимо.

А тут еще эта романтическая история!

И приспичило же судьбе столкнуть лбами такую дивную парочку, как аристократичная, мечтательная, безупречно воспитанная душа Таванеля и толстая курящая фея с

непростым характером. И угораздило же их влюбиться с первого взгляда. «Отныне и навеки, и даже смерть не разлучит нас», – по определению Уэрта. «Как фейская малявка, по самые уши», – призналась Зелгу, нервно пуская колечки дыма, Гризольда.

Ситуация усугублялась тем, что накануне вечером лорд сделал своей даме официальное предложение руки и сердца и «нежный свет очей» ответил категорическим и немедленным согласием.

В винном погребе, где началась их любовь, у пустой бочки из-под таркейского, состоялась скромная помолвка, ради которой Гризольда приделалась в короткое бархатное платьице цвета утренней зари с рукавами-фонариками, отчего стала походить на крохотного поросенка с крылышками. Если, конечно, свинята ни на секунду не выпускают изо рта трубку.

На церемонии присутствовали доктор Дотт, несколько библиотечных эльфов, Думгар, сам Зелг и обожаемый феей Такангор с трогательным букетиком мелких полевых цветов. Впоследствии выяснилось, что среди гостей находился также никем не замеченный дядя Гигапонт, покровительствовавший любви в любых ее проявлениях.

Гризольда, отличавшаяся здравым смыслом, понимала, что если кто и сбережет ей будущего мужа, выиграв эту безнадежную кампанию, то только талантливый минотавр. Детально изучив подробности прошедшей войны с Тиронгой, плавно перетекшей в битву с Генсеном, которые она проспала

ла, кассарийская фея нашла Такангора великим полководцем и возложила на него все свои надежды на грядущее семейное счастье.

Бедный генерал Топотан скупомычно и затравленно улыбался, в ужасе понимая, какая непомерная ответственность ложится на его плечи. Гризольда порхала вокруг, пыхтя, дымя и просительно заглядывая ему в глаза, душа Таванеля объявляла себя готовой к самопожертвованию во имя долга, дружбы и великой любви. Дядя Гигапонт – по свидетельствам всезнающих эльфов – плакал в наскоро сплетенный платочек.

Зелг чувствовал себя еще хуже.

Нет, он решительно не готов рисковать светлым будущим молодой семьи из-за каких-то нелепых пророчеств и загадочных Хранителей непонятно чего. Пропавшие пропадом со своими секретами! Можно ли спасти целый мир, погубив при этом несколько светлых и добрых существ?

Эрудированный читатель, конечно, скажет, что проблема далеко не нова и неоднократно рассматривалась в куда более серьезных литературных произведениях, но Зелгу было не до того. Он решал ее – пусть и не впервые, но здесь и сейчас, заново. И решение зависело от него, и отвечать – тоже ему.

Разумеется, он подступил к Думгару с расспросами, а нельзя ли уладить дело любовно? Отправить посольство и щедрые дары Князю Тьмы? Или его – герцога – в качестве парламентаря? Но голем терпеливо объяснил ему, что сие

невозможно.

Во-первых, доходчиво пояснил голем, парламентар из нынешнего кассарийского владыки, мягко говоря, никакой; во-вторых, зачем демонам щедрые дары – у них своего добра завались, а вот транжирить сокровища, накопленные бережливыми предками, – истинное преступление. К тому же, воодушевленный столь явным проявлением слабости, повелитель Преисподней может ужесточить свои требования, и все вернется на круги своя. Лучше уж решить проблему быстро, решительно и на традиционный лад.

После получасовой лекции Зелг понял: битва при Липолесье – вот что ожидает его спустя неделю. И точка.

Такангор часами не вылезал из библиотеки, изучая иллюзорный макет местности.

Генерал Галармон развлекал себя чтением толстого раритетного тома «Повара побеждают людей».

От Агапия Лилипупса вообще не поступало новостей.

Подсчитав вооруженные силы, которыми он располагал на сегодняшний день, Зелг какое-то время сидел в кресле, крепко зажмурившись. Затем осторожно приоткрыл правый глаз. Его двойник в зеркале как раз наливал себе полную кружку бульбяксы, готовясь врачевать нервную систему испытанным дедовским способом. Увидев, что некромант наблюдает за ним, отражение пожало плечами – дескать, что поделаешь?

Герцог не любил слова «безысходность»: от него веяло

затхлостью тюремных подвалов, сухим дыханием Бангасойской пустыни, беспощадной к путникам, и ледяными ветрами, бушующими за непреодолимой стеной, которой разделены жизнь и смерть. Но сейчас другого он не находил.

Когда вход заперт – выхода нет.

Об этом не знает только жрец Мардамон.

Вход – это отверстие извне вовнутрь, в обратном направлении именуемое выходом.

Армейская мудрость

* * *

Газета «Деловой сплетник», № 187

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ!

Вчера при загадочных обстоятельствах из храма Попутного Ветра исчез один из столпов амарифской национальной экономики – демон Папланхузат. Богдыхан Амарифа в панике.

Официальный Багдалил хранит упорное молчание, не подтвердив, но и не опровергнув сенсационное сообщение, появившееся сегодня утром в центральной столичной газете

«Быбрыкым». Возможно, странная позиция властей вызвана тем, что проверить отсутствие Папланхузата на его рабочем месте весьма просто.

Как знают наши читатели, экономика Амарифа процветает в основном за счет экспорта боевых коней, шерстяных ковров и самобытной керамики. Однако самые большие доходы поступают в казну из храма Попутного Ветра, стоящего на берегу судоходного пролива Ака-Боа, соединяющего моря Киграт и Мыдрамыль.

Частное медицинское предприятие «ДОБРЫЙ ЛЕКАРЬ» предлагает свои услуги.

Сочувствующий врач примчится к вам в любое время суток. У нас вы можете получить: сопереживание, дружескую поддержку, трогательную заботу.

Успешно лечим клиента пиявками при наличии пиявок клиента.

Качество гарантируем.

Ежедневно несколько десятков торговых судов входят в Ака-Боа и останавливаются у храма, принося щедрые денежные пожертвования в пользу Папланхузата и богдыхана Амарифского. Если корабль пытается проскочить бесплатно, жрецы таможенной службы вызывают демона, и тот устраивает шторм, который наносит купцам значительно больший ущерб, нежели скромная и вполне посиль-

ная уплата пошлины за пользование гостеприимными водами пролива.

Старожилы не припомнят, когда в последний раз иностранный купец пытался нарушить установленные правила и на всех парусах пронесся мимо храма, не уплатив ни одной деньги. Но так дело обстояло до вчерашнего дня.

Сегодня мы наблюдаем удивительную картину. Караваны судов рвутся из Киграта в Мыдрамыль и в противоположном направлении, не уплачивая пошлины, а жрецы не предпринимают никаких мер. Огонь на жертвенном алтаре погас. Рог для вызова Папланхузата молчит. Барабан, которым придирчивый демон изредка требует разнообразить процедуру вызова, безмолвствует.

Конструкторское бюро оружейников-рационализаторов «ПРОПОРЦИЯ» распространяет доспехи и оружие со скидкой. Возможна доставка заказчику в пределах Тиронги.

Ваши достоинства – продолжение наших недостатков!
В продажу поступили новые модели доспехов: «Грация», «Иллюзия», «Возмездие», «Идеал» и «Беспредел».

Очевидцы твердят, что отчаявшиеся жрецы дули в рог и били в барабан всю минувшую ночь. Но тщетно!

Демон пролива, повелитель ветров и штормов, Папланхузат бесследно исчез. Всплесков магической энергии, необходимой для пленения существа такой силы, специалистам

зафиксировать не удалось. Следов борьбы не обнаружено.

По слухам, вместе с демоном пропал и его походный гарем, состоящий из двух самых любимых жен – Киспарны и Нагипарны.

Последний раз Папланхузат участвовал в боевых действиях в легендарные времена расцвета Алайской империи, и письменных источников, на которые мог бы сослаться серьезный исследователь, в распоряжении смертных не осталось.

Никаких намерений покинуть престижную и высокооплачиваемую работу демон не имел. Во всяком случае, в недавнем интервью «Деловому сплетнику» он несколько раз подчеркнул, что в храме Попутного Ветра его устраивает все, включая льготы, бесплатное питание, а также отношение коллег. Мягкий климат Амарифа великолепно подходит многочисленной семье. Хлопот с нарушителями в последние столетия почти никаких.

Харизматичный хряк познакомится с матерью своих детей.

Учитывая все эти детали, мы невольно задаемся вопросом: кто или что могло побудить либо принудить могущественного демона сняться с насиженного места и исчезнуть в неизвестном направлении, бросив на произвол судьбы безутешных жрецов храма Попутного Ветра и опечаленный

гарем?

Газета «Деловой сплетник» начала свое собственное расследование, о ходе которого мы ежедневно намерены сообщать нашим читателям в специальных репортажах.

Ресторану «Выьем, няня» срочно требуются приличные, неприхотливые, платежеспособные посетители.

* * *

В огромном подземном зале, где своды выглядели как хребет древнего чудовища, а золотых и драгоценных украшений было в избытке, как простого дерева и камней, на мраморном возвышении, застланном мягкими шкурами, возлежал командующий адскими войсками, великий маршал Тьмы Каванах Шестиглавый.

Когда легкий огненный смерч пронесся по помещению и замер перед ним, обратившись в прекрасную демоницу, он лениво поднял самую большую и уродливую, увенчанную костяной короной голову, на которой сверкали четыре сапфировых умных глаза.

– Здравствуй, дочь моя, – приглушенно прорычал он.

Моубрай, маркиза Сартейн, небрежно кивнула. Проявления дочерней почтительности всегда давались ей нелегко, и,

когда они с отцом оставались наедине, она даже не старалась.

– Я был у Князя, – сообщил Каванах. – На сей раз он настроен решительно. Эту войну он желает непременно выиграть. Что ты молчишь?

– Надеюсь, ты не обещал ему победу? Не давал клятв, о которых впоследствии пожалел бы? Не произносил речей?

Низкий рык сотряс багровые стены. Демон расхохотался так, что крылья на его спине распахнулись и бессильно раскинулись по полу.

– Великий Ад, – заявил он отсмеявшись, – будто ты не плоть от плоти моей.

– Значит, не обещал? – уточнила Моубрай.

– Лазутчики доносят, что войско у этого малого крохотное, способностей ни на грош, жажды власти нет, а есть только кучка фанатичных подданных да глуповатый минотавр, которому однажды несказанно повезло. Разумеется, я ничего не обещал владыке. Я не люблю, когда враг везучий. Особенно когда везение его такого масштаба Я всегда думаю, что это не к добру.

И Каванах выразительно щелкнул челюстями.

Лучше играть против хитрого, чем против удачливого.

Французская пословица

– Преклоняюсь перед твоей мудростью, отец, – искренне сказала демонесса. – Я была у него.

Маленькая сонная голова с узкой вытянутой мордой заухала, что у нее означало хихиканье.

– Ты и об этом знал.

– Я всегда говорил, что ты слишком привязана к своему смертному супругу, – заметил отец, и в его голосе неожиданно послышались нотки заботы и участия.

– Ты всегда выражал свое недовольство, – сверкнула глазами Моубрай.

– Оставь, Яростная. Мне грустно видеть, как многие века твое ледяное сердце испепеляет тоска. Ты питаешь слабость к своим беспомощным потомкам, которые не могут воспользоваться и малой толикой могущества, дарованного твоей кровью. Нашей кровью, дочь моя! Кровью повелитель Прейсподней!

Моубрай выразительно скосила глаза чуть правее от себя.

Венценосная голова демона Гнева метнулась в ту сторону, безошибочно отыскав невидимую жертву. Снова клацнули челюсти, однако на сей раз, чтобы сомкнуться, им потребовалось незначительное усилие.

– Не терплю соглядатаев, – сообщил он спустя мгновение. – Страх и предательство придают им отвратительный привкус. А ничего не поделаешь, приходится глотать. Кстати, почему ты бездействовала?

– Лень, – призналась Яростная, уютно устраиваясь в воздухе напротив отца. – Я думаю.

– О чем?

– О том, что ты сказала. Ты прав – я всегда удивлялась, отчего наша кровь и кровь Эдны Фаберграсс не дала им такой великой власти, какой можно было бы ожидать. Отчего они слабее, чем должны быть?

– Люди, – с непередаваемым выражением пояснил маршал Тьмы. – Выдающиеся экземпляры для своего племени, но всего только люди. Пора бы уж привыкнуть и смириться – они нам не ровня.

– Не знаю, – пожала плечами маркиза. – Сегодня меня крепко озадачили.

– Кто, позволешь любопытствовать?

– Наш с тобой потомок.

– Это жалобное создание, которое, по слухам, боится проливать кровь. Кстати, ты не знаешь – это правда?

Моубрай посмотрела в окно. Там, за стенами замка, кипело огненное озеро, и сверкающие брызги взлетали в переливающееся красным и золотым небо. В небе парили черные тени – стальные демоны, огнекрылы, любимые твари Каванаха, кружили вокруг его обители.

– Наполовину, – ответила она. – Слухи, как обычно, лишь наполовину верны. Он не любит проливать кровь и действительно боится.

– Любопытно. – Демон вытянул шею, чтобы лучше видеть дочь. Он не оставил без внимания тот факт, что она иначе расставила слова. Он знал, как она любит четкость и точность. Именно это качество всегда приносило ей победу над

врагом.

– Весьма. Итак, я заглянула в него и была поражена. Во-первых, он надежно защищен от наших взглядов, и Стражи у него необычные. Не знаю, смогли бы Князь или ты зайти дальше, окажись вы на моем месте, но остальным ходу нет. Ни демонам, ни чародеям, ни иным, обладающим властью.

– Не может быть.

– Однако же есть. Кассария не просто благоволит к нему. Кассария еще и нуждается в нем, как никогда и ни в ком не нуждалась. Мне не хотелось бы преуменьшать могущество моего супруга Барбеллы, он действительно был великим, и не только для человека, – молчи, отец! Но его потомок Зелг Ралеас да Кассар носит в себе силу и власть, недоступную иным.

– Допустим. – Каванах шевельнул хвостом. – Допустим. Но ты сказала «во-первых». Значит, есть еще и во-вторых.

– Во-вторых, его Стражи не пропустили меня дальше порога, хотя я не стояла сложа руки, а он, похоже, вообще не догадывается об их существовании. Не думаю, что он понял, что происходит.

– А вот это невероятно!

– Тем не менее это так. Мне показалось, отец, что он боится даже думать о том, что скрыто в тайниках его души. Он ощущает эту бездну и ее яростную силу и старается похоронить ее как можно глубже. Вот почему он не любит проливать кровь и так отчаянно цепляется за смешные слова. Он

боится себя подлинного, который может восстать однажды над миром и во весь голос заявить свои права. Мальчик будто запечатал сосуд со своим могуществом и теперь, как цепной пес, охраняет его от всякого, кто захочет сломать печать.

– Ты ни о ком не отзывалась так, – признался маршал.

– Не о ком было. Этот юный герцог тронул мое сердце. И не только мое. Посмотрел бы ты, как они служат ему, отец.

– Покорно и преданно?

– Верно и с любовью.

– Что ж, мы можем помочь ему обрести себя.

– Нет, мы не станем. – Яростная провела перед собой огненную черту. – Он должен сам сделать выбор, Каванах!

Огромный демон сладко потянулся на своем ложе.

– Вижу, ты не жаждешь, чтобы он изменился.

– Ты, как всегда, прав, отец. Он необычный, другой. Он – мой мальчик, – произнесла она с нажимом. – У него волосы цвета лунного серебра. У него глаза Барбеллы – глаза цвета лиловой ночи. Ему удастся сохранять мир посреди войны и свет во тьме. Пускай все решит судьба.

– Князь хочет узнать пророчество и завладеть Книгой во что бы то ни стало.

– Мы покоряемся воле Князя, – склонила голову прекрасная Моубрай, – но можем сделать лишь то, что в наших скромных силах. Кроме нас с тобой есть и другие – Сатаран, Кальфон, Малакбел, Астрофель, Форалберг, которые постоянно кричат о своем непомерном могуществе. Пусть одна-

жды они принесут ему желанную победу.

– Ты всерьез полагаешь, что сей одаренный малыш сможет противопоставить хоть что-нибудь силам Ада?

– Я не видела ничего такого, что он мог бы выставить против нас. Смешно и нелепо было бы убеждать тебя, что наше поражение неизбежно. У меня нет доказательств. Но я редко ошибаюсь в предчувствиях, иначе ты и не советовался бы со мной. А предчувствия говорят мне, что эта война будет сильно отличаться от предыдущих. Зелг станет сражаться не за пророчество и Книгу, и не за толику своих сокровищ, а за эту беглую душу – он к ней весьма расположен. И за Кассарию, потому что он любит ее всем сердцем, хотя и не использует ее могущества. И его подданные будут биться не за власть и славу, а друг за друга.

– Полагаешь, это сможет остановить наши непобедимые легионы? Ты представляешь себе, что Кассар, воспитанный вдалеке от своей вотчины несведущими и мелкими людишками, способный разве что поднять несколько мертвых, выиграет поединок с Сатараном? Или в его игрушечном войске отыщется воин, который выстоит в бою против несокрушимого Малакбела? До сих пор кассарийцы побеждали. До сих пор кассарийцы вели в битву тьмы павших и призывали на помощь силы, о которых Зелг может только прочитать в книгах, к коим так привязан. – Маршал Тьмы помолчал, а затем взглянул в сверкающие расплавленным золотом глаза дочери и твердо молвил: – Ты могла бы выиграть ту битву,

я уверен. Просто ты уже не хотела победы. Ты желала Барбеллу.

Она улыбнулась. Улыбка эта показалась Каванаху ярким и хрупким мотыльком, что неведомо каким чудом залетел сюда с поверхности. Слишком непривычной и неуместной была подобная улыбка в Преисподней – легкая, мечтательная, нежная и печальная. Улыбка любящей женщины, а не грозной демоницы, повелевающей легионами Темных Душ. Он закрыл глаза, чтобы не видеть ее – она была ему неприятна. А когда открыл, лицо его дочери стало прежним – таким, как он привык: холодным, жестким и непроницаемым.

– Я могу только предполагать, как станут развиваться события. Однако Бэхитехвальд уже побежден, что не стоит упускать из виду. Не забывай, что я предупредила тебя, отец: этого, как ты его назвал, «жалобного» моего потомка тебе так просто не проглотить. Он застрянет у тебя в глотке. Я бы не стала так рисковать.

Подсознательно мы делим врагов на съедобных и несъедобных.

«Пишкруй»

– Слепой оборотень как-то сказал мне, что никто не измерил силы людской крови, – хмыкнул Каванах. – Кто знает, может, он был прав?

– И еще, – жестко усмехнулась маркиза Сартейн, – пару слов о «глуповатом минотавре, которому повезло».

– Да?

– Я бы на твоём месте навсегда избавилась от лазутчика, посмевшего доложить тебе подобную чушь. Сей минотавр, имя которому Такангор, представляет для нас отдельный интерес.

* * *

Проснувшись поутру в решительном и твердом расположении духа, Зелг понял, что обязан сделать что-нибудь значительное. Коль уж судьба распорядилась таким образом, что жизнь его может закончиться в каком-то диком Липолесье спустя несколько дней, нужно совершить необычайный поступок, принести пользу обществу, оставить после себя память на долгие годы. Войти героем в историю Кассарии, наконец.

Перебрав в уме несколько возможных подвигов, герцог остановился на самом внушительном. И полез на подоконник – измерять длину штор.

Спустя несколько минут он уже был на конюшне. Самолучно оседлал коня и отправился в Виззл, в известный на всю округу магазинчик «Лоскутки», где продавались самые разнообразные ткани. Знатки поговаривали, что кабы тиронгийские модницы так не боялись умертвий и оборотней,

то их силком нельзя было бы отсюда вытащить, ибо выбор товаров тут действительно впечатлял.

Герцог мечтал приобрести для своей спальни ткань с каким-нибудь нейтрально-милосердным рисунком, вроде бабочек, пчелок или трогательных резвящихся зверушек на успокаивающем голубом либо зеленом фоне.

Как выразился бы по этому поводу Агапий Лилипупс, герцог хотел «одним зайцем убить сразу всех» – то есть купить новые занавески и заодно приободрить своих подданных, внушить им немного стойкости и оптимизма перед грядущими испытаниями. Однако выяснилось, что внушать в Виззле стойкость и оптимизм некому, а вернее – незачем.

Пережив один неприятный день после объявления войны и слегка погоревав, как того требуют приличия от всякого здравомыслящего существа, граждане Кассарии решили, что этого вполне достаточно и уже никто не посмеет упрекнуть их в легкомысленном отношении к происходящему. Потому, когда Зелг все еще терзался и скорбел в своих покоях, усугубляя душевные муки созерцанием жутких шпалер, Виззл зажил прежней жизнью.

Молодой герцог шел по многолюдным улицам, мимо переполненной харчевни и магазинчиков, в которых толпились покупатели, мимо цветущих садиков, в которых с упоением что-то подстригали, выщипывали и дергали трудолюбивые пейзажи, мимо шумных стаяк резвящейся детворы – и не верил своим глазам.

Из трубы над кузницей Альгерса валил черный жирный дым, оттуда доносились звонкие удары о наковальню, а над воротами висела табличка: «Суперстойкие доспехи и универсальное оружие, обработанное взглядом Горгоны. Предложение действительно только до сражения в Липолесье».

Сам кузнец, закопченный, как любимая сковорода усердной поварихи, фыркал у колодца, обливаясь холодной водой. Судя по всему, работы у него хватало.

На окраине, в тени дубов, усердно тренировались шеннанзинцы и воины «Великой Тякюсении».

В харчевне «На посошок» Зелгу несказанно обрадовались все – и хозяин, и посетители. Гописса, со словами «Ешьте, пейте, вам такого в замке не приготовят», подал ему запотевший кувшин своего знаменитого сидра и уставил стол блюдами и тарелками с теплыми, воздушными, тающими во рту булочками и крендельками. Тут же кто-то предложил тост «За великих Кассаров», и все его поддержали, а Зелг засмутился.

Выпечка Гописсы отличалась одним любопытным свойством: ты принимался за еду вне зависимости от того, голоден или сыт. Так и герцог не смог оторваться от угощения и уписывал за обе щеки под отеческим взглядом хозяина.

– Слыхали последние новости? – спросил тот, когда решил, что мессир Зелг заморил червячка и теперь способен к осмысленной беседе.

– Какие именно? – уточнил осторожный Зелг.

Вроде бы сегодня утром гном-секретарь Холгар – редкостный буквоед и зануда – сделал ему доклад о последних событиях в стране и мире, так или иначе затрагивающих интересы Кассарии, но практика показывала, что жизнь полна сюрпризов и почти все они заботливо припасены для одного-единственного некроманта.

– Вчера в наших краях появилась любопытнейшая особа минотаврского происхождения.

Зелг поперхнулся.

Такангора он любил и почитал, но даже представить не мог, как вынесет еще одного минотавра. Затем ему почудилось, что это прибыла с визитом мадам Мунемея Топотан, легендарное имя которой с легкой руки ее сына знали уже и за пределами Тиронги, и он побледнел как простыня.

Если свести в одном месте сурового Такангора, решительного Лилипупса и властную Мунемею, остальным разумнее сразу удариться в бега.

– Юная дама, – продолжал между тем Гописса, зная не зная, какие демоны терзают душу его несчастного повелителя. – Весьма хорошенькая, рассудительная и, я бы сказал, волевая. Приятное сочетание качеств, редко встречающееся у девушек. По роду занятий – воительница. Альгерс высоко оценил ее доспехи и оружие, сказал – производства старинного, но на их качество это повлияло, скорее, положительным образом. Старые мастера знали свое дело. Вот, помнится, достался мне в наследство от бабки один котел... Да! –

вскричал он, и Зелг подпрыгнул. – Вы же ничего не знаете о моей бабке, а она славилась на всю округу своей фигурой и пончиками.

Гописса вытер руки о фартук и пододвинул табурет к столу. Стало ясно, что рассказу о котле и бабке он намерен посвятить значительное количество времени.

– Так что с этой особой?... – робко спросил герцог, понимая, что лишает верного слугу удовольствия поговорить о старых добрых временах, когда все было лучше, чем теперь, и любимых родственников, которые совершали деяния, недоступные молодому поколению.

По мере того как проходит время, наши предки совершают все более славные подвиги.

Веслав Брудзиньский

– Сей котел она привезла с собой в качестве приданого. Как гласит семейное предание...

– ...с юной особой, воительницей и минотаврихой, чьи доспехи...

– ...еще ее прадедушка взял в Сэнгерге в качестве военного трофея...

– ...высоко оценил Альгерс...

– ...а он что ни попадя домой не тянул, потому что был человек хозяйственный, разумный и любил крохоборствовать с толком...

– ...и куда она теперь делась...

– ...бабка утверждала, что в нем что ни возьми, пиракаши

или там суп, готовится совсем по-другому...

– ...и знает ли об этом милорд Такангор...

– ...не иначе, колдовство какое...

– ...и что он говорит по этому поводу...

– ...а я так думаю, что это просто хорошая работа...

– ...я уже и так волнуюсь за него – вы же знаете, что наши уважаемые амазонки слишком открыто и рьяно проявляют свое равнодушное отношение...

– ...потому что в старину не умели делать спустя рукава...

– ...и еще одна решительная дама-воительница может стать последней каплей в чаше терпения...

Гописса не был великим мыслителем, но и он понял, что они с Зелгом говорят о разных вещах. Он замолчал, осмысливая вышеописанную беседу.

– Куда она подевалась? – терпеливо повторил герцог.

– Умерла.

– Когда? – вскричал бедный некромант, не веря своим ушам.

– Да уж полвека тому.

– Не может быть, – твердо сказал Зелг.

– Почему? – заинтересовался Гописса.

– Вы только что сказали, что она вчера появилась в наших краях.

– Не говорил.

– Нет, говорили.

– Не мог я такое брякнуть.

– Но сказали же!

– О бабке?!

– О минотаврихе!

– Она у меня чистокровная человечиха! – вскричал удивленный трактирщик. – Ну, было там чуток гоблинской крови, чего греха таить, пращурки блудили понемногу, но о минотаврах разговора нет и быть не может!

– То есть как – не может! – взвыл Зелг. – Юная особа, в доспехах, минотавриха, ну? Вспомнили?

– Что ж я – совсем беспамятный? – обиделся Гописса. – Так бы сразу и сказали, милорд, а то толкуете незнамо о чем. Сия особа спросила сидру и пончиков, по рецепту той самой бабки моей...

Герцог крепко зажмурился.

– ...скушала три порции, радуя персонал здоровым аппетитом, а после обратилась с прочувствованной речью к дамам Анарлет, Таризан и Барте, и как раз по поводу милорда Топотана.

– Они подрались? – тихо спросил герцог, выглядывая из окна, словно ожидал обнаружить там дымящиеся руины.

Собственно, мы недалеко от истины – именно так он и представлял себе результат столкновения дамы-минотавра и амазонок.

– Зачем – подрались? – удивился Гописса, который, как

командир хлебопекарной роты, уже многое понимал в искусстве ведения войны. – Дама Цица атаковала дам Анарлет, Таризан и Барту с предложением поговорить по душам, после чего ее превосходящие силы противника заставили их организовать стремительное и неудержимое отступление.

– Они на нас обидятся, – вздохнул Зелг, рассчитывавший на обещанных павших в грядущем военном конфликте амазонок.

– Нисколько, – утешил его трактирщик, подкладывая на блюдо новые пончики. – Амазонки умеют проигрывать. Признав в даме Цице достойного и храброго противника, они дали ей слово обождать милорда Такангора на почтительном расстоянии, можно – в строю. Из чего я сделал вывод, – усмехнулся мудрый Гописса, – что сама дама Цица намерена любить генерала поближе.

Развить эту тему ему не удалось – на пороге появился Иоффа и спросил сидру. Много сидру. Точнее – «очень много сидру, сколько есть».

– Стряслось что? – заволновался Гописса, подавая ему огромную кружку.

– А то, – отвечал староста, опрокидывая ее в себя. – Давай еще. О, мессир Зелг! Добрый день, хорошо, что вышли прогуляться из замка – погода знатная.

– Хорошая погода, – не стал отнекиваться некромант. – А ведь и правда, Иоффа, на вас лица нет. Что случилось?

– Мадам Мумеза прибыла лично спасти положение. Во-

евать ей, видите ли, понравилось. Говорит, без нее армии не хватает шарма и шика. Просил, молил уехать подобру-поздорову, да разве я ей авторитет... Когда окончательно изнемог, передал бразды милорду Такангору.

– Папа, в деревне делают ставки на то, кто кого уговорит – бабушка милорда или милорд бабушку, – доложил, просунув в окно голову, Салим.

– Дожили! – вскричал Иоффа. – И ведь не хочет понимать, что мне еще тут властью работать. Она ж мне весь авторитет в один миг подорвет. Эх, сынок. На тебе десять рупез, пойдй поставь на бабушку.

Зелг не удержался и весело хрюкнул.

– Не смешно, мессир, – укорил его староста.

– На бабушку уже не принимают, – снова вынырнула в окне голова опечаленного сынули.

– Нет, совсем не смешно, – окончательно расстроился Иоффа. – Да вот, сами послушайте.

Не сдержав любопытства, герцог вместе с остальными посетителями харчевни вышел во двор, где как раз проходил заключительный тур великого спора между генералом Топотаном и капралом Мумезой.

– То есть как это ты запретишь мне «соваться в битву», если я по такому случаю приобрела самую симпатичную противоударную шляпку, которая только нашлась в салоне?

– Но, мадам Мумеза! – вскричал Такангор.

– Я уже давно мадам и давно Мумеза, – отрезала ведьма. –

Чего я не видела у этих твоих демонов? За мной в молодости один все увивался. Хвалился, что ходит в больших чинах там, у себя, в Преисподней. Какие слова говорил, золотые горы сулил, а рожа ведь редкостная. Увидеть такое спросонья – кондратий хватит. Я его и погнала однажды метелкой. Чего, говорю, шатаешься, идол, женихов пугаешь? Я из-за тебя весь век в девках просижу.

– Там предстоит сражение, – мягко напомнил минотавр.

– И разница? Я своего пока отвадила, такие шли бои местного значения, что можно было билеты продавать, как на твою паялпу. Такангор, быщик, не переживай, детка. Тетя Мума еще не совсем выжила из ума и сама может за себя отвечать. Ты нами руководи, а мы покажем им парочку фокусов.

И окончательно покоренный ее обаянием и красноречием Такангор поцеловал маленькую морщинистую ручку.

– Вот, пожалуйста, – только что не всхлипнул Иоффа. – Милорд сдался, не какая-нибудь там мелюзга А у меня дома их две. Круглые сутки, с утра до вечера и с вечера до утра. Я уже не дождусь, когда в поход двинемся. Упрошу генерала, чтоб поставил нас с сынулями на другой фланг.

– А я собираюсь топыриться в центре. Замечательно впишусь в рисунок головного полка, – поведал Иоффе сияющий Карлюза, который волок в узелке груды разнообразных доспехов, обработанных взглядом Горгоны.

Нужно сказать, что на это произведение оружейного ис-

кусства, несмотря на сделанную по знакомству скидку, маленький троглодит потратил все средства, присланные из Сэнгерая на несколько ближайших месяцев, и теперь подумывал о том, что надо бы убедить мессира да Кассара назначить ему повышенную стипендию – как преданному последователю, во-первых, и как представителю малой национальности, во-вторых. Что касается «малых национальностей», то достойный Карлюза был совершенно уверен, что здесь вся соль в размерах.

– Я полагал, что вы все-таки прислушаетесь к голосу разума, – заметил Зелг, окидывая взглядом тускло блестящий металл.

– Ужели предполагаете мне усвоиться, пока други мои станут воевать в колосющихся лугах? – вскинул на него троглодит изумленные глаза.

И герцог понял, что конечно же нет, вопрос закрыт. Ибо никогда рыцарь и джентльмен не позволит себе оскорбить рыцаря и джентльмена таким унижительным предложением.

Однако решительность мадам и маленького троглодита и ему придала сил и уверенности, столь необходимых тому, кто затеял сменить шторы, одобренные лично Думгаром, или поставить на место зарвавшегося владыку Преисподней.

Победный гром фанфар звучал у него в ушах, когда он зашел в магазин и на удивление быстро выбрал себе ткань на занавески. Однако не успел сияющий продавец упаковать покупку своему господину, как в стену магазинчика что-то

увесисто стукнуло. Затем послышались возня и недовольное ворчание, после чего дверь со скрипом отворилась и в «Лоскутки» вошел Птусик, покачиваясь и припадая на правую лапу.

– Опять не угодил в проем, – объяснил он, крутя ушастой головой, хотя присутствующие не нашли в том ничего необычного и в объяснениях по данному поводу не нуждались. – А зачем я сюда летел? С какой познавательной или просветительской целью? А, да! Хотел, чтобы вы все увидели собственными глазами. Забавное зрелище.

Мучимый разнообразными предчувствиями, Зелг выглянул на улицу. Там уже собралась добрая половина деревни. Граждане Виззла оживленно обсуждали что-то, что, судя по их позам и взглядам, приближалось к ним по главной улице. Оттуда же неслись звуки, природа которых молодому некроманту была неясна. Герцог посмотрел и обмер.

Сотрясая воздух звоном литавр и барабанным боем; свистя и дудя в немислимые инструменты; размахивая пестрыми флажками и ленточками; выкрикивая неразборчивые лозунги; приплясывая и притопывая; таща на себе длинные красные шесты, увитые плющом и цветущей бублихулой, и флаги с изображением рогатой головы с золотым кольцом в носу, – по улице шла процессия.

Следом тряслись фургоны в красно-синюю полосу, запряженные меланхоличными тяжеловозами, с надписями «Администрация», «Канцелярия», «Приемная», «Посто-

ронним запрещено все».

И прямо над ними двое молодых желтоклювых грифонов влекли по небу плакат – красным по белому, чтоб издалека видно:

ПАЯЛПА ЕДЕТ!

ГЛАВА 13

Встреча вышла радостная, и по такому случаю в замке закатали пир. Тем более что его все равно пришлось бы закатывать по поводу грядущей войны и проводов героев, а также традиционного военного совета, который был так любим генералу Топотану.

Огромный пиршественный зал сиял огнями. В углу неистовствовал приглашенный оркестр: трое эльфов-скрипачей, один гном-барабанщик, двое фавнов со свирелями, прелестная дриада с маленькой арфой, морок-лютнист, три-тон с раковиной, сидящий в специально оборудованном бассейне, а также трио пучеглазых бестий, поющих волшебными голосами.

Повара расстарались на славу. Когда бы специальный корреспондент Бургежа не томился в своей благоустроенной клетке, строя жалобы во все инстанции, начиная от герцога Кассарийского и кончая Комиссией по правам независимых гостей и Обществом артиллерийского контроля, он непременно посвятил бы этому приему отдельную статью на первой полосе и начал ее словами: «Столы ломились от яств».

И нисколько не погрешил бы против истины. Столы на самом деле ломились от яств, а маленький столик для напитков, уставленный серебряными и золотыми сосудами, жалобно попискивая, отыскал в толпе гостей Такангора и более

от него не отходил, ибо только славный минотавр мог разгружать его так быстро, чтобы он не уставал.

Распорядитель Гвалтезий твердо придерживался убеждения, что организм чем попало тревожить нельзя.

Исходя из этого, он и планировал праздничное меню.

Особы, вынужденные в силу горестных обстоятельств питаться в обычных ресторанах, утверждают, что меню – это список блюд, которые только что закончились. Счастливы, знакомые с Гвалтезием, их никогда не поймут.

Как Такангор планировал решающую битву, так старательный многоног, будто полки, расставлял свои блюда, чтобы не нарушить равновесие и гармонию, столь необходимые во время сражения, дабы оно стало победоносным, и во время обеда – дабы он стал незабываемым.

В центра стола возвышался мынамышряк в золотистой медовой корочке, лежащий на груде хрустящих жареных грибочков; стояло зеленое прозрачное блюдо в виде огромной морской рыбы с заливной фусикрякой; высились пирамиды куркамисов и сладкие горы разноцветных хухринских блинчиков. Томное суфле из воздушных немерид светилось бледно-розовым. Симпатичные сырные шарики ждали, когда их пригласят к сидру. Куриные крылышки готовились сами впорхнуть в рот гостям. Фаршированные ножки вели бесконечный хоровод на круглой золотой тарелке размером со щит циклопа. А нефритовый поднос с запеченной в слоевом тесте папулыгой, будто верные оруженосцы, со всех сто-

рон окружали маленькие алебастровые мисочки с разнообразными соусами.

Прозрачные ломти ветчины и золотистые шары балыков; пухленькие круги домашних колбас; жирные каплуны и пулярки, политые смородиновым вареньем; жаркое из дичи и отбивные; омлетики с креветками; угри под белым вином и устрицы; горячие и холодные супы; крохотные, с ноготок, пирожки с самыми разнообразными начинками; горшочки с пиракашами; салаты, салатцы и салатйки; моченые и квашенные ягоды; соленья и копченья; жареное, пареное и вареное, украшенное самым затейливым образом, – все это смотрелось как драгоценности королевской короны, источало соблазнительные ароматы, утверждая присутствующих в мысли, что жизнь прекрасна и удивительна и без боя ее покидать не следует.

Откочевав к пиршественному столу в сопровождении Левалесы и столика, на котором лежали тетрадки и возвышалась клетка с возмущенной жертвой военной цензуры, Карлюза окинул его взглядом государственного деятеля, оценивающего фронт работ, и облизнулся.

– Что прикажете? – прошелестел призрак в черной лифрее.

– Попрошу всемерно питать меня многовкусной колбасьей и спелобоким флюктом, – сказал троглодит. – А милорду Левалесе нужно не отказать в немеридах, фусикряке и хухринских блинчиках, в силу своей природы весьма неиз-

вестных в Сэнгерае.

– Что пожелает господин Бургежа? – спросил призрак.

– Я объявил голодовку в знак протеста против деспотизма, тирании и насилия над личностью, – сухо заметил лауреат Пухлицерской премии. – Если кому до сих пор не ясно, в клетке я обитаю против собственной воли. Ну что, голубчик, голодовку протеста начнем, пожалуй, с тарелки знаменитого супа «Свадьба дочери», затем с двойной порции салата «Вчерашний закат» и салатца «Задушевная иллюзия», потом насыплете мне гописсиных сухариков и упомянутых Карлюзой хухринских блинчиков, игнорировать которые не станет ни одно здравомыслящее существо. В заключение я, возможно, утешусь порцией-другой вуталернских колбасок с грибочками в сазитальном соусе. Как видите, в еде я сдержан, не то что в работе. Можно сказать, почти равнодушен. Немного позже мы с вами подумаем о втором заходе. И не забывайте, что свое горе я должен окропить достойными напитками.

Если бы этикет позволял, то призрак бы непременно зааплодировал.

Никогда не ешь больше, чем сможешь поднять.

Генри Бирд

– Вы кормитесь от всей души, – вздохнул Левалеса с уважением, – как страшный зверь Ватабася.

– Гений ненасытен, – пояснил Бургежа.

Он задумчиво похрустел сухариками.

– Слышал, вы тоже собираетесь на войну.

– Война не обойдется без героев, – процитировал Карлуза понравившуюся ему фразу.

– Демоны – трудный контингент, – поделился знанием специальный корреспондент.

– Обладаю ногами.

– А смысл?

– «Можно использовать ноги как оружие. Ими будете пинать врага, но и открывать двери и бить предметы», – прочитал троглодит из тетрадки с наставлениями мастериона Зюзака Грозного.

Бургежа внимательно посмотрел на свои когтистые лапки в пуховых кальсончиках, не раз выручавшие его в трудную минуту, и ничего не возразил.

– Как мне не хватает на этом пиру короля Юлейна, – поделился князь-вампир с князем-оборотнем.

Донельзя счастливые Архаблог и Отентал, полностью разделявшие мысль о предназначении ног как оружия, вели увлекательную беседу с многочисленными знатоками и любителями Кровавой паялпы. Люди отчаянные, они всего лишь на какой-то миг побледнели и умолкли, когда их представляли Кехертусу, Думгару, Мадарьяге, Гампакорте и прочим важным персонам. Однако кузены тут же прибегли к испытанному способу укрепления духа и тела и уже несколько минут спустя, как ни в чем не бывало, тарактели без умолку.

Сам хозяин замка восседал на своем парадном троне в виде костлявой золотой руки, поставив ноги на подставочку из черепа циклопа, инкрустированной эмалью, и отрешенно наблюдал за происходящим, попивая любимое мугагское. Рядом с ним стояли несколько слуг. Один держал поднос с немеридами, второй – запасной кувшинчик, третий – булочки, специально присланные Гописсой, дабы достойно украсить праздничное меню.

У Зелга были все основания полагать, что его личная жизнь, в принципе, наладилась.

Правда, если бы кто удосужился спросить его, а нужны ли ему в замке учредители и бессменные владельцы чесучинского чуда, он, возможно, затруднился бы вот так, с ходу, ответить на сей каверзный вопрос. До сегодняшнего дня он как-то над этим не задумывался.

С одной стороны, Такангор под большим секретом ввел его в курс дела, и молодой герцог утешился тем, что кровь на паялпе – из томатного сока и клюквенного сиропа; смертельные поединки – не смертельны; а зрители нервничают и жуют горячие пончики.

С другой – эта забава все же пропагандировала насилие и поощряла азарт, а Зелг не слишком приветствовал данные качества в любом существе.

Впрочем, все решалось куда проще. Как помнит наш добрый читатель, герцога да Кассара не чересчур утомляли просьбами и предложениями. Сами приходили, сами как-то

устанавливались и оставались навсегда, не заставляя его принимать сложные решения.

Заприметив в темном углу огромного помещения демона Борромеля, Архаблог и Отентал переглянулись, прерывисто вздохнули и бросились к нему, сияя нежными и приветливыми улыбками.

– Какая фактура! – восхищенно молвил Архаблог, пихая Отентала в бок.

– Какая харизма – ее видно за версту, – подтвердил тот.

Отентал любил разговаривать с собеседником, крепко держа его за пуговицу. Однако придирчивый осмотр Борромеля, слегка удивленного такой непосредственностью, показал, что пуговиц на нем нет. Это, несомненно, затрудняло беседу, но не отменяло ее.

– А скажите, – пропел Архаблог голосом кокетливой амазонки, – вы никогда не хотели участвовать в Кровавой паялпе?

– Это слава, почет, прибыль, наконец, – принялся перечислять Отентал, загибая пухленькие пальчики. – Достойная, обеспеченная старость. У вас есть внуки? Вы сможете купить им трипулязные саночки – зимой махнете вместе на каток.

Борромель сморгнул.

– Я маркиз Ненависти, хозяин Дома Боли, повелитель Южных пределов Преисподней и командир сорока легионов Пожирателей Снов, – с достоинством пояснил он. – К тому

же, если вы все еще не заметили, я – демон.

– То есть с внуками не сложилось?

– Жизнь наперекосяк, м-да...

– Не беда, – успокоил его добрый Архаблог, – с кем не бывает.

– С этим можно бороться, – закивал Отентал. – Многие думали, что у них нет перспектив, но мы вывели их в люди.

– Мы сделаем вам хорошую рекламу, напишем биографию поприличнее.

– Да идите вы к Бедерхему! – рявкнул ошалевший демон одно из худших адских ругательств.

– Непременно, – отвечивал Отентал. – И его не обидим.

Но вы вне конкуренции.

– И не говорите «нет», от таких предложений отказываются только раз в жизни.

– Держите хвост трубой!

– И – ради Тотиса – не сутультесь, это вас портит.

Теперь Борромель моргал без остановки.

– Перед вами откроются все дороги – посмотрите хотя бы на Такангора, – гнул свою линию Архаблог.

– И памятник, не забывайте про памятник в Чесучине. С табличкой, – завлекал Отентал. – Если ваши родственники еще живы, они умрут от гордости.

– А бесплатное трехразовое питание? Учтите наше питание! Со всеми витаминами!

– Да просто вспомнить на старости лет, сидя у камелька,

как вы стоите перед восторженной публикой, весь в лучах славы...

Борромель, отдаленно похожий на чудовищную бронированную жабу с когтистыми лапами, представил себя сидящим у камелька и окончательно растерялся. Такого напора и энергии, такого энтузиазма в Аду давно не видели, и демон, которому этикет запрещал пожирать чужих гостей, не знал, как с ними справиться.

– Вас это не смущает?... – Не договорив, он распахнул свой кошмарный зев.

Алая жаркая пасть, утыканная кривыми, острыми как бритва клыками, угрожающе нависла над устроителями паялпы.

– Вот! – обрадованно вскричал Архаблог. – Именно так мы и запечатлеем вас в бронзе!

– Какая экспрессия! – возопил Отентал. – Сколько огня, сколько внутренней силы. Голубчик, вы и паялпа созданы друг для друга. Так и знайте – всю предыдущую жизнь вы прожили зря, она тянулась – тихая, невзрачная – в ожидании этого великого момента. А вы еще ломаетесь.

– Кстати, – прогудел Такангор, выдвигаясь из-за колонны, – не забудьте вписать в договор серебряные подковки. Отличная вещь, я страшно доволен.

– Вы думаете? – с сомнением произнес демон, разглядывая переднюю лапу и шевеля пальцами. – И где здесь должны быть подковки?

– Альгерс разберется, – утешил его минотавр. – Он обычное ведро на голову намертво прилепит, не то что ногу подкует.

Отентал наконец обнаружил на массивном туловище демона какой-то не слишком острый шип и с воодушевлением взялся за него.

– Дорогой мой, – сказал он, дергая демона за этот вырост, – дорогой мой, вы же не знаете самого главного – как вам это понравится.

* * *

Известное известно немногим.

Аристотель

Есть в мире вещи неподвластные холодному уму, но только любящему сердцу. В принципе, их немного, однако именно с ними в Аду больше всего хлопот.

Поговорив с отцом, маркиза Сартейн отправилась к той единственной, кому доверяла и к чьим советам прислушивалась. Герцогиня Эдна Фаберграсс, повелительница Снов, слыла одной из лучших провидиц Преисподней. К тому же ей, как и Моубрай Яростной, были ведомы счастье обретения любимого и неистовая, не утихающая с веками боль

утраты. В подземном мире одна только она могла понять и выслушать золотоглазую демоницу и ответить на вопросы, которые у нее внезапно возникли.

Переливающийся всеми цветами черной радуги, великолепный замок Фаберграсс нависал над Пропастью Кошмаров, где во множестве роились самые изощренные, жуткие, болезненные страхи смертных существ. Залитая мраком пропасть казалась – или в самом деле была – бездонной. Над ней высилась одиноко стоящая башня. Даже Князь Тьмы не знал всей правды о ней. В Аду говорили, что тут запечатаны кошмары существ бессмертных и всемогущих и что мир рухнет, если они вырвутся на волю. А потому основная работа повелителей Западных пределов Преисподней – не насылать ужасов тьмы на жителей Ниакроха, но беречь их от Первозданного Мрака.

Эдна Фаберграсс встретила маркизу Сартейн в зале Снов, который обе подруги облюбовали для серьезных бесед еще в незапамятные времена.

Герцогиня была прекрасна: белокожая, с алыми глазами и ярко-красными волосами, собранными в диковинную прическу, украшенную диадемой из черных алмазов; в черном наряде; с массивной цепью, на которой висел ключ, будто сработанный из клокка тьмы, на великолепной длинной шее. Хрупкая, стройная, изящная, она походила, скорее, на смертную красавицу, а вовсе не на существо, присутствовавшее при расцвете и гибели многих цивилизаций.

– Говорят, ты летала наверх, – произнесла она вместо приветствия.

Ее голос напоминал звон хрустальных льдинок, просыпавшихся на золотой поднос.

– У нас невозможно что-либо утаить, – рассмеялась Моубрай. – Да, я была наверху.

– Как Кассария? – спросила герцогиня, знаком приглашая подругу располагаться удобнее.

Молчаливая рогатая тварь подала бокалы с кипящими напитками.

– Прекрасна по-прежнему, – ответила Моубрай, пытливо вглядываясь в алые глаза.

– Не пытайся пробраться ко мне в голову, – отмахнулась герцогиня. – Ни к чему. Я и сама скажу тебе, что до сих пор, случается, тоскую по черному замку некромантов, по темному парку и мерцающему озеру, по небу, усыпанному звездами, и прохладному ветерку. И по нежным объятиям Вахана. Но ведь ты пришла не за тем, чтобы слушать, о чем еще я тоскую в одиночестве, когда мой дом пустеет и мне нечем себя занять?

– Нет, не за этим, – согласилась маркиза Сартейн.

– Хочешь знать, видела ли я что-либо важное?

– А ты видела?

– Не уверена.

Эдна Фаберграсс пригубила напиток. Подумала. Затем решила.

– Хорошо, я скажу тебе, что я видела: ничего. Впервые за всю мою долгую жизнь – ни-че-го. Разноцветные огни, пятна тьмы, всплески золотого света. Как если бы...

Она пощелкала тонкими белоснежными пальцами, подбирая нужные слова.

– Как если бы тебе показали краски, которыми еще только будет написана картина, замысел коей не вполне созрел? – предположила Моубрай Яростная.

– О! – звонко рассмеялась хозяйка замка Снов. – Да ты настоящий поэт, дорогая.

– Настоящие поэты – провидцы, – не поддержала ее шутивого тона Моубрай.

– Что ж, ты права. Тебе удалось правильно передать мои ощущения, – серьезно ответила Эдна. – Позволь узнать, это наитие или у тебя есть какие-то новые сведения?

– Смотри что считать новыми сведениями, – пожала плечами Яростная.

– Как там наш правнук? – внезапно спросила герцогиня. Спросила тихо и чуть ли не жалобно, чему, разумеется, не поверили бы те, кто знал могущественную демоницу, чар которой побаивался даже Князь Тьмы.

– Сложный вопрос, дорогая. – Легкая усмешка приподняла уголки безупречно вылепленного рта. – По-разному. Волнуется, переживает за своих подданных и Кассарию, мучается сомнениями, готовится к войне.

– Он постиг знания предков?

– Вряд ли.

– Он укротил свое могущество?

– Весьма своеобразно. Оно полностью покорно ему, но не служит.

– Кажется, я понимаю, о чем ты говоришь.

– Ты всегда и всех понимала, Эдна.

– И тогда становится ясным, отчего я не вижу даже ближайшего будущего. Его просто нет.

– Такое бывало когда-то?

– Если верить Книгам Каваны. Но кто их читал? Для кого их пустые страницы вспыхнули рунами, прорицающими наиболее вероятное будущее? Да нет – кто просто их видел в последний раз?

– Думаю, наш с тобой правнук, – негромко сказала Яростная.

Эдна Фаберграсс запрокинула голову, распахнула огромную пасть, полную сверкающих ядовитых зубов, в которую в считанные мгновения растянулся ее маленький хорошенький ротик, и вылила в нее кувшин огненного зелья.

– Полагаешь, у него есть Книга Каваны? Это не очередная выдумка Князя Тьмы?

– Так мне показалось, но уточнять я не стала.

– Безумие, – прошептала герцогиня.

– Это еще не все. Скажи, когда ты жила в Кассарии, тебе не попадалась на глаза старая картина – темная растрескавшаяся доска, лица почти не видно, одни только глаза, – по-

крытая письменами?

– «Когда Спящий проснется»?

– Да, да, она.

– Конечно, попадалась, как ты можешь догадаться по моему ответу. Ты же знаешь – это прижизненный портрет пра-родителя кассарийских некромантов, одного из варваров Га-хагунов.

– А на каком языке написан стих?

– Ты тоже обратила внимание на эти руны?

– На них сложно не обратить внимания. Просто я не хотела искать разгадку здесь, внизу, чтобы...

– Чтобы не привлечь внимания Князя к Кассарии?

Моубрай изогнула тонкую бровь:

– А разве ты поступила иначе, великая Эдна?

Герцогиня Фаберграсс искренне рассмеялась:

– Не гневайся на меня, Яростная. Да, я поступила так же, как и ты. Я тоже любила своего мужа.

Тут она замолкла на миг, будто пробуя слово «любила» на вкус. Видимо, вкус его ей не понравился, и она поправила себя:

– Я тоже люблю своего безумного супруга-кассарийца.

– Да и потом, разве нас интересовало, откуда они явились? – призналась Моубрай. – Я искренне полагала, что Барбелла слабее и беззащитнее меня. Просто это уже не было важно. Не так ли?

– Так, – склонила великолепную голову Фаберграсс.

– Варвары, спустившиеся с белых вершин Гилленхорма, – это звучало так забавно и поэтично, что я даже не подумала, а что они там делали, на этих белоснежных вершинах.

Эдна Фаберграсс фыркнула. Никто в Преисподней не стал бы интересоваться происхождением смертных, пусть даже таких талантливых и могущественных, как кассарийские некроманты. Преисподнюю влекла Кассария, не менее, но и не более того.

– Я только потом, после... после того, как Барбелла покинул меня навсегда, стала думать, вспоминать... – Моубрай сделала паузу. Демоны не плачут, им неведомы людские слабости, но что-то все же мешало ей спокойно говорить. – Я не делала это намеренно, просто приходили на ум всякие мелочи. Не то чтобы я хотела этого... скорее, напротив...

– Я понимаю, – сухим голосом, шелестящим, как песок, гонимый ветром в жаркой бангасойской пустыне, прошептала повелительница Снов, – не объясняй, Яростная, я все понимаю. Ты и желала бы забыть, но память подсовывает тебе сладкие воспоминания. Каждый уголок того места, где ты была счастлива, каждую деталь, каждый миг каждого короткого дня той, стремительно промелькнувшей жизни.

И Эдна Фаберграсс внезапно взвыла. От этого истошного крика на земле, несомненно, начался бы ураган. Листва облетела бы с деревьев, птицы сорвались бы с мест и взмыли в потемневшее внезапно небо, а люди ужаснулись. Но Преисподняя и не такое видела. Недра земли привыкли надежно

защищать Ниакрох от горя, гнева, ярости и отчаяния могущественных демонов. Багровое небо только содрогнулось на миг, и тут же все стихло.

– Прости, – сказала демонесса, устало закрывая алые глаза. – Я все никак не могу привыкнуть к тому, что испытываю боль.

– Нам больно, – согласилась Яростная, – но и сладко.

– Продолжай.

– И вот однажды в памяти моей всплыла эта растрескавшаяся, почерневшая от времени картина, на которой не было видно лица и по которой бежали такие же темные, неразборчивые, выцветшие письмена.

Когда Спящий проснется,
Как сонный ребенок,
Оглянется вокруг и удивится,
Весь мир затаит дыхание.
Свет и Тьма подберутся к нему
С обеих сторон,
Лягут рядом, как верные псы,
Виляя хвостами и преданно глядя в глаза.
Когда Спящий проснется,
Две дороги устрелятся к нему
С двух сторон горизонта —
Оттуда, где солнце рождается,
И оттуда, где оно умирает,
А он окажется на распутье.
Когда Спящий проснется,

Ему придется выбирать
Между славой и смертью,
Между любовью и ненавистью,
Между Светом и Тьмой,
Между собою и всеми.
Когда Спящий проснется,
Постарайся оказаться подальше,
Дитя мое.

Герцогиня говорила протяжно, нараспев, будто прорицала, хотя маркиза Сартейн знала, что это не так.

– Откуда ты знаешь? – севшим голосом спросила Яростная.

– Вахан как-то прочитал мне это стихотворение. И сказал...

– А Барбелла мне ничего не сказал, – выдохнула Моубрай, даже не дослушав подругу.

– Но ты спрашивала его?

– Нет.

– А я спросила. Мне всегда казалось, что я падала в бездну, когда стояла у этой картины.

– Он объяснил тебе значение текста?

Эдна со странным выражением взглянула на подругу.

– Нет. Он только прочитал сии строки, дабы удовлетворить мой интерес, и тут же взял с меня клятву никогда не пытаться постичь их суть и смысл. Забыть.

– Но ты не смогла?

– Не дать клятву – нет, не смогла. Нарушить ее – тоже нет. Не смогла. И никогда бы не посмела. Но и забыть – тоже не смогла.

Моубрай присвистнула, и рогатая тварь снова возникла в зале, нагруженная напитками.

– Забавно, – произнесла Яростная, утолив терзающую ее жажду огня. – Забавно. Я всегда полагала, что речь идет о Тотисе, сотворившем мир и заснувшем до Судного дня.

– Ты веришь в Тотиса? – рассмеялась герцогиня.

Моубрай едва заметно смутилась, пожала плечами.

– Нет, но я чересчур часто слышала о нем не только от людей, но и от прочих смертных. А это заразно. Я даже стала говорить что-то вроде «Клянусь Тотисом» или «Тотис меня заberi», отчего однажды вышел конфуз во время приема у Князя.

– Я тоже толковала этот текст как древнее варварское песнопение либо молитву Тотису, – призналась демонесса. – Вернее, не совсем так: я вообще не задумывалась о нем более и никак не толковала его. До недавнего времени. До тех пор пока один старый замшелый дух, очнувшийся от многовекового сна, чтобы встретить рассвет черного солнца и рассыпаться в прах, не поведал мне свою самую страшную тайну, свой вечный ужас – о Великом Лорде Караффа.

– Поведал или напомнил?

Крылья на спине маркизы Сартейн раскрылись, и отблески пламени заплясали на смертоносных стальных лезвиях.

Она поняла, что пришла к Эдне Фаберграсс не зря: пришло время откровенности и – откровений.

Видимо, герцогиня Фаберграсс подумала о том же. Великая провидица не могла не понимать, что лишь исключительные обстоятельства способны помешать ей прозревать будущее и что пробил час великих событий и свершений. Она была уверена, что одна из главных ролей в этом грандиозном представлении отведена ее потомку – нелепому кассарийцу, боящемуся проливать кровь.

Обе демоницы никогда бы не восстали против своего владыки – Князя Тьмы и никогда бы не пошли против его воли. Но если воля его еще не объявлена во всеуслышание, если открытого противостояния нет и не случится, если судьба разыграет карту, которой до сих пор не бывало в колоде, почему бы им не рассмотреть ситуацию с *обеих сторон*?

В Аду предпочитали не вспоминать о могущественных Павших Лордах Караффа, причинивших немало хлопот молодому тогда еще повелителю Преисподней. Сведения о них хранились в подземных залах личной библиотеки Князя. Самые приближенные и доверенные, облеченные властью особы предпочитали не рисковать попусту – Лордов больше нет, и говорить о них не стоит.

Тем более что Ад кишит безвестными соглядатаями, мечтающими выбиться в вельможи. И вельможами, мечтающими расправиться с соперниками. И могущественными аристократами, метящими в Князя.

Но маркизе Сартейн Эдна Фаберграсс доверяла больше, чем остальным родичам, вместе взятым. Вероятно, это было глупо, и недальновидно, и неразумно. Но она слушалась не разума, а своего ледяного сердца, обожженного болью.

– Напомнил, – медленно призналась она.

– Чем же тебя заинтересовали легендарные Павшие Лорды? – спросила Яростная, заранее зная ответ, но желая услышать его из уст самой Эдны.

И герцогиня Фаберграсс не стала разочаровывать ее. Она твердо посмотрела в сверкающие желтые глаза:

– Тем, что я была супругой одного из них.

* * *

Если бы свободно падающий камень мог мыслить, он думал бы, что падает по собственной воле.

Бенедикт Спиноза

Все войны, которые до сих пор вела Преисподняя, отличались безупречной логикой и целесообразностью. И эта не должна была стать исключением.

В свое время, когда дочь Каванаха Шестиглавого сумела удивить всемогущих демонов, объявив о своем желании стать супругой кассарийского некроманта, Князь Тьмы не

стал ей препятствовать. Разумеется, ни о каких добрых намерениях с его стороны речь не шла – он бы обрушил на непокорную воительницу всю мощь своего гнева, кабы не своевременная мысль о том, что миром правят Законы.

Это положение вещей всегда угнетало владыку Ада, впрочем, не его одного. Множество властителей древности, чье могущество казалось безмерным, рано или поздно сталкивались с тем, что они не могут распорядиться всем исключительно по собственному усмотрению. Каждый из величайших однажды в жизни встречал неумолимую преграду – незримое, неосязаемое, несуществующее в реальности нечто, обозначенное глупым словом, которое могло иметь значение лишь для слабых и побежденных. И разбивались об эту незримую преграду, как жалкая мошка о несокрушимую скалу.

Невероятными усилиями достигнув вершины, все до единого властители упирались в Законы.

Их можно было нарушить, изменить либо обойти, и многие так и поступали, чтобы однажды увидеть, что их действия оборачивались против них же самих самым невероятным образом. Иные пытались сделать вид, что Законов нет – пройти мимо, закрыв глаза, – но неумолимые обстоятельства не давали им поступать так бесконечно.

Кто-то желал заменить Законы собою и даже заменял на время, однако затем поправленные Законы жестоко мстили безумцу. Месть их бывала неизбежной и неотвратимой.

И еще одну закономерность заметил Князь: чем ты могущественнее, чем сильнее, чем успешнее сопротивляешься слепому мирозданию, тем оглушительнее крах.

Князь Тьмы не одно тысячелетие потратил на наблюдения; он обнаружил тысячу закономерностей, вывел тысячи формул и правил и миллионы раз убедился в их справедливости. Но так и не нашел главного – Ключа.

Древний демон, он видел взлеты и падения многих цивилизаций. Как снежинки, пляшущие во время вьюги, пронеслись перед ним Алайская империя и царство Каваны, Рия, Жаниваш и Канорра, Гьянленн и легендарная Караффа. Он видел бесславный конец тех, кто, казалось, достиг невозможного и вечно будет пользоваться результатами своих великих свершений. Но неумолимый рок с течением времени сокрушал всех – всех до единого, без исключения. Демоны и божества, смертные и бессмертные, люди и нелюди, нежить и не-мертвые – все канули в небытие, и беспощадный ветер разнес их прах по миру, равнодушному к жизни и смерти.

Князь Тьмы не хотел для себя подобной участи. Чем могущественнее и старше он становился, чем безмернее была его власть и сила, тем больше опасений внушал ему каждый новый день. Он понимал, что однажды придет и его время, но не мог смириться с подобным положением вещей и лихорадочно искал выход.

Много тысяч лет тому назад юная демонесса Эдна Фаберграсс предсказала ему, что после того, как Спящий проснет-

ся, он больше никогда не будет иметь прежней власти и могущества. И теперь Князь торопился.

Не может так быть, думал он, чтобы Закон нельзя было изменить, склонить на свою сторону, использовать себе на пользу. Нужно только найти способ. Отыскать Ключ.

Он алкал подлинной Вечности и подлинного всевластия. Для этого повелителю Преисподней были нужны мощь Кассарии и Бэхитехвальда, тайная сила Хранителя, безмерное могущество Павших Лордов и тысячелетняя мудрость пророков Каваны.

* * *

Доспехи Аргобба оказались великолепны – яркого багрового цвета, с шипами и колючками, образующими замысловатый узор, мощными наплечниками, тяжелыми наручами и поножами и широким поясом с серо-синими вкраплениями.

О колючки и шипы Зелг немедленно порезался в процессе примерки, но зато латы сели на него как влитые, и никакой тяжести он не ощутил, несмотря на то что из сундука вынимал их с трудом.

Невесомый шлем все того же цвета кровавого неба на закате придал ему сходство с древним мурилийским демоном, о чем он не подозревал до тех пор, пока за его спиной со

звоном и дымом не появилась восхищенная Гризольда.

– Галя! – воскликнула она, прижимая руки к пышному бюсту. – Галя, вы настоящий сказочный принц. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Уж кого-кого, а принцев на своем веку я повидала.

– Спасибо. – Польщенный Зелг слегка покраснел.

– При чем тут спасибо? – искренне удивилась фея. – Я просто говорю, что вы прекрасно выглядите – вылитый мурилийский морской демон. – (Тут Зелг ненадолго отвлекся на размышления, что общего между сказочным принцем и морским демоном, но понял, что эту связь своими силами ему не обнаружить, и успокоился.) – Впрочем, что тут удивительного – Аргобб и был мурилийцем. Чрезвычайно мощные и живучие твари, вам повезло, что у вас такая заботливая бабушка. Теперь вас не сможет проткнуть даже коготь дракона. Только, Галя, помните – это вовсе не означает, что вы вдруг заразились от мурилийцев бессмертием. Практика показывает, что даже бессмертные демоны не переживают встречи с более опасным противником.

– Я понимаю.

– Но одно меня искренне радует.

– Что же?

– Вместе мы будем смотреться просто великолепно.

– Простите?

– Галя, вы же не хотите удрать от своей Гризи на войну? – уточнила фея, пуская ровные колечки.

– Ни в коем случае! Не допущу! – завопил некромант, сообразив, куда клонит пухлый крылатый пончик.

– Только не надо на меня кричать, – поморщилась Гризольда. – Не воображайте себя Лилипупсом.

– Вы останетесь в замке! – произнес Зелг со всей решимостью и твердостью, на которые был способен. – Под прищотром лорда Таванеля.

Лифтер был настойчив, но и лифт умел постоять за себя.

Эмиль Кроткий

– Ага теперь, ага теперь, – покивала Гризольда, подцепившая эту присказку у Такангора. – Попробуйте сказать Уэртику, что он не идет на войну. Вы еще не видели призрака в глубоком обмороке? Увидите.

– Простите, что невольню вмешиваюсь в вашу приватную беседу, – деликатно кашлянул кто-то, на поверку оказавшийся душой лорда-рыцаря. – Я весьма странно устроен последние несколько дней – чуть меня вспомнят, я сразу там. Правда, вспоминает меня в основном дорогая Гризья, чему я только несказанно рад...

– Уже вмешался, – вздохнула фея. – Так что сам объясняй мессиру, отчего тебя нельзя оставлять в замке, когда остальные пойдут воевать.

– То есть как – в замке?! – задохнулся Таванель. Будь это живой человек, во плоти, его бы уже пришлось откачивать. –

Этому не бывать, мессир!

– Вот видите! – Фея ткнула в жениха трубкой. – Он по самую макушку напичкан рыцарскими романами, кодексами и правилами. И вы хотите, чтобы мой собственный некромант и мой родной муж – отец моих будущих сорванцов (в этом месте прозрачный призрак смущенно засиял розовым цветом) шлялись по войнам и битвам в каком-нибудь Липолесье, а меня пусть затолкают обратно в бочку, где я и буду ломать себе руки в тоске и отчаянии? Придумайте что-нибудь поинтереснее, милорды!

– Гризя, – мягко молвил Уэрт, – ненаглядная. Что ты такое говоришь? Какая бочка? Кто посмеет?

– Вот-вот, – оживилась фея и залетала по комнате, как встревоженный шмель. – Кто посмеет запретить мне выступить в поход? А?

– Там будет опасно, – поведал Зелг.

– Галя, вы меня всю утешили! – рявкнула фея. – Значит, так, я ваша походно-боевая муза на полуторном окладе, чтобы вас не мучила совесть, и попробуйте возразить.

– Но...

– Считаю до трех!

– Я...

– Раз!

– Не следует даме...

– Два!

– Не советую, – вмешался Таванель, очевидно пережив-

ший уже последствия счета «три». – Она все равно пойдет с нами.

– Интересно, – пробурчал Зелг обиженно, – кто здесь кассарийский некромант в латах Аргобба?

Неугомонная фея открыла было рот, чтобы достойно возразить герцогу, но невозможный в замкнутом помещении свирепый порыв ледяного ветра бросил ее к дальней стене. Туда же отнесло и отчаянно сопротивляющегося рыцаря. При этом Таванель явно готовился биться с невидимым противником, защищая друга и возлюбленную, а Гризольда улыбалась так, будто встретила старого знакомого.

Впрочем, и Зелг понял, кто пожаловал, а точнее – что пожаловало в гости. Он не ошибся.

Тихий, всепроникающий голос, леденящий, как тягучий яд, струящийся по жилам, произнес:

– Здравсс-с-с-ствуй, Галеас-с-с...

Герцог склонил голову:

– Цигра.

– Я пришло, Галеас-с-с, чтобы поздравить тебя с-с-с победой и предос-с-стеречь.

– Благодарю.

– Ты немногос-с-словен. – Кажется, Цигра улыбнулось, но Зелг не прозакладывал бы голову, ставя на это. – Ты знаешь, мальчик, что С-с-сатаран непобедим?

– Мне говорили.

– Вот как? Ему говорили. – Цигра разразилось ухающим

смехом, от которого в относительно небольшой комнате за-колебались шторы, а окна покрылись легкой изморозью. – С-с-сатаран Змеерукий – величайший воин Ниакроха. Он с-с-сотрет тебя в порошок.

– Я выйду против него сам.

– Ты умрешь. А жаль. У тебя было будущее.

– Я выйду против него сам, – упрямо повторил некромант.

– Ты упорный. Кас-с-сария не зря избрала из двух Га-леас-с-сов тебя. Ес-с-сли ты выиграешь поединок с-с-с демоном, нас-с-ступит время ис-с-спытаний. – Голос Цигры постепенно превратился в сплошной свист, в котором молодой герцог с трудом угадывал слова.

– Ты должен погибнуть, но ес-с-сли выживешь, то С-с-спящий прос-с-снетс-с-ся, и тогда придет твое время. – Тут Цигра загрохотало так, что некроманту показалось, будто рушатся неприступные стены его замка. – Ты с-с-слышишь меня, с-с-слуга Павших Лордов? С-с-слышишь! Придет твое время и твой выбор! Не оши-бис-с-сь!

В комнате ощутимо потеплело, лед на окнах растаял, и по стеклам потекли тяжелые, холодные капли. Цигра ушло. И когда Зелг уже уверился в том, что оно снова исчезло – столь же внезапно и необъяснимо, как и появилось, вкрадчивый голос, нагоняющий страх, отозвался из невообразимого далека:

– До вс-с-стречи, Галеас-с-с! Я бы хотело вс-с-стре-тить тебя.

И герцогу показалось, что весь смысл, все значение этой фразы уложилось в слово «тебя», как будто Цигра опасалось, что может найти в кассарийском замке кого-то другого.

– Ничего не понимаю, – искренне сказал он.

Тут его внимание привлекло яростное шипение, куда там Цигре. Фея Гризольда наскочила на несчастного лорда, а он защищался, как мог.

– Я же вижу, ты что-то знаешь, – бормотала она, тыкая в призрака дымящейся трубкой.

– Гризя, я не имею права...

– Признавайся по-хорошему.

– Гризя, это вопиющее нарушение!

– Ты еще не знаешь, что такое нарушение!

– Гризя!

– Уэрт, выбирай: или нарушение, или я начинаю бузить.

В глазах влюбленного лорда отразился священный ужас и он пробормотал:

– Право, мессир, это серьезное нарушение и тяжелое знание. – В его голосе звучало... сочувствие?

– Я хочу знать, – твердо сказал Зелг. – Все, что возможно.

– Предупрежден – значит вооружен, – глубокомысленно изрекла Гризольда. – Ты не имеешь права скрывать важную информацию.

– Это часть известного мне пророчества Каваны, – вздохнула душа Таванеля. – Вероятнее всего, вы падете в бою с Сатараном. Вероятнее всего, милорд Такангор не пережи-

вет поединка со своим противником. Ибо его противник по определению непобедим, и не смертному, пускай и могучему минотавру спорить с ним на равных. Если же нет, если – как сказано – случится невероятное, то, вероятнее всего, Спящий проснется.

Раздался глухой стук. Гризольда выронила трубку и смотрела на него широко раскрытыми глазами, которые стремительно заполнялись соленой влагой.

– Подчеркиваю, – быстро заговорил рыцарь, – пророчества Каваны – собрание вероятностей, а не неизбежностей. Всего этого может и не быть. Неотвратимо лишь одно: когда Спящий проснется, слуга Павших Лордов получит право решать, что будет дальше. То есть он обретает власть над вашей судьбой и вашим будущим, мессир. В его руках в ту минуту окажется сила и власть Кассарии. Но я почти ничего не знаю о Павших Лордах, кроме того, что это давно сгинувшие могущественные существа, которых очень боятся и не любят в Аду, так что даже говорить о них демонам запрещено. И я, конечно же, не представляю, кто в Кассарии является слугой этих Лордов. Поверьте, я долго присматривался к каждому из ваших приближенных, но так ничего и не обнаружил. А в пророчестве об этом не сказано ни слова.

ГЛАВА 14

Центральная библиотека Преисподней имени Князя Тьмы. Секретный отдел. Гриф «Вечное хранение».

ФРАГМЕНТ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ТРУДА МОТИССИМУСА МУЛАРИКАНСКОГО «ЩИТ И МЕЧ», ДАТИРОВАННОГО 11978 ГОДОМ ОТ СОТВОРЕНИЯ НИАКРОХА

«Великую армию вел в бой против неопытного кассарийца Князь Тьмы. Этот поход он, как никогда, желал сделать победоносным и сулил своим генералам власть, славу и неисчислимые милости, если они принесут ему на блюде голову Зелга Галеаса да Кассара или же вынудят его капитулировать и исполнить желания повелителя.

Два стремления было у владыки Преисподней: беглая душа магистра ордена кельмотов, перешагнувшего некогда Черту и вернувшегося из Бэхитехвальда с великим знанием, и одна из Книг Каваны, хранившаяся к тому времени в библиотеке замка. А также знал Князь и о том, что в Кассарии по сей день обитает верный слуга Павших Лордов, но никто не мог назвать величайшему из демонов его имя. И то знание было третьим его стремлением.

Мудрые говорят, что великий маршал Тьмы – Каванах Шестиглавый, славный своей дальновидностью, не рвал-

ся в бой против кассарийца, а предоставил отличиться иным. Дальнейшие события показали, что старый демон был прав. Но не станем мы забегать вперед, а перечислим самых известных воителей Преисподней, стоявших со своими легионами на правом берегу реки Тутоссы.

Были среди них: упомянутый уже Каванах Шестиглавый, хозяин Гнева и Скорби, в окружении верных огнекрылов; Сатаран Змеерукий, лорд-маршал Преисподней, Карающий Меч Князя Тьмы; Кальфон Свирепый, граф Торрейруна, погонщик Душ, повелитель Грозных гор, хозяин реки Забвения и командующий шестидесяти легионов Падиших; лорд Малакбел Кровавый, сеятель Смерти, а с ним двадцать легионов Сокрушителей; граф Форалберг Беспощадный, и с ним двадцать легионов Ненасытных; барон Астрофель Двуликий и его легионы Предателей; Моубрай Яростная и Эдна Фабержасс во главе своих отрядов; а также князь Намора Безобразный и его супруга Нам Као с легионами верных экоев и многие другие знатные демоны, одно имя которых вызывает дрожь ужаса у несчастных смертных. И конечно же, командовал ими Князь Тьмы – воплощение Мрака, порождение Бездны, о коем я, жалкий, не смею писать. Ибо стынет моя кровь в жилах от страха, а рука трепещет, не в силах удержать перо.

Словно мрачный, темный океан, чьи волны грозно рычат, накатываясь на берег, раскинулась по правобережью орда кровожадных порождений зла.

Великолепна и смертоносна была армия Преисподней, наисильнейшая во всем Ниакрохе – и под землей, и на поверхности его; уверена в своих силах и грядущих славе и успехе. Легкую победу сулили своему хозяину прорицатели, и лишь Эдна Фаберграсс, лучшая из них, хранила благоразумное молчание. Говорила она, что нет ей никаких видений, но умалчивала о предчувствиях.

Знали демоны, что у Зелга да Кассара, победителя при Бэхитехвальде, нет достаточно воинов, чтобы выставить их против адских легионов. И все же смех прокатился по рядам демонов, когда увидели они два небольших отряда, двигавшихся по равнинному левому берегу.

– Что там? – спросил Князь.

И ответила ему Моубрай Яростная голосом, в котором не было насмешки, но только странная гордость:

– Войско кассарийца».

** * **

Еще накануне вечером, в замке, в последний раз расставляя шахматные фигурки на макете Липолесья и проигрывая возможные варианты развития битвы, Такангор загадочно улыбался.

На рассвете его спешно вызвали на совещание с выпав-

шим из портала в двух шагах от харчевни «На посошок» взмыленным капитаном Ржалисом, который отказался выходить из гостеприимной обители даже под страхом смертной казни.

Он осушил два полных кувшина бульбяксы, наполнил знаменитую флягу, что-то пошептал в рыжее пуховое ухо генерала – при этом Такангор задумчиво поглаживал золотое кольцо в носу, – после чего спешно отбыл обратно, в распоряжение Лилипупса.

После его ухода Гописса заметил, что лицо у бравого капитана стало одухотвореннее и возвышеннее, как бывает у людей влюбленных, творческих либо столкнувшихся лицом к лицу со смертельной опасностью и чудом выживших. После чего весьма кстати вспомнил изречение бригадного сержанта Лилипупса о том, что лицо солдата должно выражать скорбь и задумчивость.

Вышла из харчевни улыбающаяся дама Цица, сделала реверанс, но издалека. Такангор остановил на ней рассеянный взгляд, оживился и подозвал деву-воительницу к себе. Короткого их разговора никто не слышал, и, хотя судачили о нем все кому не лень, ясно было одно: оба минотавра разошлись вполне довольные друг другом, но о нежных и пылких отношениях речь явно не шла. В связи с чем генерал да Галармон существенно увеличил свой капитал, ибо он чуть ли не единственный ставил на то, что славный минотавр сейчас более всего озабочен делами военными, а не сердечными.

Взволнованная мадам Мумеза, только что собиравшаяся посылать в Малые Пегасики срочную депешу о том, что «ребенка окрутила какая-то вооруженная до зубов цаца», тут же уселась писать не менее взволнованное послание Мунемее, сетуя на то, что «быщик так заработался, что не глядит даже на симпатичную девчушку». В обоих случаях следовал вывод, что надо срочно что-то с этим делать.

Поскольку писала она письмо, не отходя от барной стойки в «Посошке», то другим заинтересованным лицам путь туда был наглухо закрыт. Грустно помаячив за ее спиной, тихие и немногословные Альгерс с Иоффой отправились в «Расторопные телеги». Их согревало только клятвенное обещание полководца, что они будут защищать центр, а капрал Мумеза в своей противоударной шляпке отправится оборонять правый фланг.

В принципе, план победоносного сражения был готов. Такангора беспокоила единственная деталь, но эта деталь решала все: исход битвы, а следовательно, судьбу Кассарии и доброго рыцаря Таванеля, за которого минотавр любому был готов поотшибать рога.

Эта деталь, о которой создатели макета вспомнили в самую последнюю очередь, являлась неустранимой частью пейзажа. То был узкий проход в скалах, чуть ли не драконья нора, по которой так удобно обойти небольшое войско Кассарии с левого фланга. Будь у Такангора чуть больше солдат, он бы непременно расставил их вдоль всего ущелья, делая

упор на метких стрелков. Крылатых демонов он не боялся: в тесном пространстве их крылья не давали свободы действий, а, напротив, стесняли своих владельцев.

Крылья – свобода, только когда они раскрыты в полете. Сложенные за спиной – они тяжесть.

Марина Цветаева

Однако до определенного, тщательно им высчитанного момента каждый воин будет на вес золота, и защищать ущелье по всем правилам оказалось некому.

В принципе, представлялось возможным устроить обвал, но Такангор собирался и сам использовать этот удобный путь, дабы обрушиться сбоку на врага. К тому же подобная операция потребовала бы слишком много магической энергии. На всякий случай он проконсультировался у Борромеля и Бедерхема, но они только подтвердили его догадки: в момент боя единственным их преимуществом станет скорость.

Демоны, среди коих подавляющее большинство – могущественные колдуны, скорее всего, набросят на них своеобразную магическую сеть, мешающую творить заклинания нужной для уничтожения ущелья силы. А поскольку генерал Топотан уже роздал им задания, то они просто не успеют выполнить все, что он задумал.

Словом, как минотавр ни крутил проблему, как ни пытался решить ее наилучшим способом, а выходило, что защищать уязвимое место должен малочисленный отряд готовых

на все воинов. В иное время он бы принял удар на себя, однако полководец не имеет на это права.

Все остальное было готово, но кого обречь на отчаянное, безысходное сражение с минимальными шансами на удачу, он не представлял.

В ярости Такангор обрушил могучий кулак на стену. Испуганно пискнул какой-то библиотечный дух и улетучился в окно; нырнул под спасительный книжный шкаф ушастый эльф, составлявший каталог; а гном, несший ему подшивки старинных газет, плюхнулся на пятую точку и вытаращил глаза – прежде он не видал разгневанного минотавра и потому не подозревал, что это зрелище производит неизгладимое впечатление на очевидцев.

– Милорд?

Думгар властным жестом отпустил сотрудников библиотеки, жавшихся по углам, разгреб от бумаг и карт угол стола и выставил на него внушительный серебряный кувшин, с которого довольно скалились морды будущих противников с глазами из драгоценных камней.

– Раритетная посуда, – пояснил голем. – Все... гхм... лица выполнены с большим портретным сходством.

– Меня больше интересует его вместительность, – признался Такангор.

– У вас странное настроение, генерал.

Впервые за все время их знакомства Думгар назвал минотавра генералом.

– Мягко сказано, – пожал плечами тот. – Ума не приложу, кого поставить в ущелье.

– А кого бы вы хотели, будь ваша воля?

– Себя.

– Это исключено.

– Знаю-знаю. Мадарьяга и Гампакорта нужны мне в центре. Бедерхем сражается на полставки, до полудня. Борромель должен находиться рядом с Гампакортой, да и не продержится он там один, даже если дать ему отряд. А кого назначить в этот отряд? Кто устоит столько, сколько потребуются? Хуже всего, что сделать такой выбор – означает собственной властью обречь кого-то...

– На смерть?

– Во всяком случае, риск очень велик.

– Думаете, в другом месте будет безопаснее?

– Нет.

– Тогда что вас смущает, милорд?

– Тут, – и Такангор упер палец в небольшое пятнышко на макете, – тут будет так же тяжело, как и везде, но еще и одиноко, и безвыходно. Тем, кого я сюда поставлю, не придется отступать. Они будут как прикованные к этой скале!

– Понятно. – Думгар внимательно рассмотрел макет и расставленные на нем шахматные фигурки. – Мне нравятся ваши идеи, те, которые я в состоянии уловить. В остальном я безоговорочно доверяю вам, милорд. А потому есть два оригинальных предложения.

– Да?

– Первое – выпить за нашу победу.

– Не возражаю, – сказал Такангор, который чувствовал, что ему чего-то не хватает для душевного равновесия в последние несколько часов.

Но пришел Думгар, умнейший из големов, и развеял мрак тайны. Конечно, давно уже следовало выпить. Иссушенный жаждой организм обуяла ипохондрия, вот откуда эти тоскливые мысли.

– А во-вторых, – пояснил домоправитель, глядя, как бульбюкса низвергается водопадом в бездонную глотку великого полководца, – предлагаю вам себя в качестве этого самого отряда.

Такангор пошевелил ушами.

– Вы хотите оборонять ущелье в одиночку?

– Да, милорд.

– Думгар, я не сомневаюсь в ваших грандиозных возможностях, но все же напомним: это демоны. И там их будет много. Кажется, воевать – их любимое занятие, в остальное время они скучают. Я читал старые газеты и семейные хроники да Кассаров. У них легионы. Как вы собираетесь справиться с ними самостоятельно?

– Я предпочитаю не распространяться о своих методах, – дипломатично ответил голем. – Подумайте, милорд. Я уверен, что удержу это ущелье, коль скоро вы считаете его стратегически важным. Конечно, я бы хотел находиться подле

мессира Зелга и рядом с вами, но самым рациональным решением будет поручить мне левый фланг.

Тут Думгар заметил, что Такангор собирается что-то возразить, и опередил его обещанием:

– Даю слово чести, что позову на помощь, как только пойму, что ситуация обострится. Вас удовлетворит такое решение проблемы, генерал?

И минотавр, вздохнув, признался:

– Нет, не удовлетворит. Просто деваться нам некуда.

– Надеюсь, что я смогу вас немного подбодрить, – сказал голем хорошо знакомым минотавру тоном.

Так обычно обращался к нему Фафетус, создавший новый коктейль – гремучую смесь, валящую с ног простых смертных до того, как они смогли высказать свое мнение, – и жаждавший опробовать его на настоящем ценителе.

– Что там у вас?

Думгар пододвинул к минотавру уже знакомый кувшин.

– Бульбякса закончилась, – печально поведал Такангор.

– Возможно.

Заинтригованный минотавр осторожно потряс сосуд. Он показался ему полным, несколько крупных капель тяжело упали на бумаги, и какой-то отчаянный библиотечный дух неодобрительно пискнул по этому поводу.

– Я же все выпил!

– Это пригубный наливайник, – сказал голем. – Семейная реликвия да Кассаров. Наливает все, что пожелаешь, и в лю-

бом количестве. Наполняется сам, за счет ближайших ресурсов, как то: трактиров, харчевен, лавочек, элитных винных погребов и секретных домашних заначек.

– Здорово! – искренне восхитился Такангор. – Пахнет бамбузякой.

– Пригубный наливайник угадывает неосознанные желания владельца, – пояснил домоправитель.

Теперь-то минотавр совершенно не сомневался в том, что выиграет это сражение. Он фыркнул и прильнул к живительному источнику, как утомленный кочевник после длительного перехода по пустыне.

– Думгар! – закричал где-то вдалеке голос, в котором все лично заинтересованные признали доктора Дотта. Но не просто доктора Дотта, а страшно возмущенного доктора Дотта. – Думгар, ты снова вытащил из запасников эту адскую приспособу! Думгар! Даже не думай прятаться, я знаю, что это ты с твоим ненасытным наливайником!!! У меня испарилась бамбузяка! Держись, я иду с тобой разбираться.

* * *

Монарх прошелся по кабинету несколько раз и зачем-то заглянул под стол. У присутствующих складывалось стойкое впечатление, что именно там он пытается найти ответы на

мучающие его вопросы.

– Я понимаю, – сказал Юлейн, – Галармон в отставке, как того требовала его честь и совесть. Я сам подписывал прошение.

– Да, – кивнул граф да Унара.

– Но где наш новый главнокомандующий?

– Ушел в работу.

– Положим, но почему я никак не могу с ним встретиться?

– Он ушел в работу с головой.

– А когда вернется?

– Вот-вот...

Юлейн согласно покивал. Затем встрепенулся:

– Не морочьте мне голову! Кого мы назначили преемником Галармона?

– Его ближайшего друга и помощника – полковника Уизбека Райри Тинна.

– Это такой тифантиец с узкими глазами?

– Именно так, ваше величество.

– Я желаю его видеть.

– Никаких проблем, ваше величество, – сказал начальник Тайной Службы. – Разве что одна, совсем небольшая.

– Что еще?

– Полковник, то бишь генерал Уизбек находится в очередном отпуске.

– Вы только что сказали, он с головой ушел в работу.

– И в отпуск! – ввернул маркиз Гизонга. – Одно другому

не мешает.

– От меня всегда что-то скрывают, – посетовал Юлейн.

– Как можно, ваше величество! – Гизонга приложил руки к груди и закатил глаза.

– Ладно, – смилостивился король. – Бог с ним. В отпуске так в отпуске. Знаете что, у Галармона был такой чудный адъютант – душка, да вы должны его помнить, от него все наши дамы без ума. Даже голубушка Кукамуна с тещенькой Анафефой. Бывает же такое, – задумчиво протянул он, размышляя о чудесах, которыми полон этот странный мир.

– Вероятно, мой повелитель имеет в виду капитана Ржалиса, – заметил граф.

И главный бурмасингер Фафут, присутствовавший при беседе, печально вздохнул при одном только упоминании этого имени. Его незамужняя сестрица буквально бредила этим гулякой и повесой, а он, бурмасингер, никак не мог придумать гениальный план, чтобы заставить Ржалиса обратить на нее внимание. Конечно, никто находящийся в здравом уме и твердой памяти не влюбится в сестрицу, но попробовать все-таки стоило, а ему и это не удавалось.

– Да-да, – сказал Юлейн, – Ржалиса. Пришлите мне его. Мы уточним кое-какие моменты.

– К сожалению, – сказал граф, мягко покашливая, – может возникнуть небольшая заминка.

– Объясните, – потребовал король, почувствовавший подвох.

– Дело в том, что капитан Ржалис попросил отпуск, и поскольку последние десять лет он его не просил, то мы не могли отказать храброму рыцарю, верному слуге вашего величества в столь пустяковой просьбе.

– Это верно, – согласился монарх. – Может, и мне снова взять отпуск? Только ничего не говорите, господа, я и сам знаю, что нельзя.

– Увы, ваше величество, – вздохнул маркиз. – Вы должны оставаться на боевом посту.

– Ладно, пусть не Ржалиса, но пришлите мне кого-нибудь из моих верных и храбрых шеннанзинцев.

Вельможи переглянулись.

– Что, – робко спросил король, – вообще никого не осталось?

– Что вы, – поспешил утешить его славный Фафут. – Не беспокойтесь, сир. Там, в армии, еще много людей.

– Но шеннанзинцев нет?

– Не то чтобы вовсе нет в природе и окружающем пространстве, – снова вмешался Гизонга, – но нет при дворе в данный период времени.

– И где же они?

– В отпуске, – честно ответил главный бурмасингер.

– Хорошо, – вздохнул Юлейн, не зря прозванный Благодарным. Нрав у него действительно был добрый и отходчивый. – Я закрою на это глаза. Принесите мне «Королевский паникер».

– Если ваше величество желают узнать о ставках на Кровавую паялпу, – осторожно начал Фафут, как никто разбирающийся в предмете, – то...

– То – что?

– Вас ждет небольшое разочарование. Паялпа едет!

– Куда? – опешил король.

– В настоящий момент – в Кассарию. В связи с чем в ближайшие несколько недель поединки проводиться не будут.

– Хотите сказать – они тоже в отпуске?

– В некотором роде – да. Это рекламная поездка, в ходе которой подбираются новые кандидатуры героев и чемпионов, а потенциальные зрители знакомятся со своим будущим излюбленным развлечением.

Король подергал кружевной воротник, некстати сдавивший ему горло.

– Что ж, – кротко молвил он. – Давайте займемся делами.

Что у вас там за бумаги, граф?

– Прощения, – отвечивал да Унара. – Об отпуске.

– Меня посетила мысль, – поделился Юлейн.

Придворные не удивились. Такое с ним уже случалось: зимой позапрошлого года и весной нынешнего.

– Это заговор?

– Скорее – сговор, – поправил дотошный начальник Тайной Службы. – И не в ущерб государству.

– Кто идет в отпуск?

– Мы! – дружно грянули верные слуги отечества.

– Куда?

– На курорт. Поправить пошатнувшееся здоровье.

– А я?

– А на вас вся надежда, ваше величество.

– В ваше отсутствие я наломаю дров, отправлю в деревню кучу придворных бездельников и вусмерть разругаюсь с душенькой Кукамуной, – пригрозил король, беря в руку перо. – И потрачу чертову прорву денег из государственной казны.

– Все государства время от времени переживают некоторые потрясения и финансовые кризисы, – рассудительно заметил маркиз Гизонга.

– Если вы вдруг случайно, самым невероятным образом, по дороге на курорт окажетесь в Кассарии, скажите Зелгу...

– Король лихо подмахнул все три прошения об отпуске. – Я надеюсь на вас, милорды. Вы лучше меня знаете, что ему сказать.

* * *

– Итак, – сказал Такангор, приглашая шахматные фигурки занять отведенные для них места на макете. Те церемонно поздоровались с участниками военного совета и отправились на боевые позиции. – Итак, мы наблюдаем здесь Липолесье.

– А хорошо получилось, – довольно вздохнул Узандаф, рассматривая дело магии своей.

– Мне нравится, – согласился Мадарьяга. – Особенно вот этот пляжик. Эх, закатиться бы туда на пару дней, разбить шатры, поохотиться, порыбачить, нажарить свежего мяса. Выпить с друзьями.

– Дам-с опять же пригласить, – встрял неугомонный доктор Дотт. – Дамы-с на свежем воздухе – лучшее лекарство.

– А как амазонки относятся к активному отдыху? – любопытствовал вампир.

– Эх, – сказала Гризольда, мечтательно жмурясь, – сидишь на бережке с удочкой, солнышко пригревает, поплавочек пляшет на волнах, легкая рябь бежит; кувшинчик холодной бульбяксы – по правую руку, подносик с крендельками – по левую; красавец тритон с во-от такими плечами из воды топырится – смуглый, соблазнительный... Да, о чем это я? О войне! Конечно же, о войне.

Уэрт да Таванель так и замер с открытым ртом, сраженный наповал столь своеобразной трактовкой военных действий.

Зелг тоже подивился легкомыслию своих друзей, но промолчал.

– Дядя Гигапонт считает, что можно устроить пикник сразу после победоносного сражения, – заметил Кехертус из-под самого купола, ибо другого места в просторной библиотеке для него не нашлось. – Он берется пригласить дам.

Герцог понял, что от дяди Гигапонта ему никуда не деться, и принялся про себя считать розовых демонов. Один розовый демон занял свое место в шеренге, второй розовый демон встал за ним, третий розовый...

– Интереснось знать, выпустят ли меня когда-нибудь из заточения? – раздался скрипучий, недовольный голос из золотой клетки.

– Только к началу сражения, – безмятежно отвечал Такангор.

– Я страдаю, – поведал Бургежа. – Может, вы и безучастны к чужим страданиям...

– Безучастны, – подтвердил минотавр.

– ...но я не стану очередной безгласной жертвой произвола и скажу миру всю правду, – не унимался Бургежа. Видимо, он полагал, что долгая эволюция вела к тому, чтобы из глины и камня, сквозь ряды обезьян, варваров, крепостных, королей и рыцарей пробился простой человек с журналом «Сижу в дупле» в руках.

– Договорились, – сказал Такангор и отработанным движением набросил на клетку плотную темную ткань.

– Да, – оживился князь Мадарьяга, – все забываю спросить – а что это с ним?

И он показал на переносное узилище, из которого неслись приглушенные и неразборчивые, но от того не менее пространственные речи, исполненные достоинства и протеста против жестоких действий правящей верхушки.

– А-а... Это я ввел военную цензуру.

– И что теперь?

– И теперь демоны ничего не вычитают в газетах об Агапии Лилипупсе и его специальном секретном задании.

– А что, – заинтересовался Зелг, – у него есть специальное секретное задание?

– Вот видите, – возликовал минотавр. – Немного смекалки, немного усилий, одна благоустроенная клетка – и мы добились нужных результатов. Режим жесточайшей секретности!

Я бы не допускал в печать ничего, пока война не кончится, а потом сообщил бы, кто победил.

Некий американский цензор в 1943 году

– Кстати, – кашлянул Галармон, – об Агапии. Вам не кажется, милорд Топотан, что ему бы давно уже пора появиться в замке со своими новобранцами?

– Ни в коем случае, – возразил Такангор. – Мой план предполагает совершенно иное развитие событий. А вот на совет он непременно должен прибыть, причем с минуты на минуту.

Словно в подтверждение его слов что-то огромное и зеленое, вылетев из небольшого портала, с оглушительным треском врезалось в книжный стеллаж и разрушило его до основания. Бесценные фолианты, расставленные по сложной, только библиотекарям ведомой системе, образовали на полу

беспорядочную кучу размером с небольшой курган.

Лилипупс осторожно выпутался из невольных объятий эльфа-каталогизатора, которого угораздило попасть в эпицентр катастрофы, аккуратно расправил оглушенного библиотекаря и положил его на соседний стол, поверх сегодняшней прессы. Затем бригадный сержант обратился к двум гномам, которые взирали на него со священным ужасом жрецов, застукавших святотатца во вверенном им храме:

– Что вы меня моргаете глазами грустными своими? Организуйте беспорядок как положено.

Бравый тролль широко шагнул к столу, волоча за собой верную бормотайку.

– Ваше приказание исполнено, генерал, – доложил он, и что-то похожее на довольную улыбку тронуло углы его огромного рта.

Зелг уяснил для себя сразу две вещи. Первую: вероятно, все идет по заранее утвержденному плану. И вторую: как всегда, он что-то пропустил. Как минимум – заранее утвержденный план. В целом мысль была верная.

Скрипнула дверь. Архаблог просунул голову в образовавшуюся щель.

– Что вам, милейший? – холодно осведомился домоправитель.

– А кто у вас принимает ставки? – взволнованно спросил идейный вдохновитель Кровавой паялпы.

– Какие ставки? – изумился Зелг.

– Четыре поединка и одно большое сражение – это вполне приличный турнир. Болельщиков хоть отбавляй – две армии, причем все сплошь существа обеспеченные. Неужели вы не собираетесь делать на этом деньги?

– Деньги, – мурлыкнул Думгар. – Деньги...

– Большие деньги, – уточнил Отентал, пролезая под локтем у кузена.

– Просто поразительно, – сказал голем. – Как я сразу не увидел в вас единомышленников! Вероятно, переутомился.

* * *

«Любимая Кася.

Недавно закончился военный совет, милорд Такангор провел последний смотр войскам, и завтра... нет, уже сегодня на рассвете мы выступаем по направлению к Липолесью. Но ты, вероятно, и сама об этом знаешь. Я очень волнуюсь – ведь мне впервые придется воевать вдалеке от тебя. К тому же я не уверен, что оправдаю возложенные на меня надежды, хотя и намерен приложить максимум усилий, чтобы вырвать у демонов победу.

Надеюсь, что дедушка и Думгар правы и они (демоны) все же не станут нарушать неписаные правила, хотя и не представляю себе, как такое может быть. Вероятно, я не слыши-

ком хороший человек. Впрочем, какой же я человек, как выяснилось.

Кася, я не знаю, прочтешь ли ты это письмо. Дедушка Узандаф твердит, что та очаровательная голубоглазая девица с веснушками – не более чем символ, знак, как его седовласый рыцарь или дракон Валтасея Тоюмефа, которого фея Гризольда так забавно называет Валтасиком. Но мне кажется, что это не так.

Ты станешь смеяться, милая Кася, но я уверен, что видел именно тебя. Не знак, не символ, не зыбкую тень, а существо из плоти и крови. Или хотя бы чего-то подобного. Что я видел свою единственную и неповторимую любовь.

Ну вот, я и добрался до главного. Кася, я тебя люблю. Если меня не убьют, я обязательно вернусь к тебе. Если меня убьют, я все равно вернусь к тебе, хотя еще не знаю, как это делается. Но смог же Уэрт вырваться из Бэхитехвальда и Преисподней. И я смогу. Поэтому жди меня, пожалуйста. И ни о чем не волнуйся. Я сумею тебя защитить.

Хотел оставить тебе стихи, написанные в твою честь, но дедушка говорит, что это жестоко по отношению к любимой женщине. Наверное, ему виднее.

Касенька, прости, мне пора. Можно я тебя поцелую на прощание? Я тебя люблю.

Твой Зелг.

Постскриптум. Надеюсь, тебе понравились новые занавески. Я сам выбирал».

Войско Кассарии давно покинуло замок, солнце стояло в зените, мирные жители успели проводить своих близких, вдоволь погрузить и уже приступили к обычным делам, а в кабинете Зелга, за его письменным столом, все еще сидела хрупкая девушка – голубоглазая, веснушчатая, в синем легком платье – и смотрела в зеркало.

Там, в сверкающей глубине, беловолосый рыцарь в багровых латах Аргобба выводил аккуратные круглые буквы на желтом листе пергамента, и девушке казалось, что это самое чудесное зрелище на всем белом свете.

* * *

Думгар отделился от основных сил немного раньше и повернул к тому самому ущелью. Кассар волновался и переживал за своего домоправителя, а потому их прощание вышло немного сбивчивым. Зелг просил голема беречь себя, и голем просил Зелга беречь себя. Затем все просили его не рисковать зря, а Такангор заручился клятвенным обещанием Думгара обязательно вызывать помощь, если он поймет, что дела идут не так, как хотелось бы. Наконец, могучим усилием воли оторвавшись от друзей, каменный исполин зашагал в сторону скал – защищать левый фланг.

А два отряда двинулись к реке Тутоссе, где их с нетерпением поджидал грозный противник.

Правое крыло войск Такангора составляли проверенные в бою ветераны «Великой Тякюсении», хор пучеглазых бес-тий, мадам Мумеза в элегантной противоударной шляпке с модным в этом сезоне букетиком асфоделей, пришпиленным к тулье; а также орда кентавров, сотня амазонок, гномы, мороки, кобольды и дендроиды; господин Крифиан; горгона Ианида и дама Цица – как выяснилось впоследствии, Хвостокрут со своим двуручным мечом. Словом, на правом фланге Такангор сосредоточил фактически всю свою армию.

Второй отряд был намного меньше и состоял из самого минотавра, Зелга, Мадарьяги, Гампакорты с Борромелем, Кехертуса, кассарийских оборотней, Альгерса и полка шеннанзинских кавалеристов под командованием Ангуса да Галармона. Отдельно стоит упомянуть Карлюзу с Левалесой. Вооруженные до кончика хвоста троглодиты бодро двигались в пешем строю, а сзади обреченно, хотя и совершенно добровольно плелся осел.

Несмотря на малочисленность, выглядели они великолепно.

Зелг верхом на амарифском вороном жеребце, на котором даже самый придирчивый домовый не отыскал бы белой шерстинки, в багровых латах Аргобба и с черным знаменем Кассарии в руках смотрелся так, будто только что сошел с картинки модного рыцарского журнала «Всегда в седле».

И обладатели широко разрекламированных доспехов модели «Грация» и «Иллюзия» могли только кусать локти от зависти, глядя на него.

Полностью экипированный герцог стоит столько же, сколько два дредноута, причем герцоги наводят больше страха и дольше служат.

Дэвид Ллойд Джордж

Кровавый шлем в виде головы древнего чудовища с широким и высоким гребнем, опускающимся до лопаток, придавал ему необходимую свирепость, коей хронически не хватает пацифистам. В миндалевидных прорезях угрожающе сверкали лилово-черные, как сама Тьма, глаза. Рельефные наплечники делали его мощнее; панцирь, облегающий тело, как перчатка, надежно защищал торс. На вышитом драгоценностями серо-синем поясе висел знаменитый Нечеловеческий меч, который Думгар хранил в сокровищнице специально для подобного случая. На естественный вопрос молодого некроманта, отчего же он не выдал такое уникальное оружие в прошлую войну, рачительный голем резонно возразил, что Генсена в расписании не было и вторжение Бэ-хитехвальда явилось внеплановым. А расходовать драгоценный раритет на уважаемого Юлейна по меньшей мере смешно.

Нечеловеческий меч, за обладание которым иные воины готовы пойти в вечную кабалу, оказался такого же крова-

во-красного цвета, как и латы Аргобба. Он очень напоминал клинок Генсена тем, что по сверкающему лезвию бежали, переливаясь, черные руны. Легенда гласила, что раненный либо убитый этим мечом навсегда попадает в рабство к его владельцу. Зелгу ужасно не хотелось на практике проверять, правда это или вымысел.

Зато ножны ему понравились. Он всегда ценил шедевры – не важно, будь то скульптуры, картины, украшения, глиняные горшки либо вышивка. Главное – как это сделано. Ножны были выполнены с любовью и высочайшим мастерством, и Зелг не уставал любоваться ими. Он то и дело принимался рассматривать багряную поверхность из странного материала, на которой были не то отлиты, не то вырезаны батальные сцены.

Крошечные фигурки столкнулись в яростном противостоянии; они сражались и умирали; их лица были искажены гневом, болью, ненавистью и страхом. Но встречались среди них и умиротворенные, и просветленные, и просто веселые. Герцог смотрел и диву давался – здесь все было как в жизни.

Над правым плечом некроманта жужжала крыльями жизнерадостная Гризольда, наряженная в кольчужную мини-юбку вместо привычной шелковой и увешанная различными амулетами. Сторонний наблюдатель поставил бы сто к одному, что они перевешивают толстенную фею, так что совершенно неясно, как ей удается удерживаться в воздухе. Отдельное впечатление на неподготовленного зрителя про-

изводил мощный бюст феи, надежно упрятанный в стальные чашечки дамского панциря.

Справа, не отводя сияющего взгляда от отважной невесты, парила душа лорда-рыцаря Уэрта Орельена да Таванеля. И глаза ее искрились счастьем, ибо впервые за долгие беспросветные века призрак погибшего кельмота занимался любимым делом, да еще в компании любимой женщины.

Такангор в своих знаменитых доспехах Панцербулл Марк-Два и шлеме работы Альгерса, дополнительно обработанном взглядом Горгоны Ианиды, казался воплощением какого-нибудь древнего минотаврского божества. Свой фамильный боевой топорик он нес на плечах, и утреннее солнце безмятежно отражалось в зеркальном лезвии.

Князь Альба Мадарьяга плыл по воздуху, не касаясь ногами земли, и стильный алый плащ парил у него за плечами. Он вел непринужденную светскую беседу со слепым оборотнем. Гуго ди Гампакорта уверенно шагал в строю, и в его пустых глазницах то и дело вспыхивали и гасли искорки адского огня. Борромель занял свое место, но время от времени вмешивался в разговор с вопросами о Кровавой паялпе – ее месте и назначении в жизни смертных, а также высшем смысле этого странного действия.

Кехертус страшно радовался первому путешествию и первому настоящему приключению в своей жизни. Зелг чувствовал, что где-то поблизости находится и вездесущий дядя Гигапонт, обязательно чем-то недовольный, но доказать

ничего не мог.

Шеннанзинцы, все как на подбор, а вернее – тщательно отобранные из остального тиронгийского войска, высокие, статные, улыбчивые и веселые, ехали, безупречно выдерживая строй, и казалось, что они отправляются на загородную прогулку, а не на битву, которая для каждого из них может стать последней. Впрочем, что способно вызвать страх в душе воинов, прорывавших оборону Тут-и-Маргора, когда в тылу маячил Лилипупс?

Особое очарование группе войск, призванных защищать центр, придавала яркая и шумная процессия, которая плелась в самом хвосте.

Процессию возглавлял Узандаф Ламальва да Кассар в огнеупорном костюме, пантуфлях и под зонтиком, сделанным из кожи саламандр. В этом облачении он мог свободно стоять на кипящей лаве, наблюдая за извержением вулкана в непосредственной близости. Адское пламя было ему нипочем.

Альтернативный вариант походного облачения представлял доктор Дотт в своем неизменном черном кожаном халате, о котором в одном из модных журналов высказались так: «Просто, сдержанно, стильно и со смыслом». Халат с висящими над ним глазками производил сильное впечатление на видавших виды демонов, а вот шеннанзинские кавалеристы уже свыклись с ним во время прошлой войны и относились как к родному.

На сей раз доктор ехал на войну не просто так, компании для. Не только поддержать товарищей, поучаствовать в битве, размять душу и вставить свой пульцигрош в общую свалку. Ему вдруг приспичило заполучить для опытов какую-нибудь адскую тварь. Он оповещал всех и каждого в поле зрения, что напишет сенсационную диссертацию, с какой и заявится в Медицинский Компромиссный Центр, где при жизни ему дали от ворот поворот с его революционной работой «Застарелая демоническая сонливость. Проблемы и решения».

Компанию ему составил специальный корреспондент Бургежа, выпущенный накануне из персональной золотой клетки и тоже горящий жаждой великих свершений. Пухлицерскую премию он уже получил и теперь желал учредить новую – собственного имени. А для этого требовались незаурядные достижения в области журналистики. Скажем, подробное и откровенное интервью с повелителем Преисподней.

Жрец Мардамон в парадном боевом облачении, сшитом на заказ у лучшего портного Виззла, – темно-синей рясе в мелкий желтый горошек – полностью отрешился от окружающей действительности: он репетировал речь, призванную обратить невежественных демонов в истинную веру и увеличить количество жертвоприношений за отчетный период с жалкого нуля до внушительной цифры.

Архаблог и Отентал решились на сие рискованное предприятие отчасти из любви к Такангору, отчасти из любви к

деньгам, отчасти из веры в рекламные акции. Они намеревались произвести конкретное суждение поединков, предстоящих битву, и заодно присмотреть себе пару-тройку новых чемпионов. К тому же кузены уже начали принимать ставки на исход отдельных поединков и сражения в целом. Азартные шеннанзинцы и ветераны «Великой Тякюсении» единодушно ставили на победу кассарийцев, так что теперь кузенам просто необходимо было добраться до противной стороны и побудить ее принять участие в игре. Если они и боялись жителей Преисподней, то начисто забыли об этом за организационными хлопотами.

Чесучинцы тряслись за войском в цветастом полосатом фургончике, на котором был прикреплен плакат «Паялпа едет!» с подзаголовком: «Если вы не едете на паялпу, то паялпа едет к вам».

Птусик, по его словам, разведывал обстановку, а на самом деле прилагал все усилия к тому, чтобы не обнаружить на открытом пространстве мало-мальски значимый объект, в который ему пришлось бы по умолчанию врезаться.

Бумсик и Хрюмсик степенно вышагивали нога в ногу с Такангором, изредка бросая на него кроткие вопросительные взгляды. Им не терпелось как следует разогнаться и врезаться в ряды супостатов с серьезным, угрожающим выражением – простите на слове – лица. Хряки тосковали по рукопашной, в которой их самовыражение достигало предельной полноты.

Ангус да Галармон, впервые за долгие годы принимающий участие в битве как простой командир подразделения, буквально цвел от радости. Во-первых, он полностью полагался на Такангора. Во-вторых, с истовостью фанатичного верующего уповал на бригадного сержанта Лилипупса, чем бы тот ни был занят в настоящее время. В-третьих, вероятно, в преддверии возможной гибели на поле брани кассарийский распорядитель Гвалтезий выдал ему рецепт заливной рыбы фусикряки, стоивший жизни не одному десятку поваров и кулинаров-любителей. Как заметил по этому поводу проникательный летописец: кому-кому, а Ангусу да Галармону было для чего жить и за что умирать.

Их было до смешного мало против несокрушимой, всепобеждающей орды. Однако они шли не как на бойню – как на праздник.

Кто воздаст по заслугам солдатам головных полков?

Это они первыми идут в атаку, взламывая мечами несокрушимый вражеский строй; погибая под копытами боевых коней; повисая на кольях, пиках и копьях; захлебываясь в кипящей смоле и в вонючей жиже замковых рвов.

Это они стоят как незыблемые скалы, не отступая ни на шаг и отражая яростные атаки таких же, как они, смельчаков.

О, невероятно почетно – служить в головном полку. Это привилегия смертника. Привилегия того, кто с устрашающей вероятностью не вернется живым с поля боя. Того, кто непременно впишет свое имя в историю. Среди бесчислен-

ного множества забытых имен других неизвестных солдат.

Головные полки, отборные воины – дебоширы, гуляки, повесы и пьяницы, как никто ценящие краткий миг бытия, потому что другого у них может и не быть. Судьба благоволит им, но отпускает недолгий век. Так ярче всего сияют на небосклоне падающие звезды.

И они проживают его, как проживают наследство; спускают в азартной игре со смертью, как спускают на бегах фамильные замки и родовые поместья. Солдаты головных полков – что им нужно на этой земле? Полноценная, насыщенная жизнь и славная смерть. Да еще – улыбка красивой женщины. Если повезет – то единственный настоящий поцелуй, о котором они станут вспоминать в последнюю минуту, когда остальной мир уже подернулся тьмой, – и ничего не увидеть, да и видеть не нужно. Они все знали наперед о своей судьбе, когда записывались в головной полк, – и пусть завидуют им все пророки Каваны.

Солдаты головных полков, возлюбленные смерти, – никто не умеет так веселиться, как вы. Никто не умеет так искренне жить и так просто умирать.

Лучший отряд Такангора двигался по левому берегу Тутоссы, занимая отведенное ему место.

– Кто это? – удивленно спросил Князь Тьмы, разглядывая сие малое воинство.

И мудрая Моубрай ответила ему:

– Войско кассарийца.

ГЛАВА 15

Битва в Липолесье вошла впоследствии во все учебники и изучалась курсантами военных академий как уникальный пример победы, одержанной вопреки сложившейся ситуации.

Правда, тем прекрасным солнечным утром Князь Тьмы и его приближенные вельможи еще не догадывались о том, какая дидактическая судьба им уготована. Но странное поведение противника уже тогда насторожило их и заставило подозревать неладное. Подозрения эти подтвердились часом позже, самым худшим образом.

Солдаты Такангора действовали быстро, четко, слаженно, организовано и – совершенно непонятно. Ни один из военных теоретиков того времени не смог бы предсказать дальнейшее развитие событий, ибо генерал Топотан нарушил абсолютно все правила ведения боя.

Прежде всего, в уютной тенистой рощице был разбит огромный красно-белый полосатый шатер, над которым повесили плакат: «Ставки принимаются только до начала сражения! Спешите!» Двое смешных человечков, в которых всезнайки демоны сразу опознали бессменных организаторов Кровавой паялпы – Архаблога и Отентала, суетились возле столика, заваленного кипами пергаментов, и что-то завлекательно считали на маленьких счетах.

Демоны – стяжатели по своей природе. Согласитесь, трудно пробуждать в душе человека алчность, скупость, мелочность, жадность и страсть к азартным играм, если ты сам не обладаешь подобными качествами.

Солдаты Тьмы были уверены в победе своего оружия. Крохотное войско противника, представшее их взгляду, только укрепляло эту уверенность. На закате они собирались уже праздновать свой триумф в подземных чертогах. Какой же уважающий себя демон откажется заработать несколько золотых монет в такой ситуации?

Скромный ручеек желающих сделать ставку, потянувшийся с правого берега на левый, вскоре превратился в могучий поток.

– Не все сразу, не все сразу, господа! – приговаривал Архаблог, сыпая золото в предусмотрительно захваченные из замка бочонки. – Чем меньше мы будем суетиться и спорить, тем быстрее приступим к следующему клиенту.

А Отентал время от времени отводил какое-нибудь особенно безобразное и устрашающее существо в сторону и интимно ворковал:

– Скажите, а вам никогда не хотелось попробовать себя на арене? В какой роли? Разумеется, в роли героя.

Над оживленной очередью азартных игроков летал грустный полковник Даэлис-Предатель и бубнил:

– Господа! Немедленно возвращаемся на боевые позиции. Дружно строимся под знаменами! Проявляем созна-

тельность и патриотизм!!! Господа, вас ждет кровавая сеча – ну что вы, право, как маленькие!

– М-да, – сказал на это какой-то из демонов. – На войне – это тебе не в отпуске. Никакой личной жизни.

Адский казначей, демон Тамерлис, духовный брат маркиза Гизонги, тревожно метался возле своего повелителя, пытаясь сосчитать предполагаемую сумму налога на выигрыш и вычислить, какую часть прибыли попытаются утаить от него алчные подданные. Его бы воля, он бы вообще отменил это сражение и занялся гораздо более важными и насущными делами. И начал бы с изучения безусловно полезного и уникального опыта организаторов Кровавой паялпы.

Тамерлису было обидно, что это не он додумался принимать ставки на победу в нынешнем сражении, хотя в свое оправдание он мог привести целый ряд объективных причин. Казначей заикнулся своему господину о краткосрочной командировке на тот берег Тутоссы – командировке, оплаченной по минимальным ставкам ввиду военного положения, и даже без оплаты проживания, однако получил резкий и недвусмысленный отказ. Ну а махать тяжеленными бронированными крыльями за свой счет Тамерлис не видел смысла.

Разве хоть один владыка слушает своего казначея или министра финансов? Нет, они только требуют денег, денег и еще раз денег, а получив их, тут же призывают к строгой экономии средств и просят предоставить очередной проект. И

никогда не спрашивают, откуда они берутся, как не желают знать, куда они деваются. Вы думаете, в Преисподней с этим обстоит иначе? Ошибаетесь, господа.

Единственный способ заставить правительство экономить – это не давать ему в руки те деньги, которые оно могло бы экономить.

Говард Джарвис

Тем временем шеннанзинцы установили разноцветные шатры для Зелга, Такангора и прочих выдающихся особ. Шатров было чуть более десятка, и каждый из них являлся форменным произведением искусства. Нигде в целом свете больше не нашлось бы такой красоты. Оно и немудрено. Вряд ли где-то в мире отыщется еще несколько пауков, увлеченных изящным рукоделием.

Чуткий ценитель прекрасного, Князь Тьмы заволновался на своем троне, вытягивая чешуйчатую шею, чтобы получше рассмотреть приглянувшиеся вещи.

Ситуация в целом решительно ему не нравилась. Во-первых, противник коварно опоздал к началу, к эффектному прибытию демонов, когда разверзлась земля и всполохи пламени достигали скомканных облаков, когда все в окружающем пейзаже тряслось и грохотало, а мутная река вышла из берегов. Зрелище, что ни говори, редкое и внушительное. Обычно зрители бывали потрясены. Обычно, но не на сей раз. Никто не ахнул, глядя, как из пылающей бездны подни-

мается огромный золотой трон, на котором восседает Владыка Преисподней, как выходят за ним его верные вассалы, как темнеет день и адские барабаны грохочут все сильнее, так что, кажется, сама земля колеблется от этого яростного стука. Никто не ужаснулся, никто не забился в истерику, никто не ударился в паническое бегство. Воинственный дух Князя Тьмы был уязвлен этим обстоятельством. Легко ли – выходить в свет на смехотворно короткий срок (от рассвета до заката), раз в несколько столетий, а то и реже, и не произвести этим выходом фурора? Прилично ли это для существа с его репутацией и положением в обществе? А тут еще эти шатры, принадлежащие кассарийцам. Утешало одно – приличные трофеи уже подвезены, осталось только их добыть. И владыка Тьмы принял решение начать битву. Он поднял огромную черную восьмипалую руку – снопы искр рассыпались вокруг трона – и резко опустил ее вниз.

Внушительный и авантажный герольд, отдаленно похожий на летучую мышь-переростка с головой щуки, вышел вперед и заговорил:

– Внемлите, смертные, словам повелителя Ада! Князь Тьмы вызывает на бой Зелга да Кассара, и пусть их поединок решит исход сражения.

Мощный голос демона-герольда катился по полю громовыми раскатами, и Зелг постучал по шлему, потому что у него заложило уши. Это не помогло, но принесло некоторое удовлетворение, ибо он сделал все, что мог. Откровенно го-

вора, герцог не думал, что ему удастся пережить бой с Сатараном Змееруким, а потому мелочи его уже не волновали.

Он отрешенно рассматривал равнину, на которой ему предстояло драться со всемогущим демоном, и с каждой минутой она нравилась ему все больше. С одной стороны – прозрачная река, с другой – милый лесок, взбегающий на холмы. Большое открытое пространство, усыпанное цветами. Вполне подходящее место для вечного упокоения. Осталось только придумать какую-нибудь надпись потрогательнее для надгробного камня да сразиться с Сатараном – и дело сделано.

Некромант как раз представлял себе, какие теплые, добрые слова скажут над его могилой безутешные друзья, когда в грезы бесцеремонно вторглась реальность.

– Внемлите, смертные, воле владыки Преисподней! – снова загрохотал герольд. – Сатаран Змеерукий, Карающий Меч Князя Тьмы, будет его шуйцей и десницей в этом поединке.

– Надо упосылать меня противной стороной. – Карлюза решительно подергал Зелга за плащ. – Верхом на осле непоразим есть.

– Это исключено, – ответил будущий павший герой.

– План имею, – поделился Карлюза. – Наскакиваю, наносу смертоносный укусам в куда-нибудь и ускакиваю.

– Исключено. Хотя и гениально.

– Пинаю ословыми копытами по инициативе осла, – соблазнял Карлюза. – Очень неприемлемо для творческих и демонических натур.

– Я уже все решил.

– Прекрасно выглядите, мессир, – возник рядом с Кассаром страшно довольный Архаблог. – Все демоны поставили на ваше сокрушительное поражение. Вся кассарийская армия – на вашу победу. Ставки огромные. Помните – материальное благополучие ваших воинов теперь в ваших руках. На вас с надеждой взирают финансово заинтересованные жены и матери. К вам тянут крохотные ручонки прожорливые младенцы...

– ?!!

– Знали бы вы, во сколько обходится среднему гражданину вырастить одного сладкоежку, вы бы заплакали, мессир. Вы не можете проиграть. Мы в вас верим.

Честный ребенок любит не папу с мамой, а трубочки с кремом.

Дон Аминадо

Надо сказать, что сия торжественная речь не столько взбодрила, сколько обескуражила бедного некроманта, у которого – по мнению его домоправителя – было гипертрофированное чувство ответственности, усугубленное чересчур живым воображением. Перед его мысленным взором тут же возникли сотни младенцев, орущих в своих стареньких колыбельках, и только титаническим усилием воли Кассар принудил себя не удариться в бег. Ему срочно требовалась мощная поддержка старших, более опытных родственников.

Он покрутил головой, но более опытных родственников в поле зрения не оказалось. Мало того что их можно было считать по пальцу одной руки, так еще и этот единственный блистал своим отсутствием.

– Где же дедушка? – огорченно спросил Зелг. – Хоть бы сказал какое-нибудь толковое напутствие. Попрошался бы, не исключено, что и в последний раз.

– Какое тебе нужно напутствие? – пожал плечами равнодушный к чужим страданиям вампир, чью совесть не обглаживали голодные младенцы. – Пойди победи и возвращайся обратно. Тут скоро дел будет по горло.

– В том случае, если я не вернусь...

– И слышать не желаю! – рявкнул Мадарьяга. – Бегом на поле брани! Как это говорится – пришел, убил, пограбил и к своим. И чтобы никакого самопожертвования!

– В том случае, если вы уже не вернетесь, – по-журналистски решительно подлетел к герою Бургежа, – попрошу несколько слов для читателей и благодарных потомков. Помните, это ваши последние слова – они должны быть значительны. Чтобы мне не стыдно было напечатать их в своем издании.

Герцог задумался. Он желал быть достойным журнала «Сижу в дупле». А задумавшись, не заметил, как нечто круглое, пуховое и возмущенное до глубины души было схвачено князем ди Гампакортой и одним метким броском отправлено в глубокий тыл.

Пока Зелг размышлял над последней в своей жизни фразой, добиваясь остроумия, мудрости и оригинальности, в стане врага появились первые признаки смятения.

Дело в том, что после третьего сигнала адского рога должен был восстать посреди поля битвы великолепный Сатаран. Как раз сию минуту его огромное тело, казалось, отлитое из черной бронзы безумным скульптором, должно было эффектно появиться из-под земли, как полагается особе его происхождения – сплошь в сверканиях молний и клубах ядовитого серного дыма.

По замыслу придворного распорядителя церемоний, мелкого беса Алекса Редса, чье живое воображение помогло ему сделать головокружительную карьеру в Преисподней, уродливая голова адского вельможи с неподвижно глядящим алым глазом вот-вот должна была показаться из густого желтого тумана, который постепенно таял под порывами свежего ветра, дующего от реки.

Должна была. Но упорно не показывалась.

Всегда приятно не прийти туда, где тебя ждут.

Оскар Уайльд

Напрасно бесы, выбиваясь из сил, лупили билами в черные громадные барабаны, стоящие на повозках, запряженных безголовыми бегемотами. Напрасно трубили крылатые герольды, выдувая из своих горнов истошные стоны и вопли. Совершенно безрезультатно выкрикивали его имя легионы.

И белые молнии совершенно зря ударяли в многострадальную равнину с неба, спешно затянутого черными тучами. И упомянутый выше серный дым тоже ни на что не пригодился, разве что заставил закашляться нескольких шеннанзинцев да произвел неизгладимое впечатление на трепетного Мардамона. В остальном же ситуация сложилась аховая: могущественнейший из демонов, Карающий Меч Князя Тьмы, Сатаран Змеерукий исчез.

Напрасно метались в поисках его крылатые посланцы; адские провидцы безуспешно обшаривали небо, землю и генну огненную – лорд-маршал будто растворился в пространстве. И лишь одно существо могло пролить свет на эту страшную тайну – Узандаф Ламальва да Кассар.

Возможно, образованный читатель знает, что долг чести – превыше всего. В каком-то смысле это самое сильное и безотказное секретное оружие, если ты имеешь дело с азартным, но по-своему благородным игроком. Мудрая мумия блестяще использовала все возможности этого оружия в борьбе против непобедимого Сатарана.

Успешно опробованный на его сородичах «научный подход», принесший Узандафу не только внушительную сумму, но также и право на беспошлинный перелет и диплом доктора горгульского университета в Кисьякисах, оправдал себя и на сей раз.

Сатаран Змеерукий как раз маялся от скуки в ожидании своего триумфального выхода и размышлял о том, что все

однообразно и пресно в этом однообразнейшем и преснейшем из миров. Никакого интереса жить – все известно и написано заранее. Вот сейчас он выйдет к своему обреченному противнику, которого прежде и в глаза не видел, ухлопает его во славу повелителя; возможно, немного поучаствует в кровавом сражении – и снова под землю, в обрыдливые огненные чертоги, кто знает на сколько веков. Дело в том, что Сатаран достиг такой степени могущества, что неписанные Законы запрещали ему выходить на поверхность чаще чем один раз в пять веков и дольше чем на двенадцать часов, ибо в присутствии существ, подобных ему, мир безудержно менялся. А это нарушало Равновесие.

Лорд-маршал Преисподней никому не мог признаться в том, что давно истосковался по экстриму, по тем временам, когда было чем рисковать, что терять и чего добиваться. Адская карьера была сделана, и теперь он тихо ненавидел и это Равновесие, и однообразие скучной жизни; он зевал и грустил в ожидании сигнала к сражению, когда перед ним нарисовалась хитро улыбающаяся мумия в халате, пантуфлях и под зонтиком и завлекательно потрясла какой-то странной коробочкой.

– Развлечься не желаете? – спросила она. – Другими словами – не дай себе засохнуть.

– Что у вас там? – уточнил лорд-маршал.

– Тараканьи бега, – не утаила мумия. – Лучшие тараканы-зомби с конюшен Узандафа да Кассара.

– Узя, вы, что ли? – выдохнул демон. – То-то я смотрю – фас неузнаваемый, а профиль знакомый. Конечно, давайте сыграем. А на что?

Здесь Узандаф изложил ему свой гениальный план, и Сатарану показалось, что жизнь заиграла новыми красками. В случае проигрыша ему пришлось бы докладывать Князю Тьмы, что он не может выступить в поединке против кассарийского некроманта, что сразу придало всему смысл и утраченную давно остроту ощущений.

* * *

Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть.

Лев Толстой

Туман давно рассеялся, тучи утекли куда-то на север, день снова стал солнечным и ярким.

Архаблог вышел на равнину, где должен был состояться поединок между Сатараном Змееруким и Зелгом да Кассаром и где одиноко вздыхал только последний, в багровых до-спехах, что-то мучительно напоминавших повелителю Ада, и, откашлявшись, объявил:

– Властью, данной мне чесучинским губерхером, объяв-

ляю, что в связи с неявкой на поле боя участника поединка Сатарана Змеерукого, полномочного представителя владыки Преисподней, Князя Тьмы и прочая, прочая, прочая, именуемого в дальнейшем «и прочая», победа присуждается Зелгу Галеасу да Кассару. «И прочая» объявляется проигравшей стороной со всеми вытекающими отсюда выплатами по ставкам. Выплаты будут производиться по окончании сражения. Попрошу фанфары и приветственные крики в честь победителя.

Фанфары послушно грянули.

Князь Тьмы не поверил своим ушам.

– Что там происходит? – прошипел он, наклоняясь к своему адъютанту.

– Виноват, больше не повторится!

– Этот червяк сказал, что я проиграл поединок?!

– Не вы, мой повелитель. Сатаран – в связи с неявкой.

За неудачи всегда оправдывается заместитель.

Правило Шермана

– Отправляйся к этому жалкому человечешке и скажи ему, что я обещаю ему тысячи лет адских мучений, если он немедленно не возьмет свои слова обратно.

Тут до легионов демонов, с нетерпением ожидавших результатов поединка, дошел смысл сказанного, и рев ярости и разочарования прокатился по Липолесью. Воины Преисподней оплакивали свои пропавшие прибыли и больше ни о

чем думать не могли. В их рядах воцарилась суета и неразбериха. Демоны толкались, завывали, искрились, окутывались огненными вспышками, визжали и на чем свет стоит, проклинали Сатарана, коего в обычном состоянии боялись пуще собственной смерти.

Архаблог откашлялся и заявил:

– Тишина! Прошу тишины! В случае, если проигравшая сторона будет вести себя неподобающим образом, властью, данной мне чесучинским губерхером, я удалю ее с места проведения сражения и объявлю о полной и окончательной победе Кассарии. С соответствующими выплатами по сделанным ставкам.

Демоны взвыли в последний раз и замолкли. Они еще рассчитывали отыграться в следующих поединках да и на результате самого сражения, и потому им вовсе не улыбалось потерять все деньги разом из-за собственного недисциплинированного поведения.

Заметив такое редкостное единодушие в своих войсках, Князь Тьмы решил не усугублять ситуацию и тихим шипением отозвал адъютанта. Он еще сильнее, чем когда бы то ни было, мечтал заполучить Книгу Каваны и узнать все секреты беглой души Таванеля. Он грезил о власти над миром, недоступной ему ныне.

Примерно такой, как у чесучинского губерхера.

Лорд Малакбел Кровавый, сеятель Смерти, сразу понравился Такангору Топотану. Было в этом демоне что-то такое особенное, располагающее к немедленному смертельному поединку. Всякий, бросивший на него хотя бы один беглый взгляд, сразу бы понял, что невозможно заставлять окружающих и дальше лицеизреть этого монстра и нужно принимать самые решительные меры.

Такангор с раннего детства терпеть не мог объясняться с родственниками и друзьями пострадавших на животрепещущие темы «да как же так?», «за что?» и «почему?». Заинтересованным лицам иногда сложно втолковать простейшие вещи. И Малакбел сразу стал ему люб, потому что, глядя на него, всем было ясно, за что, почему и как же так.

Теперь, много лет спустя после битвы в Липолесье, когда в моду вошли витражи, посуда и кафель с изображением адских тварей, всякий художник изошрется как может, пытаясь переплюнуть коллег изобразительной силой своих шедевров. Скажем сразу: ни одному из них не достало воображения хотя бы приблизительно передать те ужас и отвращение, которые внушал облик Малакбела Кровавого.

Сеятель Смерти и сам выглядел как существо, слепленное из сотен разнообразных скелетов. Ни пяди живой плоти не

было на его теле. Десятки уродливых черепов тарасились на врага черными пустыми глазницами. Десятки костлявых рук и лап тянулись к противнику. Сотни смертоносных когтей со свистом разрезали воздух. Сотни клыков обнажались в кривых усмешках. Тысячи шипов и колючек встопорщились на выдубленной временем шкуре.

Как сказал по этому поводу беспощадный лауреат Пухлицерской премии, Малакбел был похож на дурно воспитанный, злобный кактус-переросток. (За что и судился впоследствии с Кровавым на очередном Бесстрашном Суде за клевету и очернение личности и выиграл процесс, ибо все без исключения судьи признали словесный портрет безукоризненно точным. На время судебного разбирательства и без того немаленький тираж «Сижу в дупле» вырос почти втрое, а Бургежа на две недели стал самой популярной личностью Тиронги, обойдя всех красавиц Булли-Толли и нового чемпиона Кровавой паялпы.)

Сам факт появления Малакбела уже несказанно обрадовал адские войска. Князь Тьмы милостиво ощерился ему со своего трона, а довольный герольд быстро прощebetал все его регалии и убрался восвояси, чтобы не мешать поединщикам.

Поединок обещал быть коротким и свирепым, и это ясно понимали обе воюющие стороны. Даже самые ярые поклонники таланта генерала Топотана считали, что лучшей тактикой для минотавра в этом бою станет паническое бегство.

Обычно Такангор представлялся Зелгу легендарным великаном, но сейчас, рядом с Малакбелом, минотавр смотрелся более чем скромно. Он едва доходил до локтя огромному демону, который стоял посреди равнины, широко расставив костистые серые лапы с добрым десятком сочленений. Мало того, он, демон, опирался сразу на три мощных хвоста, каждый из которых более всего походил на гигантскую пилу. В десятках рук адский генерал держал секиры, мечи и дротики; десятки лап заканчивались кинжальной остроты когтями. И фамильный боевой топорик Топотанов выглядел сейчас неубедительно.

Кассар прерывисто вздохнул, вспомнив слова Уэрта да Таванеля: «Вероятнее всего, милорд Такангор не переживет поединка со своим противником. Ибо его противник по определению непобедим, и не смертному, пускай и могучему минотавру спорить с ним на равных».

Права была каторжная душа, ох как права.

– Я предлагал принести жертву! – встрял Мардамон. – Так что ко мне никаких претензий.

– И что бы изменила эта ваша жертва? – спросил Кехертус, нервно плетя очередное кружево.

– Чистая совесть еще никому и никогда не мешала.

– А что-то более полезное от этих ваших жертвоприношений случается?

– И я не шатался бы без дела по полю битвы.

Тут осенило незримого дядю Гигапонта.

– Дядя Гигапонт спрашивает, почему бы вам самостоятельно не приискать достойную жертву в рядах наших врагов? – перевел Кехертус.

– А ведь он гений – ваш дядя! – восхитился жрец. – Ну что, пошел я, наверное, без лишних слов. Жертвы, они, знаете, ждать не любят. Все время норовят куда-нибудь смыться.

Дядя Гигапонт заметил племяннику, что в этом смысле он полностью солидарен с жертвами.

Наверное, еще немного – и Зелг бы сорвался с места с криком «Отмените поединок!», но Такангор опередил его. Не то почуял неладное, не то вдоволь налюбовался отвратительным зрелищем и решил положить конец этому безобразию.

Гладиатор принимает решения на арене.

Древнеримская пословица

Он закрутил в руках свой топор и приветливо уточнил:
– Чего ждем?

Со свистом, рычанием и визгом Малакбел обрушился на своего противника. Первый удар был нанесен с такой силой, что две или три конечности генерала по локти увязли в мягкой земле равнины, а пилообразный хвост раскрошил глыбу известняка. Один из черепов, росших прямо из серого бронированного бока демона, клацнул зубами в воздухе буквально в дюйме от тщательно напوماженной кисточки, чем окончательно рассердил Такангора. Он элегантно уклонился

в сторону и нанес ловкий удар, отрубив несколько когтистых лап.

Это порадовало группу поддержки, но общей картины не изменило.

– Сгинь, жалкий смертный! – загрохотал Малакбел, как и все демоны, склонный к драматическим эффектам.

– Ага теперь! – лаконично отвечал минотавр, радуясь универсальности любимой фразы.

– Сокрушу! – взвыл Кровавый.

Его хвосты вспахивали на равнине глубокие рваные борозды и вырывали огромные комья земли вместе с травой. Руки наносили удар за ударом, и каждый из них должен был стать смертельным, но Такангор легко уклонялся от выпадов или принимал их на рукоять своего боевого топорика. И вот что удивительно – наблюдателям с обеих сторон начинало казаться, что сокрушительная мощь Малакбела не только не пугает, но в какой-то мере даже забавляет славного кассарийского генерала. Удар, способный свалить с лап крупного василиска, он парировал глазом не моргнув и даже пошел в наступление. Демон заметно растерялся, Князь Тьмы занервничал и слегка задымился, Зелг успокоился, а Гуго ди Гампакорта заинтересовался.

– Я уже говорил тебе, что этот бычок силен необычайно. Как-то даже не по-минотаврски силен, если ты понимаешь, о чем я, – обратился он к Мадарьяге, который следил за боем с таким усиленным вниманием, что его острые уши ста-

ли торчком, а желтые глаза сузились до крохотных щелочек, сверкающих золотом.

– Говорил, говорил, – подтвердил вампир. – Да я и сам знаю.

– А вот Борромель считает, что мы являемся свидетелями чрезвычайного, невероятного происшествия. Ибо на его памяти только Павшие Лорды могли с такой легкостью противостоять демону высшего ранга. Ведь это не экой какой-нибудь, хотя и с эком обычному смертному не тягаться. Это лорд Малакбел Кровавый, а не хвост собачий. Он одних только поверженных богов считает десятками.

– Простите, господа, – придвинулся к ним Зелг, не сводивший изумленного взгляда с равнины, на которой кипел *равный* бой. – Мне слышалось, вы упомянули Павших Лордов.

– Так, к слову пришлось, – небрежно ответил Гампакорта, чувствительно сдавливая локоть вампиру, который как раз собрался просветить Кассара на предмет интересующей его беседы. – Я сказал Мадарьяге, что ваш... что наш бычок силен, как Павший Лорд.

– А-а, – разочарованно протянул Зелг. – Мне совсем другое слышалось.

– Слышалось, слышалось, – ласково мурлыкнул Гампакорта.

Хрясь!!!

Топор Такангора с жутким треском вонзился в бедро Ма-

лакбела, как в старую сухую колоду. Демон покачнулся, отчаянно молотя лапами воздух, но удержался на ногах, ибо на помощь пришли все три его хвоста. Однако теперь он стал гораздо менее подвижным, ибо не мог опираться на правую лапу, почти отрубленную у основания. По той же причине один из его хвостов сделался бесполезным в бою.

Вероятно, это было не самое страшное ранение, и даже с ним Малакбел все еще оставался смертельно опасен, но недаром опытные полководцы утверждают, что моральный дух войск в бою значит чуть ли не больше, чем их сила и численность, – и знаменитая атака на Тут-и-Маргор тому ярчайший пример.

Может, и не впервые в жизни, но уж точно впервые за несколько десятков тысяч лет сеятель Смерти ощутил себя смертным. До того он и мысли не допускал, что может проиграть этот поединок или – хуже того – погибнуть. Он даже забыл, что его когда-то посещали подобные мысли. Прав оказался слепой оборотень: лишь Павших Лордов, о которых запрещено было упоминать в геенне огненной, боялся Малакбел настолько, что связывал с ними воспоминание о собственной смерти.

Десятки голов одновременно уставились на противника.

Перед ними, широко расставив ноги, вонзив копыта в жирную, перемешанную с травой и камнями землю, стоял закованный в черные латы минотавр, и кисточка его хвоста рыжей шаловливой бабочкой порхала на фоне голубого неба.

Демон не мог видеть выражения его лица под сверкающим шлемом, но он все равно знал, что минотавр улыбается. Не спрашивайте откуда. Просто знал – и все. И от этого у Малакбела мурашки поползли по хребту. Прежде он не испытывал подобного ощущения, только слышал о нем. Но теперь сразу узнал это отвратительное чувство, будто тысячи крохотных тварей, перебирая цепкими лапками, ползут по твоей спине. Это было мерзко.

– А вот у нас в Аду! – заорал Кровавый. – У нас в Аду! ... Вот так!!!

Он взмахнул хвостом, и под свист и улюлюканье адских тварей свистящее лезвие понеслось к Такангору, срезая траву и последние уцелевшие головки полевых цветов. Одновременно Кровавый метнулся к минотавру, всем телом опираясь на целую лапу, вытянув все головы с ощеренными пастьями, протягивая все лапы и руки в попытке дотянуться, смять и сокрушить. Оба войска ахнули в один голос, столь стремительным и мощным оказался этот бросок.

Зелг крепко зажмурился и одновременно с этим почувствовал, как кто-то вцепился в его руку когтистыми лапками – Карлюза с Левалесой повисли на нем с обеих сторон, не желая видеть, как гигантская яростная туша раздавит их обожаемого Такангора.

– Бу! – сказал рядом с Зелгом незнакомый голос.

И в тот же момент равнину сотряс жуткий грохот, как если бы с небес низвергнулся грандиозный водопад. Это рухнул

на землю Малакбел Кровавый.

Как поясняли потом герцогу верные Гампакорта с Мадарьягой, Такангор легко и даже грациозно перепрыгнул несшийся к нему хвост, присел и аккуратно отрубил вторую и последнюю опорную лапу Малакбела, отчего тот и грянулся оземь, произведя страшный шум и жуткое волнение в рядах разоряющихся на глазах демонов.

– Привет из Малых Пегасиков, – скромно сказал тогда Такангор.

На вопрос, кто же вымолвил «Бу» незнакомым басом, никто ничего не отвечал, только Карлюзин осел как-то скромно потупился, чего за ним отродясь не наблюдалось.

Когда Зелг открыл глаза, а Карлюза и Левалеса смогли наконец облегченно выдохнуть, Малакбел еще полз по земле, цепляясь за нее многочисленными руками, оставляя корявые рваные борозды глубже тех, что оставляет плуг, и свирепо, хотя и бессильно клацал зубами. Он то и дело пытался приподняться и дотянуться до своего противника, желая отплатить сторицей и все еще не веря в такое скорое и оглушительное поражение, но Такангор пресек его бесплодные попытки последним ударом топора и блестящей финальной репризой:

– Ты умер, мужик. Упади и не мешай.

Говорят, именно тогда Князь Тьмы в первый раз за этот длинный день спросил у своего адъютанта крепкого успокоительного.

Опустим же завесу милосердия над концом этой сцены.

Марк Твен

Малакбел Кровавый вернулся в Преисподнюю с большой помпой.

Над равниной почернело небо, затем тьма сузилась до маленького пятна прямо над поверженным демоном, и это пятно закрутилось с бешеной скоростью и силой, превращаясь в воронку, в которую и был втянут лорд сеятель. У кассарийцев сложилось впечатление, что в этой стремительно вращающейся воронке несчастного демона разорвало в клочья и пыль, затем что-то громынуло, полыхнуло огнем, жаркая волна которого докатилась до середины Тутоссы, заставляя реку кипеть и исходить паром, после чего черный смерч всосался в узкую расщелину, на дне которой кипела и бурлила лава. В тот же миг двадцать легионов Сокрушителей издали отчаянный вопль, прощаясь со своим поверженным господином.

– Не понимаю, что происходит, – ярился Князь Тьмы на своем золотом троне. – Как это вообще возможно? Малакбел непобедим!

– Вот видишь, отец, – шепнула Моубрай в ухо самой недоверчивой и хитроумной голове Каванаха. – Я была права, когда говорила, что кое-кто весьма заблуждается относительно этого прелестного минотавра. О! Он еще преподнесет нам

всем кучу сюрпризов. И он, и его милая семейка.

– Я всегда восхищался твоей проницательностью, Яростная, – усмехнулся Каванах. – Что скажешь? Чем закончатся два следующих поединка?

– Для этого не нужно быть прорицательницей, как Эдна Фаберграсс, или такой пессимисткой, как я. По-моему, все и так ясно. Против одного из нас они выставят тварь Бэхитехвальда. И я не желала бы быть на месте этого одного. Бедерхем – единственный, кто имеет хоть какие-то шансы справиться с каноррским выродком. А поскольку мы проиграем три поединка из четырех, результат последнего меня в принципе не интересует.

– Ты права, Моубрай, – снова согласился лорд-маршал. – А теперь ступай к нашим легионам и постарайся не показываться на глаза Владыке. Не ровен час, он захочет послать на бой тебя – этот ход вполне в его духе.

– Сомневаюсь, – сказала Моубрай, рассматривая Князя из-под полуопущенных ресниц. – Но предосторожность никогда не бывает лишней.

И она исчезла – без вспышек пламени, без привлекающих внимание иных эффектов, а тихо – как тень на воде.

Но напрасно они боялись – Князь был сейчас занят совсем другими проблемами. В эту самую минуту он пытался сообразить, достаточно ли у кассарийца могущества, чтобы наложить заклятие на повелителя Преисподней. Ибо с ним, в смысле – повелителем Преисподней, происходило нечто

странное, и он не находил этому явлению ни имени, ни названия.

Ничего удивительного. Просто в Преисподней Птусик пока еще не приобрел той популярности, которую имел на поверхности.

Наскучив висеть вниз головой на какой-то корявой ветке и сваливаться с нее всякий раз, как в ходе поединка возникали опасные моменты, он радостно приветствовал победителя пылким птусичьим лобызанием, а затем решил размяться и взбодриться перед дальнейшей нервотрепкой. А что могло взбодрить его больше, чем короткий, стремительный и вдохновенный полет куда глаза глядят.

Наш постоянный читатель уже знает, что Птусик относился к редчайшей породе покорителей неба – к тем, кому просторов этого самого неба всегда было мало. Заложив пару крутых виражей, Птусик не без удивления обнаружил себя парящим над головами изумленных демонов. Даже с высоты его полета демоны симпатий не вызывали, и он благоразумно решил вернуться. Как обычно, завернув за милое облачко, похожее на шляпку, как за угол, и вызвав ропот восхищения в адских войсках, не владеющих высоким искусством полета зигзагами, Птусик вошел в крутое пике и на какой-то краткий миг чуть не столкнулся нос к носу с особенно кошмарным демоном – крылатым, глазастым, грозным, невысказанно большим – и на золотом троне. Тут всякому птусику станет ясно, что пора брать рукокрылья в лапы и драпать. Что он и

сделал. Уже через минуту мастер сложных траекторий снова висел на облюбованной ветке, тяжело дыша и давая интервью вездесущему Бургеже.

Впоследствии этот шедевр, озаглавленный «На тет-а-тет с Тьмой», вошел во все учебники для всех учащихся летописных факультетов как образец оперативности, ибо был написан всего через пару минут после непосредственного события, по самым горячим следам.

У владыки Преисподней еще никто не спросил, какого он мнения о своей короткой встрече, поэтому бедняга не знал, что за счастье ему привалило, и маялся нехорошими подозрениями, склоняясь попеременно то к вражеским чарам, то к болезненной галлюцинации.

– Вообрази, – обратился он к адъютанту. – У меня в глазах мельтешит какая-то кошмарная птичка.

Судя по тому, как сочувственно покивал адъютант, дело было не столько в птичке, сколько в глазах, и Князь пал духом.

* * *

Приблизительно в то же самое время Алекс Редс – придворный распорядитель Князя Тьмы, полковник Даэлис, а также демон-герольд, гордо носящий имя Барбосис, явились

в лагерь кассарийцев, дабы обсудить условия двух оставшихся поединков.

– Я его навсегда убил? – поинтересовался Такангор, выразительно скосив глаза вниз.

– О нет, что вы, милорд! – замахал на него крыльями Даэлис. – Он неуничтожим, как большинство из нас. Думаю, как раз сейчас его латают в храме Ненависти, и уже к ужи-ну он будет в полном порядке. Хотя и в отвратительном расположении духа. Но тут я его как раз понимаю. Видите ли, последний раз Малакбела сокрушали в поединке через несколько месяцев после сотворения нынешнего Ниакроха. Он тогда был еще крайне юн, почти подросток – всего две или три головы и только один хвост. И у него просто нет опыта поведения в подобных ситуациях.

– Надеюсь, у него не будет из-за меня крупных неприятностей, – сказал добрый минотавр. – Он такой ничего парень. Азартный. Заводной. Ему бы на Кровавую паялпу. Вот Архаблог меня понимает.

– Надеюсь, очень больших не будет, – дипломатично ответил вместо полковника бес Алекс Редс. – Но это в большой степени зависит от исхода остальных поединков и собственно самой битвы.

– Тогда, боюсь, мне нечем вас порадовать, – вздохнул генерал Топотан.

– Боюсь, вы рано боитесь, – любезно осклабился Барбосис.

– На то она и жизнь, – произнес за спиной демонов мягкий, рыкающий голос. – Поживем – увидим.

Они обернулись, медленно, как замороженные, чтобы нос к носу столкнуться с улыбающейся физиономией слепого оборотня. Трое демонов как-то странно попятились от твари Бэхитехвальда, хоть это и было им не по чину. Но случаются в жизни ситуации, любит говаривать Мардамон, когда как-то забываешь о чинах и сразу тянет принести умиловительную жертву.

– Хорошего вам дня, рыцари, – приветливо молвил Гампакорта. – Рад видеть вас в добром здравии.

– Э-э-э, да, конечно, – невпопад отвечал Даэлис. – Взаимно, князь. И ты здравствуй, Борромель.

Какое-то неуловимое сияние на миг зажглось в черных слепых провалах глаз каноррского оборотня.

Могло быть хуже. Твой враг мог быть твоим другом.

Станислав Ежи Лец

– Они с Борромелем очень дружили – насколько это вообще принято у нас на родине, – счел нужным пояснить Барбосис. – Так вот, господа. Следующим нашим поединщиком Господин назначил графа Форалберга Беспощадного, повелителя Ненасытных. А четвертым отстаивать честь Преисподней будет барон Астрофель Двуликий, глава клана Предателей.

– И мой непосредственный начальник, – неизвестно зачем

вставил полковник Даэлис.

– Борромель говорит, ты никогда не был предателем, Даэлис, – сказал Гуго ди Гампакорта, круто разворачиваясь на каблуках и удаляясь в сторону реки.

– В Аду это не столько комплимент, сколько обвинение, – заметил Алекс Редс.

– Но вы находитесь в моем лагере, – громыхнул Такангор. – А в моем лагере это комплимент.

– Теперь мы желаем знать, кого из своих рыцарей выставит милорд.

– По приказанию мессира Зелга честь Кассарии выйдут защищать князь Гуго ди Гампакорта и милорд Кехертус.

– Ловко! – восхитился Барбосис. – Я с удовольствием посмотрю на встречу Форалберга с тварью Бэхитехвальда.

– Герольд Барбосис с недавних пор – лет эдак восемьсот – девятьсот – ненавидит Беспощадного, – пояснил Даэлис.

– Это я уже понял, – ухмыльнулся Такангор. – Полковник, что вы все шею вытягиваете к тем шатрам, я не понимаю? Ставки больше не принимаются.

– А в виде исключения? – тихо спросил Даэлис.

– При всем желании – не могу. С этим у нас строго.

– Понимаю, понимаю, – грустно закивал головой демон. – Просто я сегодня такую кучу денег просадил. Меня супруга заживо обглодает до последней косточки.

– Сочувствую, – твердо сказал минотавр. – И где-то даже разделяю. Но правила нарушить не могу. Вот супругу при-

шибить... в смысле деликатно призвать к порядку – это всегда пожалуйста. Имею бесценный опыт семейных конфликтов с победоносной маменькой. Если что – обращайтесь.

– Я могу твердо рассчитывать на ваше обещание? – спросил Даэлис, с надеждой заглядывая в алые глаза генерала.

– Разумеется!

* * *

О поединке между Форалбергом Беспощадным и князем Гуго ди Гампакортой специальный корреспондент Бургежа выразился так: «Уж не знаю, на что он там рассчитывал, этот Ненасытный, но каноррского оборотня он явно видел впервые. И морда у парня, надо сказать, была озадаченная».

Старинная пословица гласит: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. В принципе, Форалберг ничего не имел против народной мудрости и даже слыл большим любителем подобного рода фразочек, с удовольствием пересыпая свою речь меткими высказываниями, которые прошли лучшую из возможных проверок – проверку временем. Но в данном конкретном случае он мнения народа не разделял. И, узнав, кто будет его противником, поблек и увял, как нежный цветок в морозы.

Кровожадный демон охотно слушал бы рассказы о сле-

пом оборотне хоть каждый день, регулярно, как проповеди ересиарха, но предпочел бы избежать визуального контакта. В отличие от маразмирующего Иоффиного дедушки, утверждавшего, что внуков он «глазами наблюдает, а разумом не постигает», Форалберг как раз был готов на все, чтобы не «наблюдать глазами» Гуго ди Гампакорту.

Да и славное Зелгово воинство, особенно та его часть, что была по техническим причинам лишена удовольствия видеть драку, случившуюся между кассарийским и каноррским оборотнем, оказалось поколеблено до самых основ.

Когда князь ди Гампакорта распахнул свои тяжелые крылья, когда привычный образ аристократа и вельможи уступил место устрашающей бэхитехвальдской твари, кое-кому из шеннанзинцев чуть не сделалось дурно.

Дело, как мы уже говорили однажды, было вовсе не во впечатляющих размерах и не в грозном облике, а в том, что не объяснить словами и глазами как раз не увидеть, а можно только ощутить.

Бездна разверзлась перед несчастным Форалбергом, и сия бездна показалась ему во сто крат страшнее, чем привычная огненная геенна, чем кипящие лавой адские провалы и пропасти, в которых метались и стонали души, обреченные на вечную муку.

Когда-то, в далекой юности, в которую теперь он и сам верил с большим трудом, тогда еще не Беспощадный и вовсе не повелитель Ненасытных, а всего лишь еще один из несмет-

ного адского воинства, Форалберг поспорил с такими же, как он сам, шалопаями – своими приятелями, что поднимется выше облаков и окунется в черную бездну ночного неба.

Он побился об заклад, что глотнет хотя бы один глоток ледяного мрака вселенной и расскажет остальным, чем эта необъятная тьма отличается от тьмы Преисподней. Но на поверку оказалось, что рассказать это невозможно. Нельзя ни понять, ни объяснить, что такое бесконечность и вечность. Это можно только знать от рождения, но для этого нужно родиться богом.

Там, на недоступной высоте, в самом сердце отчаянного и невыносимого одиночества, в великолепной сверкающей черноте, демон прикоснулся к самому краешку тайны. В вечном безмолвии, где стали мгновенно бесполезны проклятия и заклинания, он не услышал, но почувствовал чей-то голос. Ему помстилось – с него заживо сдирают шкуру, так звучал тот голос, и он ринулся вниз, не помня себя от ужаса, и так и не узнал, что говорила ему бесконечная тьма.

В пустых глазницах Гуго ди Гампакорты плескались ее озерца. Форалберг ни с чем не мог ее спутать...

* * *

В период брачных игр вавилобстеры – создания обычно

кроткие и, несмотря на свои невероятные размеры и бронированный панцирь, даже робкие, способные испугаться одного только писклявого гоблинского вскрика, – становятся совершенно невыносимыми.

Вынести их невозможно не только потому, что мало в мире отыщется титанов, способных поднять взрослого, хорошо откормленного вавилобстера, а еще и по той причине, что именно в это время они чрезвычайно подвижны и нападают буквально на все, что шевелится.

Врачующиеся вавилобстеры производят то же впечатление, что и дядя Гигапонт: кажется, что они везде и всюду.

На мысль о вавилобстерах нас натолкнул поединок между Форалбергом Беспощадным и Гуго ди Гампакортой. очевидцы утверждали, что они были всюду – хотя как им это удалось, не знает никто.

– Я думал, мы с Малакбелом славно потрудились, – вздохнул Такангор, оценив усилия поединщиков взглядом истинного знатока. – А вот она – настоящая пахота.

– Форалберг сделал что мог, и даже больше того, и в Аду ему задолжали по этому поводу памятник, – заметил добрый Отентал.

– А там популярны памятники национальным героям? – уточнил дотошный доктор Дотт. – С табличкой «За полученные особо тяжкие повреждения»?

– Медицинский юмор? – вкрадчиво поинтересовался Мадарьяга.

– А чем он в принципе отличается от вампирского? – обиделся Дотт.

– Над нашими шутками смеются, – доходчиво пояснил князь. – Над медицинскими – грустят.

– Имел подобное лупасение от Зюзака Грозного, когда разбивал вдрызг редкое ценное имущество, – гордо поделился Карлуза. – Но без выкрутасей.

«Выкрутасями» слепого оборотня залюбовался даже Фэфетус, в котором они пробудили самые теплые воспоминания о работе дознавателя. И он втайне пожалел, что не имел возможности пройти такую практику с наглядной демонстрацией приемов, когда в том была насущная необходимость.

Нужно ли говорить, что одна восторженная персона в синей рясе в желтый горошек, затаив дыхание, наблюдала «выкрутаси» влюбленными глазами. Мардамон дал себе твердое обещание, что первого же добытого им демона он преподнесет именно Гампакорте, с маленькой скромной карточкой: «От восхищенного почитателя».

– Вот что в газетах описывают словами «летели пух и перья», – с ноткой сочувствия вздохнул Узандаф да Кассар.

Сострадательная мумия была права. Слепой оборотень явно не любил обитателей Преисподней, и несчастный Форалберг, став объектом этой горячей нелюбви, отдувался сейчас за всех.

Мы не знаем, важно ли это читателю, но следом за Мотис-

симусом Мулариканским на всякий случай сообщаем: светило солнышко. Его золотые лучики согревали некогда зеленую равнину, нынче напоминающую поле, распаханное под озимые. Или на территорию, тщательно исследованную Бумсиком и Хрюмстиком в поисках чего-нибудь питательного.

Гуго ди Гампакорта, тварь Бэхитехвальда, без конца атаковал своего противника, не спуская с него мертвого безжалостного взгляда, и только иногда проскакивала в черных ямах бывших глаз шальная дикая молния.

Демон отбивался с энергией утопающего матроса.

Впрочем, и с тем же конечным результатом, который старые морские волки, неоднократно ходившие в море Мыдрамыль, определяют как «накрыться Папланхузатом».

По меткому же выражению лауреата Пухлицерской премии, «обломки Форалберга Беспощадного в конце концов прибило к правому берегу Тутоссы...».

Тут хучь сову об пенек, хучь пеньком – сову, а все одно сове не жить.

Михаил Шолохов

* * *

После такого леденящего душу зрелища боевой подвиг Кехертуса показался многим тихим и незаметным. И хотя барон Астрофель Двудикий старался как мог, чтобы разнообразить картинку и свести разгромный счет поединков хотя бы не всухую, а сумму собственного проигрыша – к приемлемой цифре, достойный паук этой возможности ему не предоставил.

Во время Бесстрашного Суда его внимание привлекло одно простенькое дело.

Судились двое гномов – владельцев образцовых агрипульгий. Один из них, Юпапс Блохасис, случайно посадил лучшие сорта своей моркови на участке, который принадлежал его соседу, Лулалису Копаке, каковой Лулалис по осени радостно выкопал урожай и спрятал в своих кладовых. Тогда Блохасис в качестве компенсации немного пообтряс фруктовые деревья семьи Копака, а не на шутку обиженные Копакки позаимствовали семь штук пулярок из птичника Блохасисов на, как объяснял ответчик, «безвозмездной основе». Огорченный Юпапс выразил свой категорический протест при помощи садового инвентаря, а именно – огрел соседа граблями, на что сосед обрушил на Блохасиса всю ярость международного гнева.

К нему как раз приехал кузен из Ниспа, прославленный вышибала в портовом кабачке, которого до одури боялась даже пьяная матросня. Кузен, к сожалению, в судебном разбирательстве участия не принимал – в его отсутствие при-

были ощутимо падали и кабачок хирел. Ибо в отсутствие кузена Кобаки порча имущества возрастала раз в десять, а приличная и платежеспособная публика обходила этот кабачок десятой дорогой. И начальство ждало его из отпуска, как ждут своей очереди в общественную уборную после полуведерной кружки бульбяксы. Так вот этот самый вышибала наглядно объяснил, почему его так ценят на работе.

Злосчастный Блохасис, ни за что вышибленный вместе с окном из собственной кухни аккурат в разгар скромного семейного ужина, возразил уже лопатой...

Кехертуса тогда поразило, с какой потрясающей точностью судья Бедерхем определил это дело как «спор хозяйствующих сторон». И когда перед ним возникли две яростные физиономии Астрофеля, он вдруг понял, что это та же самая проблема. Демоны проигрывали всухую, и кассарийская армия могла безбедно жить на свой выигрыш целый год. Такого надругательства трепетные демонские души вынести оказались не в состоянии. Они страстно желали сатисфакции, кто-то должен был исполнить это их желание.

Адский барон находился как раз при исполнении и не мог отказаться от поединка, даже если бы и хотел. Поэтому ничего личного в предстоящем сражении паук не усматривал.

Но если добрый читатель полагает, что это как-то повлияло в дальнейшем на горькую участь Астрофеля Дзуликого, то он заблуждается. Ибо, как строго указал Кехертус в своем знаменитом интервью авангардной газете «Задорные затре-

щинки», он и маму родную караваем не называл, но в печь посадил.

Хотя у Астрофеля было две морды, на выбор, ни одна из них не внушила Кехертусу симпатии. Фигура тоже не понравилась, но фигура – дело такое, заковыристое. Как утверждает доктор Дотт, от чрезмерной полноты гарантированно помогает единственная диета – год в подземном каземате, на хлебе и воде, причем порции должен отмерять жуткий скупердяй.

– Конечно, еще лучше действует стремительная диета из блюваблей, прелой соломы и капель, падающих с потолка сырой камеры, но это уже антигуманно, – вздыхал доктор, – а жаль. Если бы не решение Ломдадьевского Слета Свободы Медицинской Мысли и Врачебного Волеизъявления, я бы имел огромный успех среди придворных красавиц со своими новаторскими методами.

Но речь, разумеется, не о диете, а о смертоубийстве. Хотя какая, в сущности, разница? Любой, кто баловался диетами, с уверенностью ответит, что нет никакой.

На конкурсе молодых упаковщиков Кехертус легко взял бы первый приз. Тончайшая, но прочная, как магические узы, нить для плетения кокона трепетала на ветру.

Опять же не уверены, что читателю это крайне важно, но следом за Мотиссимусом Мулариканским сообщаем: ветерок дул южный, теплый и ласковый. По нему так и хотелось лететь вместе с серебристыми нитями паутины, которую без

успели выпускать паутинные бородавки Кехертуса.

Астрофель Двуликий, командующий легионами Предателей, – адский кошмар, переливающийся всеми цветами радуги, способный принять какую угодно форму и стать невидимым на любом фоне, – ни формы как следует принять не успел, ни затаиться не сумел.

Пауки не могут похвастаться хорошим зрением. Им не то что с грифонами не сравниться, но и с подслеповатым старичком, принимающим kota за утепленную меховую шапочку. Но острый взгляд им не нужен – они и так все чувствуют: дыхание, тепло, колебания воздуха и дрожь земли, не слышную никому другому.

В ту секунду, когда Астрофель буквально растаял в воздухе, Зелг подумал было, что потерял своего друга. Что невидимому демону ничего не стоит нанести коварный удар сзади, и кто скажет, не будет ли этот удар фатальным? Он уже принялся дергать за рукав мумию дедушки, а другой рукой подзывать к себе Крифиана, дабы признать поражение своего бойца и тем самым сберечь Кехертусу жизнь, когда паук совершил стремительный, почти незаметный глазу бросок.

Вот он стоял неподвижно посреди равнины, такой беззащитный перед врагом, открытый для любых выпадов, совершенно беспомощный и, казалось, растерянный, а вот уже вонзил свои роскошные всесокрушающие клыки в огромное и бесформенное нечто. Правда, толком рассмотреть его жертву и узнать, какой облик избрал Астрофель для поедин-

ка с Кехертусом, ни Зелгу, ни кому-либо иному так и не удалось. Дело в том, что большая часть грандиозной туши демона была уже плотно упакована в несколько слоев клейкой сверхпрочной паутины. Двуликий брыкался и ругался, но движения его с каждым витком нити становились все менее заметными, а голос – все тише и тише.

– Великий Ниакрох! – Полковник Уизбек Райри Тинн невольно придвинулся поближе к Галармону. – Ангус, ты видел, какие у него клыки?

– Я уже привык, – скромно ответил генерал да Галармон, чувствуя себя принятым в узкий круг избранных.

– А ведь такой пушистенький, – сказал Уизбек, нервно вздрагивая. – Не то чтобы совсем безобидный, но... А где он их прячет? Я их никогда не видел.

– У него там как бы ножны. – И генерал взмахнул руками, показывая, как именно прячет Кехертус свои смертоносные клыки. – Понимаешь, просто он очень миролюбивый, добрый и лишний раз не демонстрирует свое преимущество.

– Миролюбивый? – уточнил Райри Тинн.

– Ага.

– И как есть – добрый?

– Точно.

– И на том спасибо, – выдохнул полковник, представив себе Кехертуса агрессивного, недоброжелательного и злого.

...Идеальную упаковку с собственным военачальником Князь Тьмы принял со смешанными чувствами. У него

имелся свой кодекс чести, и он не мог не оценить, что существенных повреждений рыцарь Кехертус своему противнику не нанес, хотя имел такую возможность, учитывая полную неподвижность (читай – беззащитность) Астрофеля Двуликого, с одной стороны, и смертоносный яд, опасный даже для демонов высшего ранга, – с другой.

Правда, откомандированный с левого берега Тутоссы посланец объяснил, что барон Астрофель будет спать беспробудным сном, похожим на летаргический, суток пять или шесть. Но от имени Зелга Кассарийского просил не беспокоиться и передал для больного склянку с противоядием от доктора Дотта.

С того памятного дня материальное благосостояние нашего героического призрака существенно поправилось, ибо противоядие пришлось по вкусу всем без исключения адским тварям, и они стали заказывать его бочонками. Впоследствии Дотт передал им рецепт своего зелья за мизерный процент от продаж. Учитывая количество пьющих в Аду, сумма все равно набегала немаленькая, к вящему удовольствию Думгара, который исправно взимал с нее налог «на процветание Кассарии и правящей семьи».

Но вернемся к самой битве.

Оптимистический прогноз адских предсказателей не сбывся.

Поняв, что счет поединков 4:0 в пользу кассарийцев, демоны взвыли. Их лучшие воины были побеждены, их гене-

ралы – отправлены обратно в геенну огненную. Любая другая армия при подобном раскладе заметно бы пала духом, а то и вовсе ударилась в паническое бегство, но адских завоевателей вдохновляла мысль о том, что они еще могут отыграться и вернуть свои деньги. Для этого нужно всего только победить в войне. И даже несокрушимый генерал Топотан на пару со слепым каноррским оборотнем не могли испугать или остановить их.

Во-первых, гуртом и батьку бить легче. Во-вторых, отступить им было некуда. Там, внизу, во чреве земном, их ждали к ужину жены-суккубы и тещи-ведьмы. А уж на что способна впавшая в мрачный пессимизм адская теща, узнавшая, как ее непутевый зятек распорядился семейными финансами, отложенными на покупку новых узорчатых лохмотьев для шабаша, – этого не представить даже главному бурмасингеру Фафуту с его полным комплектом тихих семейных радостей.

Многие стали пессимистами, финансируя оптимистов.

Ч. Т. Джонс

Герольды еще не успели протрубить «в атаку», Князь Тьмы открыл было рот, чтобы напутствовать своих солдат, – а они уже с ревом кинулись на малое кассарийское воинство. Воинство отреагировало на это своеобразно.

– В любой клинике для душевнобольных их примут с рас-

простертыми объятиями, – ворчливо заметил кожаный халат, потирая рукава. – Чохом и гамузом.

Бумсик и Хрюмсик одобрительно всхрюкнули. Наконец-то к ним со всех ног бежали толпы существ, с которыми можно будет вволю наиграться и набузиться и за которых не влетит от строгого минотавра. У кого-кого, а у хряков в предвкушении удовольствия глаза горели демоническим огнем.

– Простите, князь, – почтительно обратился Эмс Саланзерп к Мадарьяге, – что вы можете сказать об этом противнике?

– Да, в сущности, ничего, – пожал плечами честный вампир. – Они все невкусные. Жилистые, костлявые, мясо жесткое и, простите за откровенность, смердит.

Саланзерп сглотнул.

– Самая отвратительная кормежка, – согласился Гуго ди Гампакорта. – В жизни не пробовал ничего хуже, чем баланда из экоя. Правда, тогда у меня не оказалось с собой ни соли, ни специй.

Бедный рыцарь побледнел как простыня и с лязгом опустил забрало, как будто оно могло оградить его от поучительной лекции на гастрономическую тему. И верно – не оградило. Слышимость оставалась прекрасной.

– Ну и что, что не оказалось, – пожал плечами Мадарьяга, развивая тему. – А у меня оказалось. Так вообразите, лейтенант, его даже ощипать нормально невозможно.

– Кого – его? – обреченно донеслось из-под шлема.

– Экая, кого ж еще? Так вот, запоминайте – содрать с него шкуру вместе с чешуей и перьями можно только после того, как вы оторвете твари голову. А иначе даже пытаться не стоит.

– Я и не стану, – твердо пообещал Саланзерп, мечтая только об одном – чтобы быстрее началась битва.

То короткое время, что до нее оставалось, он спрашивал себя: и кто его за язык тянул? Он что – ученый-натуралист?

Небо над Тутоссой потемнело от сонмов крылатых демонов. Река кипела и бурлила – легионы нелетающих тварей форсировали ее вброд и вплавь. Сейчас они находились на расстоянии трех полетов стрелы от стройных шеренг войск кассарийского некроманта. И с каждой секундой стремительно приближались.

– Ну, – сказал Такангор переступая копытами, чтобы прочнее утвердиться на месте, – приготовьтесь, господа. Теперь начнется самое трудное.

– Значит, мы успели как раз вовремя, – произнес рядом с ним до боли знакомый голос.

– А вы здесь какими судьбами? – не удержался Ангус да Галармон, удивленно разглядывая трех веселых царедворцев – Гизонгу, Фафута и графа да Унара. – При исполнении или в отпуске?

– Ни то, ни другое, – ухмыльнулся Гизонга.

– Болеем мы, – пожаловался главный бурмасингер.

– Как?

– Очень...

– Видите ли, дорогой Ангус, – сообщил граф с самой любезной из обширного арсенала своих любезных улыбок. – Работа у нас сидячая, вот королевский лекарь и прописал нам моцион. На свежем воздухе.

– Да, моцион предвидится знатный, – согласился Уизбек Райри Тинн.

В эту секунду и ударила в сомкнутый строй шеннанзинцев первая волна нападающих.

ГЛАВА 16

Здык, фыяк и тыгыдым.

Вяч. Курицын

Дама Цица не посрамила гордого имени минотавров. На приближающегося врага она смотрела примерно так, как смотрела бы правящая королева на червяка, случайно обнаруженного ею в утреннем салате. Этот взгляд бодрил и укреплял дух ее товарищей по оружию.

Как-то само собой вышло, что она приняла на себя командование амазонками, а Анарлет, Таризан и Барта молча с этим согласились.

– Приготовились! – Цица подняла над головой меч, и, повинуясь ее приказу, лучники, как один, натянули тетивы своих луков. – Целься!!!

Лавина демонов катилась на них. Темная грозная волна поглощала пространство шаг за шагом, и казалось, там, за их спинами, остается только пустота. Напряжение нарастало.

– Ждем!!!

– Хорошие нервы у этой цацы, крепенькие, – одобрительно заметила мадам Мумеза, в преддверии грядущей конфронтации натягивая поглубже на уши противоударную шляпку. – Из нее может получиться отличная невестка в до-

стойную семью.

– Не все с этим согласны, – заметил Крифиан, вернувшийся на правый фланг, как только закончился последний поединок.

– Главное, чтобы согласилась семья, – отрезала Мумеза.

– Не менее важно, чтобы согласился жених.

– Ой, кто их вообще спрашивает, если дева влюблена и очень готова выйти замуж?

– От дам Анарлет, Таризан и Барты милорд Топотан успешно отбил, – скромно напомнил Крифиан, не вдаваясь в подробности личного опыта.

– Какие из них невесты? – скривилась ведьма. – К быцику нужен особый подход, а не лобовая атака с элементами самопожертвования. Они думают, что если прилечь на досуге под топор палача, то это произведет на кого-то впечатление. Нет! Истинные рыцари в открытые ворота не ломаются.

– Ваша правда, – не мог не согласиться грифон.

– Потом, взгляните на этих дев и сравните их с дамой Цицой. Наблюдаете разницу? Эстетическую?

– На мой взгляд, они непозволительно лысоваты, – вздохнул грифон. – Ни перышка тебе, ни пушинки, ни шерстинки.

– Вот-вот, вы тоже это видите. А где у них хвост? Где хвост, я вас спрашиваю! – И Мумеза уставилась на несчастного грифона так, будто это он не далее как вчера умыкнул у амазонок их очаровательные хвостики. – Я уже не говорю о рожках, – сказала она чуть спокойнее.

– Мадам Мумеза, – деликатно кашлянул Крифиан. – Не хотел бы перебивать вас, но, кажется, битва уже началась.

Мумеза оглядела пространство, как хлебороб, оценивающий, сколько земли ему предстоит вспахать и засеять.

– Ваша правда. Они уже здесь. Ничего, мы с вами договорим немного позже.

И ведьма сердито зыркнула на ближайших демонов. Как сделала бы всякая достойная женщина, которую невежливо прервали на полуслове.

Говорят, на адских созданий – порождений зла и тьмы – дурной глаз не действует. Но не следует верить всему, что говорят. Недовольная мадам Мумеза, которой не дали посплетничать на живо интересующую ее тему, способна испортить настроение не только смертным созданиям.

С добрый десяток демонов, по которым скользнул взгляд ее черных глаз, тут же запутались в собственных хвостах и крыльях и свалились под ноги своим товарищам. Образовалась куча мала. Но сзади напирали уже сотни атакующих воинов, спотыкались об эту кучу и попадали в общую свалку. Словом, всего через пару минут скромный холмик из вражеских тел превратился во внушительный курган, от которого не отказался бы ни один из варварских вождей.

Демоны тузили друг друга, пытаясь выпутаться из этого безобразия; и хотя до убийства дело не доходило, но какой-то чувствительный урон они друг другу нанесли – ведь адские создания не отличаются любовью к ближнему, осо-

бенно в тот момент, когда этот ближний лежит у них на голове да еще и лягается.

Хуже всего пришлось тем, кто оказался в самом низу. Без преувеличения можно сказать, что они вынесли на себе основную тяжесть первой атаки.

Не пострадали от гневного взгляда ведьмы только летающие твари. Но если они и радовались, то напрасно, а главное – недолго.

Во-первых, дама Цица, дождавшись, когда армада крылатых монстров пересечет незримую границу, опустила меч, и амазонки, как одна, выпустили разящие стрелы.

Во-вторых, горгона Ианида – сплошной комок нервов – устала на них с отвращением, и адские создания посыпались на землю, будто спелые яблоки в бурю.

На этом участке в считанные минуты выросла внушительная стена из копошащихся тварей. И хотя она по-прежнему упорно ползла к рядам кассарийских воинов, скорость ее не превышала стремительного бега испуганной черепахи.

А уж с какой радостью приняли супостата измаявшиеся ожиданием кобольды, гномы и дендроиды!

Мы неоднократно писали о том, что тяжелая пехота Кассарии никак не могла похвастаться маневренностью. Зато она могла поспорить несокрушимостью с мрачными утесами Гилленхорма. Это вам подтвердит любой, пытавшийся сдвинуть с места упрямого бородатого коротышку, вооруженного топором. Единственный гарантированный результат – вы

узнаете много нового о себе и своих близких, если только сможете расслышать отдельные слова в грохоте и лязге битвы.

Хорошее воспитание и изысканные манеры никогда не считались сильной стороной гномов и их ближайших родственников кобольдов. Более brutальными могут быть только в зююю пьяные тролли. И во время битвы при Липолесье демоны убедились в этом на собственных шкурах.

Итак, тяжелые пехотинцы увлеченно дубасили нападающих молотами и дубинами; дендроиды не отставали от них, рекламируя садовый инвентарь; кентавры лягались и тыкали во врагов копьями и дротиками; восставшие из праха амазонки защищали права женщин-воительниц всеми доступными методами. Ианида и Мумеза благоразумно находились в арьергарде, что не мешало им вносить свою, далеко не скромную лепту в правое дело Кассарии.

В черном от летящих в нем созданий небе царил Крифиан во главе отряда мороков; и демоны опытным путем выяснили, что не зря в учебниках рекомендуют хорошенько подумать, прежде чем связываться с грифоном, ибо матерый грифон вполне способен показать среднестатистическому демону небо в полосочку и его собственную, демонскую родительницу в придачу.

И над всем этим великолепием, словно утес в бурю, возвышалась несокрушимая дама Цица Хвостокрут, служившая идеальной иллюстрацией для поговорки – как об стенку го-

рох.

* * *

Плавают разными стилями. Тонут – одним.

Доподлинно известно, что войну выигрывает та сторона, которая обладает сверхмощным и суперсовременным оружием.

До изобретения осадных башен было невозможно покорение Пальп; в свое время баллисты и катапульты проложили путь к трону правящей династии Ниспа. Лук Яростной Тещи некогда переломил ход битвы при Пыхтехшвальде. А первая организованная воздушная атака грифонов расширила границы Алайской империи до самых берегов Бусионического океана. И этот список можно продолжать бесконечно.

Это азы военной науки, и ни один уважающий себя правитель не пренебрегает расходами на армию. По той же причине никогда не выходят из моды тайные и секретные службы со своими дрессированными шпионами.

По этому поводу Князь Тьмы не переживал. Бесчисленное множество битв с различными существами, одно могущественнее другого, пополнили арсеналы Преисподней огромным количеством артефактов. И хотя об оружейной герцогов да Кассаров ходили невероятные слухи, владыка Ада был

уверен в своем преимуществе.

Да, он бы не отказался заполучить во владение тот же Лук Яростной Тещи или Нечеловеческий меч. Да и доспехи Аргобба никому не помешают. Но, строго говоря, это было мнение коллекционера, а не полководца. Всякие Разящие клинки, Копья Небес, Чаши Адского пламени, не считая уже кучи разнообразных магических перстней, ожерелий, браслетов и доспехов, были у каждого демона, за исключением самых молодых и беспородных. Чего нельзя сказать о войсках Зелга, где значительная часть солдат могла полагаться только на собственный опыт и мастерство.

Самоуверенность губит великие планы.

Князь Тьмы ни минуты не сомневался, что знает об оружии все, что может знать живущий либо умерший в Ниакрохе. Здесь и настигло его жестокое разочарование. Так опытный гурман, знающий все о высокой кухне и всемирно известных деликатесах, очутившись в Тифантии, в первую очередь бежит в ближайший ресторанчик – заказывать медовые гаркушки. И знать не знает, что они прославились на весь Ниакрох своим отвратительным вкусом. Что мед даже рядом с ними не стоял, а сами гаркушки больше всего похожи на изгрызенный мышами, потерявший форму, старый, стоптанный башмак. Только запах у них изумительный. В том смысле, что изумляет до потрясения всех основ.

И приходится с вымученной и жалкой улыбкой грызть эту гадость. Платить за нее немалые деньги. А потом еще пару

дней ощущать во рту невнятный вкус конского навоза с примесью толченого кирпича.

Что остается такому едоку? Только одно: вернувшись на родину, рассказывать всем и каждому, что не пробовал ничего более потрясающего, чем тифангийские медовые гаркушки. И что он готов отдать половину своего состояния, чтобы увидеть лицо того счастливчика, который отведал их впервые.

Говоря языком баснописцев, владыка Ада оказался в медовых гаркушках по самую макушку.

– Привет, привет, привет! – обратился к нему кто-то, кого он никак не мог рассмотреть.

Чудовищная голова, увенчанная драгоценной короной адского пламени, долго вращалась из стороны в сторону, пока взгляд Князя не упал на маленькое (с его точки зрения и вообще крохотное) существо. Описывать существо нет никакой надобности. Достаточно сообщить нашему постоянному читателю, что это был лауреат Пухлицерской премии в погоне за сенсацией. То есть совершенно необоримая сила.

– Конечно, – сказал Бургежа, сразу уточняя расстановку сил, – ничего особенного вы мне не скажете. Да я и не рассчитываю.

Владыка Преисподней от изумления распахнул свою невероятную пасть, в коей сгнуло так много созданий, что об этом даже говорить страшно.

– Я тут близко пообщался с вашими сородичами, – по-

делился военный корреспондент неутешительными наблюдениями. – Что сказать? Вероятно, это у вас наследственное. Ораторским мастерством вы на хлеб не заработаете. Однако простая журналистская этика велит послушать и ваше мнение. Читатели приветствуют объективный подход... Могу себе представить, что вы наговорите...

И он открыл исписанный блокнотик на чистой странице.

Противную сторону надо выслушать, как бы она ни была противна.

М. Евгеньев

Князь Тьмы пыхнул в него ядовитым зеленым дыханием. Однако специальный военный корреспондент и бессменный главный редактор журнала «Сижу в дупле» ловко поднырнул под смертоносное облако и уселся на правом плече интервьюируемого. Как раз на великолепный золотой наплечник, сверкавший так, что глазам было больно.

– Одно и то же, – вздохнул он, уютившись поудобнее. – Сплошная агрессия. Послушайте! Может, вы не имеете успеха у дам и отсюда все ваши проблемы? Знаете, вы мне чем-то симпатичны... Хотите, я порекомендую вам прекрасного специалиста?

Бац! Сокрушительный удар, который обрушил на Бургежу царственный демон, мог вышибить дух не только из эльфа-филина размером с очень крупное яблоко, но и из с любовью откормленного левиафана. Точнее, мог бы, если бы Князь по

Бургеже попал. Но пухлицерский лауреат удара благополучно избежал, и владыка Тьмы чуть было не сломал себе руку.

Рев, разнесшийся над Тутоссой, погнал к берегу темные мутные волны, согнул деревья и сорвал с них листву.

– Ботаникой вы тоже не увлекаетесь, – вывел Бургежа, с неудовольствием разглядывая облетевшие липы. – Все прекрасное вам чуждо. Я так и думал. Печально.

– Почему? – опешил Князь, ввязываясь в безнадежный диалог.

– Потому что банально, голубчик. Вы полностью соответствуете своему примитивному образу, который тысячелетиями исторически складывался в умах наших читателей. И когда у вас появился уникальный шанс развеять глупые мифы, опровергнуть слухи и сплетни, вы ведете себя как злокуздрый какой-то.

Злокуздрием владыку Ада не называл даже последний Павший Лорд Караффы перед казнью, а уж он отыскал в оппоненте множество недостатков. Слова Бургежи были настолько самоубийственны, что смахивали на последнюю правду.

– Я?! – на всякий случай уточнил Князь. – Как злокуздрый?!!

Мы еще не упоминали, что его уши по форме напоминали крылья летучей мыши. Понятное дело, что он им не верил.

К сведению любознательного читателя, злокуздрый – это такие мелкие пакостливые духи, ответственные за порчу и

утерю личного имущества, за шишки и синяки, глупые падения и прочие неприятности, которые время от времени случаются с любым из нас. Впрочем, от них очень легко избавиться, ибо злокуздрый, как уже говорил труженик пера, лишены воображения, примитивны и туповаты.

– Ваша догадливость делает вам честь, – похвалил Бургежа. – Ухватить самую суть всего с третьей попытки! Да вы просто провидец какой-то. Ну что, будем делиться мыслями с читателем? Или нечем?

– Да ты злодей!!!

– Протестую! Я не злодей. Я ваша последняя надежда! – парировал пухлицерский лауреат. И наклонился к адъютанту: – Совершенно затюканный тип. Никакого проблеска.

Адъютант посерел и бочком-бочком выдвинулся в безопасное место, то есть в гущу сражения.

– И окружили себя такими же... песиголовцами! Будете плевать и пыхать, – пригрозил эльфофилин, уловив незаметное почти движение челюстей, – заклею... млю... млю... ладно, оставим... как совершенного инсургента.

Значения этого страшного слова адский владыка не знал, как не знал его, впрочем, и сам Бургежа. Но отчего-то клеймо инсургента перепугало его до невозможности, и он сдался.

– Только три вопроса! – прохрипел он, и клубы лилового и черного дыма повалили из его ноздрей. Такие усилия не даются легко.

– Итак! Что вы скажете о вашем противнике – Зелге да Кассаре? Только кратенько!

– Жалкий червь, – не стал скрывать демон.

– Не верю, – опечалился Бургежа. – Вы, наверное, всем это говорите. Хорошо, проверим. А генерал Топотан?

Князь напрягся, пытаясь разнообразить эпитеты.

– Червяк! Жалкий.

– Вот видите. Мрак.

Владыка Ада встопорщил шипы на загривке, как принято у оскорбленных знатных демонов и возмущенных дикобразов.

– Всего моего таланта не хватит, чтобы приукрасить эту горестную действительность. Но я не привык сдаваться. Читайте в ближайшем номере... – И с этими словами Бургежа собрался переместиться к следующему объекту.

– А как же третий вопрос? – воскликнул Князь.

– Что вы думаете о романе «Езундокта и сестра ее Снандулия»? – весело спросил Бургежа. – Только не говорите, что вы его не читали.

И, не дождавшись ответа, шмыгнул куда-то за спинку трона.

Мотиссимус Мулариканский утверждает, что то была одна из первых информационных диверсий. Ибо многие годы спустя тысячи демонов, оторванные от важных злобных дел, все еще шныряли по Ниакроху в поисках экземпляра этого таинственного романа, который еще никто и не думал пи-

сать...

А в тот памятный день адский владыка, выбитый из колеи интервью, надолго потерял контроль над своими войсками.

Что до Бургежи, то десять минут спустя он обогатил со-кровищницу журналистской мысли фразой «Наши войска наступают по противнику». И, учитывая обстоятельства, не погрешил ни против истины, ни против грамматики.

Бывает ведь, что беседа обостряет мысль, пусть даже собеседник глядит на тебя с понятливостью непроснувшегося вавилобстера.

* * *

При всем масштабе своей личности один Бургежа еще не тянул на оружие массового поражения. Но в запасе у Зелга было много козырных карт.

Широкое общественное недоумение в стане демонов вызвало появление доктора Дотта, который, минуя всех желающих скрестить с ним оружие, направил – фигурально выражаясь – свои стопы к некоему великолепному созданию.

Создание обладало чудесными узорчатыми крыльями, глазами цвета кипящей лавы и шкурой цвета червонного золота. Острые уши были плотно прижаты к вытянутому черепу, на котором не наблюдалось ни бровей, ни носа. Зато был

рот – мечта зубного лекаря, нуждающегося в убедительной рекламе своего нового полоскательного снадобья. В руках создание держало длинное копьё с широченным наконечником, похожим на меч.

– Как элегантно вы взмахиваете своим оружием, – сладко пропел халат, подплывая ближе. – На меня махать не надо. Тыкать тоже.

– Уррх, – откликнулось создание, и доктор понял, что его речь произвела должный эффект.

– Меня покорила стройность ваших ножек и потрясающие пропорции. Нимфа! Одно слово – нимфа! Иначе не скажешь. А этот пламенный взор! Я сражен наповал. Моя жизнь принадлежит вам – берите ее, если захотите.

Существо снова взмахнуло копьём, пытаясь поддеть сладкоголосый халат на лезвие, но Дотт возмутился.

– Позвольте! – возопил он. – Это же была метафора с гиперболой. Вы что – совершенно чужды поэтического слога? Так нельзя. Если вы меня тут прикончите, кто станет обожать вас? Кто станет мечтать о вас долгими ночами и вызывать в памяти ваш прекрасный образ? К тому же я уже давно умер, и номер не пройдет...

Существо впало в такую ярость, что болботало, как сердитый уткохвост, застукавший соперника в супружеском гнезде. Опытный ловелас, доктор Дотт принял эти звуки за сдержанное одобрение и продолжил:

– Вы скажете – не время! И черствые воскликнут за ва-

ми – не время! Но любовь не смотрит на часы и календари. Ей всегда место и всегда время. Прекрасная! Давайте встретимся через часок у руин старого замка... Так, старого замка здесь нет – а жаль, это очень романтично, – зато во-он там есть чудный ручеек. Я скоро освобожусь, и под сенью плакучих ив мы сольемся в одном пламенном порыве...

– Как же ты меня разозлил, призрак! – рявкнул наконец копыеносец, оказавшийся на поверку Флагероном Огнекрылым, лучшим рыцарем личной гвардии маршала Каванаха.

– Разозлил? – уточнил Дотт, читая между строк. – Вы что, намекаете, что вы... простите за выражение... банальный мальчик?

Демон совершил убийственный выпад, а призрак взвизгнул:

– Хорошенькое дело! Юбку зачем было надевать?

– Это не юбка, – рявкнул Флагерон, – это нижняя часть хитона.

– Что я – юбки от хитона не отличу? – обиделся Дотт. – При моей-то квалификации. И потом, кто теперь носит хитоны? Дикость какая-то. Для чего, по-вашему, придумали штаны?

– Для чего?

– Чтобы не было таких вот душевных травм.

И вконец разочарованный Дотт поплыл дальше – воевать с коварными демонами. Когда следующая волна сражения вынесла его к Зелгу, он пожаловался:

– Вот ведь знал, что им нельзя доверять, а все-таки не удержался. Поверил. Как обманчива внешность. Это самая жестокая драма, случившаяся в моей жизни за последние четыре недели.

Относительно драмы Зелг оказался не в курсе, он как раз отбивался от трех наседавших демонов и, признаться, был немного занят.

В ту самую минуту, когда доктор Дотт обратил свой ласковый взор на новую пассию, неутомимый Мардамон достиг противоположного берега Тутоссы и добрался до Каванаха Шестиглавого. То есть он, конечно, не знал имени этого чудесного демона, но сам его вид не мог оставить жреца равнодушным.

Каванах отдавал войскам очередной приказ, когда кто-то осторожно пощупал его хвост и издал сдержанный стон, какой издают в пароксизме довольства.

– Невероятно! – восхитился чей-то голос, и Каванах повернул к неизвестному самую любопытную свою голову.

Его части завязли у самой кромки воды, встретив отчаянное сопротивление кассарийцев, и маршала посетила разумная мысль – а вдруг это перебежчик? А вдруг он выдаст какую-нибудь полезную тайну или сделает что-то другое в этом же роде?

– Чего тебе надобно, смертный? – прорычал он, стараясь, впрочем, немного смягчить свой грозный голос.

Перебежчик должен чувствовать себя в относительной

безопасности, иначе он бесполезен. К тому же маршалу понравились нотки восхищения, явственно звучащие в голосе нелепого человечка в синей рясе.

– Я говорю, невероятно! Просто блеск! – И человечек потер руки. – Нам бы сюда пирамиду. И сбрасывать с нее кровавые жертвы... Вы разделяете это мнение?

– Чего ты хочешь?!

– Я пропагандирую культуру жертвоприношений, – пояснил Мардамон терпеливо, как скудоумному. – Несу религию в массы. Берем кого-нибудь бесполезного, но совершенно чудесного – вот хотя бы вас – и красиво приносим в жертву на вершине пирамиды. Тут важно добровольное согласие, потому что как же иначе я вас запроторю туда, на вершину?

Каванаху показалось, что у него закружились все шесть голов разом.

А Мардамон, не теряя времени даром, трудолюбиво и тщательно обмерил маршала веревочкой, добытой из-под полы рясы, и огорченно поцокал языком.

– Извините за беспокойство, – молвил он в тот миг, когда Каванах собрался привычно щелкнуть челюстями. – Вы идеальный вариант, но только теоретически. А на практике вы мне не подходите. Такой пирамиды еще нет... Простите.

И исчез.

Каванах поискал глазами своего любимца, рыцаря Флагерона, чтобы спросить у него, что это было, но того рядом не оказалось, и маршал загрустил.

А Флагерон тем временем рыскал в опасной близости от фамильного топорика Топотанов, в первых рядах нападающих. Впрочем, мысли его были поглощены отнюдь не кровавыми подробностями битвы. И, заприметив двух не слишком занятых сражением воинов, он направился к ним, справедливо полагая, что те отдыхают от трудов ратных, а на отдыхе почему бы и не поговорить с приличным собеседником?

– Добрый день, господа! – приветливо обратился он к Галармону и Мадарьяге. – Милорды! Один вопрос.

Галармон как раз переводил дух после ожесточенного столкновения с эком, а Мадарьяга караулил рядом, чтобы генерала не беспокоили надоедливые враги, а то лезут без передыху, как мухи в скисший суп. Подлетевшего демона он сперва хотел разорвать на части, но тот поздоровался. А согласитесь, не слишком учтиво отвечать на приветствие убийством. И благовоспитанный вампир сдержанно поклонился в ответ.

Галармон тоже не видел причин, по которым один джентльмен должен отказать другому джентльмену в невинной просьбе.

– Да-да, – откликнулся рыцарственный генерал. – Мы вас слушаем.

Демон выглядел несколько смущенным. Впрочем, кто их поймет с такими мордами лица?

– Вы случайно не видели поблизости любезный черный халат с прекрасными синими глазами? – спросил Флагерон.

– А-а, это вы о Дотте? – уточнил Мадарьяга, и глаза его загорелись оранжевым опасным огнем. – А может, я сойду? Разомнемся.

И он выразительно оскалил белоснежные клыки.

– Вы не поняли меня, – неожиданно миролюбиво откликнулся демон. – Мне не для поединка. Мне бы поговорить...

– Тут где-то летал, – пожал плечами вампир. – Но если что – учти. Он мой друг. Я сам из тебя халатов накрою.

– Да вон он! – сказал Галармон. – Сейчас я его позову. Тут и поговорите.

– Разумно, – согласился Мадарьяга. – Что значит, стратег.

Доктор Дотт посыпал троих нападавших щедрой горстью своего знаменитого хихательного порошка и с удовлетворением наблюдал, как они рассыпались серебристой пылью. От этой общественно полезной деятельности его отвлекли призывные крики Ангуса да Галармона. Обернувшись, Дотт увидел, что ему не показалось – генерал действительно хочет немедленного общения.

Доброе привидение поспешило на дружеский зов.

– Что случилось? – взволнованно спросил он, ожидая худшего.

И не ошибся.

– Тебя тут какой-то демон домогается. – И Мадарьяга кивнул в сторону Флагерона, спрятавшего за спину свое копьё.

– Я тут подумал... – решительно сказал демон. – К черту условности! Мне еще никто и никогда не говорил таких

Не знает их копые отдыха, грудь взнемлется от часта пыха.

В. Петров. На взятие Измаила

Помимо всего прочего, битва – это процесс. Причем процесс чаще всего долгий, утомительный и даже вязкий.

Выдержать первый, сокрушительный и яростный удар атакующей стороны – еще полбеды. Самое сложное – продержаться следующие часы, отражая нападение за нападением, бесконечно сражаясь и не зная, когда и, главное, чем это все закончится.

Когда Узандаф Ламальва да Кассар предупреждал своего внука, что в битве при Липолесье традиционно участвует почти весь рядовой и офицерский состав адского воинства, Зелг понимал, что это должно быть очень много народу. Но потом оказалось – не понимал.

Сперва его даже интересовали отдельные представители подземного мира: ни одна тварь, ни один демон не походил на другого. Невозможно представить, что все они состояли в каком-то родстве.

Крылатые и ползучие; мелкие – размером с человека – и грандиозные, как Думгар; на шести ногах, на когтистых птичьих лапах, змееногие и змеерукие; звероподобные уродцы и красавцы с эльфийскими огромными глазами; хвостатые и бесхвостые; клыкастые и ядовитые; похожие на червей, трехголовых великанов, барабан на ножках, василисков с женским лицом и на женщин с головой собаки; на трясущиеся, как пудинг, шары; на драконов и на летучих мышей; и даже на тещу бурмасингера Фафута – все они, один за другим, шеренга за шеренгой, легион за легионом шли на кассарийцев.

Три часа спустя утомились сражаться даже ветераны «Великой Тякюсении», которым усталость по определению неведома. Что уж говорить о живых.

С воинов пот лил рекой, как с сибирских лесорубов, которым пришлось провести рабочий день на солнцепеке. Граф да Унара грустно заметил Фафуту, что, вероятно, сказывается возраст, потому что еще немного, и он просто не сможет поднять меч. А господин главный бурмасингер, высоко ценимый начальством за здравый смысл, сдержанно заметил, что сказывается не возраст, а специфика противника. У нормального врага, сказал господин Фафут, уже закончились бы солдаты, и наступил бы всеобщий мир и ликование. А тут конца-краю не видно. Открываются широкие перспективы для трудоголиков и маньяков-убийц.

Запыхавшийся Такангор, который крушил и разбрасывал врага, ни на секунду не отрываясь от этого занятия, полно-

стью оправдывал распространенное мнение о том, что утомляет не любимая работа – утомляет пустая беготня. Однако спустя три часа бравого генерала стала терзать жажда. Благо до пригубного наливайника было рукой подать – он находился в обозе, вместе с Узандафом Ламальвой да Кассаром и особо ценными вещами, под охраной судьи Бедерхема.

Когда у правого плеча минотавра появилась полупрозрачная фигура Уэрта да Таванеля, Такангор возликовал.

– Принесите мне наливайник – Гризя знает, – попросил он, сшибая с ног диковинное создание, будто наскоро слепленное из двух или трех тел. – Я бы и сам пошел, но войска могут воспринять факт ухода как намек на отступление.

– Сейчас принесу, – пообещал призрак. – Сию минуту. Гризя! Гризенька...

– Я занята, – откликнулась фея и вернулась к своему противнику.

– Гризя. – Лорд Таванель мягко взял любимую под локоток. – Перестань кусать этого несчастного. И лупить трубкой не нужно. Он уже все понял.

С точки зрения биологии, если что-нибудь вас кусает, оно, скорее всего, женского пола.

Скотт Круз

Страдалец с благодарностью взглянул на своего избавителя. Судьба свела его с воинственной феей минут пять назад, но ему казалось, он провел с ней последние лет четыреста

своей жизни, причем провел их в печально известных казематах Правдивой башни, где истина рождается не в спорах, а совсем по другой причине.

Фея поправила панцирь, бросила на демона последний торжествующий взгляд и обратила нежный взор к жениху.

– Как я выгляжу?

Вот первый естественный вопрос, который всякая нормальная женщина задает любимому мужчине в самый разгар кровопролитного сражения.

Единственный естественный ответ, который можно дать, стоя между демоном-топорником, пытающимся смахнуть тебе голову, и зубастой тварью, которая пытается тебя проглотить:

– Дорогая, ты неотразима. А этот яркий румянец делает тебя еще моложе и прекраснее.

* * *

Все герметичные сосуды хоть что-нибудь, но пропускают.

Законы Мерфи

Князь Тьмы время от времени любил побаловаться чашечкой адского чаю по рецепту знаменитой бабки Бутусьи.

В Преисподней ее зелья жаловали, потому что они давали неизменно превосходный результат. К тому же была у них одна отличительная особенность. Разумная и добрая Бутусья не брала для основы ничего слабее бамбузяки и завещала повышать градус, если есть такая возможность.

Таким образом, успокоительный чай на поверку оказался травяной настойкой на яде скулокрута, смешанном с популярной в любом народе бульбяксой тройной перегонки.

После короткой беседы с вражеским специальным корреспондентом владыка Ада почувствовал себя больным и обиженным. Во-первых, он понял, что традиционное отсутствие собственных печатных органов приводит к одностороннему освещению событий. Он уже представлял себе, что напишет этот нахальный эльфофилин, и ощущал острую необходимость выпить.

Во-вторых, легионы демонов так и не продвинулись вглубь вражеской территории. Время, отведенное на битву, идет, а воз и ныне там. Напрасно Каванах каждые полчаса бросает в битву свежие части. Проклятые кассарийцы стоят как вкопанные. Зря он недооценил их силы.

Словом, Князь призывно махнул адъютанту, и уже через несколько минут к трону подкатили огромную золотую чашу, больше похожую на бассейн, в котором вполне могли разместиться с полдюжины здоровых тритонов с женами и детьми.

Козлоногий виночерпий Оргунтот зачерпнул из нее чаю и

налил в чашу поменьше, в виде черепа василиска, после чего с низким поклоном подал оную повелителю. Князь Тьмы счастливо вздохнул, запрокинул голову и опрокинул содержимое сосуда в свою необъятную пасть...

– Ух! – сказал Такангор. – Какая божественная жидкость. Аж до костей продирает. Адское пойло.

И потряс наливайник, желая повторить процесс...

По ту сторону Тутоссы другой полководец не менее активно тряс свою чашу, пытаясь сообразить, куда мог улетучиться его чай, и разглядеть дырочку или трещинку на его дне. Таковых не обнаружилось, и владыка Ада заволновался.

– Налей! – Он нервно ткнул Оргунтоту пустую посуду.

Виночерпий, понимая, что над его головой сгущаются тучи, отмерил вторую порцию трясущимися руками. Тяжелая шелковистая струя ударила в дно чаши, окропляя стены сверкающими брызгами. Владыка Преисподней облизнулся и с вожделением потянулся к напитку...

– Кр-расота! – вздрогнул Такангор, выливая в глотку вторую порцию жидкости, удивительным образом сочетавшую в себе ледяной холод и температуру кипящей лавы. – Как оно называется?

– Дайте попробовать, – попросил Дотт. – О, да вы, голубчик, балуетесь адским чайком. Знатная вещь. Только никого не угощайте, милорд, договорились?

– Почему это? – огорчился добрый Такангор, склонный делиться с друзьями своей радостью.

– Потому что обычно от него немножко болеют.

– Немножко – это как? – заинтересовался минотавр, припадая к третьей порции, как бангасойский демон, которого тысячу лет выжаривали в родимой пустыне.

– Ну, так, немножечко. Слегка умирают.

– Совсем утратили культуру питья, – вздохнул генерал Топотан. – Умирают отчего ни попадая, даже от чая.

И он затряс наливайник в поисках четвертой порции. Минотавру нужно было срочно возвращаться в битву, и он хотел как следует подзарядиться.

На противоположном берегу реки над совершенно пустой чашей, из которой ему не досталось ни капельки, сидел, понурившись, владыка Преисподней. И если бы не врожденная осторожность летописцев, можно было бы сказать, что он сидел, раздавленный обстоятельствами.

* * *

Князь Намора Безобразный во главе десяти легионов эков обрушился на правый фланг кассарийского войска с твердым намерением сокрушить его и ударить в бок отряду Такангора. Возможно, он так бы и поступил – и, кто знает, вдруг ему бы удалось исполнить задуманное?

Кассарийцам пришлось нелегко. Дендроиды устало скри-

пели; кобольды и гномы вымотались настолько, что даже не ворчали и не бормотали себе под нос, а отбивались от врагов молча, чего не случалось со времен знаменитой трехлетней осады Лякекса ордами троллей и орков. Кентавры едва волочили ноги. С их боков хлопьями падала пена – такая же, какая падала сейчас с коней шеннанзинских кавалеристов. Амазонки и ветераны «Великой Тякюсении» старались принять на себя основной удар, но их было чересчур мало, чтобы поспеть всюду. Глаза у Ианиды и Мумезы покраснели и слезились, и они прилагали недюжинные усилия, чтобы не сомкнуть веки и не пропустить удар. Пучеглазые бестии от усталости свешивали языки набок. Крифиан время от времени пытался передохнуть на какой-нибудь скале над рекой, но сонмы крылатых монстров не оставляли его в покое ни на миг. И даже дама Цица хотя и походила по-прежнему на утес, но теперь уже на утес, изрядно потрепанный бурей.

Силы им придавала только любовь к Зелгу и безграничная вера в Такангора.

Словом, ситуация на правом фланге сложилась критическая. Это и заметил опытным оком маршал Каванах, оттого и отправил Намору Безобразного со свежими легионами нанести решительный удар. Кто же знал, что это со всех сторон правильное, стратегически точное решение не принесет адским войскам успеха, но в корне изменит ход битвы?

Намора, раскрыв могучие крылья цвета зимней ночи, сверкая мрачными глазами и скривив и без того отврати-

тельную морду в гримасе ненависти, несся на даму Цицу. Он наблюдал за ней на протяжении битвы и понял, что ее поражение – это ключ к его победе. Если он сокрушит рыцарственную минотавриху, многие дрогнут.

Цица с первого взгляда поняла, что этот безобразный даже на фоне своих кошмарных сородичей, огромный демон направляется именно к ней. Она приняла боевую стойку и застыла, как каменное изваяние победительницы Кровавой паялпы. Возможно, она подумала, что это будет ее последняя битва, ибо поискала глазами Такангора и послала ему прелестную улыбку. Но фортуна распорядилась иначе.

Зоркий Намора внезапно заметил внизу, за шеренгами кобольдов и гномов, ладную женскую фигурку, и сердце его екнуло. Какое бы ни было, но сердце есть даже у повелителя экоев. И с незапамятных времен оно принадлежало одной прелестнице, отвергшей его ухаживания.

Очаровательная шляпка с цветочками всколыхнула в черной душе демона трогательные и сладостные воспоминания. А когда до его ушей донесся знакомый голос, судьба яростной атаки была решена.

К вящему недоумению покорных экоев, Намора Безобразный спикировал на ближайшую полянку, по которой еще никто не прошелся лапами, копытами и ногами, и кинулся собирать лютики.

Расхваливая боевое искусство своего осла, Карлюза несколько не погрешил против истины. Осел действительно отчаянно лягался. А еще у него оказалась вредная для демонов и крайне полезная для союзников привычка – подкрадываться тихонько сзади и изо всех сил кусать противника за самые чувствительные места.

Тот, кого ни разу в жизни не кусал осел, не поймет, насколько это нервировало демонов.

Карлюза с Левалесой времени зря не теряли. Они подбежали к какому-нибудь монстру и радостно щебетали:

– Ищите поединщиков?

Монстр, понимая, что перед ним легкая добыча, доверчиво соглашался.

– Ходимте, ходимте! – зазывали троглодиты.

И когда адская тварь устремлялась за ними, бежали напрямиком к Альгерсу.

Надо сказать, что славный кузнец тоже представлял собою сплошной комок нервов. Они с Ианидой разругались вздрыг буквально за пять минут до того, как ее отряд повернул к излучине, а его – занял место в центре. Помириться они не успели, и теперь горгона и титан срывали дурное настроение на захватчиках, так некстати прервавших семей-

ную сцену.

Буц! – делал Альгерс своей знаменитой булавой, и демон валился ему под ноги, во внушительную кучу таких же доверчивых трофеев.

А издалека уже снова неслось дуэтом:

– Ходимте, ходимте скорей! Ищите нас!!!

Особой строкой в нашем сюжете следует упомянуть приключения Мардамона во вражеском лагере.

Его видели во многих местах. Иоффа утверждал, что собственными глазами наблюдал следующую сцену: увлеченный жрец тыкал под нос какому-то драконоподобному кошмарному созданию свой ржавый нож и что-то подробно объяснял. Дракон пятился от него в ужасе, но Мардамон настаивал до тех пор, пока собеседник не свалился в реку и не ушел с головой под воду. По наблюдениям Иоффы, не выныривал он минут десять, пока не убедился, что жрец выбрал себе другую жертву.

Мороки сплетничали, что перед другим демоном Мардамон плясал ритуальный танец, которым должно было сопровождаться его, демона, торжественное принесение в жертву. Жрец никак не мог понять, почему его высокое искусство не побуждает адских тварей выстраиваться в очередь на запись в добровольцы, но потом сообразил, что дело, вероятно, в низком интеллекте целевой аудитории.

Спор носит интеллектуальный характер, если предметом спора нельзя ударить по голове.

И от теории он решительно перешел к практическим действиям.

От какого-то беса он попытался отпилить кусок прямо на месте и потом долго улепетывал от возмущенного противника с криками:

– Богам это не угодно! Я вас предупредил!!!

Затем деятельный жрец упорно осаждал адского казначея Тамерлиса с предложением сделать взнос на строительство пирамиды. Соблазнял он потенциального дарителя памятной бронзовой табличкой, на которой будут указаны имя и сумма щедрого спонсора.

Мысль о том, чтобы расстаться хоть с медным пульцигрошем, неизменно приводит казначеев в дурное расположение духа. Это легко проверить, попросив аванс у маркиза Гизонги. Благородный маркиз в таких случаях начинает протяжно кричать. Преимущественно – отборной солдатской бранью.

Вообразите же, что случится, если славному маркизу предложить обменять две сотни золотых рупез на кусочек бронзы в две ладони длиной.

Возможно, какие-то внешние различия между главным казначеем Тиронги и главным казначеем преисподней и наблюдаются, но зато по духу они братья-близнецы. Внимательно выслушав Мардамона, Тамерлис завопил так, будто его резали.

Большая ошибка.

Не обнаружив противника в поле зрения, охранники Кня-

зя Тьмы ударились в панику. Им и в голову не пришло, что господин главный казначей станет визжать без серьезной на то причины. И, в принципе, были правы. Просто причины каждый понимает по-своему. Для кого-то это обязательный взнос в фонд Детского гвардейского приюта, а для кого-то – проигранное сражение.

Кстати, демоны этого еще не знали, но война уже трещала по всем швам.

* * *

Женщины изменяли историю, но история не изменила женщин.

Юзеф Булатович

Обескураженные экой топтались на широкой песчаной отмели, не решаясь нападать без приказа командира. Это дало кассарийским отрядам желанную передышку.

Наконец Намора Безобразный появился перед своими легионами. Но их это не утешило. Кошмарный демон, прославившийся дурным характером не где-нибудь, а в Аду, выглядел как младенец, отыскивающий под столом любимую пустышку. Его морду украшала гримаса, в который самый смелый фантазер не узнал бы улыбки – и тем не менее то бы-

ла она. В когтистых руках, о которых говорили, что они по самые плечи в крови врагов, Намора бережно сжимал букет полевых цветов, составленный по всем правилам флористики. Центральная часть букета, состоящая из мелких гвоздик, представляла собой сердечко. А бант для букета он приобрел по сходной цене у Архаблога с Отенталом. Запасливые устроители Кровавой паялпы вняли Такангору и на всякий случай привезли с собой траурные принадлежности. Черная, с золотым кантом лента покорила сиятельного демона. Дядя Гигапонт очень быстро сплел кружевной пакетик, придавший всему букету неповторимое очарование, и недорого взял за упаковку.

– Прикажете атаковать, милорд? – тревожно спросил лейтенант экоев, разглядывая странное явление.

– Я тебе атакую! – ощерился Намора.

– Но боевой дух наших воинов...

– Не стойте у меня перед носом со своим боевым духом! – рывкнул Безобразный и заковылял в сторону кассарийского войска.

– Мумочка! – кричал он во всю мощь своих легких. – Мумочка! Это, я, твой пухнапейчик.

– Обалдеть! – выдохнула мадам Мумеза. – И на войне мне нет покоя!

Растерявшиеся кобольды безропотно расступились, пропуская вражеского генерала.

Когда мадам Мумеза описывала Такангору своего уха-

жера-демона, она принесла красочность в жертву краткости. Тогда как Намора Безобразный заслуживал пары-тройки лишних слов.

Больше всего он походил на бегемота, которого неведомые силы поставили на задние ноги и удерживают в этом положении. Если тот же бегемот присядет на креветку, глазки у нее выпучатся до чрезвычайности. И все же не так сильно, как у Наморы. Трехслойный живот колыхался при каждом шаге. Рот распахивался как сундук, набитый под самую крышку. Надбровные дуги, поросшие жесткой щетиной, взлетали вверх.

Даже самый недогадливый из второгодников Детского гвардейского приюта понял бы, что Намора Безобразный радуется.

Наконец он дотопал до предмета своего обожания и торжественно вручил букет.

– Мумочка, – замычал он. – А ты совсем не изменилась. Такая же хорошенькая и стройненькая.

– Сгинь с глаз моих, – довольно отвечала Мумочка, зарываясь лицом в букет.

– Я тебе лютиков насобираю.

Еще немного, подумала Ианида, присутствовавшая при этом ворковании, и огромная туша Наморы растает прямо на глазах.

– Я не люблю лютики, – кокетливо отвечала ведьма. – Ты всегда собираешь мне лютики. Где ты их только берешь?

– Прелестница, – умилился демон. – Я так соскучился.

– Немудрено соскучиться – сидишь безвылазно в Аду, – хмыкнула Мумеза. – Это же рехнуться можно. Вот хороша бы я была, если бы вышла за тебя замуж.

– Ах, Мумочка, – всплеснул руками демон, – тебе в Аду самое место.

Никто так не разделял точку зрения Наморы, как староста Иоффа. Правда, его не спросили. А даже если бы и спросили, он бы все равно не сказал. Что он, самоубийца?

– И что бы я там делала? – ворчливо спросила Мумеза, усаживаясь рядом с бывшим женихом.

– А что захотела бы! – сказал Намора, не сводя с нее влюбленного взгляда. – Хочешь, соседей бы изводила. Хочешь, вязала бы в креслице на вершине башни. Я такой замок для тебя отгрохал – до сих пор все завидуют, даже Каванах. Как ты живешь, лютик мой? Муж есть?

– Помер, – вздохнула ведьма. – Теперь вот зять нервы треплет. Волколака несчастный.

– Каноррский оборотень? – ужаснулся Намора.

– Кассарийский... а, один черт. Я б его давно пришибла, но доце он почему-то нравится.

– Нынешнюю молодежь не разберешь, – поддакнул демон.

– Ну а ты?

– А что – я?

– Женился?

– Куда ж без этого?

– Дети есть?

– Только их не хватало!

– Ну, кормят тебя хорошо. Это сразу видно.

– Я повара держу.

– А жена не готовит?

– Хватит с меня других неприятностей, – честно признался Намора.

– А вот я готовила.

– Никто не делает таких хухринских блинчиков! – вздохнул демон. – Сплошное объедение. Вот с тех пор ни разу и не пробовал.

– Почему?

– А! – И Намора безнадежно махнул рукой. – Без тебя все не так, лютик. Особенно не так – с другой женой.

– Мог бы и холостяком остаться.

– Это я с горя, – слабо защищался демон. – Ты же мне отказала.

– Еще скажи – это я виновата.

– Мумочка, цветик мой, я этого не говорил.

– Но думал! – уверенно заявила мадам Мумеза. – Все вы одинаковые. Жена-то хоть ничего?

Намора честно поразмыслил.

– Кошмар ходячий.

– Чего ж женился?

– Я же говорю – от отчаяния. Тебе назло.

– Очень мне нужно злиться на тебя. Зовут как?

– Кого?

– Ну, не тебя же. Жену.

– Нам Као.

– Дурацкое имя.

– Имя как имя.

– Вот видишь! – торжествующе сказала Мумеза. – Ты ее все-таки любишь, а мне втираешь, что от отчаяния.

– Мумочка, что ты такое говоришь?

– Я бы, может, передумала когда-нибудь потом. Вот теперь бы и передумала. А так – прости, дружок, ты женат.

– Я разведусь! – вскричал потрясенный Намора. – Всех делов – пристукнуть эту мымру! А ты за меня выйдешь?

– Я так сразу не могу, – сказала Мумеза. – Вот разведешься, война закончится, а там и поговорим.

– Мумочка! Жизнь проходит! Сколько можно думать?

– Тебе сколько лет?

– Три тысячи.

– Вот видишь, какая я старая. Куда мне замуж? А ты молодой еще. И потом, я обижена. Женился неизвестно на ком, а я должна закрыть на это глаза.

– Но ведь ты же первая вышла замуж, – робко возразил демон.

Мумеза его логики не поняла.

– Ты всегда был такой, – сказала она печально. – Вот все делал мне наперекор. Вот буквально каждое слово.

– Мума! Клянусь тебе – все изменится, – сказал Намора,

прижимая руки к огромному животу. – Только скажи «да»!
– Хорошо, – вздохнула Мумеза. – Скажу. Это неправильно, но как увидела тебя, так и растаяла. Между прочим, ты всегда вил из меня веревки.

– Я сейчас вернусь, – пообещал Намора. – Только никуда не уходи.

– Интересно, как он себе представляет, что я уйду? – спросила Мумеза у Ианиды, показывая букетом на безбрежное море адских воинов. – А еще считают, что мужчины умнее нас.

Было время, когда мужчины правили миром. Но потом появилась Ева.

Ричард Амур

* * *

– Что там происходит? – спросил Каванах Шестиглавый у Кальфона.

Речь шла о Наморе Безобразном. Маршал обратил на него внимание в тот момент, когда беспощадный генерал скакал на четвереньках по какой-то полянке, в стороне от того места, где сейчас должна была развиваться, но по неизвестной

причине не развивалась сокрушительная атака экоев.

– Вероятно, это некий коварный план, – предположил Кальфон, свято верящий в силу коварных планов.

Сам он за всю жизнь ни одного подобного плана не придумал и потому с пиететом относился к тем, кто был на это способен.

– Странный план, – хмыкнул Каванах. – Меня в нем многое смущает. Особенно вот эта поза.

– Поза затейливая, – признал Кальфон. – Может, он подает нам сигналы?

– Вы считаете, Намора сигнализирует нам, что мы в глубокой...

Каванах задумался, как бы перевести эту синтагму в политически корректную.

– Я так не думаю, – сказал граф Торрейруна, – но, может, ему там виднее. Знаете, эти кассарийцы не так уж безобидны, как может показаться на первый взгляд.

Тут мимо них двое дюжих демонов пронесли третьего, лежащего в обмороке. За этой небольшой процессией брел Мардамон с веревочкой и бубнил:

– Я понимаю, что вы не верите своему счастью. Но вы поверьте. Посмотрите, какая вокруг красота! Неужели вы не хотите умереть в поддержку своих товарищей по оружию? В качестве поощрительного бонуса – как первому добровольцу – я спою над вами гимн собственного сочинения. О нем с похвалой отзывались музыковеды Тифантии...

– Безобидные, – прошипел Каванах. – Как же... безобидные. Эй!!! – крикнул он своим гвардейцам. – Арестуйте кто-нибудь этого бродягу. Совсем распоясался. И позовите Флагерона. Где его вообще носит?

Флагерона носило всюду, где носило черный халат с помещенным внутри него доктором Доттом.

– Поймите, – втолковывал призрак, – это немыслимо. Как вы себе представляете наш альянс?

Демон вздохнул.

– Пойдут толки.

Взгляд Флагерона выразил презрение к мнению окружающих.

– А мне не все равно, – отозвался Дотт, не замечая, что понимает собеседника без слов.

Флагерон грустно улыбнулся.

– Поверьте, я еще при жизни отличался широтой взглядов. А после смерти стал еще либеральнее...

В этот момент какая-то тварь принялась втягивать призрак в открытую пасть.

– Ай! – вскрикнул Дотт.

– Ссс-ссс, – свистнуло лезвие копья, и тварь рухнула в траву.

– Спасибо, голубчик, – поблагодарило привидение, стряхивая с рукава соринку. – На чем мы остановились? А! Да, на широте взглядов... Ну представим на минутку, что наши отношения состоялись. Дальше что? Поймите, я не сторон-

ник моногамности. Я на это не способен...

– Все может измениться, – мягко молвил демон. – Вы войдете во вкус тихой семейной жизни.

– Мамочки! – пискнул Дотт.

– Интересный компот. – Мадарьяга кивнул в сторону сладкой парочки. – Как вам это нравится, генерал?

– Я всегда говорил Ржалису, что с этими любовными похождениями однажды можно допрыгаться. Я оказался прав.

– Ну, Ржалис вам все равно не поверит, пока сам не влипнет.

– Главное, скажите милорду Такангору, чтобы он случайно не пришиб этого воздыхателя. Неудобно как-то.

И генерала с вампиром снова разнесло в разные стороны.

– Это самая странная битва в моей жизни, – признался Каванах, высматривая своего любимца на поле боя. – Вроде бы все предусмотрел. А все идет наперекосяк.

Если ты знаешь, что что-то может пойти наперекосяк, и ляжешь костями, чтобы этого не допустить, наперекосяк пойдет что-то другое.

«Закон Натри»

Бедный маршал – он еще не знал, что такое наперекосяк. Жить в мире с собой ему оставалось совсем недолго. Ибо на правом фланге кассарийских войск, в месте, где все никак не могла развиваться упомянутая атака, вступил в игру новый фактор.

Нам Као, супруга Наморы Безобразного, застучала своего благоверного на горячем.

И понеслась...

И понеслось!

ГЛАВА 17

Милталкон и Бакандор долго рассматривали таинственный ларец. Состояние у них было двойственное. С одной стороны, еще в далеком безрогом детстве, когда маменька укачивала их в колыбельке, она рассказывала сказку об одной чересчур любопытной деве, копавшейся в чужом имуществе. Помнится, именно на нее возлагалась ответственность за все болезни и гадости, происходящие ныне на свете.

Брать на себя такую ответственность молодые минотавры не хотели.

С другой стороны, открывшийся их взорам тайник хранил столько непонятных и странных вещей, что голова шла кругом. А в ларце, возможно, находится объяснение или хотя бы ключ к семейным секретам.

Бакандор осторожно поднял ларец – тот оказался не слишком тяжелым – и потряс его. Внутри едва слышно брякнуло.

– Ну что? Что будем делать? – спросил Милталкон. – Держим? Или линяем?

Еще пару минут назад он был готов совершить несанкционированный взлом, но воображение некстати подсунуло ему облик разгневанной родительницы со скалкой в руках, и юный минотавр обнаружил, что решимость стремительно его покидает.

Бакандор вытащил из-за пояса кинжальчик и поковырлялся в замке. Впрочем, осторожно, без чрезмерного энтузиазма.

– Не поддается.

– А ты поверни в другую сторону.

– Все равно не открывается.

– Сильнее.

Бакандор закричал. Сил ему было не занимать, но старые мастера свое дело знали.

– Руками не ломай – бесполезно, – произнес за спиной Бакандора голос Мунемеи, и юный минотавр едва не хлопнулся в обморок.

О педагогическом таланте мадам Топотан и ее необычайных успехах на ниве воспитания подрастающего поколения ходили легенды. Попасть в очередную легенду сыновья не хотели.

– Ну-с, молодые люди. Чем заняты на досуге?

– Изучаем семейную историю, – выдохнул Милталкон.

– И как успехи?

– Не открывается, – вконец растерялся Бакандор.

– Разумеется, – кивнула Мунемея. – Лучшие умы старались, чтобы не открылось... Я кому говорила – в эту часть лабиринта ни ногой?! Я что – должна рычать на все Пегасики?! А ну брысь отсюда!

Милталкон, очевидно, понял, что все равно умирать, и решил погибнуть с пользой.

– А вот не уйду, пока вы хоть что-нибудь нам не объясните. Мы имеем право знать...

– Ты имеешь право выбрать место на кладбище, – наемкнула родительница. – А большего пока не заслужил.

– Ну право, маменька, – загудел Бакандор, памятуя наставления Тапинагорна Однорогого из главы двадцать шестой о том, что вся сила минотавров – в единении. – Право, вы могли бы просветить нас. А то ведь странно получается – у семьи, оказывается, есть тайны. А мы об этом ничего не знаем.

Мунемея смягчилась.

– Тайна остается тайной до тех пор, пока о ней никто не подозревает, – пояснила она.

– Мудро, – согласился Милталкон. – Однако обидно.

– Бакандор, сынок, – добрым голосом сказала Мунемея. – Поставь ларчик на место. Не делай из матери детоубийцу.

Минотавр вздохнул и выполнил ее просьбу.

– Марш заниматься, – приказала заботливая мать. – А я пойду сделаю на ужин отбивные. И сама душу отведу...

– ...и нам как-то спокойнее, – согласился Милталкон.

Вечером, совершенно добровольно вызвавшись помыть посуду и прибраться на кухне, братья совершили последнюю попытку.

– Что там все-таки в ларчике? А? – жалобно спросили они.

Мунемея надолго задумалась.

– Как бы вам объяснить попроще, – сказала она, когда они

уже поняли, что не получают ответа, и даже успели с этим смириться. – Там спрятана совсем другая жизнь. И совсем другая смерть.

* * *

Главное на войне – догадаться, что происходит по ту сторону холма.

Герцог Веллингтон

– Знаете что, – вправе сказать нам честный и равнодушный читатель, – это все чудесно, конечно, но где же Думгар? Разве кассарийские войска делятся на две, а не на три части? Разве события развиваются только на правом фланге и в центре? А что же с тем, кто ушел в одиночку защищать Безымянное ущелье?

Разумеется, наш честный и равнодушный читатель окажется прав.

Думгар – это отдельная страница истории о битве при Липолесье. Скорее даже – отдельная глава.

Хотя мы до сих пор не упоминали об этом в нашем повествовании, но Каванах Шестиглавый обратил свой взор на заманчивое ущелье буквально через несколько минут после начала сражения. Он был слишком хорошим полководцем,

чтобы не использовать возможность зайти в тыл своему противнику, и чересчур искусственным стратегом, чтобы не понимать, что генерал Топотан эту возможность предусмотрел и меры принял. Каванах счел разумным принять контрмеры и посмотреть, чьи меры окажутся более действенными.

Первым атаковать Безымянное ущелье отправился Кальфон, граф Торрейруна, Погонщик Душ со своими легионами Падших. Отсутствовал он совсем недолго, вернулся поспешно, в пояснения особо не вдавался, а на наводящие вопросы отвечал скупно. С неприсущей ему сдержанностью. Между ним и маршалом состоялся примерно такой диалог.

– Ну? – спросил Каванах. – Как?

– Да так, – скромно ответил Кальфон, ловко избегая ненужных подробностей. – Я, пожалуй, обрушусь на центр.

– Вам был поручен левый фланг.

– Не стоит, милорд, – поморщился Кальфон. – Давайте я лучше обрушусь на правый фланг.

– Давайте я буду решать, куда вы обрушитесь!!! – взъярились две или три головы маршала Тьмы. – Что там такое, в этом ущелье?

– Незачем туда ходить, – убежденно ответил Свирепый. – Не стоит. Зачем нам это?

– Ударить в тыл, – опешил Каванах.

– Не надо, – поморщился Погонщик Душ. – Не советую.

– Вас что – разбили наголову?

– Еще нет, – сказал Кальфон. – Но я бы не напрашивался.

– Вы струсили? – изумился Шестиглавый.

– Я не геройствовал, – уточнил Свирепый.

– Ладно, – смилостивился Каванах, понимая, что перестает что-либо понимать, а убивать собственного генерала во время сражения, по меньшей мере, расточительно. – Обрушайтесь на центральный отряд Кассарийца.

И вызвал полковника Даэлиса.

Принявший командование над легионами Предателей, Даэлис потратил на атаку левого фланга еще меньше времени, чем Кальфон. Как заметил по этому поводу Тамерлис, складывалось впечатление, что ему доплачивают за скорость. Когда он вернулся пред светлые очи маршала, у них случился такой разговор.

– Были на левом фланге? – спросил Каванах.

– Был, – отвечал Даэлис.

– Атаковали ущелье?

– Не совсем.

– Как можно *не совсем* атаковать? – любопытно спросил маршал.

– Совсем не атаковал, – уточнил Даэлис.

– О последствиях задумывались?

– Неоднократно.

– К каким выводам пришли?

– А давайте я обрушусь на правый фланг! – предложил полковник, и Каванах подумал, что это совпадение ему не нравится.

– Я приказывал обрушиться на левый фланг, – сдержанно напомнил он, прилагая все усилия, чтобы не сожрать одного из лучших бойцов Князя Тьмы.

– Туда ходить не надо, – быстро сказал Даэлис. – Зачем? Бессмысленно.

– Зайти в тыл Зелгу.

– Не стоит. Есть и другие способы.

– Что там такое? – уточнил маршал.

– Да ничего особенного. Просто лучше обходить левый фланг стороной.

– Еще какие-нибудь предложения?

– О да!!!

– Какие?

– А давайте я обрушусь на центральный отряд.

– И вас не смущает тварь Бэхитехвальда? – подозрительно спросил Каванах.

– Уже нет, милорд, – браво отрапортовал Даэлис.

Вызывая знаменитого на весь Ад Дьюхерста Костолома с его воинами, Каванах уже втайне знал результат, просто не хотел признаваться в этом даже самому себе.

Дьюхерст Костолом, казалось, был сработан из цельной глыбы гранита. От его поступи колебалась земля, от одного его удара камни превращались в песок. Умом природа его не наделила. Он брал другим. Барон Дьюхерст всегда шел напролом, и эта тактика никогда его не подводила.

Голиаф не был умен. Ему это было не нужно.

Габриэль Лауб

«Если он не захватит Безымянное ущелье, – думал Каванах, разглядывая громоздкую фигуру своего офицера, – то пробьет рядом новое».

Костолом никогда не славился быстротой. Скорее уж, стоит признать, что он считался медлительным и неповоротливым. Никто бы не выбрал его на роль легконогого вестника, если бы хотел передать важную новость в этом же столетии. Тем большее впечатление произвела на маршала Тьмы скорость, с какой Костоломы вернулись на принадлежащий демонам берег Тутоссы.

– Ну что там? – почти приветливо спросил Каванах, обнаружив перед собой запыхавшегося демона.

– Да ну его, это ущелье, – прогудел Дьюхерст, стараясь казаться безразличным. – Так, ничего особенного, длинная дыра в горах.

– Я приблизительно так и представлял.

– Угу.

– Красивое?

– Угу.

– Так я и думал. Что-нибудь особенное заметили?

– Угу.

– Что?

– Может, я лучше ударю по правому флангу?

Шестиглавый чуть не подавился.

Во-первых, это было уже не совпадение. Это была статистика.

Во-вторых, Дьюхерст Костолом самостоятельно породил мысль. Такое могло произойти только после очень сильного потрясения, а Каванах плохо представлял себе силу, способную поколебать несокрушимого демона, как в прямом, так и в переносном смысле.

Отпустив Костоломов резвиться на правом фланге, Каванах серьезно задумался. Ему очень не хотелось отправлять в бой отряды Моубрай. Он не понимал чувств дочери, он вообще не слишком понимал, зачем ей эти чувства – ведь без них гораздо легче. Но втайне ей все-таки сочувствовал, не усматривая в том парадокса.

Однако другого выхода он не видел.

Лучшие воины Князя Тьмы очухивались сейчас после турнира в подземных чертогах и морально готовились к неприятной беседе со своим повелителем. Остальные буксовали на кассарийской стороне реки. Каванах мог выбирать только между Эдной Фаберграсс и Моубрай Яростной. И он выбрал последнюю.

Выбор был сделан верно. Именно его дочь установила рекорд скорости. Когда она вернулась в расположение адских войск, Каванаху показалось, что она никуда и не уходила.

– Даже не думай, – заявила Моубрай, предвосхищая вопросы и подтверждая статистику. – Лучше сосредоточить все внимание на правом фланге.

– Дался вам этот правый фланг! – взвыл Каванах.

– Сейчас все объясню. – И Яростная успокаивающе погладила отца по чешуйчатой руке. – Все очень просто...

* * *

Аргументы следует не считать, а взвешивать.

Цицерон

Довольно легко добравшись до ущелья, Кальфон не видел особых трудностей и в перспективе. Точнее, не видел до тех пор, пока взгляд его не упал на странную скалу, громоздившуюся у самого узкого входа и почти полностью его закрывшую. Скала сия была необычна тем, что как раз в эту минуту сменила положение.

Какой-то короткий миг демон все еще надеялся, что это результат магического воздействия и ситуация сама собой образуется. Хотя мудрый внутренний голос уже нашептывал ему, что это совсем не так. А когда скала приветливо поманила его рукой, Кальфон окончательно понял, что влип. Он очень любил и уважал герцогского домоправителя Думгара. К тому же он его всегда побаивался. И уж совсем не хотел столкнуться с ним в открытом противостоянии.

– Добрый день, милорд, – приветливо сказал между тем

голем. – Какими судьбами?

– Добрый день, – грустно откликнулся граф Торрейруна. – Я здесь, уж извините, с атакующими намерениями.

– Жаль, – искренне огорчился Думгар. – Жаль. Я полагал вас воспитанным молодым человеком.

Кальфон потупил глаза. Он с необыкновенной отчетливостью вспомнил себя в подростковом возрасте. Каменный голем держит его за шиворот курточки, и он висит в этой несокрушимой руке, а Думгар по-отечески отчитывает его за попытку намазать липкой смолой любимое кресло Эдны Фабеграсс – в ту пору правящей герцогини Кассарийской.

Трудно воевать против того, кто шлепал тебя за детские шалости.

– Ай-ай-ай, – покачал головой голем. – Опять взялись за старое? Я огорчен.

Погонщик Душ представил себе, что будет дальше. Он слишком хорошо помнил тяжесть Думгаровой десницы, чтобы рискнуть повторить этот опыт, к тому же – на глазах у собственных воинов. Но голос долга был еще слышен, и Кальфон совершил робкую попытку исполнить приказание маршала.

– Мне бы пройти через ущелье, – попросил он.

– С какой целью?

– Ударить в тыл вашим войскам.

– Понимаю, – ответил Думгар. – Разумно. Но я для того тут и стою, чтобы никто не ударил в тыл мессире да Кассару.

– Я вижу. – И Кальфон поник, как сорванный неделю назад лютик.

– Я бы рад служить, но – увы! – И Думгар развел руками.

Падшие заволновались. Они боялись его куда больше, чем своего непосредственного командира, и с этим уже ничего нельзя было поделать.

Непосредственный командир переступил на кривых ногах и шмыгнул носом. Свою шипастую палицу он смущенно вертел в руках.

– А если мы все-таки чуть-чуть повоюем? Для очистки совести? – предложил он.

– Да сколько угодно, – приветливо закивал Думгар. – Чуть-чуть не обещаю, а в остальном – я к вашим услугам.

Кальфон честно взвесил аргументы. Озарило его буквально сразу.

– Тогда я, пожалуй, пойду.

– Всего доброго.

– А вы будете тут? Если что?

– Конечно. Если что – заходите.

– Так я пошел?

– Удачи.

– И вам того же, Думгар.

– Спасибо, милорд.

– Думгар!

– Да, милорд.

– Но если вас спросят наши, вы непременно скажите, что

мы повоевали.

– Как иначе?

– Ну и добавьте красочных подробностей.

– Я скажу, что вы сражались изо всех сил.

– Спасибо, дружище. Я знал, что могу на вас положиться.

– Не за что, милорд.

– Думгар!

– Да, милорд.

– Вот еще что – я думаю, за мной придут другие.

– Не беспокойтесь, милорд. Уверен, мы найдем общий

язык.

– Вот и ладно.

И Падшие облегченно выдохнули, поняв, что вооруженного столкновения не предвидится. Многие из них, будучи еще совсем юными, пытались воровать яблоки, драгоценное мугагское и табак в кассарийских владениях. И буквально у каждого из них сохранилось свое личное, сокровенное воспоминание о встрече с каменным дворецким. Им бы не хотелось его обновлять.

Следом за Кальфоном в ущелье ворвался Даэлис. И добился примерно таких же успехов. Нет, он не воровал яблоки – его родители были морскими демонами, и потому в свободное от службы время он предпочитал рыбу и водяные растения. Он не мазал смолой и прочей гадостью трон Эдны Фаберграсс и не курил чужой табак.

Но это его Думгар в свое время за ухо вытаскивал из зам-

ковой библиотеки, отечески наставляя на путь истинный. Славный домоправитель твердо полагал, что демонам, не достигшим пятисотлетнего возраста, недопустимо читать богато иллюстрированный журнал «Костлявые кошечки». «Эротическая нежить» тоже входила в список запрещенной литературы.

С тех пор Даэлис прошел долгий и славный путь, не изменив своим детским увлечениям, и кто же мог знать, как глубоко на него подействовал тот воспитательный процесс.

Нет, бравый полковник не покраснел – он от природы был багровым. Но глаза опустил, уши печально повесил и принялся смущенно ковырять землю носком правой лапы.

– Милорд Даэлис! – вскричал между тем Думгар, рассмотрев вновь прибывшего. – Как вы возмужали.

– А вы ничуть не изменились, – тихо сказал демон. – Держитесь молодцом.

– Благодарю за комплимент.

– Прекрасный день, – кашлянул Даэлис.

– Чудесный.

– Погода так и располагает к возвышенному.

– Совершенно с вами согласен.

– А работать как-то не хочется.

– Но приходится.

– Вот именно – приходится.

Они согласно помолчали. Каждый о своем.

– Думгар, – осторожно начал полковник. – Нам бы как-то

зайти в тыл мессире Зелгу.

– Мессир Зелг сегодня в тылу не принимает, – твердо отвечал голем. – Но вы можете найти его в самом центре. У него там день открытых дверей.

– У меня приказ, – объяснил Даэлис.

– Сочувствую, милорд. У меня тоже.

– А я никак не могу вас убедить? Скажем, вы закроете глаза, а мы незаметно прошмыгнем?

– Что вы себе позволяете, милорд?! – осерчал Думгар.

Даэлис рефлексивно схватился за свои многотрадные уши.

– Вы меня неправильно поняли...

– Я понял вас абсолютно правильно, но, принимая во внимание вашу молодость и немедленное раскаяние, не сержусь.

Даэлис хотел было возразить, что он давно не молод и не одно море успело высохнуть на его веку, однако вовремя спохватился, что тогда придется искать другие аргументы.

Молодость бывает только раз. Потом требуются уже другие оправдания.

Из «Словаря недостоверных определений» Л. Л. Левинсона

– Рад был повидать вас, милорд, – вел свою партию голем.

– Я тоже.

– Заходите после войны.

– А вы до сих пор получаете «Костлявых кошечек»?

– Разумеется.

– У нас по-прежнему большие трудности с подпиской.

– Я наслышан. Кстати, милорд, вас заинтересует новинка: «Смелый экспериментатор» – эротические рисунки с натуры. Получаем со специальной рассылкой.

– Везет, – вздохнул Даэлис.

– Библиотека в вашем распоряжении, милорд.

– Тогда до завтра, – кивнул приободренный полковник.

– До завтра, милорд.

И довольные Предатели заторопились назад.

Что до Дьюхерста Костолома, то ему пришлось тяжелее всех.

Мало кто помнил, что его мать состояла фрейлиной при Моубрай Яростной, когда та переехала к мужу, в Кассарию, с небольшой свитой приближенных.

Дьюхерст появился на свет в угловой башне кассарийского замка, после третьих петухов, и первое, что он увидел, – это склоненное над ним лицо голема. Дело в том, что малыш уродился таким богатырем, что счастливая мать даже поднять его не могла, не то что носить на руках и укачивать.

Думгар принял на себя все обязанности кормилицы. Они с Доттом нянчились с демоненышем и днем и ночью. Это Думгар поил кроху Дью из трехведерной бутылочки патентованной детской смесью из молока мантикоры, слез феникса и яда василиска. Это он спел ему первую колыбельную, под которую малыш заснул, сладко похрапывая. Это он делал ему гуглю и бырзульчика огромными каменными пальцами,

а младенец заливался радостным смехом. Это каменный домоправитель кассарийских некромантов качал будущего Костолома на колене и подарил ему первого дракона-на-колесиках (игрушка такая). В конце концов, это к Думгару Дьюхерст Костолом обратился с первым словом в своей жизни, и это слово было «мама».

При встрече в ущелье они обнялись и постояли молча, как и положено двум несгибаемым мужам. Затем Думгар ласково потрепал Дьюхерста по загривку, а Дьюхерст всхлипнул и потопал обратно – объясняться с начальством. Но долго еще оборачивался и махал на прощание. Как, впрочем, и все его Костоломы.

Ну а рассказывать о беседе Моубрай с ее любимым домоправителем и вовсе нечего.

– Что ж эти олухи сразу все не объяснили? – изумилась она. – Прости за беспокойство, Думгар. Я не представляла, с кем встречусь.

– Таков замысел, – сдержанно поклонился Думгар.

– Ах ты, старый хитрец, – рассмеялась Яростная. – Ты ведь все знал наперед.

– Не знал, – сказал голем. – Но предполагал. Надеялся.

– И оказался прав. Левый фланг нам недоступен, – вздохнула прекрасная демонесса. – Так и доложу маршалу.

– Как его вторая справа шея? – поинтересовался голем.

– Все так же. Ноет.

– Я прикажу прислать зелье.

– Спасибо. Желаю удачи.

И Моубрай Яростная вернулась к Каванаху с полным отчетом об атаке на левый фланг.

– Вот видишь, отец, – подытожила она, завершая свой короткий рассказ. – Это совершенно невозможно.

Невозможное не может вменяться в обязанность.

«Дигесты Юстиниана»

* * *

Доспехи Аргобба и впрямь защитили от многих неприятностей. Во всяком случае, Зелг постоянно находился в самой гуще сражения и на шестой его час все еще оставался целым и невредимым. Относительно целым и почти невредимым, если соблюдать точность.

Нечеловеческий меч значительно облегчал тяжелый труд рыцаря. Демоны скошенными снопами валялись вокруг него, но на их место становились новые, причем в неприятной пропорции – по двое или трое свежих противников на одного побежденного. С такой арифметикой победы не видеть.

Справедливый некромант понимал, что он находится в

преимущественном положении по сравнению с теми же шеннанзинцами, которым требовались совместные усилия трех или четырех воинов, чтобы одолеть одного заурядного демона. А на особо выдающиеся экземпляры приходилось нападать чуть ли не вдесятером.

Сначала ему казалось, что вся вражеская армия атакует его одного, что все взгляды нацелены только на него. Но так было только первые полтора или два часа непрерывной сечи. Постепенно яростное сражение отодвинулось на второй план, будто в театре, когда хор отступает в глубину сцены. Зелг уже не видел отчетливо: все слилось в одно большое разноцветное пятно, в котором время от времени мелькали кошмарные морды – лучшее украшение страшного сна.

Один раз волна нападающих оттеснила его к Такангору, и они даже смогли перекинуться парой слов. Генерал Топотан утверждал, что все идет просто прекрасно, и Зелг счел необходимым согласиться с ним, хотя лично он ничего прекрасного в окружающей действительности не обнаруживал. Но мы только что сказали, что он уже вообще ничего не видел.

Как бы мало ни был искушен в военных хитростях молодой некромант, все же он понимал, что долго так продолжаться не может. Люди устали. Они измождены. Еще чуть-чуть, и воины Кассарии начнут падать без сил, и им будет все равно – убьют их или нет. Ибо существует предел человеческой выносливости, за которым наступает полное отрешение.

Зелг видел лица шеннанзинцев и чувствовал, что они находятся на самой грани. Он отчаянно боялся, что Такангор оценивает ситуацию, примеряя ее на себя. Ему-то, возможно, далеко до обморока. А вот Эмсу Саланзерпу – рукой подать.

Пару часов назад подлетал к герцогу да Кассару возбужденный Бургежа с пухлой исписанной тетрадкой в цепких когтях и говорил ободряющие слова. Согласно Бургеже, демоны уже поняли, что обречены, и вот-вот выкинут белый флаг. На резонный вопрос, что же они прут возмущенной толпой, как муравьи из муравейника, на который основательно уселась влюбленная парочка, пухлицерский лауреат выдвинул предположение, что это от отчаяния. Надо же что-то делать, вот они и прут. А в целом они уже сдались.

Дискуссии не вышло, потому что на Зелга надвинулся какой-то гориллоподобный демон – не иначе кузен Кальфона Свирепого, а Бургежу попытался проглотить нервный эко́й. Специальный корреспондент перенес покушение на свою персону стоически, но вот порванной тетрадки не простил и с возмущенным визгом вцепился эко́ю в морду и клювом, и лапками. Что было дальше, герцог не видел – отвлекся на противника.

Проскакал мимо Мардамон на ошалевшем четвероногом монстре с выпученными глазами. Жрец нежно обнимал его за шею и, высоко взлетая при каждом прыжке твари, орал в оттопыренное ухо:

– ...а также свидетельство почетного члена отпевальных вечеров. А?!

Столкнувшись у какого-то валуна с главным бурмасингером Фафутом, некромант приветливо ему улыбнулся, совершенно забыв, что за забралом улыбки не видно. И что скалится на его доброго друга ощеренная пасть мурилийского демона.

Чуть тише и свободнее было на участке, который защищал Гуго ди Гампакорта. Демоны не слишком охотно встречались с каноррским оборотнем, и поэтому сюда стекались все, кому крайне нужно было отдышаться.

Сейчас за спиной Гампакорты сидели Ангус да Галармон, маркиз Гизонга, господин Фафут и изрядно помятый азартным огнекрылом граф да Унара. Вокруг них хлопотал доктор Дотт и летал, заставляя тиронгийцев нервно вздрагивать, Флагерон, потрясающий копьём. Зелг тоже спешил, облегчая участь своего амарифского жеребца.

– Как там на правом фланге? – спросил Галармон, утирая пот полой изорванного в клочья плаща. – Слушайте, – удивился он. – Зачем я таскаю на себе эту тряпку?

– Вроде бы держатся, – сказал Дотт, поливая раны графа какой-то зеленой дрянью. – Хотите выпить, господа?

– Чего?

Дотт честно протянул бутылочку с той же дрянью.

– А что это?

– Забыл, как называется. Но самое оно. Для внутреннего

и наружного употребления.

– Давайте, – махнул рукой да Унара. – Хуже не будет.

– Будет, будет, – утешил его добрый халат. – Но не от моего зелья.

Явились на импровизированный сабантуйчик взмыленные Бумсик с Хрюмстиком. Бумсик еще с хрустом дожевывал чье-то крыло, а Хрюмстик – чей-то хвост. Оба хряка были безмерно довольны собой и жизнью.

Затем наступающие демоны разлетелись, будто кегли, и мимо огромным черным шаром прокатился доблестный паук.

– Кехертус! – закричал ему Дотт. – Иди к нам.

– Не могу! – ответил тот на бегу. – Дядя Гигапонт пошел в атаку!!!

Зелг окинул взглядом равнину. Со стороны реки катилась на них третья волна нападающих, и он отчетливо понял, что это и есть тот самый последний бой, о котором так любят слагать песни и баллады. А еще он подумал, что перед лицом неминуемой гибели можно позволить себе малую толику нелицеприятной критики.

– Порой мне кажется, – признался он, – что дядя Гигапонт сидит у Кехертуса на голове.

Впоследствии выяснилось, что он был прав, как никогда: Гигапонт там и сидел – в специально сплетенной будочке – и руководил неистовыми атаками.

– Да, – заметил маркиз, повторяя траекторию Зелгова

взгляда. – Внушает... внушает...

Он разумно не продолжил фразу, ибо нападающие внушали одновременно много всяких чувств: и ужас, и отвращение, и страх, и мысли о собственной грядущей смерти.

– Собственно, мы знали, на что шли, – улыбнулся Ангус да Галармон, тяжело вставая на ноги.

Бравому генералу казалось в эту минуту, что на его плечах громоздятся все скалы Гилленхорма, так он устал. Но дух его оставался таким же бодрым, как в самые радостные минуты.

– Я сожалею только об одном, – признался граф да Унара, присоединяясь к нему, – о том, что не выпью еще бокальчик мугагского и не попробую ваш знаменитый розовый соус к маринованной дичи. А в остальном – жизнь удалась, и нарекать не на что.

– Вам хорошо, – вздохнул Гизонга. – А я как подумаю, сколько денег его величество неэкономно ухлопает на наши пышные похороны, так в дрожь кидает. Я же складывал годами, пультцигрош к пультцигрошу. А он на одни золотые кисти и позументы... А-а-а... – И маркиз сморщился, как от зубной боли.

– Ну уж после смерти можно перестать волноваться, – заметил начальник Тайной Службы.

Рожденный считать и экономить никогда не поймет рожденного скакать и тратить.

«Дракон Третьего рейха»

– Вам, граф, легко говорить. Ваших преступников наверное не растранижат: сколько вы их посадили в тюрьму при жизни, столько их там и останется. А я...

– Знаю-знаю – пульцигрош к пульцигрошу.

– И кто будет собирать по всему дворцу огарки свечей?

– Полагаю, ваш безутешный дух.

– Больше некому.

– А я подбадриваю себя тем, что в Булли-Толли меня ждет любящая семья, – пробасил Фафут. И, кивнув в сторону демонов, признал: – Родные лица. Как две капли воды.

Зелг хотел попросить прощения у своих друзей за то, что по его милости они оказались в это время и в этом месте, но не нашел нужных слов. Не успел.

Рядом с ними выросла могучая фигура генерала Топотана, и громоподобный голос воскликнул:

– В атаку!!!

– В атаку так в атаку, – отозвался за его спиной Эмс Саланзерп. – Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Зелг обратил вопросительный взгляд к минотавру. У того шерсть стояла дыбом не только на загривке, но и везде, где только можно было обнаружить на нем шерсть; гранатовые глаза сверкали так, будто он смотрел на огонь; на губах выступила пена.

– Поверьте мне, – сказал Такангор. – Победа у нас в руках. Вы станете чемпионом.

Чемпион – это тот, кто встает с пола даже тогда, когда он не может встать.

Джеск Демпси

Молодой герцог взглянул на поле боя. По нему бежали, скакали, ползли, над ним летели тысячи свежих воинов Князя Тьмы. Инкубы и суккубы, бесы и демоны, кошмары, безголовые бегемоты с безногими наездниками; Падшие и Пожиратели Снов; Погонщики Душ и ламии; спешно вызванные из Ада для подкрепления Пут Сатанакия и Сарганатас на огненной колеснице; ядовитые змеи; огнекрылы; десятиглавые и двадцатирукие великаны... Впрочем, эрудированный Зелг не мог назвать и десятой части этих тварей.

Такангор помог ему сесть в седло и вручил опаленное и порванное знамя Кассарии.

– Ведите нас, мессир, – велел он.

И Зелг повел.

За ним ровно, словно только что стали в строй на дворцовой площади перед торжественным смотром, двигались шеренги рыцарей головного полка. Их было смехотворно мало по сравнению с нападающими, но смешными они уже никому не казались. В первом ряду шагали повелитель вампиров и бэхитехвальдская тварь; Такангор, положивший на плечи свой знаменитый топор; гигантский паук в компании феи Гризольды и лорда Таванеля; титан и кассарийские оборотни; плыл черный кожаный халат под охраной лучшего воина личной гвардии Каванаха; и важно цокал копытами осел, на

котором сидели два маленьких троглодита...

С другого берега реки, напряженно вытянув шеи, следили за ними владыка Преисподней и его главнокомандующий. И в эту минуту ни один из них не желал победы.

* * *

Между тем атака, задуманная Такангором, не была ни самоубийственной, ни бессмысленной, просто не нашлось времени на объяснения.

Как мы уже упоминали, на правом фланге вступил в игру новый фактор.

– Это она?! – кричала Нам Као, пытаясь выцарапать мужу глаза.

У нее было двенадцать длинных, вооруженных кривыми когтями щупалец, и во время семейных скандалов она смотрелась внушительнее и расторопнее любой женщины с двумя конечностями.

Для выполнения большинства операций требуются три руки.

Третий принцип производственника

Нам Као славилась склочным характером, отвратительной

внешностью и невероятной физической силой. Вытерпеть ее мог только Намора Безобразный, да и тот, правду говоря, терпеть ее не мог.

Мумезе он сказал чистую правду – женился он на этом отроде исключительно от отчаяния, чтобы досадить покинувшей его возлюбленной, но наказал самого себя. Сейчас, глядя на беснующуюся Нам Као, он понимал это с необыкновенной ясностью и удивлялся, в каких горних высях застрял его разум, когда на вопрос ересиарха, готов ли он сочетаться узами брака с этой дамой, пробурчал что-то, что приняли за согласие.

– Это она!!! – визжала разъяренная демонесса, тыкая когтем в сторону кассарийских войск, где победно мелькала противоударная шляпка с цветочками.

– Да, – ответил Намора. – Это она. Ей я сделал предложение. А с тобой развожусь.

– Я, между прочим, капрал, – вставила свой пультцигрош прекрасная нареченная, проталкиваясь между двух экоев. – И за модой слежу, не то что некоторые.

Нам Као разразилась пятиминутной речью, краткий смысл коей сводится к сентенции «так не доставайся же ты никому». После чего и началось побоище.

Верный адъютант Борзотар, сочтя эту перепалку несвоевременной, попытался деликатно привлечь внимание супругов собственно к сражению. Однако это только сильнее раздражило Нам Као, и адъютант получил по-простому, в глаз.

Тут он не на шутку обиделся, ибо происходил из старинного знатного рода и такого обращения вынести не смог. Поразмыслив минуту, он вцепился зубами в ее толстенький и короткий хвост. Демонесса взвыла и пнула почему-то мужа. У того лопнуло терпение...

Сцепились не только Намора с супругой лично. Сошлись в безжалостной схватке и двадцать легионов экоев, половина из которых была приведена в Липолесье самой Нам Као. А уж дама Цица не дремала. Улучив благоприятный момент, когда демоны пошли в атаку на демонов, она обрушилась на них со своим отрядом.

Кентавры с гиканьем вклинились в ряды адских тварей и принялись лупить их чем попало и по чему попало. Обстоятельные скелеты не нарушали строй, и там, где они проходили, не оставалось невредимых врагов. Многие монстры благоразумно отползали в сторону и участия в битве больше не принимали. А вот энтузиастов своего дела ждали большие неприятности.

Оказавшись между молотом и наковальней – между грызущимися экоями и беспощадной тяжелой пехотой Кассарийца, – прочие демоны, наступавшие на правом фланге, растерялись. Кто-то ударился в паническое бегство, кто-то попытался защищаться, кто-то вмешался в схватку между сородичами. А кобольды, гномы, кентавры, дендрониды и полк «Великая Тякюсения» наступали шаг за шагом. Пучеглазые бестии рвали врагов в клочья. Крифиан разбрасы-

вал их, как слепых щенков. Амазонки расстреливали чуть ли не в упор.

Горгона Ианида привела в состояние полной неподвижности такое количество вражеских воинов, что, казалось, битва идет в музее оригинальной скульптуры под открытым небом.

А когда мадам Мумеза увидела, что какая-то разъяренная тварь вцепилась в ее собственного жениха, началось такое, что демонам небо показалось с овчинку.

Где мадам капрал взяла на поле боя кочергу, исторической науке до сих пор неизвестно. То ли с собой принесла, то ли у кого одолжила. Впрочем, это и не представляется особо важным. Главное, что кочерга нашлась, и с этим грозным оружием наперевес счастливая невеста бросилась на защиту жениха.

– Щупальцы отлепила! – бормотала она, охаживая кочергой бока и спину Нам Као. – Щупальцы прочь, говорю, от моего лютика. Ишь рассупонилась, кошелка негодная. На чужое-то не заглядывайся, жаба липучая.

И под взглядом ее черных гневных глаз с демонессой приключилась жуткая неприятность, заставившая ее скорехонько смыться с места событий.

– Мумочка, – растроганно молвил Намора. – Мумочка! Ты ко мне равнодушна.

– Это ж надо было в такое вляпаться, – сказала Мумочка, отпихивая кочергой надоедливую эюю. – Ни кожи, ни рожи, ни талии. Нет, я за тебя возьмусь.

– Возьмись, Мумочка, – просиял Намора. – Возьмись, ненаглядная.

– Значит, встретимся вон у того камня, сразу после войны, – велела Мумочка. – Ты у меня станешь человеком.

И снова ринулась в гущу битвы.

– Нежная петунья, – растроганно молвил Намора Безобразный, глядя, как она избивает кочергой какого-то несчастного инкуба.

Такангор приказал атаковать в тот момент, когда стало ясно, что даме Цице удастся сбросить врага в реку.

Разумеется, если бы этим план минотавра и исчерпывался, то его ожидало бы сокрушительное поражение. Несколько свежих легионов, брошенных Князем Тьмы в бой, снова переломили бы ход битвы в пользу адских сил. Но не зря генерал Топотан вошел в историю как один из лучших полководцев Ниакроха и полноправный наследник славы Тапинагорна Однорогого.

Рукавов у Такангора не было. А жаль. Это не дает нам права написать, что у него оказался козырь в рукаве.

* * *

Неподалеку от кассарийского замка, на хорошо знакомой нам равнине Приют Мертвецов, дисциплинированно замер-

ло в ожидании грандиозное войско, предусмотрительно построенное в три колонны.

Чуть в стороне капитан Ржалис нервно гарцевал вокруг невозмутимого Лилипупса и бормотал:

– Война проходит, а мы стесняемся зайти.

– Отставить сердитый бубнеж, – распорядился бригадный сержант. – Я жду сигнала «Прямой зигзаг».

Его мундир был увешан всеми наградами, которые он заслужил за свою славную жизнь, и надраенные ордена и медали невыносимо сверкали на ярком солнце. В руках сержант сжимал верную бормотайку и магический кидацил, который, утомившись ожиданием, насвистывал легкомысленную песенку.

* * *

Вы слышали, как поют горгульи?

Нет? Вам повезло.

Вошедший в поговорку крик баньши представляется небесной музыкой по сравнению с этой какофонией звуков, способных без всяких магических штук поднять мертвых из их могил.

Сперва вам кажется, что где-то вдалеке кто-то затеял скрести ножом по дну медного таза. Затем, чуть поближе, на-

чинает страдать несварением желудка объевшийся циклоп. Потом в эту мелодию ненавязчиво вплетается предсмертный хрип удушяемого тролля, переходящий в гортанный рев аздакского великана, обнаружившего пропажу любимой приспособы. И завершается все торжествующим визгом Бумсика и Хрюмсика, обрамленным арией испуганного баньши. При этом будто бы кто-то все время бьет вас молотком по железному шлему.

Хотя знатоки, видевшие это описание, утверждают, что авторам явно не хватает силы воображения и словарного запаса, а потому пение горгульи передано слабо. Впрочем, неблагодарное это дело – передавать звуки при помощи букв.

Писать о балете – все равно что танцевать об архитектуре.

Стив Мартин

Беда даже не в том, что горгульи поют именно так, а не иначе. Беда в том, что они обожают петь. И в этом нелегком деле выкладываются без остатка. Пение их слышно издалека и может испугать неподготовленных к правильному восприятию высокого искусства. Поэтому в цивилизованных странах мира существуют специальные законы, запрещающие горгульям петь в местах обитания существ, обладающих слухом.

Другими словами, им разрешено давать концерты только для глухих аспидов. Да и те, откровенно говоря, выдержива-

ют только до середины первого отделения.

Принято считать, что крик горгульи отпугивает демонов. Это не совсем верно.

Во-первых, имеется в виду не крик, а именно пение.

Во-вторых, отпугивает он не только демонов, но и всех прочих. Просто в демонической среде по какой-то необъяснимой причине гораздо больше существ, обладающих музыкальным слухом.

Поэтому укоренившееся в исторических трудах мнение о том, что генерал Топотан намеревался в самый разгар сражения воздействовать на демонов при помощи десятка горгулий, не соответствует действительности. Хотя он отвел им весьма важную роль в своем плане.

Горгульи Кассарии не могли пожаловаться, что их вокал недооценивают. Именно их расставил Такангор на равном расстоянии друг от друга вдоль всей дороги от Липолесья до Приюта Мертвецов.

И, повинуясь его сигналу, они дружно и радостно грянули первые такты солдатской горгулььской походной, оповещающая о начале операции «Прямой зигзаг».

ГЛАВА 18

Истребовав в качестве компенсации за труды доступ в секретные архивы Тайной Службы Тиронги и, к своему глубокому изумлению, получив оный, господин Папата надолго сгинул в их недрах.

Хорошо еще, что секретарь графа да Унара – человек исполнительный и ответственный – твердо помнил, что любой живой организм нуждается в еде и питье хотя бы раз в сутки. И потому неизменно отлавливал сопротивляющегося библиотекаря среди полок, уходящих в бесконечность, и скармливал ему положенную порцию еды. Себе на помощь он призывал одного из лучших следопытов Булли-Толли, ибо господин Папата продемонстрировал настоящий талант, скрываясь от докучливых слуг, мешавших ему изучать бесценные исторические документы. Впрочем, он не мог не признать их несомненную пользу.

Так, именно секретарь и двое слуг выручили его тогда, когда почтенного библиотекаря придавило огромной инкунабулой, под которой он и пролежал несколько часов, бессильно трепыхаясь, как фусикряка на отмели после отлива. Чтобы перевернуть страницу этой книги, требовались объединенные усилия двух человек, и в секретариате Тайной Службы долго недоумевали, как господину Папате удалось сдвинуть с места сей литературный монумент, обрушить его на

себя и тем не менее остаться в живых.

Каждый неподвижный предмет достаточно подвижен, чтобы упасть кому-либо на голову или переломать ноги.

«Закон Янга»

Один старый лакей по этому поводу высказался в том смысле, что Тотис жалеет дурачков, влюбленных, детей и блаженных. А господин Папата – самое что ни на есть блаженное дитя, разве что – седое.

Некое рациональное зерно в этом утверждении есть.

А как иначе объяснить тот факт, что в этом необъятном архиве, где хватило бы работы для сотни библиотекарей на добрые пару столетий, именно господину Папате удалось обнаружить вырванный из неизвестного дневника, пожелтевший, обгоревший по краям листок.

«...В год 11157 от С.Н., испросив разрешения и благословения великого магистра, старший магистр Гогил Топотан отправился на поиски Хранителя, дабы с помощью оного пересечь Черту и в том случае, если все врата, ведущие в Бэ-хитехвальд, будут уничтожены...»

– Позвольте, позвольте, – забормотал удивленный библиотекарь. – Нет уж, позвольте.

– Не позволю. Не может быть, – уверенно заявил его внутренний голос. – Чушь.

Он был один в огромном помещении, но это его не смуща-

ло. Господин Папата давно привык беседовать с самим собой и к появлению внутреннего голоса отнесся с пониманием.

– Позвольте, – продолжал он, обращаясь к этому своему внутреннему голосу. – Здесь ведь наверняка речь идет об ордене кельмотов. Кто еще знает о существовании Хранителя? Кто еще пересекает Черту?

– Само собой, – откликнулся голос. – Правильно рассуждаешь.

– А это просто ересь какая-то, как ты и говоришь, – подтвердил господин Папата, вооружаясь увеличительным стеклом. – Мы точно знаем, что орден кельмотов был уничтожен в 11151 году от сотворения Ниакроха. И шесть лет спустя никакого великого или любого другого магистра в нем быть не могло.

– Подделка? – усомнился голос.

– Вряд ли. Сей документ пытались уничтожить, зная, что он представляет большую ценность. Многие дорого бы дали за то, чтобы прочесть весь манускрипт. Кто же автор? Как это выяснить?

– Ты больше ничего не замечаешь? – спросил внутренний голос.

– А что я должен заметить?

– Как – что? Неужели имя Топотан не кажется тебе знакомым?

– Батюшки мои! Голова дырявая! – вскричал бедный библиотекарь. – Думаешь, это родственник того самого Топота-

на?

– Уверен. А если учесть, что граф да Унара присылал запрос об ордене кельмотов и лорде Таванеле из Кассарии, где состоит на службе генерал Такангор Топотан, это не может быть простым совпадением.

– Может, – возразил Папата, наблюдавший такие совпадения, что никто бы не поверил, – но это как раз не важно. Даже если это совпадение, то удивительное и не случайное. Внутренний голос подсказывает мне...

– Стоп, – сказал внутренний голос. – Ничего я тебе не подсказываю. Я сам еще не оклемался.

– Не спорь. Куда ты денешься? Я убежден, что мне предстоит сыграть немаловажную роль в этой загадочной истории.

– Какую? – подозрительно спросил внутренний голос, как огня боявшийся всяких тайн и загадок.

– Еще не знаю, – ответил библиотекарь. – Сперва нужно выяснить, что это за документ.

– Манья величия – вот как это называется, – изрек голос.

– Это называется – вера в себя, – ловко парировал библиотекарь.

– На меня не рассчитывай, – заявил голос. – Мне лишние неприятности ни к чему.

– Я осторожно, – пообещал Папата.

– Знаю я твою осторожность. Битый час орешь на весь архив.

– Это мысли вслух.

– Вот все и узнают, что ты замыслил.

– От тебя никогда нет толку, – огорчился библиотекарь.

– Все, – сказал голос. – Я пошел. А то ведь и рехнуться недолго. Раздвоится, понимаешь, личность – и что тогда?

– Ты еще будешь извиняться.

– Ничему тебя жизнь не учит, – вздохнул внутренний голос и исчез.

А господин Папата уселся на пол, среди рукописей и свитков, и принялся подробно изучать обгоревший листок.

* * *

Князь Тьмы не без интереса наблюдал за ходом битвы.

Противник порадовал его, а такое случается не часто. На его памяти подобных великих сражений было несколько: с великими Павшими Лордами Караффа, с мурилийцами, с древними демонами стихий и с объединенной армией Гьянленна.

Вспомнив Гьянленн, владыка ностальгически вздохнул и довольно зажмурился. Вот когда он совершил величайшее деяние в своей жизни. Вот когда его судьба действительно висела на волоске. Молодой и могущественный демон, он бросил вызов существам, которые владели этим миром за-

долго до его рождения. Тогда он поставил на кон все. И выиграл.

Нечто подобное сделал сейчас Кассариец, и втайне, как частное лицо, Князь Тьмы ему сочувствовал. Он хорошо знал, что должен испытывать некромант, и не желал очутиться на его месте.

Да, кассарийские войска теснили его легионы к воде. Да, они наступали. Великолепный минотавр во главе ударного отряда вклинился в ряды демонов, и в образовавшийся пролом хлынули шеннанзинские кавалеристы. А на правом фланге кентавры и кобольды основательно мутузили экоев Наморы Безобразного. И торопился через болотистый лужок, утопая в мягкой земле чуть не по колено, грандиозный кассарийский голем, целя в правый фланг адских войск, возглавляемый Сарганатасом.

Победа, казалось, так близка.

Но уже неся к Безымянному ущелью Пут Сатанакия во главе отборных Огнекрылов и Пожирателей Снов. Могучие и стремительные, они в мгновение ока достигли цели и скрылись среди скал. Даже если бы Думгар повернул теперь обратно, он бы все равно не успел добраться до узкого прохода и остановить врага.

Тылы кассарийских войск остались открыты для нападения и совершенно беззащитны.

А затем герольд Барбосис поднес к губам длинный витой рог и извлек из него протяжный стонущий звук, от которого

кровь стыла в жилах. Повинуясь этому сигналу, адские твари немедленно стали отступать и перестраиваться. И еще один неприятный сюрприз был у Князя Тьмы. На звук рога вышли вперед легионы Эдны Фаберграсс и Моубрай Яростной. Свежие, не бывшие в битве легионы.

Отважная крошечная, измученная последней яростной атакой армия Зелга да Кассара была обречена.

Но одновременно с пением рога Преисподней, даже на мгновение раньше, все усиливаясь и заглушая остальные звуки – и шелест ветра в кронах, и лязг битвы, и крики нападающих, и вой побежденных, – понеслись над Липолесьем голоса горгулий, сплетаясь в дикую, тоскливую и прекрасную мелодию.

* * *

Мы берем орлов и учим их летать строем.

Уэйи Каллоуэй

Никто и никогда в подлунном мире не смог бы свести в одном месте мурилийца и бангасойского демона, страшного зверя Ватабасю и чудовище Ламахолота, жанивашских тварей и горных владык Рюбецаля – и остаться при этом безнаказанным.

Ни одно смертное существо не рискнуло бы поставить их в строй. Тем более – под одни знамена. Никто, находящийся в здравом уме и твердой памяти, не осмелился бы предложить этим древним, могущественным, гордым созданиям одну золотую рупезу за услуги.

И – самое главное. Ни один безумный пророк – даже такой оптимист, как Мардамон, или великий провидец, как Эдна Фаберграсс, – не предположил бы, что все это может им понравиться.

Так что не станем осуждать Князя Тьмы и его великих маршалов за недалёковидность. Они учли все вероятные и невероятные варианты развития событий. Они не предусматривали только того, чего никогда не было и никогда не могло быть.

Вот что значит – не читать свежую прессу, сказал бы на это военный корреспондент Бургежа.

Вот что значит – вовремя ввести военную цензуру, возразил бы на это генерал Топотан.

Как бы там ни было, стратеги Преисподней не подозревали о том, на что способен бригадный сержант Лилипупс, вдохновленный сложностью поставленной задачи и вынужденным продолжительным отдыхом.

Армия, которую еще никто не видел, всегда опаснее.

Тацит

Пут Сатанакия со своим отрядом выскочил в тыл вражеским войскам как раз в тот момент, когда на равнине открылся огромный портал, светящийся золотым и зеленым. На другом конце его хорошо просматривался огромный черный замок с высокими стройными башнями, на которых реяли знамена Кассарии.

Увидев этот портал, Князь Тьмы открыл рот, чтобы сказать «Ого!», но ничего не сказал – высокий статус не позволял ему такой свободы самовыражения. Вместо него «Ого-го!!!» воскликнул верный Барбосис.

Первым из портала выплыл демон Папланхузат, пропажу которого горячими слезами оплакивал богдыхан Амарифа со своим казначеем и всем обездоленным народом. Больше всего он (Папланхузат) напоминал парус корабля небывалых размеров. Огромный, серый, плотный, влажный, парус с язвительной улыбкой и лукавыми раскосыми глазами. Следом за ним грациозно проследовали к месту событий его любимые жены – Киспарна и Нагипарна. Киспарна была больше похожа на темную грозовую тучу, а Нагипарна – на шаровую

молнию, коей, впрочем, и являлась на самом деле.

– Что это? – уточнил владыка Преисподней.

Он отказывался верить своим многочисленным глазам, хотя до этого момента никаких претензий к ним – в отличие от ушей – не предъявлял.

– Судя по виду, демоны стихий, – робко ответил адъютант.

– Сам вижу!!! – загрохотал Князь, поскольку грозный крик самой высшей пробы статус ему позволял. – Откуда они взялись?! Мы же загнали их в... Кстати, куда мы их загнали?

Адъютант растерянно пожал крыльями. Он вообще до этого момента полагал, что демоны стихий были уничтожены во время войны с первородными тварями Ниакроха. И торжественное появление одного из самых могущественных, повелевающего ветрами, громами и молниями, явилось для него печальной новостью.

Владыку Ада подвела привычка свысока смотреть на окружающих. До Преисподней время от времени доходили слухи о странном существе, обитающем в проливе между морями Киграт и Мыдрамыль, но разве скромный заведующий проливом мог привлечь их внимание? Теперь они пожинали плоды собственной высокомерности.

Конечно, Папланхузат разленился и растолстел на службе у амарифских жрецов, избалованный бесконечными жертвоприношениями и подношениями. Добрый и послушный гарем тоже добавлял радости. Киспарна и Нагипарна наконец-то перестали пилить его за то, что он все время таска-

ет их с собой по каким-то сражениям, и с любовью обустроивали дом. Довольство, покой и уют притупили его ярость. Все было бы хорошо в его нынешней жизни, кабы не терзающие душу воспоминания о том, каким невероятным могуществом обладал он и подобные ему прежде. В проливе Ака-Боа ему было не развернуться. Даже самые отчаянные контрабандисты больше не пренебрегали приветливыми амарифскими кассирами и исправно платили пошлину. Порой он ненавидел Князя Тьмы за то, что тот обрек его на тихое и сытое, но прозябание. Порой думал, что, может, оно и к лучшему. Жажда мести уже не пылала в нем, как огромный костер, но все еще тихо тлела под пеплом памяти. Порой он тосковал по звукам битвы, по самой возможности одним движением стереть с лица земли крепость или город. В добрый час появился на пороге храма Попутного Ветра неприветливый тролль с заманчивым предложением повоевать.

А тут еще и жены неожиданно поддержали своего любимого супруга. Им, видишь ли, тоже приелась скучная и однообразная жизнь при храме и бесконечное домашнее хозяйство. Им не терпелось тряхнуть стариной.

Это, собственно, и происходило теперь на поле боя.

Папланхузат взмахнул бесформенными крыльями, расхоталась Киспарна – раскаты грома прокатились над замершей Тутоссой, и вспыхнула невыносимо ярким огнем Нагипарна. Неистовый смерч, возникший из ниоткуда, подхватил опешившего Пута Сатанакию с его воинами, закрутил и по-

ташил в сторону ближайшего болота.

А из портала вырвалось третье войско, не уступавшее размерами армиям Князя, а желанием победить – защитникам Кассарии. Агапий Лилипупс знал, к кому обращаться за помощью.

В короткое время равнина за спиной Зелга да Кассара была заполонена самыми разнообразными существами.

Шагали, будто ожившие латы Аргобба, огромные бронированные мурилийцы, повелители изумрудных глубин, вооруженные кривыми клинками с зазубренными лезвиями. Оруженосцы изо всех сил трубили в витые раковины, оправленные в белое золото и усыпанные аквамаринами. Их звук был похож на крик морского дракона, и у многих демонов, переживших яростную схватку с водными тварями, от внезапных воспоминаний заныли клыки и зубы. Чешуйчатая шкура мурилийцев переливалась всеми цветами морской волны. Только после смерти они приобретают благородный оттенок королевского пурпура.

Следом за ними важно шествовали косматые, необъятные, но удивительно ловкие для своих размеров горные демоны Рюбецаля. Это они составляли ударный кулак войск Павших Лордов; это они разорвали в клочья легионы Саргантаса у подножия Гилленхорма; это их предводитель – лорд Шоша – победил в поединке Девлина Гордого, знаменосца Преисподней, старшего сына Сатарана Змеерукого. Разъяренные и униженные жестоким разгромом в той памя-

ной битве, адские демоны тысячелетиями гонялись за рюбецальцами, пока не истребили самую память о них. За голову лорда Шоши была назначена воистину царская награда, и казначей Тамерлис твердо помнил, что ее тоже кто-то получил. Но если награда была заслуженно выдана убийце, предъявившему Князю рогатую голову его врага, то кто же сейчас громит авангард Падших? Кто это, если не лорд Шоша, горящий жаждой мщения?

Бесконечным потоком струились из открытого портала уродливые жанивашские демоны. Брели могучие бангасойцы. Огромными прыжками преодолел расстояние до врагов уставший от безделья, изрядно проголодавшийся трехглавый Ватабася. Сотрясая землю, прошагал к реке монстр Ламахолота, высоко ценящий закуску из адских тварей и ученых. С гоготом и топотом, порадовавшим бы любого знатока перлиплютиков, кинулись в самую свалку горные тролли, вооруженные корявыми дубинами. Плыли по воздуху элегантные вампиры в черных с лиловым нарядах, посылая грациозные приветствия своему некоронованному королю. И с душераздирающим воем вступили на землю Липолесья три десятка каноррских оборотней с мертвыми белыми глазами.

Затем в ряды демонов ворвался крохотный смерчик. Это взволнованный Ржалис неся по равнине, круша все на своем пути и непрерывно восклицая:

– Ангус!!! Уизбек!!! Эмсик!!! Вы где? Вы живые? Ау!!!

Поскольку бравый капитан предполагал, что Эмсик и Ан-

гус с Уизбеком не вполне живы и не вполне здоровы по вине мерзких демонов, он загодя демонстрировал им свое недружелюбие. Казалось бы, что им его недружелюбие? Но Ржалис был знаменит по всей Тиронге не только своими любовными похождениями и питейным талантом. Демонам его тоска по друзьям вылазила боком.

Конечно, адские летописцы впоследствии поясняли, что урон, который капитан Ржалис нанес легионам Пожирателей Снов, был крайне мал и совершенно нечувствителен. Однако сами Пожиратели придерживались по данному поводу совершенно другого мнения.

И когда поток воинов наконец иссяк, как иссякает музыкант, приближаясь к концу произведения, несравненный Агапий Лилипупс нанес заключительный аккорд. Как и положено доброму пастуху, гонящему свое послушное стадо к водопою, сержант вышел к благодарной аудитории, сияя одной из самых приветливых и добродушных своих улыбок. Эту улыбку до сих пор видели в кошмарных снах доблестные харцуцуйцы, защитники Пальп и атаковавшие Тут-и-Маргор.

Тут к нему подлетел взыскующий военной мудрости Бургежа, и Лилипупс осчастливил его приветственной фразой, идеально подходящей для начала нового абзаца:

– А вот и мы к вам со своей скромной армией.

После чего и началась настоящая свистопляска.

Не успев как следует удивиться присутствию на поле боя непокорных вампиров, из всех форм правления признававших только анархию, князь Мадарьяга увлек их в атаку на полки Кальфона Свирепого и Дюхерста Костолома. Они (демоны) какое-то время сопротивлялись, но когда на горизонте возник сержант Лилипупс со своей бормотайкой и предложил «расстрелять врага силою оружия», началось повальное, хотя все еще организованное отступление.

Бургежа, понявший, что в Агапий Лилипупсе он обнаружил золотое дно, а проще говоря – источник всех мыслимых и немыслимых литературных наград, не отставал от него ни на шаг. Именно бесстрашному лауреату Пухлицерской премии мы обязаны тем, что отдельные высказывания сержанта вошли в историю.

Свалив бормотайкой какого-то особо активного полковника огнекрылов, Лилипупс скомандовал во всю мощь своих богатырских легких:

– Слушай мою команду! Водное препятствие преодолевать быстро и качественно. Кто утонет, потом пожалеет!

Любопытно, что исполнять приказ бросились все – и свои, и чужие. Не то чтобы они вполне понимали, что именно делают. Но это было не важно. Самым важным в ту минуту ка-

залось одно: чтобы сержант Лилипупс остался доволен.

– Как вам удастся добиться такой дисциплины? – спросил восхищенный Бургежа, неимоверным усилием воли возвращая себя от реки обратно, к интервьюируемому.

– Вопрос понял, ответ думаю, – ответил тролль.

И честно задумался.

А его войска с победным ревом катились по равнине. Донельзя счастливые троглодиты верхом на ослике подскакали к трехголовому зверю.

– Вы Ватабася? – смущаясь, спросил Карлюза.

Зверь покивал.

– Изголодный?

Головы снова пришли в движение.

– Ходимте-ходимте, – запели троглодиты. – Имеем вкуснымных предложений.

Никогда еще Ватабася не получал приглашения на такое знатное пиршество. Карлюза с Левалесой предложили его вниманию десяток безголовых бегемотов, запряженных в повозки с боевыми барабанами. Перебравшись на противоположный берег Тутоссы, Ватабася без лишних сомнений кинулся к заждавшемуся обеду и молча вцепился в обвислый зад одного из бегемотов.

Мы только что упомянули, что у того не было головы. Логично предположить, что и визжать он не мог, и размышлять – тем более. Потому что вроде бы нечем. Однако же он проявил необычайную резвость мысли. И, однако же, завизжал.

Да еще как! Ватабася так и остался стоять на месте с разинутыми пастями, а оскорбленный до глубины своей черной души монстр рванул прочь от этого страшного, негостеприимного места, увлекая за собой впечатлительных коллег.

Ничто так не проясняет мышление, как вид конкурента, который хочет сожрать вас.

Уэйн Каллоуэй

Здесь необходимо пояснить, что сии бегемоты были не чета тем, которых вы привыкли наблюдать в зоологическом саду робко прячущимися в тесном бассейнчике. Им и Тегупальпское озеро было по колено. Когда десяток таких тварей скачут по полю, как развеселые свинки, объевшиеся бублихулы, тут не до шуток. А если учесть, что следом за этими бегемотами громяют медные повозки, на которых трясутся громадные гудящие барабаны и отчаянно бранятся в столуженых глоток десятиголовые адские барабанщики... Словом – кошмар! Скандал!

Кстати, о свинках.

Вы никогда не задумывались, отчего именно свиней приглашают разыскивать редкие сорта грибов? Потому что у них прекрасное обоняние, говорите вы? Совершенно верно!!! Так вот, именно это удивительное обоняние и помогло Бумсику с Хрюмстиком издалека учуять доброго и благородного человека, поившего их вкусным вином и кормившего булочками. Нет, они не изменили Такангору – он навсегда

остался их самой большой и незабываемой любовью. Однако же у всех случаются увлечения и сердечные склонности. Капитан Ржалис был слабостью кассарийских хряков.

Заслышав аромат обожаемого дешевого вина и родной голос, звавший Ангуса да Галармона и Эмса Саланзерпа, хряки ринулись навстречу дорогому другу. Нет, они не ждали от него булочек и напитков, они вполне понимали серьезность сложившегося положения, но желали разделить судьбу с тем, кто открыл для них новый и такой разнообразный мир коктейлей. А когда два взволнованных хряка бегут к вам со всех ног, это не Лилипупс заплакал.

Истоптанные Бумсиком суккубы только-только отряхнулись от земли и травы и принялись жаловаться инкубам на горькую долю, как по ним прошлись острые копытца Хрюм-сика.

– Ребятки! – завопил Ржалис, завидев подмогу. – Где Ангус? Искать-искать-искать-искать...

С победным «хру-хру» свины устремились на поиски друга своего друга. И не беда, что два-три десятка демонов пострадали от активных хряков. Главное, что они все-таки вынесли Ржалиса туда, куда он просил.

– Два слова нашим читателям! – Неутомимый Бургежа наседал на Лилипупса, размахивая перед его носом пухлой тетрадкой. – Напутствие молодым бойцам.

– Первой любовью молодого бойца должен стать командир, – чеканил слог бригадный сержант, талантливый во

всем.

– Прекрасно. Лучше не скажешь... Как вы оцениваете будущее Князя Тьмы после этого судьбоносного сражения?

– Какая мне посторонняя разница? – не стал лукавить Лилипупс, орлиным оком оглядывая поле битвы.

Тут он заметил, что отряд амазонок действует не слишком эффективно, расходуя стрелы чуть ли не впустую.

– Смотрим на меня!!! Куда вы стреляете? – завопил он, призывно размахивая бормотайкой и устремляясь в самую гущу наступающих демонов. – Я здесь для чего стою?

Следующий залп вполне удовлетворил его, и он снова обратил внимательный взгляд к специальному корреспонденту.

– Как вы оцениваете действия ваших солдат?

– Не знаю, кого поймать и наградить.

– Говорят...

– Нет, ты на него посмотри! – взорвался Лилипупс, имея в виду какого-то змееголового демона. – В него стреляют, а он бежит навстречу, как будто ты ему посылаешь воздушные поцелуи!!!

– Вот он и угомонился.

– Наконец-то. Давно пора.

Сейчас историки пытаются преподнести, что в тысяча пятьсот каком-то году что-то там было. Да не

было ничего. Все это происки.

В. С. Черномырдин

– Говорят, во время осады Тут-и-Маргора...

– Вранье. Ребята сами пошли в атаку.

– Но летописи подтверждают...

– Это была сильная, подготовленная к трудностям, готовая на все ради победы, бесстрашная армия.

– Очевидцы вспоминают...

– Им память отшибло. Что они помнят?

– Вас помнят.

– Логично. Меня не забудешь.

– Это точно.

– Хотите послужить отечеству?

– Я?!

– Вы, вы.

– Готов. Но пером, а не мечом.

– Да, с мечом у вас не сложилось.

– Такова жизнь.

– Но под чутким руководством...

– Не надо руководства...

– ...Тут-и-Маргор возьмете как миленький.

– Не сомневаюсь.

– Сомнения запрещены уставом. Устав составлял я. Чтобы доступнее.

– Не сомневаюсь.

– Что вы там пишете в своей тетрадке?

– Репортаж.

– А-а, – сказал Лилипупс, поигрывая бормотайкой. – Репортажи я люблю. С места событий, а? Сейчас я схожу в героическую атаку, а вы наблюдайте и подробно записывайте.

– А как же!

– Только слово в слово. Чтобы подвиг не пропал зря. Это такой качественный будет подвиг. Я уже вижу.

– Не сомневаюсь.

– Я пошел.

– Я пишу.

– Строчи-строчи, филин. А то голову отверну.

– Не сомневаюсь, – печально вздохнул Бургежа, не спасовавший даже перед владыкой Преисподней.

Впрочем, ему была присуща не только эльфийская бесшабашная отвага, но и природное филинское здравомыслие. И он четко оценивал разницу в весовых категориях. С адским владыкой Бургежа был готов спорить до хрипоты. С Агапием Лилипупсом предпочитал соглашаться.

Свой репортаж он начал словами: «Харизма – это все».

Если вы поймали слона за заднюю ногу, а он вырывается, самое лучшее – отпустить его.

Авраам Линкольн

Атака решительно удалась.

Борзотар печально кувыкал на самой верхушке обугленного дерева, провожая взглядом ватагу невоспитанных троллей, которые его туда и загнали.

Пут Сатанакия, вылезая из болота, попал в горячие объятия Архаблога и Отентала, из которых так и не вырвался, соблазненный серебряными подковками и бронзовой статуей в Чесучине, а также прощением долга в четыре тысячи тиронгийских рупез. Именно столько патриотично настроенный демон поставил на победу адских сил.

Ватабася с аппетитом догрызал последний боевой барабан и уже бросал заинтересованные взгляды на упитанных рыцарей личной гвардии Князя.

Чудовище Ламахолота своей грандиозной тушей запечатало в расселине тысячный отряд Искусителей с бароном Алгерноном Огнеликим – лучшим топорником Ада. Алгернон рвался сразиться с Такангором, но ему мешала великолепная задняя часть ламахолотского монстра.

Лихое безумие охватило кентавров. После того как у выхода из портала они заметили внушительную фигуру тролля в парадном обмундировании, у них открылось второе дыхание. Несокрушимые прежде враги разбегались от них по

всему полю, а кентавры догоняли их с гиканьем и свистом, молотили передними копытами, лягали, накидывали сети, в коих демоны запутывались так же надежно, как если бы их упаковал Кехертус.

Кстати, Кехертус тоже не бездельничал. Внушительная горка прекрасно упакованных, спеленутых, как младенцы, огнекрылов, преграждавшая путь к обозу, была его лап дело. Высоко подпрыгивая, чтобы разглядеть что-то за горами вражеских тел, Узандаф Ламальва подбадривал героя одобрительными криками.

Бригадный сержант Лилипупс украшал собой самые горячие участки сражения. Всюду он целенаправленно проби- вался к командирам и до многих добрался. Колотя бормо- тайкой по шишковатой макушке одного из офицеров легио- на Предателей, он приговаривал:

– Не питайте иллюзий. Здесь вам не пройдет...

Обмякший демон давно уже ничего не питал, но такая мелочь не могла отвлечь тролля от любимой работы.

С восторгом глядя на этого гения современного боя, Кар- люза деловито застрочил в тетрадке: «Научиться преодоле- вать трудности при помощи самого себя».

Лучше не скажешь.

Пользуясь короткой передышкой, наступившей после прибытия мощного резерва, Зелг стянул с головы шлем и вы- тер мокрое от пота лицо краем изорванного знамени. Впер- вые за последние несколько часов он смог перевести дух

и наслаждался минутами покоя, как гурман наслаждается изысканным блюдом.

Такангор опять не обманул его ожиданий. Он стал чемпионом. Победа досталась Кассарии – в этом не было никаких сомнений. Мурилийцы и рубецальцы уже вовсю орудовали на противоположном берегу, круша личную гвардию Князя. Там же мелькали выкрашенные алым рога генерала Топотана. Ианида припечатала к месту несколько сотен вражеских солдат, и теперь они торчали из воды, как заградительные укрепления, мешая своим же товарищам по оружию добраться до счастливой Горгоны. Счастливой она стала совсем недавно, когда Альгерс проложил к ней путь сквозь вражеский строй и заключил в объятия.

– Я был не прав, дорогая, – молвил кузнец. – Ты не сердишься?

– Нет, дорогой, ты не прав – это я была не права. Я не сержусь, – отвечала она.

С этого момента они стали неразлучны, и несчастные адские твари на собственной шкуре почувствовали, что значит крепкая, дружная, слаженная супружеская пара с давними традициями. Ощутили, понимаешь, силу семьи.

Тут же резвилась довольная жизнью мадам Мумеза под охраной не верящего своему счастью Наморы Безобразного. Увидев суженого в деле, мадам капрал поняла, что приняла единственно верное решение. На этого монстра можно было положиться; и хотя ей не хватало в нем твердости характе-

ра, она решила закрыть глаза на сей мелкий недостаток. Да, он соглашается с ней во всем и готов исполнить любой ее каприз – но кто из нас совершенен? Ради настоящей любви можно и потерпеть.

Мумеза смотрела, как жених сносит с лица земли своих обескураженных сородичей, и думала о том, как странно складывается жизнь. Оказывается, все прошедшие годы ей не хватало этой бесформенной туши, жуткой морды и крохотных желтых лютиков. Ведьма поправила букетик, припиленный к платью, и удобнее перехватила кочергу.

– Мумочка! – тут же заволновался Намора. – Мумочка! Тебе вредно переутомляться. Я сам. Кого ты хотела сокрушить, грозная моя?

– Вон того, – показала она пальцем на особо активного эока, пытающегося добраться до недовольного Карлюзино го осла.

– Я мигом, – кивнул демон и запыхтел к месту событий. – Вот этого?

– И этого тоже. И того, левее.

Бац!!! Хрясь!!!

Демоны бесформенными мешками повалились в реку, под ноги отступающим.

– Ну как? – тревожно спросил Намора, заглядывая в глаза ведьме.

– Неплохо, неплохо, – улыбнулась она. – Ты в отличной форме, пупсик.

– Мумочка!!! – расцвел Намора. И тут же рывкнул: – Да когда же закончится эта битва?!

Представив себе, сколько драгоценного времени он теряет здесь в сражении, когда мог бы с куда большей пользой про- водить его в обществе возлюбленной, Безобразный озверел и пошел в атаку. Надо сказать, что он внес немалый вклад в дело разгрома адских сил при Липолесье.

Зелг видел, как тревожно мечется на своем золотом троне Князь Тьмы, утративший связь с реальностью.

У последнего имелась веская причина скакать на золотом сиденье, как блоха на сковородке. Он не мог поверить, что битва, фактически выигранная им десять минут назад, вдруг обернулась сокрушительным поражением.

– Невероятно!

Князь повернулся на голос. Его собственный маршал, его верный Каванах с восторгом смотрел, как громят его же войска.

– Объясните мне, как это могло случиться?

– Судьба, сир. Судьба на стороне этого малого.

– О чем вы?! – Владыка Преисподней взревел, как раненый дракон. – Вы забываетесь!!! Это я – судьба!!! Это я взвешиваю чужие жизни и смерти...

– Как угодно, сир, – прошипел Каванах, низко склоняя все шесть голов. – Но если сиру будет угодно думать именно так, мы не сможем противостоять новой силе.

– Какой еще силе?

– Той, что на наших глазах зарождается сейчас в Кассарии. Я бы прекратил это избиение, сир, и предложил мировую.

– Мы сотрем их в порошок.

– Не сегодня.

– Я отказываюсь слушать эти паникерские советы.

– Я нем, как рог Барбосиса.

– Да, а где этот бездельник – Барбосис?

– Пошел в расход.

– Куда?!

– Естественная убыль, сами понимаете.

Князь оказался понятливым. Трудно было не понять с такой наглядной агитацией.

– Откуда он взял мурилийцев? – взвыл он через минуту.

– Там же, где и рюбецальцев.

– А этот, Папланхузат, он очень на нас зол? – нервно уточнил Князь, вспоминая, каких трудов стоило ему когда-то уgomонить разгулявшегося повелителя бурь.

– Я бы на его месте рвал и метал и разносил все в клочья.

– Вы правы. Тем он и занят, – грустно согласился владыка Ада, глядя, что творится с его войсками в том месте, где гулял неистовый смерч, внутри которого полыхали голубые молнии. Естественная убыль на этом участке равнины поражала воображение.

Другой, менее упрямый, нежели Князь, тут бы и объявил о том, что признает поражение и желает заключить с против-

ником мир. И ничего не случилось бы. Но история не знает сослагательного наклонения – мысль отнюдь не новая, но все такая же актуальная.

Кто скажет, что в первую очередь учитывают древние пророчества? Неизбежность происходящего в мире или вот эти крохотные детали, влияющие на судьбы мира порой сильнее, чем грандиозные события? Сие нам неведомо. Пророки Каваны надежно хранят свои тайны.

Доподлинно известно только одно.

– Каванах! – сказал Князь чересчур спокойно.

– Да, повелитель.

– Сокрушите хотя бы минотавра.

– Разумно ли?

– Я так желаю!

– Повинуюсь, сир.

И Каванах махнул маршальским жезлом в сторону Такангора, взламывающего топором ровный строй Погонщиков Душ.

* * *

Зелг был крайне удивлен тем, что битва внезапно закипела с новой силой. Конечно, это донельзя обрадовало бригадного сержанта Лилипупса, но что до остальных – они охотно

согласились бы завершить сражение и получить по ставкам. Архаблог и Отентал предвидели, что разъяренные проигрышем демоны попытаются силой отобрать деньги обратно. И как в воду глядели. Ватага незадачливых игроков, понимая, что ситуация складывается совсем не в их пользу, пробралась к полосатым шатрам, желая компенсировать себе испорченные нервы и пошатнувшееся здоровье тысячной-другой в твердой валюте. Они не учли одного: бессменные устроители Кровавой паялпы имели огромный опыт общения с недовольными клиентами всех форм, мастей и весовых категорий. Ни одна уважающая себя касса не оставалась без охраны, и на эту работу привлекались существа надежные и проверенные в боях.

На сей раз Архаблог и Отентал заручились поддержкой двух каноррских оборотней, одного мурилийца, трех рюбецальцев и самого Агапия Лилипупса. Еще в Кассарии они взяли с него клятвенное обещание ближе к концу битвы навестить к ним с инспекционной целью. И он им это обещание дал. Так что потрепанные, злые, разорившиеся демоны столкнулись не с двумя безобидными людьми, но с внушительной силой.

– Питаем грабительские лилюзии? – уточнил Лилипупс, поигрывая бормотайкой.

Он вообще не любил людей, строивших воздушные замки, особенно за чужой счет. Емким словом «лилюзия» сержант определял все – и неоправданные надежды, и радужные

планы, и незаслуженные блага.

Демоны встопорщили шипы и спинные гребни, оскалились и зарычали. Лучше бы они этого не делали. Лилипупс и так волновался, что война вот-вот закончится, а он не успеет как следует разгуляться. А тут шайка каких-то потрепанных голубчиков отвлекает его от подвигов. Поэтому лекция о вреде жадности оказалась на удивление короткой; мурилиц даже обиделся немного, потому что попал в самую гущу событий только к шапочному разбору.

И вот когда Агапий Лилипупс увидел, что все под контролем, успокоился и собрался получить удовольствие от войны в частном порядке, ситуация на поле боя полностью изменилась.

* * *

Молодой некромант так и не понял толком, кто и когда его укусил. Он не знал, где потерял правые поножи и как это могло произойти. Просто вдруг обожгло огнем ногу, а еще мгновение спустя в сапог хлынуло что-то липкое и горячее. И тут же потемнело в глазах.

...Он стоял у ворот неприступного замка, возведенного на самом краю обрывистого утеса. Стены его были сложены из тускло блестящего голубого камня, названия коего Зелг не

знал. От этого складывалось впечатление, что бледно-голубое облако, пролетавшее над вершиной, зацепилось за острые скалы и осталось тут навсегда.

Вокруг было тихо, словно перед рассветом, когда замирает вся природа. Ни ветерка, ни шелеста листьев, ни гомона птиц. Он слышал свое дыхание. Оно было тяжелым, и Зелг никак не мог сообразить, отчего он так запыхался.

Ворота между двух островерхих башен, украшенные бронзовыми фигурами драконов и василисков, распахнулись так же беззвучно, как происходило все в этом месте, и перед молодым герцогом выросли два статных белокурых и синеглазых рыцаря в голубых плащах с алым шелковым подбоем. Они приветливо улыбались ему, как давнему знакомому, которого заждались в гости, и он решительно переступил порог этой гостеприимной обители.

– Наконец-то, – сказал один из рыцарей. – Что тебя так задержало в пути, владыка?

– Мы стали думать, что ты уже никогда не придешь, – подтвердил второй, с поклоном пропуская его вперед.

Зелг хотел спросить, кто они и почему ждут его с таким нетерпением, но некто таинственный, уместившийся в его памяти, говорил, что не стоит этого делать.

– Здравствуйте, – сказал некромант, полагая, что доброе приветствие уместно при любых обстоятельствах.

– Проходи скорее. Он устал ждать. Освободи его.

«Кого?» – подумал Зелг, но снова ничего не сказал вслух.

Странное чувство испытывал он. Этот замок был знаком ему так же, как раньше оказалась знакомой и родной. Касария. Он не любил его настолько же нежно и преданно, но точно знал, что связан с этим местом неразрывными узами.

Шаги рыцарей гулким эхом отдавались под высокими сводами, похожими на ребра древнего чудовища. Замок был пуст и покинут – это Зелг помнил очень хорошо. И при одной мысли об этом у него отчего-то щемило сердце.

Выцветшие шелковые ковры с изображениями старинных битв пылились на облупленных стенах. Небесного оттенка флаги жалко трепетали на холодном сквозняке. Даже рыцарские латы, стоящие в простенках, казалось, сгорбились и поникли от одиночества и безнадежности. В залах пахло плесенью, сыростью и пылью. Почерневшие от времени каминные были холодны, и ни в одном из них Зелг не увидел дров. И герцог не мог понять, что представляется ему более неуместным – сия заброшенная обитель на краю неведомого мира или двое рыцарей, неизвестно как и зачем тут живущие.

Внезапно ему помстилось, что прошло очень много времени с тех пор, как он вошел в эти ворота.

– Мне нужно возвращаться, – сказал он, трогая одного из рыцарей за рукав. – Там идет битва.

– Разумеется. – Оба воина склонились перед ним. – Мы знаем. Освободи его и ступай, а мы снова останемся ждать тебя и охранять твой оплот.

И некромант почувствовал, что каждое слово – истинная

правда, известная ему еще сызмальства и только по непонятной причине забытая. То был его последний бастион, дальше которого невозможно отступить. Он испытывал неловкость, оттого что не помнил, как называется такое дорогое для него место.

– Гон-Гилленхорм, владыка, – шепнул ему на ухо один из рыцарей, словно угадав его смятение. – Башня Лордов. А мы – твои верные Стражи.

– Башня Лордов, – повторил Зелг, как завороченный.

– Крепость Павших Лордов Караффа, – пояснил второй. – Ты ведь помнишь свой дом? Ты не забыл его? Правда?

Герцог да Кассар разлепил пересохшие губы, чтобы сказать, что у него только один дом – Кассария. Но язык его не слушался. Не поворачивался язык сказать такое.

А между тем они спустились в подземелье и теперь шли по длинному темному коридору, едва освещенному светом факелов. Дорога уходила вниз, и в какой-то миг Зелгу стало казаться, что так они дойдут до самого центра земли. Но вместо этого Стражи остановились перед массивной бронзовой дверью, запертой на семь засовов.

– Отпусти его, – сказал один из рыцарей, уступая ему место возле двери.

– Он так долго ждет... – подхватил второй.

– Почему же вы не открыли темницу и не спасли его? – спросил герцог.

– Никто, кроме тебя, не в силах освободить его.

– Разве так бывает? – удивился некромант.

– Чаще, чем ты думаешь, – улыбнулись Стражи.

– И что потом?

– Потом он сможет начать жить, как было предназначено судьбой.

И он понял, что иначе и быть не может.

Неподъемные на вид засовы Зелг отодвинул с такой легкостью, словно они были сделаны из соломы. Тяжелая дверь все так же бесшумно отворилась, и его растерянному взору предстала сырая и мрачная тюремная камера с одним крохотным окошком у самого потолка. Оттуда пробивался узенький лучик сероватого света. В углу камеры, на ворохе пятнистых свалывшихся шкур спал ребенок.

– Великий Тотис, – прошептал Кассар, потрясенный этим зрелищем.

Ребенок свернулся калачиком, обхватил себя руками и вздрагивал во сне. Он что-то тревожно бормотал, и Зелг, не раздумывая, шагнул к нему и подхватил его на руки. Он хотел теперь только одного – вынести бедное дитя на свет, отогнать ночные кошмары, утешить и успокоить.

И тут спящий открыл глаза.

Это были огромные, пронзительные, лилово-черные глаза с золотыми искорками. Ребенок протянул руку и убрал с глаз мешавшие ему волосы – длинные прямые пепельные пряди. И улыбнулся.

– Спящий проснулся, – с трепетом произнесли Стражи,

опускаясь перед Зелгом на одно колено. – Привет тебе, истинный владыка.

В этот момент кассарийский некромант почувствовал сильнейшую боль во всем теле. Рвалась плоть, трещали сухожилия, крушились кости. И он понял, что умирает.

ГЛАВА 19

Услышав дикие крики, доносившиеся из расселины, откуда наполовину торчала туша ламахолотского монстра, Гризольда весьма ими заинтересовалась.

– Кто там? – спросила она, пытаясь заглянуть за спину зверю.

– Я Алгернон Огнеликий, рыцарственная дама, – учтиво отвечал демон. – Я бы хотел с кем-нибудь сразиться.

– Разумное и вполне логичное желание, – согласилась фея. – Что же вас сдерживает?

– Вот это вот естественное препятствие.

Надо заметить, что голос демона звучал несколько сдавленно.

– А что вы вообще там делаете? – уточнила Гризольда, любившая ясность во всем.

– Сiju, как невеста на выданье. Кто придет, тому и достанусь.

Фея окинула чудовище Ламахолота оценивающим взглядом, как портной, которому заказали праздничный кафтан без примерки, и сочувственно покивала.

– Препятствие существенное.

– А вы бы не могли его как-то отвлечь?

– Чем?

– Может быть, каким-нибудь кормом.

– Гризя!!! – вскричал взволнованный Таванель. – С кем ты разговариваешь?

– С потенциальным противником, – не стала таиться фея.

– А зачем?

– Жалко же. Там зря пропадает целая ватага демонов.

– И пускай пропадает. Их и так перебор.

– А вот милорд Топотан сетовал на нехватку врагов. И Лилипупс тоскует.

– Это понятно.

В ходе битвы наметился явный перелом. Выразался он в том, что, завидев издали коренастую фигуру бригадного сержанта с его любимой бормотайкой наперевес, демоны улепетывали во всю прыть.

– Нам его с места не сдвинуть, – признал Таванель, завершив осмотр ламахолотского зверя. – Ему и тут неплохо.

Тут он глаголил, как истинный златоуст. Монстр Ламахолота благодаря своей длинной шее вполне успешно дотягивался до разнообразных демонов, пробежавших мимо расщелины, и поступал с ними по своему, монструозному усмотрению. Он не видел смысла гоняться за жертвами по всему полю – ему и тут было удобно. Сказывалась тысячелетняя привычка: ученых и исследователей, которые в последнее время составляли основу его рациона, ему тоже доставляли, так сказать, на дом. Без всяких дополнительных усилий с его стороны. Ламахолотский зверь не был реформатором и терпеть не мог ломать устоявшиеся традиции.

– А тебе не кажется, что Лилипупс отлично разобрался бы с обеими проблемами? – осторожно спросила Гризольда у своего избранника.

Лорд какое-то время переваривал полученную информацию.

– В чем проблема, дорогая?! – внезапно озарило его. – Позовем сюда господина Лилипупса! Я думаю, он отлично разберется и с нашим милым союзником – своим новобранцем, и с нашими благородными противниками.

– Какой же ты гений! – с гордостью признала Гризольда. – Мне вот никогда бы такое не пришло в голову.

Довольный призрак зарделся, как облачко, подсвеченное рассветным солнцем.

Где-то в глубине расселины кто-то задохнулся от ужаса.

Но судьба оказалась милостива к Алгернону Огнеликому. Агапию Лилипупсу было не до него.

Современники сдержанно признают, что при прочих несомненных достоинствах бригадный сержант не мог похвастаться нездешней красотой. Внешность его, мягко говоря, была на любителя. Даже самые приукрашенные портреты, в основном призванные открыть зрителю прекрасный внутренний мир прославленного героя, говорят о том, что нос у него был слегка сплюснен и не совсем заметен; лицо могло поспорить рельефом с лучшей сковородкой Гописсы; а глаза были немного выпучены – как у рыбы фусикряки, на которую случайно сел зверь Ватабася. Последнее особенно

важно, ибо те же очевидцы вспоминают, что ни до, ни после описываемых событий не видели Лилипупса с такими вытаращенными глазами.

Выпучились же они до чрезвычайности по той причине, что Лилипупс не мог уяснить смысл знаков, подаваемых ему мумией герцогского дедушки. Бывалый доктор Дотт утверждал, что Узандаф да Кассар не взвивался так высоко даже после того, как случайно глотнул гремучую смесь для демонических младенцев из пригубного наливайника.

Мумия скакала и прыгала, как юный суслик по весне, и изо всех сил махала сухонькими ручками. Полы мантии развевались, как крылья летучей мыши, точнее – Птусика, то есть беспорядочно и бессмысленно. При этом дедуля издавал занимательные звуки, послушать кои тут же явился весь хор пучеглазых бестий. Энтузиазм старшего Кассара понемногу передался и им, и они принялись подпевать и повизгивать, внося посильную лепту в исполнение этого уникального музыкального произведения.

Впоследствии, однако, стало известно, что Узандаф Ламальва вовсе не пел, и не танцевал, и даже не привлекал женские особи загадочными телодвижениями, а всего только хотел позвать на помощь. Ибо он первый заметил, что с Зелгом стряслась беда.

– Что с вами, милорд? – заинтересовался Бедерхем, вырастая за спиной мумии. – В вашем возрасте эти перемещения могут смутить морально неподготовленных.

– Зелг!!!

– Его высочество успешно справляется с войной. Вы побеждаете, это очевидно.

– Зелг!!!

– Прекрасно выглядит, всем бы так... вот если бы он еще не расплывался... Отчего он расплывается, вы не в курсе?

– А я о чем?!

– Великий Ад! Что с ним?

– Если бы я знал. Боюсь...

– Боюсь, каким-то образом он не уберется.

– Мало кто, кроме вашего Князя, может пробить латы Аргобба. Он этого не делал. А никто другой и не станет.

– Прошу прощения, Узя, но мы говорим о вашем внуке. Милый мальчик, но доверчив и немного рассеян. Всякий мог его облапошить.

– С него станется. Приведите его сюда! Вы же видите, что творится...

Творилось неладное. Очертания стройной могучей фигуры кассарийского некроманта теряли четкость. Он постепенно превращался в огромное багровое облако, в котором то и дело мелькали лица и морды, крылья и когтистые лапы, чешуйчатые хвосты и силуэты рыцарей. Будто бы всемогущее Нечто, боясь превратиться во всепоглощающее Ничто, искало единственно верную форму.

– Что это с милордом? – подозрительно спросил Такангор. – Ему пора принимать капитуляцию, а он что затеял?

– !!! – откровенно высказалась Гризольда.

– Гризя! – охнул Таванель.

– А что я должна сказать? Какой ужас? Так вот это, к твоему сведению, гораздо хуже.

– Гризенька, но это не повод так выражаться.

Фея нервно всунула в рот трубку и сердито ею запыхтела.

– Неужели все так плохо? – огорчился добрый Фафут.

– Увы, – пожал плечами честный лорд. – Сбывается пророчество Каваны. Боюсь накаркать, но, по-моему, Спящий проснулся.

– И что из этого следует?

Фея вкратце обрисовала сложившуюся ситуацию.

– Поразительно, – изумился господин главный бурмасингер. – Есть у меня один капрал – он тоже не любит рассусоливать. Но чтобы так... Какая сила слова!

– Я процитирую? – спросил Бургежа, устраиваясь на плече графа да Унара.

– Без ссылки на источник, – заволновался корректный Таванель. – Все-таки репутация дамы.

– Я понимаю, – согласился военный корреспондент. – Припишем мне. Мне это можно и даже требуется по условиям, так сказать, игры. Вроде бы я потрясен до глубины души, до самых основ. Читатели любят эту грубую откровенность, эту – временами – неприкрытую правду жизни...

– Сейчас он обернется каким-нибудь монстром, – сказала Гризольда, с тревогой наблюдая за бесконечными пере-

воплощениями Зелга. – Вот вам будет и правда жизни, и последний день Липолесья, и отпевальный конкурс. Всюду успеем.

– А что с ним такое? – заинтересовался маркиз Гизонга. – Мессир Зелг как-то неожиданно переменялся в лице.

Кассар как раз стянул с головы шлем, и над панцирем Аргобба торчала неопишущая морда твари, от которой шарахнулись бы самые пропащие обитатели адской бездны.

– Что значит – этикет, – похвалил Такангор. – Нет чтобы сказать – «дрянь какая», или же «вот это харя». А так нежно, деликатно – «переменялся в лице»... Маменька бы одобрили... Да, я тоже хотел бы знать, что с ним такое? Чего он так переменялся?

– Золотое пламя Ада смешалось с черной кровью некромантов, яд Бэхитехвальда – с голубой водой Караффа, – пояснила Гризольда. – А большего не знает никто.

– Он умрет?

– Надеюсь, нет.

– Мы умрем?

– Надеюсь, нет.

– А конкретнее?

– А конкретнее – караул!!!

* * *

Будущее уже не то, что было раньше.

Поль Валери

Далеко от Липолесья, в библиотеке кассарийского замка внезапно открылась Книга Каваны. Она распахнулась ровно посередине, и абсолютно чистый, слегка желтоватый плотный лист стал заполняться ровными строчками, будто некий невидимый летописец спешил запечатлеть события на память грядущим столетьям.

Но спал тяжелым беспробудным сном ушастый эльф Залипс Многознай; похрапывали гномы, мороки и библиотечные духи. И даже тревожная тень самой любопытной возлюбленной Дотта – той, что с кинжалом в спине, – тосковала по своему кавалеру в тени парковых аллей.

Никто не видел этих огненных, мгновенно проявляющихся и тут же исчезающих рядов букв. Никто не прочитал нового пророчества Каваны...

* * *

Когда встречаются два странных человека, один из них всегда неправ.

– Ты не так прожил мою жизнь, – сказал ребенок. – Я разочарован тобой.

– Это не твоя жизнь, а моя.

– Это наша жизнь. Ты многого мог достичь. А кем ты стал?

– Человеком.

– Нашел чем гордиться, когда Кассария покорилась тебе.

– Не покорилась, дитя, – признала.

– Какая разница?

– Огромная. Я люблю ее, а она любит меня.

– С таким козырем на руках ты мог бы подчинить себе весь обитаемый мир, а ты не завладел даже Тиронгой.

– Зачем тебе Тиронга? Тебе следует думать об игрушках.

– Глупец!!! Ты все еще не наигрался! Может быть, займешь мое место? Что-что, а игрушки тебе туда принесут. Серьезно, Зелг, давай соглашайся. Из нас двоих ты будешь чудесным ребенком, а я тем повелителем Кассарии, которого она ждала веками.

– Ты прав, что я глупец. Зря я отпер двери. Ты должен был оставаться в темнице. Ты мне не нравишься, дитя.

– Я – это ты. Полноценный ты. Ты сам запер меня в этой неприступной крепости, сам поставил Стражей и сам приказал себе все забыть, потому что боялся меня. Боялся себя!!!

– Не зря ведь боялся.

Говорят, что судьбу кассарийского некроманта должен был решать слуга Павших Лордов. Но...

Долгожданный мир был заключен прямо на кассарийском поле, когда Князь Тьмы грустным голосом зачитал заявление о полной и безоговорочной капитуляции адских войск.

– И с этого знаменательного момента они – наши лучшие друзья, хотим мы того или нет, – подытожил он.

Потрепанные легионы его подданных с пониманием вникнули. Такой чрезвычайной сговорчивости демонов предшествовали несколько ключевых моментов.

Во-первых, обнаружив, что один из его вернейших слуг, Намора Безобразный, не достиг успеха на правом фланге, повелитель ада поинтересовался, а почему, собственно.

Адъютант замялся.

– Князь Намора сменил ориентацию, – признался он после длинной и неловкой паузы.

– В каком смысле?

– В том, что он переметнулся на сторону противника.

– Предатель!

– Не совсем. Он обрел там свое семейное счастье.

– Где?

– На стороне противника.

– Вот беда, – вздохнул владыка. – Но если задуматься о великолепной Нам Као...

– То лучше о ней не задумываться, – быстро сказал Тамерлис. – Не люблю, когда меня гнетут тяжкие думы.

– Да, – признал адъютант. – Нет прощения предателю Наморе, но понять его можно.

– Положим, – согласился Тамерлис. – Но если мне не изменяет зрение, то могучий Флагерон тоже отчего-то нападет на своих.

– Истинно так, – подтвердил Каванах Шестиглавый. – Мне только что доложили. Большое горе. Я потерял одного из своих лучших гвардейцев.

– Что с ним?

– Сменил ориентацию.

– Тоже переметнулся на сторону противника?

– Хуже того, влюбился во вражеский халат. Заметьте, без взаимности.

В этот момент Князь Тьмы понял, что утратил контроль над происходящим, а это и есть настоящее поражение. Все остальное – только его материализация.

Так что ни повторный визит Птусика, переполошивший его телохранителей; ни трогательное предложение Мардамона пожертвовать золотой трон на переплавку для возведения лучшей в мире пирамиды его, Мардамона, имени; ни появление двух милых троглодитов с одним невоспитанным ослом в поводу, щебечущих о своем на непонятном языке, уже не

могли его удивить.

Князь Тьмы понял, что попал в некий странный мир, действующий по совершенно иным законам. В мир, где всей его власти не хватило для того, чтобы разобраться с одним безумным летучим мышем, не говоря уже о победе в войне. В мир, где неукротимая мощь адского пламени не имеет значения; где какие-то вредоносные силы то и дело воруют у него из-под носа напитки; и где правят бал веселый рыжий минотавр с папенькиным боевым топором да мрачный, недружелюбный тролль с бормотайкой.

В довершение всех бед приземлился на подлокотник его трона тот самый черный халат с синими глазками и спросил:

– Пульс пощупаем?

– Грррр-рр, – сказал Князь.

– Дожили... – Доктор Дотт потрепал его за оттопыренное ухо. – Даже рывкнуть как следует не в состоянии. Вот вам мой дружеский совет: сворачивайте это бездарное предприятие и – отдыхать. Баиньки то есть. Потому что здоровье, как говорится, не купишь. Бамбузяки накапать?

– Травите? – печально осведомился Князь.

– Ни-ни. Проявляю человеко, то есть в вашем случае демонолюбие и милосердие. На вас же без слез смотреть нельзя.

– Правда?

– Чистая, как слеза феникса.

– А мне никто не говорил.

– А кто вам скажет? Вы же сразу «хватать» – и готово. Все жить хотят.

– А вы?

– А я чем хуже? Я, когда был жив, тоже хотел. И прекрасно понимаю ваших подданных.

И доктор недовольно поцокал языком.

– Что? – встревожился Князь. – Плохо?

– Да чего уж хорошего? Вот понервничаете еще часок, и получится то же, что с мессиром Зелгом.

– А что с ним? – наострил уши демон.

– Да вон он клубится посреди равнины. Сам на себя не похож. Сейчас прибудет сюда, истреблять всех и каждого.

Князь Тьмы посмотрел туда, куда указывал рукав халата, и обмер. Багровое до черноты клубящееся облако разрасталось на глазах. Оно вовсе не казалось бесплотным, как привычные всем облака, и даже не таким осязаемым, как материя, из которой состоял Папланхузат и его любимые жены. То была глыба истинного мрака – того самого, коего так боялся Форалберг и о власти над которым мечтал сам повелитель Ада.

– Что это с ним? – спросил он, ужасаясь увиденному.

– Разозлился, – пояснил добрый доктор. – Вот и Мардамон не даст соврать.

– Жаждет жертв, – подтвердил жрец, измеряя веревочкой левую руку владыки Преисподней. – Иди, говорит, Марда-

мон... Это он мне говорит... Иди и без достойной жертвы не возвращайся.

– А отчего так взволнован достойный Узандаф да Кассар?

– За вас тревожится. Он Зелгу – пора войну заканчивать и по домам. Ужин, дескать, скоро, а у нас на руках два некормленных минотавра да два голодных хряка. Это же просто конец света будет. А Зелг ему – камня на камне не оставлю, все в порошок сотру и уже тогда вздохну с облегчением. А Узандаф за ваших волнуется – родня как-никак. Не хочу вас огорчать, но и это еще не самое страшное.

– А может случиться что-то еще?

– Может, когда сюда доберется наша хлебопекарная рота во главе со славным Гописсой. Гописсу знаете?

– Нет.

– Счастливцев. Вот лучше и оставайтесь в неведении, – мурлыкнул Дотт, одним махом внося доброго трактирщика в список самых почитаемых монстров Ниакроха.

Князь еще раз бросил быстрый взгляд на Зелга, на мечущуюся в обозе мумию, на спешащего к хозяину Думгара и крикнул:

– Герольдов ко мне! Мы отступаем!

– Приятно иметь дело с разумным существом, – похвалил его добрый халат. – Правда, Мардамон?

– А как же жертва?

– Не тереби мессира, – строго сказал Дотт. – Пошли. Я тебе подберу что-нибудь подходящее.

– Да?

– Я когда-нибудь обманывал твои ожидания? Скажи мессире «до свидания» и не морочь ему голову. Всего доброго, ваше величество.

– До свидания, – с невероятным облегчением выдохнул Князь. – Большое вам спасибо.

А про себя подумал, что вполне логично влюбиться в этот достойный халат с прекрасными синими глазами.

* * *

Агапий Лилипупс соображал на редкость быстро.

Он сразу уловил связь между непонятными знаками, которые из последних сил подавал ему Узандаф да Кассар, удивительными переменами во внешности молодого некроманта и решительным броском, который совершил в сторону последнего демон Бедерхем.

В обычной ситуации Зелг не смог бы оказать Бедерхему достойного сопротивления. С одной стороны, у них была разная квалификация. С другой – герцогу помешало бы университетское воспитание. Но в эту минуту сознание Зелга да Кассара находилось довольно далеко от Липолесья – в голубом замке на вершине горы. И сражение, которое он вел в этой крепости, было страшнее того, в котором он только что

принимал участие.

Одна часть его разума и души рвалась на волю. Она хотела явить себя миру во всем блеске и величии. Но другая отчаянно сопротивлялась. Зелг откуда-то знал, что может причинить массу хлопот и неприятностей своим друзьям, если поддастся этому искушению.

Трудно бороться с самим собой. И очень раздражает, если кто-то неделикатно вмешивается в процесс, отвлекая на пустяки.

Некромант только отмахнулся от назойливого демона, не желая причинить тому вреда, но Бедерхем оказался отброшен назад к обозам и впечатался в телегу с запасными щитами с такой силой, что щиты со свистом вознеслись к облакам.

– Обращаю внимание на климат, – флегматично заметил Лилипупс. – Падают осадки в виде щитов и прочее.

– Что? – изумился Галармон.

– Голову берегите.

– Он перевоплотился, – выдохнул Бедерхем, когда взволнованная мумия добежала до него. – Я боюсь причинить ему вред. И боюсь, что он причинит вред мне. Нужно звать Гампакорту с Мадарьягой и Такангора.

– Сейчас пошлю Гризольду.

– И побыстрее. Кто знает, сколько он еще продержится. Мальчик и так совершает настоящие чудеса.

Словом, тролль понял, что герцог да Кассар как бы не в себе и старшие по званию не знают, как удалить его с поля боя.

Лилипупс немного обиделся, что к нему не обратились за советом. Кто, как не он, лучше всех умирлял пьяных капралов и зарвавшихся аздакских великанов; кто выносил из трактиров разгулявшихся полковников с их героическими подчиненными и укладывал ровнехонькими рядами? Впрочем, настоящий солдат не ждет, когда его персонально попросят о помощи. Бескорыстное служение отечеству – вот его девиз. И Лилипупс замахал Кехертусу.

– В чем дело, дорогой мой? – спросил паук. – Мы с дядей Гигапонтотом хотели послушать речь Князя.

– А что он говорит?

– Сдается. Но очень достойно и трогательно. Хороший оратор. И вам рекомендую...

– Некогда. Есть дело.

– Какое дело? Вы что, не знаете? Война уже закончилась. Мы победили.

– Если вы мне сейчас не поможете, она снова начнется, – твердо пообещал Лилипупс.

– Что я должен делать? – только и спросил Кехертус.

– То же, что и всегда. Только очень тщательно.

– Не понял.

– Ничего. Сейчас вам все станет ясно.

И в ту минуту, когда над латами Аргобба снова возникла чудовищная морда неизвестной науке твари, бригадный сержант, точно прицелившись, шмякнул бормотайкой по ее темени.

– Ать! – сказал Зелг и осел на землю.

Никакое волшебное заклятие не подействовало бы на него с такой же силой. Эффект от бормотайки случился чрезвычайный. Он пришел в себя, взял себя в руки и спешил поведать об этом всем лично заинтересованным, но не учел важного фактора.

Увидев знакомое, хотя и слегка перекошенное лицо мессира, тролль обрадовался. А вот поняв, что герцог еще пытается говорить, напротив, огорчился. Обычно фокус удавался с первого раза. И тут было задето его профессиональное самолюбие.

Со словами «крепкий человеческий материал» он ударил вторично. Этого удара не выдержал бы никто – ни Князь Тьмы, распинаящийся сейчас о дружбе между народами и добрососедских отношениях; ни Судья Бедерхем, выковыривающий остатки телеги из зубов; ни зверь Ламахолота, пытающийся опознать в Алгерноне Огнеликом настоящего ученого...

Зелг охнул и потерял всякое сознание – и свое, и то, второе, терзавшее его еще минуту назад.

– Пакуйте! – скомандовал Лилипупс, и Кехертус с невероятной скоростью заработал лапами.

Когда Такангор с Гампакортой подбежали к своему господину, он ничем не отличался от прочих тучков с кассарийским имуществом. Разве что с почетом лежал на отдельной повозке под неусыпным присмотром дедушки и собственной

Газета «Королевский паникер», № 161

НОВОСТИ ДНЯ

Сплетни и комментарии

Одной из главных сегодняшних новостей стало сообщение газеты «Быбрькым» о том, что в проливе Ака-Боа были потоплены семь иностранных кораблей, пытавшихся миновать Амариф без уплаты положенной пошлины. В последнее время подобное поведение сходило мореплавателям с рук, однако вчера вечером ситуация кардинально изменилась. Невесть откуда налетевший ураган в щепки разбил торговые корабли Гриома и Тифантии – по странному совпадению, самых злостных неплательщиков. Остальные суда были отнесены штормом в море Мыдрамьль, далеко от караванных путей, где их сегодня и обнаружили амарифские маги. Очевидцы отмечают невиданную грозу, сопровождающуюся невероятными молниями.

Сегодня же утром к храму Попутного Ветра потянулась вереница жрецов и верующих со щедрыми дарами. Официальный Багдалил объявил нынешний день Днем националь-

ного возрождения. По этому поводу в столице Амарифа наблюдаются массовые празднества и гулянья.

Папланхузат вернулся?!

К вашим услугам! «Мардамон и бестии».

Ритуальные и погребальные танцы. Отпевальные вечера.

Спешите к нам!

Не проходите мимо!

Не менее занимательны новости из нашей столицы. Сегодня все газеты Тиронгии сообщили о помолвке мадам Мумезы Зутпемеи и адского Наморы Безобразного. Счастливая невеста является капралом кассарийских войск, заслуженным героем нескольких славных кампаний. Жених, как вы понимаете, демон. И вполне оправдывает и свое имя, и свой титул. Дата свадьбы пока что не определена.

Богатеем вместе!

Прикоснись к счастью – купи адскую облигацию!!!

Продажа на любых условиях.

Ажиотаж на рынке магических товаров и услуг. Значительно подешевели услуги демонов-убийц, демонов-воров, магов и прочих. Специалисты растерянно объясняют резкое понижение цен сезонными скачками, однако сие объяснение представляется нам неубедительным. Представители геен-

ны огненной хранят единодушиное молчание.

Лауреат Пухлицерской премии, всенародно любимый Бургежа неожиданно выступил в поддержку института военной цензуры и горячо одобрил действия генерала Топотана в ходе Липолесской кампании. Выход специального выпуска журнала «Сижу в дупле» с уникальными материалами о ходе войны между адом и Кассарией откладывается на неделю.

«Пасека на колесах» предлагает вашему вниманию!

В продажу поступили модные этим летом продольно-полосатые пчелы.

Еще одна сенсация! Генерал Такангор Топотан и генерал Ангус да Галармон были замечены нашим корреспондентом в кофейне «Гурмасик» в компании очаровательной дамы-минотавра. Нам удалось выяснить, что это и есть отважная рыцарственная дама Цица, которая командовала правым флангом кассарийских войск в битве при Липолесье. Генералы от комментариев воздержались.

Лучший подарок молодоженам!

Набор заводных детей.

И в самом конце этого обзора «Королевский паникер» за-

дает вопрос, который терзает каждого мыслящего гражданина Тиронги. Отчего до сих пор не объявлено празднование победы нашего кассарийского кузена над адскими супостатами? Отчего его величество Юлейн еще не выступил с поздравительной речью? Почему газеты ничего не пишут о триумфальном возвращении победителя в родовое гнездо?

Что происходит в Кассарии?

ЭПИЛОГ

За кефир отдельное спасибо всем.

М. Жванецкий

Кровать тряслась, подпрыгивала и ходила ходуном.

Это было странно, если вспомнить, что необъятное высокое ложе весило столько, что в спальню его в свое время втащили исключительно при помощи магических заклинаний. Теперь же оно скакало, будто утлая лодчонка в бушующих волнах, и Зелг получил отличную возможность досконально и поэтапно разобраться в том, как развивается морская болезнь.

Он попытался ухватиться руками за края постели, чтобы придать себе хоть немного устойчивости, но его ожидало жестокое разочарование. По каким-то таинственным причинам руки его не слушались. Складывалось впечатление, что они намертво приклеены к бокам, и он не мог пошевелить даже мизинцем. Герцог удивился и предпринял попытку номер два: теперь он желал подвигать ногами. Ноги отказались повиноваться ему с той же непочтительностью, что и собственные руки, и он на них обиделся.

– Люли-люли, – произнес кто-то нежно.

Постель, между тем, заштормило так, что Зелга кидало из

стороны в сторону, и он испугался, что сейчас слетит с нее на пол.

Голова утопала в подушках. К тому же какой-то умник додумался по самый подбородок укутать его во что-то мягкое, пушистое и жаркое. (Впоследствии выяснилось, что это шесть самых теплых зимних одеял, которые только смогли отыскать в замке.) Молодой некромант обливался потом, задыхался и – что показалось ему наиболее отвратительным – не мог произнести ни слова. Челюсти его оказались крепко, хотя и совсем безболезненно стянуты чем-то эластичным.

Впору паниковать, но сквозь щелочку между ресницами – открыть глаза не мешало ничто, кроме жесточайшей головной боли, которая терзала беднягу с самого момента пробуждения, – он видел смутные силуэты знакомой мебели и расплывающиеся очертания родных лиц.

Зелг голову бы дал на отсечение (вот, вот он, немного радикальный, зато действенный способ избавиться от невыносимых мучений), что находится дома, в собственной спальне, в окружении близких, и ничто ему не угрожает. Впадать в отчаяние не стоит, однако и успокаиваться нельзя. Что происходит вокруг? Землетрясение? Последний день мира? Демоны вторглись в Кассарию? Но тогда бы слышались какие-то звуки, кроме тихого бормотания дедули, жужжания Гризольды и довольного мурлыканья, которое мог издавать только доктор Дотт, намертво прикипевший к источнику эфира.

Вот что-то негромко заметил Думгар, а вот послышался и голос Такангора – хриплый и сорванный в битве, но вполне узнаваемый. И довольно спокойный.

Что же с ним, Зелгом, случилось такое, что он валяется в постели, а все собрались вокруг, как возле смертельно больного? И чем закончилась битва?

Кассар смутно помнил, как ворвался во вражеские ряды, сея «смерть и разрушение». Ну, во всяком случае, демоны отчего-то выглядели испуганными. Всплывали в памяти отдельные эпизоды – Папланхузат, азартно мутузящий какого-то адского полководца; дикие крики безобразного демона, за которым гонялась по всему полю не менее безобразная демонесса; толпы странных существ, валящих из портала, более похожего на воронку смерча... И внезапный мрак, которому предшествовали снопы искр из глаз и незабываемое ощущение в затылке.

Его посетили одновременно две мысли.

Мысль первая: может быть, контузия?

Мысль вторая: выиграли, что ли?

– Люли-люли. Птуси-птуси-птуси.

Тут постель выкинула такое антраша, что несчастный герцог взлетел вместе со своими одеялами и подушками, словно на гребне океанского вала, а затем приземлился обратно, чтобы принять вынужденное участие в дальнейших скачках с препятствиями по пересеченной местности. Шлепнувшись на перину, как беспомощная медуза, выкинутая штормом на

каменистый берег, он протестующе замычал.

– Вот! – ликующе вскрикнул Узандаф, и звуки его голоса болезненным эхом отдались в каждом закоулке бедной Зелговой головы. – Я же говорил – тишина, полный покой и крепкий сон быстро приведут его в чувство.

Тут волшебным образом челюсти некроманта освободились от стягивающей их повязки, и он хотел было задать первый вопрос, но даже застонать как следует не успел. Могучая сила заставила его открыть рот, и туда хлынула теплая тягучая жидкость, хуже отвратительного запаха которой был только ее омерзительный вкус.

– Бр-р-р, – изрек герцог, когда у него перестали слезиться глаза и он снова обрел дар речи.

– Я же говорила, ребенку холодно! – рявкнула Гризольда, пыхая трубкой.

О, сказочный запах ее табака, которому позавидовал бы любой пиратский капитан, Зелг не мог спутать ни с чем.

Сверху на страдальца шлепнулось что-то мягкое. Судя по весу – несколько покрывал сразу.

– Ему нужно тепло и свежий воздух, – настаивала Гризольда.

Комната утопала в клубках табачного дыма.

– А может быть, все-таки жертву? – неуверенно предложил Мардамон.

– У него жар, – авторитетно заявил Дотт, – потрогайте его голову кто-нибудь. Да не ты, Думгар! Да не Мардамона!

Прозрачный туман на миг коснулся лица некроманта. Затем голос лорда Уэрта Орельена да Таванеля произнес:

– Ему нужно дать жаропонижающее.

– Я верю в зелье бабки Бутусьи! – возопил Дотт.

Больной нуждается в уходе врача, и чем дальше уйдет врач, тем лучше для больного.

Челюсти Зелга снова разжали, и следующая порция ужасного пойла устремилась в рот. Если бы спросили его мнения, то веру в бабку он стремительно утрачивал с каждой каплей.

– Тьфу, буль-буль, тьфу! – поделился некромант последними впечатлениями.

– К нему возвращается сознание, – обрадовался Узандаф. – Он уже адекватно оценивает реальность. Теперь главное – это покой и щадящий режим.

Кровать запрыгала с удвоенной энергией. Если бы Зелгу сказали об этом минуту назад, он бы просто не поверил. Он до последнего уповал на физические законы, управляющие мирозданием. Но что-то в окружающем пространстве их попросту игнорировало.

– Ммм-мм, – попытался привлечь он внимание окружающих. – Мм-мм.

– Ребенок хочет молока, – сразу отреагировала Гризольда.

– Или музыки, – предположил Узандаф.

– Узя, какая музыка в его состоянии? Он, конечно, хочет молока.

– Или мугагского, – высказал мнение Такангор, свято ве-

рящий в целебную силу алкоголя.

– Молоко вредно, – заметил Дотт. – Мугагское еще рано. Не ровен час, снова утратит контроль. А вот немного восстановительного зелья бабки Бутусьи никому не повредит!

– Нет! – замычал Зелг, отчаянно пытаюсь открыть рот.

– Давайте снимем повязку, – предложила добрая душа. – Он вроде бы больше не опасен.

– Если что, – буркнул Лилипупс, о присутствии которого герцог до сих пор не догадывался, – бормотайка с нами. Сразу предохраним его спокойствием.

Теперь Зелг постиг причину своей невыносимой головной боли да внезапного нагрянувшего мрака, и она ему не понравилась.

– Э-эх, – вздохнул он.

Что приблизительно означало: «Эх вы, как же вы могли такое со мной учинить, а я-то считал вас друзьями и не ожидал подобного свинства с вашей стороны. От кого угодно ожидал, только не от вас. Вот обижусь и уйду от вас куда глаза глядят – возможно даже, что и на край света. Будете тогда жалеть, но поздно...» Ну и далее по тексту.

– Шипит? – насторожилась Гризольда.

– Дышит, – успокоил ее Дотт.

– Так никто не дышит.

– Никто не дышит, а он дышит.

– А почему с таким шипением?

– Дышит, как может.

– Но это же ужасно.

– Я не понимаю, мадам, вы хотите, чтобы он вообще никак не дышал?

– Милорд ужарился, – раздался у изголовья робкий голос Карлюзы.

– А я бы настаивал на приличной, солидной жертве.

Зелг удивился еще раз. Он всегда знал, что спальня у него просторная, однако даже не предполагал, что настолько. Кажется, тут умудрились собраться все без исключения обитатели замка.

– А я думаю, нужно пустить ему кровь, – произнес до боли родной голос Мадарьяги.

Герцог хотел сказать: «Не надо», но у него вышло: «Н-нада».

– Вот видите, он сам хочет, – возликовал вампир. – И главное, не нужно специально кого-нибудь вызывать.

– Милорд Зелг уpekся, – уже громче повторил Карлюза.

Некромант попытался просигнализировать о своем согласии с этим мнением и мелко затряс головой.

– Его знобит, – выкрикнула Гризольда. – Вот, разве не видите? Трясется. Медицинский ежеквартальник «Иностранное тело» в подобных случаях советует утеплять.

Плюх! Сверху шлепнулось еще одно покрывало, и Кассар понял, что умрет странной смертью – растает под одеялами, как снег в костре, и от него останется только лужица воды да пара косточек.

– А я бы все-таки пустил ему кровь.

– Жер-тву! Жерт-ву!! Жертву!!!

– Только покой, только приятные ощущения, полная телесная расслабленность и душевный комфорт.

Ду-дух! Бздын! Ду-дух! Бздын!

Постель стучала об пол с такой силой, как если бы армия демонов била в ворота замка тараном в ритме популярной песенки.

Голова у Зелга закружилась. Голоса доносились до него, как сквозь толстый войлок.

– А я бы, с позволения генерала, еще раз приложил бормотайкой, для надежности, – вставил веское мнение бригадный сержант Лилипупс.

– Нет, кровопускание еще никогда и никого не подводило. Все болезни снимает, как рукой.

– Вместе с пациентом.

«А это кто?» – слабо удивился Зелг.

– Зелье бабки Бутусьи!

– Тепло! Горячее молоко с маслом и медом, шерстяные носки и грелку на живот! – голос Гризольды.

– Тогда надо смешать с бамбузьякой и живопузным настоем...

– На нем уже есть две пары шерстяных носков!

– Наденем третью!

– И бормотайкой!

– Прохладить в колодце с утопликом и на ветерок, – снова

Карлюза.

– Жертву бы надо все-таки, я бы советовал, – бормотал Мардамон. – Очень помогает от простуды.

– От какой простуды?!

– И от всего остального помогает.

– Только покой!

– Люли-люли! – сказал добрый голос Такангора. – Люли-люли!

И опять – с удвоенной энергией: Ду-дух! Дух! Бздын!

– Люли-люли! Люли-люли!

Генерал Такангор могучею рукою качал громадное ложе, как колыбельку.

– Нет, – едва простонал Зелг, – это сказка...

Он хотел поведать миру, что все это вместе похоже на страшную сказку, что его следует немедленно освободить и по крайней мере выслушать, потому что он тоже имеет право голоса в этом консилиуме и, наверное, получше других знает, жарко ему или холодно, плохо или хорошо...

Он бы все это, конечно, сказал. Непременно. Если бы появилась такая возможность. Но за ним зорко следили любящие друзья и родственники, с готовностью откликающиеся на любое его движение, стремящиеся выполнить малейшее желание – и точно знающие, что для него лучше.

Бац! Узандаф ловко придержал рот в открытом состоянии, и доктор Дотт влил туда новую порцию лекарства, в котором многострадальный кассариец угадал смесь горячего

молока, меда, живопузного настоя, лекарственной бамбузяки и всепобеждающего зелья бабки Бутусьи, чтоб ей триста раз икнулось за такую пакость.

Если вам когда-нибудь предложат на выбор сие чудодейственное средство или смертную казнь, смело выбирайте последнее. Не пожалеее.

– Люли-люли! – нежно сказал Такангор, с непрости-тельной легкостью отрывая злополучную кровать от пола и притопывая копытом. – Мы хотим сказку. Сказочку. Ну, слушайте, давным-давно, когда в Алаульской долине жили предки минотавров...

– Сказку, – протянул Лилипупс в сомнении. – А это нор-мально? Может, все-таки разок бормотайкой? Дополни-тельно? Для верности?

* * *

ЛЕГЕНДА ОБ ОДИНОКОЙ КОРОЛЕВЕ

В незапамятные времена, когда солнце было не золотым, а изумрудным, небо – розовым, деревья – сиреневыми, а бур-

но кипящее море катило валы винного цвета, племена, живущие в Алаульской долине, поклонялись великому богу Тавриэлю и его прекрасной жене Эрен. Велик, могуществен, благороден и добр был отец воителей и героев Тавриэль. Невзростной красотой и добрым нравом славилась всемогущая Эрен, богиня плодородия и покровительница матерей. И народ минотавров процветал под их властью.

Одна беда была у Тавриэля и Эрен: сами они – могущественные и бессмертные божества – никогда не могли иметь детей. И сколько бы ни мечтал верховный бог алаев о наследнике, сколько бы чудес ни сотворила для смертных его великолепная супруга, все казалось бесполезным. Будто кто-то еще более сильный и могущественный обрек их на вечность, исполненную горя и бесплодной мечты о недоступной им радости. Но никто из рийцев и алайцев не верил в богов иных, кроме Тавриэля и Эрен. И не знал существ выше их.

Тавриэлю и Эрен некого было просить о милости и некому было возносить молитвы.

И так случилось однажды, что в одном из алайских племен появилась на свет прекрасная Мея. Темнее безлунной ночи были ее глаза, круче молодого месяца – ее рога, розовее утренней зари – ее губы. Стан ее тоньше кипариса, улыбка ее яснее рассвета, ресницы – гуще зарослей бублихулы, и может она соперничать красотой с бессмертными богинями – вот что говорили о ней сказители. И они же твердили, что

нет, не было и не будет на земле смертной девы, прекраснее этой.

Услышал Тавриэль одну из их песен и спустился на землю, дабы узнать, что за нездеишняя красота вдохновила певца и неужто впрямь смертная дева Мея красивее его супруги Эрен.

Он пришел к ней под видом молодого пастуха и спросил воды. Вынесла Мея полный ковш воды, посмотрела на прелестного юношу, шутки ради подарила ему поцелуй и в тот же миг полюбила его на всю жизнь. А Тавриэль полюбил ее и в день новой луны взял ее в жены. И в ту же ночь понесла ребенка прекраснейшая из дев Алауля.

Великое счастье испытал Тавриэль, когда узнал, что у его смертной супруги родился здоровый и крепкий сынишка. Говорят, солнце в тот день не заходило дольше обычного, а звезды и луна сияли ярче. Все цветы, сколько ни есть их на свете, расцвели пышным цветом, дабы обрадовать взор счастливой матери; все сладкоголосые птицы пели, чтобы усладить ее слух. Мир и радость воцарились в Алаульской долине, ибо не было среди смертных и бессмертных в ту пору существа счастливее бога Тавриэля.

Но не было никого несчастнее его божественной супруги Эрен. Долгое время бедная богиня не знала, что ее возлюбленный муж предал ее. А узнав, столь же долгое время отказывалась верить. И хотя преданные младшие божества и духи рассказывали ей о союзе, который Тавриэль заключил с

Меей, все прощала ему любящая жена. Но не выдержало ее сердце боли, когда она услышала, что Тавриэль стал отцом, а смертная разлучница – матерью.

И когда счастливый Тавриэль вернулся в свои небесные чертоги и возлег рядом со своей божественной супругой, спросила его Эрен:

– Любишь ли ты меня по-прежнему, единственный и бесценный муж мой?

– Да, – отвечал Тавриэль, не ведая беды.

– Исполнишь ли ты мою просьбу, как обещал, беря меня в жены? – спросила Эрен.

– Приказывай, возлюбленная моя, – отвечал на то Тавриэль.

– Поклянись же самым дорогим, что есть у тебя.

– Клянусь, любовь моя, – пообещал бог, не ведая, какую западню расставила ему обманутая супруга.

– Так убей же Мею, прекраснейшую из смертных, и принеси мне ее сердце, – попросила Эрен.

Ужасом и болью исполнилось сердце великого бога, но не мог он отказать жене своей, ибо виновен был перед нею. И потому не мог отказать, что поклялся своим единственным сыном – самым дорогим, что у него было на этом свете.

– Я выполню все, что ты пожелаешь. Но и ты клянись, что исполнишь мое желание, – молвил он.

И столь велика была жажда мести, что Эрен поклялась

ему не раздумывая.

– Обещай мне, что любящей матерью ты станешь моему сыну и наследнику, как если бы то было наше с тобой желанное и вымечтанное дитя, и что ни один волос не упадет с его головы.

Вот что пожелал Тавриэль, и Эрен подтвердила свою клятву.

Той страшной ночью тьма упала на Алаульскую долину – ни луны, ни звезд не видали на черном и мрачном небе; а утром над ней не взошло солнце. То тосковал бог Тавриэль, вырвавший из груди возлюбленной смертной ее нежное и любящее сердце. А сына его, Тавромея, добрые духи отнесли в священный лес, где заботилась о нем верная Эрен, которую покинул разгневанный и оскорбленный Тавриэль.

Шли годы, и вырос полубог Тавромей могучим и прекрасным. Он был точной копией своего небесного отца, и Эрен полюбила его всем сердцем. Всю любовь и нежность, преданность и верность, каких не дождалась она от Тавриэля, дал ей юный Тавромей. Однажды стали они мужем и женою, и небеса благословили сей странный брак. Бесплодная доньне Эрен понесла ребенка. И от этого союза родился величайший царь минотавров, знаменитый полководец и великий герой Тапинагорн.

Тапинагорн совершил множество подвигов, победил сонмы чудовищ и расширил границы царства Рийя во все стороны света. Гордились своим повелителем минотавры и да-

ли ему клятву вечной верности. Тавриэлем и Эрен поклялись они, что только потомок Тапинагорна, в чьих жилах течет его благородная и божественная кровь, сможет править их народом. И в знак своей вечной верности лучший кузнец Рийи выковал Тапинагорну корону. Тот, кто владеет этой короной, владеет Рийским троном.

Говорят, что благосклонные родители дали в жены Тапинагорну деву божественной крови, и потомство их было подобно бессмертным прародителям, а не смертным соплеменникам. Великие дела уготованы были судьбою детям и внукам Тапинагорна.

Многие века прошли с тех пор, и однажды трон Рийского царства заняла прекрасная молодая королева. Старики говорили, что унаследовала она лучшие черты своих предков – богов Тавриэля и Эрен. Что давно уже не рождалась в Алаульской долине такая красивая и могучая дева. Минотавры слагали о ней легенды и песни, многими подвигами прославилась она, и все полагали, что она достойна памяти Тапинагорна. Всякий владыка, чародей или рыцарь мечтал стать ее супругом, но ни на ком из минотавров не остановила она свой благосклонный взгляд, а правила в одиночку – мудро и справедливо.

Так тянулись долгие годы, пока однажды не явился в Рийю странствующий рыцарь, который покорило сердце прекрасной королевы. Она предложила ему стать ее господином и возлюбленным, но отказался гордый рыцарь и отпра-

вился восвояси. Не хотел он получить корону Рийского царства таким путем, ибо считал, что недостойн ее.

Недолго тосковала прекрасная королева, а отправилась на поиски своего избранника, презрев власть и богатство и покинув одно из величайших государств мира ради бессмертной любви.

Никто не знает, что было с нею дальше. Одни предания гласят, что она нашла своего возлюбленного, прожила с ним долгую и счастливую жизнь и умерла на чужбине, не открыв свою тайну потомкам. Другие утверждают, что рыцарь этот пал в бою с врагами задолго до того, как королева отыскала его следы, и что умерла она вдали от родины, в тоске, нищете и забвении. Никому, кроме бессмертных богов, неведома правда. Известно лишь, что верные подданные, провозжая в путь свою владычицу, отдали ей легендарную корону Тапинагорна и пообещали, что будут хранить верность ей или детям ее, когда бы они ни вернулись в Алаульскую долину. Тот, кто предъявит венец первого царя минотавров, тот и будет признан их законным повелителем.

Но давно отрезан от прочего мира континент Корх. Давно корабли смертных не пересекали Бусионического океана. Во всем Ниакрохе только дети и поэты верят в то, что существует на самом деле Алаульская долина, где до сих пор живы древние боги и где из поколения в поколение пересказывают легенду об Одинокой королеве, ее несчастной любви и о короне Тапинагорна, что принесет обладателю один из

самых великих тронов подлунного мира.

– Ну что, – спросил Такангор, – понравилась сказка?

– Мы еще не уверены, – хрипло ответил Зелг, – но мы слушали очень внимательно. Очень.

– Кто – мы?!

– Волки. Все волки Канорры.

Конец второй книги

Послесловие к роману:

Что бы с нами ни происходило, жизнь только начинается.